Белов Василий Иванович
Когда воскреснет Россия?

Служба Василия Белова----------2

Часть первая. Раздумья о дне сегодняшнем----------4

Догорающий Феникс----------4
Двухвековой юбилей Пушкина----------8
Гримасы двуликого Януса----------18
Архитектура и государство----------21
Акциз----------24
Спасём язык - спасём и Россию----------28
Король голый...----------30
Кое-что о рождаемости----------32
Похвала современному депутату. Вместо рецензии на книгу Л.А. Тихомирова----------38
И возникла мода----------43
Древо зла----------45
Окопы третьей Отечественной----------48
Так хочется быть обманутым...----------52
Забвение слова----------63
Из пепла...----------65
Циники и симплициусы----------71
Чиновники----------87
Стыдобушка----------91
Мелодия родины----------93

Внемли себе. Записки смутного времени----------99

Часть вторая. Отступать некуда. Интервью, беседы, выступления-----102

Из выступления на II съезде народных депутатов СССР----------102
Прислушаемся к себе...----------104
Россия ещё скажет своё веское слово. Выступление на внеочередном Съезде народных депутатов----------106
Несвободная свобода----------110
Хватит сидеть в темноте. Выступление на Русском соборе----------111
Нет сил молчать----------114
Будущее зависит от вас----------117
Жить надо по-человечески. Вернее, по-божески----------119
Молюсь за Россию. Беседа с Владимиром Бондаренко----------122
Я верующий и грешный----------136
Отступать некуда!----------137

Часть третья. Соприкосновение с прошлым----------140

Дважды в году - весна...----------140
Дорога на Валаам----------156
Слово к Москве----------161

Часть четвёртая. Духовные скрепы. Из очерков о народной эстетике «Лад»----------190

О народной скульптуре----------190
Изуграфы----------191
Рождённый неповторимым. О художественном образе----------197
Голос, рождённый под Вологдой. Из повести о композиторе Валерии Гаврилине----------201

Служба Василия Белова

Я познакомился с Василием Ивановичем Беловым в 1970 году. В составе советско-болгарского клуба молодой творческой интеллигенции (был в то время такой клуб, созданный комсомолом и делавший чрезвычайно полезные дела, одно из которых и, пожалуй, главное - правильно ориентировать в искусстве и жизни и сводить вместе молодые русские таланты) - так вот в составе этого клуба встретились мы в самолёте, летевшем во Фрунзе, теперешний киргизский Бишкек, а там поселились в одном гостиничном номере. И этот день оказался днём рождения Василия Ивановича. Мы решили отметить его вдвоём и, чтобы не разглашать факт такого события, заперлись в номере. Но надолго ли хватит русского человека для сокрытия подобного факта - и уже часа через полтора дверь наша, как и душа Василия Ивановича, была нараспашку, а в номере стоял густой гвалт.

Почти всё, что печаталось у Белова, я к тому времени знал. Прочитал и книжку рассказов под названием «За тремя волоками», и «Привычное дело», и «Плотницкие рассказы», и «Бухтины вологодские». Белова читала тогда вся Россия, не знать его считалось неприличным. И я, только-только начинавший писать, вчитывался в его страницы особенно внимательно, пытаясь разгадать магию его слова.

«Деревенская литература», как мы помним, начиналась с публицистики В. Овечкина, А. Яшина, Г. Троепольского, Ф. Абрамова, Е. Дороша… Потом пошла проза тех же имён да ещё В. Тендрякова, Б. Можаева, В. Астафьева, необычайно богатая по слову, живая, полнокровная, народоносная, но и несколько суровая, как и сами авторы, за исключением, пожалуй, В. Астафьева, несколько «настоятельная». Василий Белов (ещё Е. Носов и В. Лихоносов) внесли в неё чувствительность, нежность, особую душевность и сладость деревенской жизни.

Сколь многие тысячи, уверен, миллионы не смогли сдержать сердобольных слёз над судьбой Катерины и Ивана Африкановича, над участью коровы Рогули, такого же члена их большой, спаянной природным единородством семьи, и сколь многие до слёз смеялись над завиральными бухтинами Кузьмы Ивановича Барахвостова и над нешуточным соперничеством, пронесённым сквозь всю жизнь, Олеши Смолина и Авинера Козанкова. Благодушно и мудро с первых же своих работ Василий Белов как бы уравновесил жизнь: сколько в ней трудностей, горя, отчаяния, столько и радостей, счастья, надежды. Можно, конечно, задаться вопросом: где они, эти благодатные слёзы над могилой Катерины и над рассказами Олеши Смолина, почему не дани они урожайные всходы, если в конечном итоге всё свелось к тому, что мы сегодня имеем? И где оно, благотворное и учительное влияние литературы, если густой чащей взошли развращённость и жестокость? Да ведь не нам знать, что сталось бы с людьми без этого учительства и без этой молитвы и можно ли сегодняшние нравы принимать за

окончательный результат? Может быть, по-прежнему «нам не дано предугадать...».

За тридцать с лишним лет нашей с Василием Ивановичем дружбы и однополчанства в литературе я только всё более убеждался в том, что удалось увидеть и разгадать в нём с первых же встреч. Чистую, почти детскую душу, для которой мир и его обитатели не могли сноситься, как у иных, до ветхости (качество для писателя бесценное), - душу, которую он точно бы и сам стесняется в своём почтенном возрасте, маскирует её в строгость и ворчание и никак не может замаскировать. И неизменную цепкость в наблюдениях над всем происходящим, неиссякаемый интерес к большому и малому вокруг, желание участвовать в событиях, вмешиваться во всё, что происходит не по чести и совести. Неистовость в работе, способность быть хозяином времени с помощью жёсткого распорядка, талант, помимо художественного, вовремя увидеть главное и выстроить своё «собрание сочинений» в точном соответствии с импульсами духовной и социальной судьбы народа. И справедливое, нисколько не завышенное, но и нисколько не заниженное ощущение своей особливости и значимости, способность распорядиться славой не для себя, а для общего дела.

Я бывал у Василия Ивановича в Тимонихе и видел, с каким почтением и с какой любовью относятся к нему земляки, с которыми он знакомил меня, как радетельный староста, в чьём распоряжении оказались хозяйственные и личные заботы односельчан. Я бывал в Тимонихе, а он дважды приезжал ко мне на Байкал и, уже защитив свои северные реки от поворота на юг, помогал защищать и наше «славное море». В Югославии перед поездкой из Папе от Радована Караджича в Сербскую Краину нас предупредили, что дорога опасна и проходит она через линию фронта, но Белов только ещё упрямей сдвинул брови: поедем. За городом Брчко, обезлюдевшим и затянутым дымом пожарищ, по нашему микроавтобусу принялись лупить с обеих сторон, со стороны хорватов и со стороны мусульман, а у Василия Ивановича загорелись от возбуждения глаза, когда шофёр, маневрируя, то резко тормозил, когда нас брали «в вилку», то бросал вперёд машину на огромной скорости.

В 1989-м мы сознательно пошли в народные депутаты, чтобы не оставаться сторонними наблюдателями того, как «перестроечную» страну терзают обнаглевшие «ястребы» и «крысы», а Василий Иванович пошёл ещё и в Верховный Совет. Дважды мы вместе напрашивались на приём к Горбачёву, надеясь добиться ответа, что происходит, и Василий Иванович всякий раз прихватывал с собой с просветительской целью малоизвестные тогда книги Ивана Ильина и Ивана Солоневича. Наивные люди, мы ещё питали надежду, что подобных-то знаний, вероятно, не хватает президенту, чтобы разобраться, куда править и с кем водить дружбу. Входя первым, выталкивая перед собой массивную тяжёлую дверь, Белов сердито говорил Горбачеву: «Что это у вас дверь такая тугая?»

В 91-м, в начале сентября, он сказал в телекамеру, когда рассчитывали застать его растерянным и испуганным: «Сожалею, что

моей подписи не оказалось под «Письмом к народу». Я и сейчас готов его подписать».

Писательство для Василия Белова - это заступничество за народ перед сильными мира сего и против подлых этого мира. Всё, что написано Василием Ивановичем - от «Привычного дела» до «Канунов» и от детских рассказов до публицистики последнего десятилетия, от первой книжки стихов и до воспоминаний о Шукшине и Гаврилине, с которыми он был очень дружен, - всё в воспитание, остережение и защиту своего народа. Иной службы для себя Василий Белов не знал.

Валентин Распутин

Часть первая. Раздумья о дне сегодняшнем

Догорающий Феникс

С чего начиналось уничтожение вековой крестьянской культуры? Конечно, с попытки окончательного уничтожения религиозного православного сознания.

Большевики наивно предполагали, что с физическим уничтожением православных священников и православных храмов исчезнет и православное сознание. Гражданскую войну они продолжили войной против Церкви, что неминуемо привело их к новому противостоянию с русским (и не только русским) крестьянством, а, следовательно, и крестьянской культурой. Тысячи монастырей были переоборудованы в тюрьмы и концентрационные лагеря. Тысячи каменных церквей и соборов были взорваны и разобраны. Тысячи деревянных часовен были превращены либо в агитпункты, либо в ларьки для алкогольной торговли. Те культовые здания, что остались, были закрыты и осквернены.

Но храм для крестьянской общины (деревни, сёла, прихода) был средоточием жизни. Вокруг него формировались не только духовное поле, культурно-бытовая аура, но даже и чисто материальная, архитектурная среда. Вертикаль, венчающая деревенский пейзаж, являлась зримым, вполне осязаемым воплощением вертикали бытовой и культурной. Деревенские природно-стихийные певцы естественно участвовали в церковных хорах, изучали нотное пение, художники не только любовались церковной живописью, но и сами тянулись к творческому созиданию, к чему-то более высокому и совершенному. Суворин, редактор дореволюционной газеты «Новое время», в письме к философу и писателю В. В. Розанову напоминает, что лишить Россию православия - это всё равно, что лишить каждую деревню оперного театра. (В таком сравнении чувствуется смещение в иерархии ценностей, но оставим это на совести самого Суворина.)

Одной из главных задач большевистского Агитпропа, а также Союза безбожников, возглавляемого Ем. Ярославским, было разорвать годовое кольцо православных праздников. Для этого в сельский и городской быт всеми силами внедрялись новые атеистические праздники вроде дней международной солидарности. Затем, уже при Хрущёве и Брежневе, то и дело учреждались всевозможные Дни, вплоть до Дня торговли, милиции, нефтяника и т. д.

Надо признать, что задача, поставленная Ярославским, не была решена. Праздники, которые русским народом праздновались со времён святого Владимира, остались в народном быту. Их можно было уничтожить только вместе с самим народом, к чему стремились большевистские культуртрегеры, что, на мой взгляд, в значительной степени и произошло.

Отмена традиционных праздников в России была всего лишь частью централизованной борьбы с крестьянской культурой, проявляющейся в земледелии, в строительстве, в художественных промыслах, в семейном укладе, в песенном творчестве и т. д. Преследовались даже традиционная народная пляска и традиционные музыкальные инструменты. Но главный удар по русскому народному творчеству нанесли клубная деятельность и так называемая художественная самодеятельность. С помощью клубов, изб-читален, «красных уголков» большевики взяли под властный централизованный контроль всю крестьянскую культуру да, пожалуй, и всю народную жизнь. Коварство заключалось в том, что клубная сцена тотчас разделила народ на исполнителей и зрителей. Если раньше такого разделения не было, если в уличном хороводе участвовали буквально все, и это не противоречило лидерству и проявлению индивидуальной талантливости, то теперь большинству народа отводилась пассивная роль зрителей.

Сцена, клубные подмостки чётко противопоставили активного исполнителя и пассивного слушателя (зрителя). Эта активность меньшинства имела зачастую политический оттенок. Без уличного всенародного хоровода или гулянья творческие задатки большинства подсыхали на корню, вырабатывалось стойкое культурное иждивенчество. Другая (малая) часть населения, представленная так называемой «художественной самодеятельностью», развращалась под всеобщим вниманием, а под усиленным идеологическим контролем сверху быстро теряла свой культурный и творческий потенциал. С появлением радио и кинематографа клубная деятельность захирела и сузилась.

Особенно значительными оказались потери крестьянской культуры в музыкальной сфере и в сфере художественных промыслов. За короткий срок почти совсем исчезла великая стихия русского мелоса. Через кино, радио и телевидение была навязана иная музыкальная стихия, чуждая не только крестьянскому, но и всему народному духу, его менталитету, как принято сейчас говорить.

Традиция русской крестьянской общины совмещала (и очень прочно) бытовые, трудовые, религиозные, фольклорные особенности крестьянской жизни. Взаимосвязь, тесное и причудливое переплетение одного с другим, невозможность существования одного без другого - характерная черта всей крестьянской культуры. Труд не выделялся из быта в нечто самостоятельное. Все бесчисленные формы и проявления можно смело назвать трудом, и, наоборот, большинство трудовых процессов на гумне, в поле, в доме имели фольклорно-бытовые и потому неназойливые черты, благодаря чему даже тяжёлый мускульный труд приобретал свойство не тяжёлой обязанности, а лишь повседневной привычки. И всё это сопровождалось словесным, музыкальным, изобразительным и прочим творчеством, всё дополняло и усиливало друг друга, образуя прочнейший монолит народной культуры.

Сложная многокрасочность, «кристаллическое», так сказать, многообразие, многогранность составляющих ничуть не вредили

единству. Наоборот - содействовали. Большевики в жажде РАЦИОНАЛЬНОГО УПРОЩЕНИЯ устранили многообразие крестьянской жизни. Сократились и выцвели не одни только праздники, обеднели и сами будни. Молот технического прогресса довершил дело: крестьянская культура начала стремительно растворяться в едких растворах технической цивилизации. Коллективизация и нарочитая урбанизация, судорожная «тракторизация» и безграмотная химизация - все эти неестественные процессы были навязаны крестьянству извне, навязаны централизованно и весьма настойчиво. Насилие над крестьянской культурой, навязывание народу иного жизненного стиля, иных поведенческих мотивов отнюдь не ограничились периодом коллективизации и раскулачивания (1928-1930 гг.). Менялись лишь формы угнетения и способы грабежа. Реквизиции, расстрелы и тюрьмы дополнились лесозаготовками, трудгужповинностью, налогами и поставками.

Война, разумеется, усугубила физические и нравственные страдания русского, украинского и белорусского крестьянства, ускорила его численное сокращение. Геноцид продолжался. Методы Розенберга (его теоретические изыскания и рекомендации оккупационным немецким властям) по сути, не противоречили недавним действиям Кагановича на Украине и Юге России.

После войны сидевшие в учёных и управленческих креслах наследники Троцкого - Кагановича продолжили классовую линию по отношению если не ко всему крестьянству, то, по крайней мере, к народной, крестьянской культуре. В экономическом смысле эти деятели лишь трансформировали политику 30-х годов. Коллективизация продолжалась на ином уровне. Шло как бы перманентное раскулачивание. При Хрущёве государство раскулачивало уже не семьи, как бывало в 28-30-х годах, а раскулачивало, объединяло (коллективизировало) уже сами колхозы. Чуть позже по рекомендации группы учёных (под руководством академика Заславской) правительство объявило НЕПЕРСПЕКТИВНЫМИ многие тысячи крестьянских селений. Что значила эта псевдоурбанизация при жёсткой плановой экономике - не так уж и трудно представить. В моём родном Харовском районе с 1950 по 1982 год число крестьян сократилось более чем в два раза (в 1959 г. было 30,5 тысячи, в 1982 - 14,5 тысячи). Примерно за это же время (плюс военное время) в Вологодской области пашенная земля (несмотря на всё возрастающее количество тракторов) сократилась на 400 тысяч га, заросло кустарником 250 тысяч га покосов, площади пастбищ, по данным ЦСУ, уменьшились с 815 тысяч до 317 тысяч га.

В послевоенной деревне условия стойкой оседлости были окончательно уничтожены. Вымирание и миграция крестьянского населения настолько ослабили общинные и семейные связи, что преемственность поколений в трудовом, нравственном и художественном воспитании молодёжи совершенно исчезла. Сократилось число детей в семьях. Участились разводы, стала модной супружеская неверность. Ужасающую бедность правящие круги уравновешивали массовым

спаиванием: эта дьявольская симметрия создавала видимость социальной устойчивости. (Цифры, характеризующие потребление полуголодным народом крепких алкогольных напитков, фантастичны). Нравственное и физическое изнурение крестьянства усилено было двойной, совершенно непосильной трудовой нагрузкой - днём надо было работать в колхозе (для содержания городов и рабочих посёлков), вечером и ночью - на приусадебном участке (для собственного жизнеобеспечения). Но даже в такой обстановке, когда нечего есть, не во что обуться, когда физическая усталость и просто нет свободных минут, не обрывалось в нашем народе извечное стремление к добру и ко всему прекрасному…

Беспристрастной науке ещё предстоит изучение интереснейшего явления в государственной политике пришедших к власти марксистов. Речь идёт о постоянном несоответствии интересов большевистского Агитпропа экономическим устремлениям правительства. Это противоречие сказывалось повсюду и на каждом шагу. Почти все действия Союза безбожников, ЧеКа, движения «Синяя блуза», комсомола, юных пионеров и прочих более мелких подразделений Агитпропа, который насаждал так называемую «новую» и выкорчёвывал так называемую «старую» культуру, шли во вред экономическому здоровью общества, хозяйственному благополучию государства. Экономические успехи, достигнутые не без помощи штурмовщины, кампанейщины, каких-то партизанских наскоков, то и дело оборачивались провалами, бесполезной тратой народной энергии.

Марксистская идеология вошла в жёсткое противоречие с народной, в том числе с крестьянской культурой. Стройная многоступенчатая система идеологического оболванивания, руководимая космополитской верхушкой, опиралась на местных активистов. Умный и от природы талантливый активист испытывал мучительное чувство двойственности: на митинге говорил одно, дома или в гостях у родни - совсем иное. На семинаре в городе учат силосованию, дома в деревне приходится косить на сено и т. д. По этой причине талантливые активисты, искренне присягнувшие марксизму, частенько попадали в тюрьму, и на их месте тотчас же оказывались нечистоплотные авантюристы.

В 20-30-х годах централизованный симбиоз ЧеКа - Агитпроп родил отвратительную систему рабкоровского движения. Полуграмотные и нравственно ущербные люди, оказавшись в тайных списках рабкоров, писали в редакции газет обычные доносы. Эти подлые сообщения печатались в газетах без подписи под различными псевдонимами. Такие печатные сообщения сопровождались немедленными репрессиями, реквизициями и даже расстрелами. От одной безграмотной записки какого-нибудь «Гвоздя» или «Шила» начиналась в сельской общине цепная реакция злобы и ненависти. Нравственные противоречия между честными и жуликами, между трудолюбием и ленью большевистская пропаганда выдавала за классовую борьбу в городе и в деревне.

Наряду с физическим развращением молодёжи (спаивание, свобода добрачных половых отношений, аборты) происходило развращение иного

рода: нравственная порча духовно крепких, давно сложившихся личностей, например, ИСКУШЕНИЕМ ВЛАСТЬЮ. В понимании русского крестьянина личная власть - весьма опасное дело. Здравомыслящий человек никогда к власти не стремился. Лишь в том случае, когда крестьянский сход (мир, общество) ПРИГОВАРИВАЛ человека к власти (староста, бригадир, председатель колхоза), лишь в таких вынужденных случаях духовно не опустошённый человек соглашался стать местным лидером, руководителем, т. е. обладающим властью. Разница между нравственным и безнравственным человеком весьма определённая, если говорить о личной власти: один искренне всеми силами отказывается, когда его ставят, например, в бригадиры, другой же напрашивается сам (либо стремится стать бригадиром тайно, с помощью интриг). Мир же (крестьянский сход, общее собрание) - прекрасно чувствует эту разницу и всеми известными ему средствами стремится поставить в начальники именно первого, а не второго. В нормальных условиях обуреваемый тщеславием и жаждущий власти замолкает, а между крестьянским сходом и крестьянским избранником происходит короткая, но достаточно драматическая борьба, похожая на ритуал крестьянской гостьбы, когда хозяин, поднося чарку, изо всех сил потчует гостей, а гости всячески отказываются пить (выигрывают все, а более всего - народная нравственность).

Древнейшие традиции крестьянского схода были вначале извращены с помощью института уполномоченных, затем и вовсе похерены, когда удобные и компактные хозяйства правительство объединило в громадные неуправляемые или перевело в совхозы, где, как на фабрике, действует непререкаемая власть директора.

От русского схода ничего не осталось, поскольку совхозные собрания проходили под руководством районных уполномоченных и милиционеров. Председатель колхоза был фигурой вполне трагической, потому что находился между антинародной властью и самим народом. Народ стремился поставить в руководители честного и опытного, но честный человек вынужден был обманывать вышестоящую власть. Иначе он бы не мог сохранить народное доверие и народное уважение. Такой человек либо очень скоро уходил с поста, либо развращался. Искушение властью выдерживал далеко не каждый. Поэтому в колхозах царила хозяйственная неразбериха, процветала кадровая обезличка, вызванная постоянной сменой кадрового руководства. Так, в моём родном колхозе за период с 29-го года по 70-й побывали в председателях более тридцати человек. Они сменялись чуть ли не ежегодно, причём вовсе не обязательно на годовом отчётном собрании. Колхозная действительность то и дело опровергала старые истины вроде той, что «на переправе коней не меняют». В деревне Тимонихе ещё до войны в бригадирах побывал едва ли не каждый мужчина. (После войны бригада в Тимонихе исчезла, т. к. сократилась, а мужчины погибли, ни один с войны не вернулся.)

Итак, новая марксистская идеология оказалась для крестьянства смертельной, она и вытеснила древнейшие разнообразнейшие проявления крестьянской культуры. От христианского прихода ничего не

сохранилось, от крестьянской общины остались одни отголоски, жалкие и, тем не менее, жизнеспособные росточки мощной и самобытной культуры.

Церковные и бытовые обряды, народные обычаи, существовавшие ещё с дохристианских времён, копившиеся веками трудовые навыки, ремесла и художественные промыслы - всё это было или уничтожено, или обескровлено. Священника на селе заменил комиссар (позднее - парторг). Крестьянский сход уступил своё место митингу.

Индивидуальное соперничество в быстроте и качестве труда Сталин умело использовал для внедрения потогонного соцсоревнования, которое очень быстро выродилось в бессмысленную погоню за дурным количеством.

Возрастная и семейная иерархия подверглась дискредитации и осмеянию на государственном уровне. Женщин изо всех сил пытались противопоставить мужчинам, молодёжь - старикам, детей - родителям.

Нравственные понятия извращались даже с помощью экономических рычагов (налог с холостяков). Вспомним частушку недавних лет.

Задушевная подруга,

До чего мы дожили:

Которо место берегли,

На то налог наложили.

Нынче способы уничтожения народной крестьянской и вообще национальной культуры завершились полной механизацией идеологической обработки. Кино, радио и телевидение сделали ненужными «красные уголки», «стенгазеты», «чёрные» доски. Теми же электронными средствами была свершена стремительная подмена богатейшей музыкальной и песенной крестьянской культуры эрзацами культурной химеры.

Произошло отчуждение народа от собственных культурных источников, и это отчуждение сродни отчуждению крестьянина от земли. В культуре, да и вообще в жизни, появились уже элементы и признаки резерваций, когда подлинным и массовым ценностям национальной (крестьянской) культуры придаётся как бы музейный, т. е. частный характер.

Внимательному наблюдателю нынешнее состояние дел в стране не внушает пока оптимизма: демократический натиск на крестьянскую культуру ничуть не слабее коммунистического.

Погром всё ещё продолжается.

Явственно видно, как догорают последние золотые перья сказочной птицы Феникс...

Двухвековой юбилей Пушкина

«Емеля, Емеля! - думал я с досадою. - Зачем не наткнулся ты на штык или не подвернулся под картечь? Лучше ничего не мог бы ты

придумать». А.С. Пушкин. «Капитанская дочка»

Не так давно, чтобы обмануть бдительных демократических цензоров, покорный ваш слуга пошёл на мелкую хитрость: вздумалось ему с помощью «Парламентской газеты» привлечь внимание законодателей ко Льву Александровичу Тихомирову. Затея была не столько забавна, сколько бесполезна. Депутатам не до государственного строительства… Читать такие толстые книги им лень, да и времени нет. Но кто знает? Из нескольких сот современных политических деятелей, патриотов-депутатов и губернаторов, болеющих за судьбы России, может быть, хоть один-два внимательно прочтут книги Тихомирова, изданные журналом «Москва». Нельзя сказать, что в современной России совсем не издаются нужные и толковые книги. Но фигура умолчания зловеща, хотя и кратко временна…

Л. А. Тихомиров говорил, печатаясь в журнале «Русское обозрение» и полемизируя с русскими либералами ещё в конце XIX века (то есть более ста лет назад): «…от варварского очарования внешним блеском культуры у нас обыкновенно оказывались способны отрешаться только крупнейшие наши люди - Герцен, Достоевский, граф Л. Толстой». Этот список, конечно, можно было начать с великого Пушкина, двухвековой юбилей которого Россия пытается праздновать. Почему использовано слово «пытается»? Можно бы всерьёз поспорить на эту тему… Отложим спор до лучших времён. А пока отметим, отпразднуем этот величайший юбилей настолько, насколько мы в силах… Беда в том, что русские вообще относятся к юбилеям спустя рукава.

Поезжайте в любую сторону сильно урезанной современной Руси! Человека, не помнящего, сколько ему лет, вы встретите в любом городе, в любой деревне. Спросишь: «Бабушка, сколько тебе лет?» - «А Бог знает», - скажет она, носом пошмыгает и начнёт вспоминать, кто крестил, да какая шла война, кто из родных сам пришёл домой, а кого привезли, а кто так там и остался. Отец, муж или брат родной тотчас встревожат старухе чуткую, даже острую память, но сколько ей самой лет, она так и не вспомнит. Все её круглые даты, то бишь личные юбилеи, пролетали мимо неё. Пословица «счастливые часов не наблюдают» произошла очевидно от этого свойства простонародного быта, но сказать, что старуха прожила счастливую жизнь, было б явной натяжкой. Да и что значит «счастливая» жизнь? Сие тоже ещё неизвестно…

Равнодушие православного человека к своему возрасту непонятно для русских атеистов из «культурной», интеллигентной среды, ежегодно отмечающих свои дни рождения. Иностранцы же, особенно те, что, подобно Адольфу Кюстину, приезжают в Россию с неблаговидными целями, считают такую «забывчивость» признаком «русского варварства». Другой Адольф оказался пострашней Кюстина. Пушкинскую «Капитанскую дочку» этот также вряд ли читал, а если и читал, то ничего в ней не понял. (Один Савельич растолковал бы фюреру о русском характере больше, чем Кант и Ницше вместе взятые.) Да что говорить про закордонных ницшеанцев, если и сами-то русские патриоты подзабыли

Савельича, Петрушу Гринёва, капитана Миронова! И студентам прославленных университетов, и думским говорунам, и академическим философам простодушно кажется, что всё это они давно знают, проходили, дескать, ещё в семилетней школе.

Само собой, наплевать бы нам подряд на всех адольфов, но вспомним, что и у «варваров» России, и у «цивилизованных» европейцев отсчёт времени идёт с Рождества Христова. Не знаю, как считают свои века буддисты, магометане, евреи, а христиане отсчитывают свои века именно так. Сказать иначе, с того момента, когда в пещере, среди домашних животных девой Марией рождён был Богочеловек. (Читай о веках у митрополита Иллариона в его «Слове», переложенном на нынешний язык Юрием Кузнецовым.)

Православный пастух (он же и хлебопашец) в трудовом годовом цикле ориентировался постами. Время именовалось неделями. Горожанин также мерил свою жизнь неделями, вернее, промежутками между двунадесятыми праздниками. Каждый день в неделе ознаменован был именами святых мучеников и страстотерпцев. Но поскольку в основании православной веры всегда лежала борьба с многочисленными страстями, то день рождения младенца и называется Днём Ангела. Иногда родители, не соглашаясь со святцами, выбирали ребёночку другое имя, и тогда день рождения не совпадал с Днём Ангела. Однако отмечали всегда не дни рождения, а именины. Имя святого, данное человеку во время крещения, свято чтилось и сопровождало каждого до гробовой доски, уж таково наше русское «варварство»… До того ли было христианину - хлебопашцу и пастуху, чтобы праздновать свои круглые даты, считать, сколько прожито лет, отмечать свои юбилеи? Иное дело дни святых либо царствующих монархов.

Унаследовавшему крестьянское отношение к своему возрасту, мне всегда казалось, что празднование юбилеев - занятие суетное. Примерно так думалось и о писательских юбилеях. Ничего, бывало, не стоило пропустить, не заметить среди будней любую круглую дату, например, толстовскую или тютчевскую. Только не пушкинскую!

Интерес к русским и зарубежным писателям у меня всё время менялся. Так, ещё в юности увлечение Салтыковым-Щедриным вдруг исчезло, сменилось полнейшим к нему равнодушием, если не сказать больше. Меняется этот интерес и сейчас, порою довольно резко и очень часто в худшую сторону. Подобная метаморфоза произошла в своё время с Маяковским. (Точнее, со мной.) Место, занимаемое Вл. Маяковским в моей душе, неожиданно занял Есенин. Впрочем, почему неожиданно? Просто после долгого замалчивания и шельмования, Сергея Есенина начали понемножку печатать и пускать на библиотечные полки. Тогда же примерно я расплевался с Беранже, Сельвинским, Багрицким и т. д. Но и к Есенину впоследствии я не то чтобы охладел, а как-то об него… в некоторых местах подзапнулся. С Блоком, Достоевским и Тютчевым вышло как раз наоборот.

В чём причина такого непостоянства?

В детстве смена симпатий зависела от книжного и хлебного голода, от потухшей вечерней лампы, от утреннего угара в зимней избе. Иными словами, от случайностей. Мои сверстники научились, положим, читать и при лучине, если она была берёзовая. (Соседский мой тёзка Вася Дворцов потерял из-за этого зрение.) Но мы страдали больше не от лучинного едкого дыма, страдали больше от того, что книг вокруг не было столько, сколько хотелось. Добывались они подчас вполне детективными способами. То, что попадалось, то немедленно и поглощалось, независимо от угара в избе. Читалось всё, вплоть до родословной колхозных быков-производителей или сельповского прейскуранта. Злополучная история с радищевским «Путешествием» где-то уже рассказана мною, пушкинская статья подтвердила моё детское мнение об этом писателе, и я начал тщеславиться, задрал нос, но Пушкин же меня и одёрнул позднее:

Зачем же так неблагосклонно

Вы отзываетесь о нём?

За то ль, что мы неугомонно

Хлопочем, судим обо всём,

Что пылких душ неосторожность… т. д.

«Евгений Онегин»

Непостоянство объяснялось не только случайностями колхозной жизни, принадлежащими детству. В ранней юности читательские интересы менялись уже не столько от всё большей свободы книжного выбора, сколько от стихийно крепнущих эстетических устремлений. Одно другому, кстати, не мешало, а как раз друг дружке содействовало, так и просится на язык нерусское слово «корреляция».

Одних писателей я уже крепко любил, других так себе, но и любимых авторов, как ветреная дамочка, мог разлюбить в любую минуту. Третьи вовсе не трогали моего сердца и лишь значительно позже становились полновластными его хозяевами. В шестом классе я мог порвать с некоторыми «захватчиками», зарождалось качественно иное чтение - критическое.

С такой возможностью и читались уже все последующие книги. Больше того, началось сопротивление каждому автору. Внутренне, неосознанно, оно ощущалось и до того, то есть в начальной школе. Теперь это сопротивление стало уже осознанным. Виновниками такой перемены оказались многие персонажи, вроде жаровского гармониста (как его? Тимошка, что ли?), горьковского Челкаша.

Маяковский чистил себя «под Лениным». Странный, впрочем, способ интеллектуальной гигиены! Подмял он, Маяковский, меня под себя основательно ещё в детстве, и я с трудом выбирался из-под такого верзилы. Подсобил в этом не кто иной, как А. С. Пушкин.

В зрелые (солдатские) годы я был свободным от всех авторов, от всех писателей, даже весьма талантливых. По крайней мере, так мне казалось, что свободным. Померк тогда аж сам Горький. Приходили и уходили Некрасов, Толстой, Лермонтов, Достоевский. Один Пушкин был

бессменным постояльцем в моей душе, «оккупантом» моего сердца и головы! Одному ему я почти никогда не сопротивлялся! Он был как воздух или питьевая вода, без которых не проживёшь. Сопротивляться Пушкину? Затея вообще дикая, бессмысленная, она не приходила даже в голову. Лишь Александру Сергеевичу я стал вечным рабом, он как Бог владел мною ещё тогда, когда меня не существовало на свете!

…Уже несколько лет прошло, как умерла Анфиса Ивановна, а мне всё ещё кажется, что матушка жива, что с нею мы просто в разлуке, что я от неё уехал и живу в другом городе. Стоит лишь сесть в поезд и приехать к ней, мы с ней опять и поплачем, и посмеёмся. То же ощущение с Пушкиным, как будто он живёт во плоти и можно позвонить ему в любой день, как звоню я друзьям в Краснодар либо в Иркутск…

«Имея мало истинной веры, он имел множество предрассудков», - сказано о герое «Пиковой дамы». Когда-то я боялся и не любил эту повесть… Теперь всё воспринимается по-иному. Чёткая мысль о рабстве, ненавистная для атеиста (а в этом ранге я прожил половину своих шестидесяти), родилась только теперь, то есть задним числом. И я, не стыдясь, говорю о таком божественном рабстве. Не без помощи Пушкина отделил я и понятие веры от знания!

Человек мыслящий ещё не значит, что он уже верующий, веру невозможно проверить мыслью, она, вера, выше мысли и чувства, вместе взятых, она ничем не может быть объяснима. Рациональному уму делать тут совсем нечего… Говоря грубо и коротко, с помощью Пушкина я медленно выкарабкивался из-под марксистской тяжести.

* * *

Ещё не читана «Капитанская дочка», не говоря про «Евгения Онегина», а «Гавриилиада» уже побывала в моих руках. Заботливо подсунутая Луначарским мальчику-мечтателю, она, разумеется, сделала своё чёрное дело. Как это получилось? Для чего? Далее надвинулась на подростка небезызвестная Ниловна, начали морочить голову смутные сны Веры Павловны. В армейские, самые плодотворные годы, осенила меня зловещая тень Писарева. Наконец явился сам Евтушенко…

Рапповские университеты и заклинания диссидентских писателей, увы, не подсобляли жить нашему поколению. Мы двигались во многом наощупь, лишь сердцем чуя, где своё, где чужое. Интернациональные кандалы не давали ступить шагу, чужебесие ядовитым туманом висело над всеми нами.

Что бы мы делали без Александра Сергеевича!

Подражая Николаю Первому, простившему Пушкину «Гавриилиаду», забудем и мы его юношеский атеизм. Пыл карбонария он умерил в себе сам, без чьей-либо помощи, не предав при этом ни идеалов свободы, ни погрязших в масонстве друзей-декабристов:

Безумных лет угасшее веселье

Мне тяжело, как смутное похмелье.

Не странно ли, что с годами, с выбором чтения, в том числе и пушкинского, я постепенно превращался в идеалиста? Жаль, что не произошло этого раньше… Если же говорить о свободе, то зададимся хотя бы таким вопросом: кто более свободен, идеалист или материалист? Можно было и не освобождаться из жёстких объятий безбожной догмы, которую называли свободой наши менторы. Можно было кое-что делать и будучи скованным истматом и диаматом. Не думать ни о смерти, ни о бесконечности мира.

Можно было бы даже кое-что делать, считая себя творцом, сочинять и тешить себя, как тот пушкинский чижик:

Забыв и рощу и свободу,

Невольный чижик надо мной

Зерно клюёт и брызжет воду,

И песнью тешится живой.

В этом стихотворении про несвободного чижика всего четыре строки…

Разумеется, в детстве, и даже в юности, нашему поколению Лев Тихомиров с Иваном Шмелёвым не попадались. Попадался и довольно часто «Мистер-твистер» либо какой-нибудь «Мойдодыр», либо «Тянитолкай». Хорошо, что у Лукоморья вокруг мощного дуба бродил уже по цепи кругом учёный кот. Думал я, дивился, какой же большой этот учёный кот, если ходит по цепи. Рисовал я его на газетных полях, потому что тетради себе мы сшивали из газет. Следы невиданных зверей, белку с орехами я дорисовывал в своём сердце, забывая, что всё это Пушкин… И тридцать прекрасных витязей уже выходили чредой из моря, и плескалась уже в этом море золотая рыбка, и мальчишка уже возил свою Жучку в салазках, и гусь на красных лапках ступал «на лёд, пытаясь плыть по лону вод». Пушкин бесстрашно боролся в моей душе с Чуковскими всех мастей. И, разумеется, побеждал.

В детстве испытывал я необъяснимую, неосознанную обиду за умершего от раны Александра Сергеевича. В юности эта обида была осмыслена через стихотворение Лермонтова. Как ни странно, мы даже учили эти стихи наизусть. Традиции русского просвещения были ещё не совсем загублены, хотя горечь и гнев против убийц Пушкина враги России искусно направили против царя и «толоконного поповского лба» - русский народ был облапошен. Оказалось позднее, что и царь был облапошен. Иначе почему Николай Первый терпел около себя таких мерзавцев, как Нессельроде? Ведь этого проходимца государь сделал аж государственным канцлером.

В седьмом классе, помнится, учили мы наизусть стихотворение «Песнь о вещем Олеге». Тяжеловесная славянская лексика не мешала детскому восприятию. Однажды мой одноклассник Евсташа Ларионов на большой перемене вбегает в класс и торжественно заявляет: уроков больше не будет. А весёлый Коля Задумкин ехидно произносит: «Ох, Ларионов, презреть бы твоё предсказание». Евсташку голод и холод,

пережитые в детстве, давно загнали в могилу, а Коля Задумкин жив, но озлобленный чернобыльской пургой, мается от радиации где-то на чужбине.

Иногда при случайном чтении стихи Майкова, Баратынского, Фета, Тютчева мы восторженно приписывали Пушкину и даже слегка разочаровывались, когда узнавали об истинных авторах. Так велико было «магнитное поле» вокруг Пушкина! Он, и будучи в могиле Святогорского монастыря, созидал русскую поэзию. Сколько народу эхом отозвалось на его краткую жизнь, ослепительно вспыхнувшую во имя России, звучащую по сие время в иных глаголах!

Ревёт ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поёт ли дева за холмом -
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.
Ты внемлешь грохоту громов
И гласу бури и валов
И крику сельских пастухов -
И шлёшь ответ;
Тебе ж нет отзыва…

Нет, Александр Сергеевич, отзыв был, и он никогда не исчезнет…

За Пушкина и сейчас обидно чуть не до слёз… Кто провоцировал его на дуэль? Наука не спешит с выяснением. Почему петербургская знать не оценила Пушкина при жизни? Отчего и Вересаев, и Щёголев сочинили не очень чистоплотные книги? Зачем брат Чайковского сам придумал стихи для оперного либретто? Словно в «Евгении Онегине» мало было нужных строк… Теперь широкая публика судит о романе по стихам либреттиста, а не по самому Пушкину. Не такой уж и безобидный этот эпизод в истории нашей культуры. Ведь Александр Сергеевич говорил иначе, чем поётся в опере:

Любви все возрасты покорны;
Но юным девственным сердцам
Её порывы благотворны,
Как бури вешние полям;
В дожде страстей они свежеют
И обновляются, и зреют -
И жизнь могущая даёт
И пышный цвет, и сладкий плод.
Но в возраст поздний и бесплодный,
На повороте наших лет,
Печален страсти мёртвый след:
Так бури осени холодной

В болото обращают луг

И обнажают лес вокруг.

Согласитесь, что это нечто иное, нежели то, что звучит в арии Гремина. Гениальная музыка Чайковского, конечно, созвучна гению Пушкина, однако либретто делает ему дурную услугу.

Миллионам русских и зарубежных меломанов не мешало бы знать наизусть двадцать девятую главу «Евгения Онегина».

Но и при жизни вспыльчивый поэт часто молчал, когда испытывал сердечные раны, наносимые друзьями и родственниками. Он умел прощать даже дальних недоброжелателей, если те подавали хоть малую надежду поумнеть.

Рапповские критики чекистскими способами делали из него ярого атеиста, он же тихо, постепенно внедрял в наши сердца религиозное чувство. Быть может, такими стихами, как строки про двух ангелов, он формировал и собственный нравственный облик? Кто знает... Во всяком случае, он и по сей день влияет на нас в этом смысле. Для меня, например, он сам был и лицеем, и университетом. Происходило это незаметно, без всякого напряжения, без обоюдных усилий, нежно и ненавязчиво.

Как это свойственно одному ему: с друзьями он порывист, восторжен («Уже двенадцать часов, а мы ни по рюмочке!»), с женой нежен и откровенен. С царём он так же искренен, как с младшим братом. К любовнице он снисходителен, как снисходителен к не шибко умному вельможе и к не очень удачливому стихотворцу. Пушкин буквально во всём легко находит золотое сечение, верный тон и безошибочное суждение.

Со всеми он говорил достойно и честно: с друзьями, с врагами, с женщинами, с архиереями, с царями и полководцами.

«Какая же ты дура, ангел мой!» - говорил он жене в своём письме, отнюдь не предполагая, что потомки, спасая жандармские традиции, будут читать его семейную переписку.

А какое многообразие психических, даже физиологических состояний! Политические, бытовые, религиозные, философские проявления жизни - и всё это пронизано поэзией, умом, чувством. В горячке он стреляется даже с друзьями, с царём говорит правду в глаза, при выяснении обстоятельств великодушно отказывается от дуэлей.

Честь и достоинство, горячность и вспыльчивость так странно уживаются в нём с благородным молчанием при бестактных выпадах недоброжелателей и недоброжелательниц. Не стеснялся он извиниться, когда обижал ненароком своих знакомых. Свойство во что бы то ни стало при любых обстоятельствах быть справедливым не присуще людям средним, хотя и талантливым, один Пушкин обладал этим свойством.

Был, однако, и для него предел благородной сдержанности: преднамеренных оскорблений он не терпит и презирает доносчиков:

Не то беда, что ты поляк:

Костюшко лях, Мицкевич лях!

Пожалуй, будь себе татарин, -

И тут не вижу я стыда;

Будь жид - и это не беда;

Беда, что ты Видок Фиглярин.

Как легко, как свободно ложился Пушкин в целомудренную, ничем не осквернённую детскую память:

Что ты ржёшь, мой конь ретивый,

Что ты шею опустил,

Не потряхиваешь гривой,

Не грызёшь своих удил?

Или:

Сижу за решёткой в темнице сырой.

Или:

Подруга дней моих суровых.

Или:

Сквозь волнистые туманы пробирается луна.

Помню, очень было обидно, если оставляли после уроков. (Надо было топать домой семь километров по бездорожью.) А тут загнали однажды всю школу в один класс, и учительница по литературе Людмила Александровна Перьева начала вслух читать повесть Пушкина «Выстрел». Самые нетерпеливые, самые голодные озорники затихли и надолго перестали ёрзать. Это было нечто иное, чем «Прощай, немытая Россия». Как позже выяснилось из статьи Владимира Бушина, написана «эта Россия» не Лермонтовым, а неизвестно кем. Автографа во всяком случае не существует.

Меткие «выстрелы» делал Александр Сергеевич, ничего не скажешь! Голодные пятиклассники сидели, как заворожённые. В повести «Выстрел» и всего-то страниц двенадцать. «Рославлев» тоже не больше, а в «Капитанской дочке» - сколько страниц, господа современные критики? Но как прекрасны и точны пушкинские сюжеты, как возвышенны чувства, как чист и целомудрен язык! Вот бы так и нынешним писателям…

Целомудрие Александра Сергеевича вообще изумительно, духовная гармония соблюдена даже в самых трагических («Пир во время чумы»), иногда и не очень симпатичных сюжетах (как в «Дон Жуане» или в «Скупом рыцаре»).

Даже путевые очерки читаются с захватывающим азартом. Откроем «Путешествие в Арзрум», там южный воздух «кипит» и нравы вооружённых горцев тоже кипят, как в наши дни. Пушкин замечает: «Недавно поймали мирного черкеса, выстрелившего в солдата. Он оправдывался тем, что ружьё его слишком долго было заряжено».

У Пушкина ничего нет лишнего и ничего неуместного, даже в незавершённых рукописях. Всеядным его тоже нельзя назвать, он был разборчив и строг, он безжалостно выбрасывал не только абзацы, но иногда множество страниц, чтобы соблюсти композицию или не дать лишнего повода для зубоскальства неумных и злобных критиков.

Старуха в «Сказке о золотой рыбке», пожелавшая стать папой римским, ограничилась «морскою владычицей» - этот кусок с папой Пушкиным выброшен. Из «Путешествия в Арзрум» автор без сожаления убрал великолепную сцену встречи солдат-земляков. Одни казаки, служившие три года, возвращались домой с Кавказа, другие туда направлялись. Увидав эту встречу, Пушкин интересуется семейными новостями, сочувствует тем, кому жена изменила:

«- Каких лет у вас женят? - спросил я.

- Да лет четырнадцати, - отвечал урядник.

- Слишком рано, муж не сладит с женою.

- Свёкор, если добр, так поможет. Вон у нас старик Суслов женил сына да и сделал себе внука».

Кто из современных прозаиков смог бы пожертвовать подобной сценой в рассказе или простом очерке?

Укажите хотя б одного, и я тогда соглашусь, что русская литература ещё не совсем опозорилась.

Число пушкинских лицеистов выросло в наше время до грандиозных размеров…

Не институт на Тверском бульваре, а Пушкин выталкивал на писательскую стезю, один он удерживал многих на этой скользкой дорожке. Только всё ли мы и денно и нощно помним его бессмертный завет:

Веленью божию, о муза, будь послушна.

Обиды не страшась, не требуя венца,

Хвалу и клевету приемли равнодушно

И не оспаривай глупца.

Он же, А. С. Пушкин, божественными, но в то же время и земными словами будил сонное сердце во дни унылого малодушия. Не устами ли Пушкина самим Творцом велено каждому, владеющему умом и природным даром?

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,

Исполнись волею моей

И, обходя моря и земли,

Глаголом жги сердца людей.

Притча о зарытом в землю таланте особенно целебна для русских, склонных из самоуничижения оправдывать собственное бездействие. Не удержусь от скучной сентенции: именно такая жизнь очень скоро

становится жизнью ленивой, и тогда вдохновение свыше не слетает ни к прозаику, ни к поэту. А что такое это самое божественное вдохновение? Пушкин тоже, видимо, грыз гусиные перья, но как никто другой изведал это высокое состояние души.

А. К. Толстой говаривал, что вдохновение является на зыбкой грани яви и сна, в полусне:

Лови ж сей миг, пока к нему ты чуток,

Меж сном и бденьем краток промежуток.

А. С. Пушкин сказал бы о вдохновении совсем по-другому, он связывал это состояние с призывом небес:

Пока не требует поэта

К священной жертве Аполлон…

Вероятно, один Фёдор Тютчев был самым лучшим охранителем треножника, «в детской резвости» колеблемого толпой.

Как только ни пытались погасить этот треножник, этот чистый и спасительный жертвенник! Коптящий, едкий дым рационалистического прогресса затмил знаменитую оду Гаврилы Державина. Пушкин возродил и обвешил державинскую стезю, но уже моему поколению пришлось зубрить «Эстетические отношения» Чернышевского. Больше на стеллаже никого не было: ни Достоевского, ни Леонтьева, ни Ивана Ильина.

Русская эстетика, повергнутая ниц ещё в XIX веке, возрождалась медленно, туго. Хорошо, что хоть как-то она сохранилась. Л. А. Тихомиров в статье памяти Говорухи-Отрока о возрождении подлинной, то есть эстетической, критики писал: «Мерило прекрасного есть вечное… Только ощущая в себе голос «вечного», он (художник. - В. Б.) творит художественное… Ни красота, ни правда не умирают, и только то есть красота и правда, что не умирает. Собственно говоря, и красота, и правда, и жизнь - разные названия одного и того же явления, которое, в свою очередь, есть не что иное, как проявление Божества».

Но либералы и прогрессисты и сто лет назад не могли допустить, чтобы русская молодёжь читала и перечитывала вслед за Чернышевским Льва Тихомирова. Был, правда, и Лев Толстой, всё равно тогдашнее русское общество заражено было проказой чужебесия, которую так презирал А. С. Пушкин. Эстетическими законодателями в русском обществе были и при Тихомирове такие западные писатели, как, например, Эрнест Ренан, который в предисловии к своей трагедии писал: «Не претендуя создавать художественную драму, я хотел только создать нечто вроде драмы. Форма драмы - самая лучшая в литературе».

Можно представить, что сказал бы Пушкин о таком драматурге, примеряющем лавровый венок Шекспира!

А что бы сказал А. С. Пушкин в связи с неумной шумихой, поднятой по поводу слова жид и генерала Макашова? Поэт пользовался этим словом, как в стихах, так и в прозе, подобно Гоголю, Лермонтову и другим классикам. Какова разница между словами жид и еврей? Не грозит ли и

слову еврей та же участь, что и слову жид, которое превратилось почему-то в ругательство?

Архип Лысый - доморощенный поэт из «Села Горюхина» мог писать стихи не только правой, но и левой рукой. Подобно Архипу, Пушкин мог бы, вероятно, и левой ногой написать убийственную эпиграмму на кого угодно, хоть на царя, хоть на жида. Даже мата он не боялся (прочтите вторую строфу из «Телеги жизни», если возникнет сомнение).

История же Горюхина - это история России в нынешних обстоятельствах. Сначала «мрачная туча висела над Горюхиным, а никто об ней и не помышлял». Но вот «въехала в село плетёная крытая бричка, заложенная парою кляч едва живых; на козлах сидел оборванный жид...»

Далее описывается правление нового приказчика. Приезжий рассуждал так: «Чем мужик богаче, тем избалованнее, чем беднее, тем смирнее». «Он потребовал опись крестьянам, разделил их на богачей и бедняков...» «Мирские сходки были уничтожены... Сверх того, завёл он нечаянные сборы...» «В три года Горюхино совершенно обнищало... Горюхино приуныло, базар запустел... Ребятишки пошли по миру». Чем не ельцинская перестройка?

Перечитайте «Историю Горюхина» и сами увидите... А как таинственна замысловатая птица, начертанная гениальным пером в рукописи заместо заставки! Петух или коршун? Похожа ли она на самоуверенного стервятника, решай сам читатель.

«Горюхино» не было закончено. Рукопись с заставкой опубликована после гибели Пушкина. Сюжет с историей горюхинского села чисто русский, и завершён он, я думаю, не кем иным, как И. А. Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо» в главе о Савелии - богатыре святорусском, который

...в яму немца Фогеля

Живого закопал...

Для всех, чувствующих Россию и не поверхностно владеющих языком нашим, Пушкин многолик и неподражаем. Необходим он и для самых малых деток («Белка песенки поёт да орешки всё грызёт»), и для самых старых и мудрых («В степи мирской»), для больных («Я ускользнул от Эскулапа»), для впервые влюблённых девиц («Ты вянешь и молчишь»), для ловеласов («Дриаде»). Незаменим Пушкин для солдат и спортсменов, для студентов и генералов, для депутатов и бандитов, для цыган и банкиров... Нет в мире сословия или ранга, которых он не коснулся бы и не увековечил. Даже гадалки и ведьмы присутствуют в его прозе и поэзии, и попробуй их выкинь из пушкинских страниц. Не выкидываются!

За что ни возьмись у Пушкина - всё ясно и чисто, хоть сказка, хоть стихи о любви, хоть историческое раздумье...

Не будем сейчас вспоминать его статьи, письма, записи, оставим пока в покое такое произведение, как почти публицистическое гневное обращение к клеветникам России. А «Свободы сеятель пустынный» или

«Дар напрасный, дар случайный»? Каждая строчка из подобных пушкинских сочинений взывает к нашему сердцу, к медленным размышлениям.

Но зачем отнимать последний хлеб у записных критиков, литературоведов, историков? Нескладная моя статья лишь малая дань великому российскому юбилею…

Гримасы двуликого Януса

И совсем не случайно к январю, первому месяцу года, прилепилось его бессмертное имечко. Увы, увы, как говорится… Двуликий Янус олицетворял у древних концы и начала. Входы и выходы. Войну и мир. Прошлое и будущее. Как видим, все и вся, но обязательно в паре противоположных понятий. (По-видимому, римляне были намного ближе к Гегелю, чем нам представляется.)

Обзывая научно-технический прогресс Двуликим Янусом, можно ли избежать той опасности, что тебя самого тотчас не обзовут либо ретроградом, либо мизантропом, либо ещё как-нибудь? Очень трудно избежать этой опасности, хотя двуликость научно-технического прогресса очевидна. Человечество настолько заворожено этим научно-техническим прогрессом, настолько оно забыло о прогрессе нравственном, что исчезает, как мне кажется, и само понятие прогресса.

Христианство не зря связывает двуличие с дьяволом. Здесь речь о нравственном двуличии. Математические же и кибернетические свойства пары, плюса и минуса, сочетания и взаимодействия этих пар позволили создать грандиозные компьютеры, способные моделировать самих себя, а заодно и нас с вами. И ещё не известно, чего в этом больше, хорошего или плохого. Да и как не вспомнишь тут апостола Иоанна, его откровение, восемнадцатый стих из главы тринадцатой?

Говорить о взаимоотношениях научно-технического прогресса и христианской (православной) нравственности я могу только с глубочайшим пессимизмом. Оба эти явления представляются мне антагонистами. Симбиоз научно-технического прогресса и христианской (православной) нравственности, на мой взгляд, невозможен.

Не знаю, что думает и чувствует православный глубоко чувствующий патриарх, садясь в «Боинг», чтобы за несколько часов преодолеть расстояние в половину земного шара. Но я знаю примерно, как мыслит сидящий рядом с ним академик-атеист, изобретающий компьютерные системы. Этот наверняка горд за свои детища, он в восторге от успехов научно-технического прогресса, он смело глядит в будущее человечества и убеждён, что останавливать научно-технический прогресс настолько же вредно, насколько и невозможно. Мировоззренческая пропасть, зияющая между верующим и атеистом, по-моему, непреодолима. Их понимание человеческого счастья, смысла и цели жизни - несовместимы и взаимно уничтожаются. Мне думается, что свобода выбора, данная Творцом, до сих пор не осознана человечеством. Люди стихийно, по-младенчески

наивно избрали лёгкий, приятный, однако гибельный путь научно-технического прогресса. Чем же был обусловлен этот выбор, ведущий к апокалипсису? Мне кажется, всего лишь одним: стремлением к ничем не ограниченному комфорту. Люди оправдывают такое стремление стремлением к счастью. Но тут сам собой встаёт новый вопрос: что же такое счастье?

К. Маркс как-то сказал, что счастье в борьбе. С кем и с чем он боролся и как он это делал, понятно теперь многим, хотя и не всем. А друг Маркса Энгельс кликушествовал ещё в прошлом веке совершенно в духе фюрера и нынешних демократов, пропагандирующих жандармские свойства НАТО. Вот что он писал когда-то:

«Всеобщая война, которая разразится, раздробит славянский союз и уничтожит эти мелкие тупоголовые национальности вплоть до их имени включительно.

Да, ближайшая всемирная война сотрёт с лица земли не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы, и это также будет прогрессом.

…Мы знаем теперь, где сосредоточены враги революции: в России и в славянских землях Австрии… Мы знаем, что нам делать: истребительная война и безудержный террор».

«Славянские земли Австрии» понимались Энгельсом как земли нынешней Югославии… Но Европа, к счастью, знаменита не одними марксистами.

Великий Паскаль, размышляя о счастье, делит людей на три группы. Он говорит: «Одни обрели Бога и служат ему, эти люди разумны и счастливы. Другие не обрели Бога, но ищут Его, они разумны, но ещё несчастны. Третьи не ищут Бога вообще, они безумны и несчастливы». Таким образом, Паскаль отождествляет человеческий разум с верою в Бога и ставит счастье человека в зависимость от веры и разума. Он не говорит о количественном соотношении этих групп, но это нам и так ясно. Ясно, что число людей первой группы ничтожно мало по сравнению с количеством людей в двух последующих группах. Разумеется, понятия о счастье у трёх этих групп совершенно не схожи. Отношение к комфорту, исходя из этого понимания, тоже разное. Интересно, что люди третьей паскалевской группы зачастую считают несчастными людей первой группы, злятся на них, всячески пытаются «вразумить», перетащить их в свою наиболее многочисленную компанию.

Давно и безуспешно пытаются некоторые философы говорить о пользе, необходимости и красоте физического труда, но почти никто их не слушает. Человечество словно бы задалось целью механизировать, автоматизировать да и вообще ликвидировать мускульные усилия. Комфорт и удобство стали главным критерием благополучия… Между тем физический труд (не путать с физкультурой и спортом) - одно из главных условий выживаемости человека. Да и нарастания общественного эстетического и материального богатства вряд ли возможно без такого

условия. Труд, каким бы он ни был тяжёлым или грязным, всегда духовная категория. Легенда о сизифовом камне лишь подтверждает эту духовность.

Чтобы поверить в эту в общем-то банальную истину, вовсе не обязательно вспоминать православных святых, исихастов, подвижников Фаваиды и Афонской горы. Мне, к примеру, достаточно представить жизнь моей бабушки Александры Фоминишны или одного из моих прадедов - Михайлы Григорьевича Коклюшкина. Обоих явственно помню и осмелюсь сказать о красоте тяжёлого и грязного труда. (Например, летняя вывозка навоза.) Эстетическая сторона этой работы, конечно же, недоступна современному прогрессисту, доверяющему своему носу больше, чем нравственному чутью. Ему не понять, как отрадно, как счастливо чувствует себя отдыхающий после такого труда крестьянин (христианин). Когда весь навоз (говорилось - назём) перекочёвывал из деревни в поле, когда в хлеву стало на полсажены просторней и можно затопить субботнюю баню.

Зимой даже у самой бедной избы снег был раскидан и подметён. Граф Лев Николаевич Толстой тоже сам раскидывал снег в Хамовниках. Но вот в нынешней Москве или Оттаве лопату взять не побоятся одни дворники, да и то не все. Зато во множестве пишутся и публикуются статьи о биоритмах, о биоцикличности, защищаются целые диссертации о режимах сна и питания. Медики поголовно твердят о пользе водных процедур и произвольных телодвижений, то есть физкультуры, призывают ложиться и вставать в одно и то же время, убеждают в том, как полезно человеку не только ходить пешком, но и бегать. И всё это преподносится как только что научно открытое и прогрессивное.

Но моему прадеду вовсе не требовалось выписывать журнал «Здоровье», чтобы ежедневно зимой расчищать снег и каждую субботу ходить в баню. И если я добавлю к этому, что Михайло Григорьевич всю жизнь пил после бани не что иное, как хлебный квас и прожил весьма долгую жизнь, то не рискую ли тотчас прослыть приверженцем так называемого квасного патриотизма? Едва начнёшь говорить правду о крестьянском быте, как многие начинают ёрзать на стульях, беспокоиться и выискивать в словарях синонимы к слову патриархальщина. «Ату его! - кричат идеологические и технические прогрессисты. - Он же идеализирует прошлое!»

Нельзя сказать, что православным сознанием запрещалось стремление к облегчению тяжёлого труда, стремление к удобствам. Русский крестьянин, во-первых, никогда не хватался за непосильную ношу. Во-вторых, не отрицал он и многочисленных способов облегчения, применяя смекалку и традиционные навыки. Не брезговал он и удобствами быта, если они не противоречили христианской нравственности. При этом сельский труженик, понятия не имея о юридических законах по экологии, весьма бережно относился к природной среде. Он считал также великим грехом добиваться жизненных удобств не за счёт собственного труда, а за счёт труда соседа.

Ближний или дальний сосед - это не имело значения. (Вспомним, что думают идеологи т. н. «золотого миллиарда».) Ясно, что православное отношение к комфорту отличается, например, от протестантского. Разница тут принципиальная. И хотя говорить на эту тему с людьми третьей паскалевской группы почти безнадёжное дело, рискну процитировать высказывание Клода Бернара. Он утверждал: «Как бы далеко ни ушла опытная наука, как бы ни велики были её успехи и открытия, но она не в состоянии, не переступая собственных границ, ответить о первичной причине всего, о происхождении материи и жизни и о конечной судьбе вселенной и человека».

Может ли опытная наука, не переступив собственные границы, признать своё бессилие, осознать безнравственность безудержного комфорта и опасность научно-технического прогресса, который так стремительно истощает естественные возможности планеты? Сомневаюсь. Учёные, инженеры, экспериментаторы из третьей паскалевской группы каяться не приучены. О таких учёных, как Паскаль, они стараются помалкивать. О ненасытных потребностях и научных замашках т. н. «Золотого миллиарда» СМИ тоже говорят либо сквозь зубы, либо совсем ничего.

Недавно по счастливой случайности попала мне в руки книга архиепископа Никона, бывшего когда-то епископом Вологодским и Тотемским. Она называется «Православие и грядущие судьбы России», составлена священнослужителем и писателем Ярославом Шиповым. В одной из статей подробно комментируется труд англичанина Табрума «Религиозные верования современных учёных». Табрум приводит множество высказываний о том, что наука вовсе не противоречит Священному Писанию, а Священное Писание только помогает науке. Как говорят, дай-то бы Бог, но покамест подобные мысли не в чести.

Меня могут спросить, а виноват ли научно-технический прогресс, что забегает вперёд, что он всегда впереди нравственного совершенствования? И я скажу. Да, виноват. Люди впадают в жестокий самообман, ставя телегу впереди лошади.

Тот, кто захочет полемизировать с такой посылкой, пусть прочтёт мои книги «Раздумья на Родине» и «Внемли себе», так как повторяться занятие малоприятное. Эпиграфом к своей статье «Ремесло отчуждения» («Новый мир», № 6, 1988) я уже приводил слова Н. Фёдорова: «Эксплуатация, истощение, утилизация вынуждают задаться вопросом: ради чего, на какую потребу тратятся многовековые запасы Земли? И оказывается, что всё это нужно для производства игрушек и безделушек, для забавы и игры. Приходить от этого в негодование, конечно нельзя; нужно всегда помнить, что мы имеем дело с несовершеннолетними, хотя бы они и назывались профессорами, адвокатами и т. п.»

Учёные просто жаждут открывать тайны. Открывать просто так, в азарте чуть ли не спортивного интереса. Они говорят примерно так: «Если не я открою эту тайну, то всё равно откроет кто-нибудь другой, помимо меня. Так уж лучше открою я». Спрашивается, все ли тайны разрешается

открывать нравственным православным законом? Нет, не все.

Что же вы предлагаете, спросят меня прогрессисты, назад в пещеры? Вовсе нет. Всё ещё существует альтернатива. И человечеству, если оно хочет выжить, всё же придётся хотя бы слегка попятиться. Не надейтесь, господа блюстители «Золотого миллиарда», ни на африканскую саванну, ни на сибирскую тайгу или тундру с их минеральными и растительными запасами. Эти запасы если и не совсем исчерпаны промышленностью т. н. развитых стран, то хватит их всё равно не надолго. Комфортабельные условия рано или поздно придётся урезать, если homo sapiens рассчитывает жить в четвёртом тысячелетии.

Всемирная урбанизация по своим глобальным масштабам явление ни с чем не сравнимое, грозное и по общепринятым понятиям тоже необратимое. Но Николай Фёдоров писал, что «В санитарном отношении города производят только гниль и затем почти не превращают её в растительные продукты; следовательно, отдельное существование города должно давать перевес процессам гниения над процессами жизни… По мере увеличения городов вопросы санитарный и продовольственный будут принимать всё более острую форму, становиться всё жгучее и жгучее». Ах, только ли санитарный и продовольственный!

Мне представляется, что научно-технический прогресс идёт рука об руку с глобальной урбанизацией и с глобальной милитаризацией, кои ведут человечество напрямую к всеобщей гибели.

Однако есть ли в действительности альтернатива современному городу? На мой взгляд, она существует, но это тема для отдельного разговора…

Если говорить о политике, то, как мне кажется, перспективна в мире всего лишь одна партия - всемирная партия зелёных. (Имеется в виду не зелёное знамя пророка, а зелёное поле мирного хлебопашца.)

Я призываю пока лишь развеять три популярных мифа:

1. Миф о безальтернативности выбранного нами пути.

2. Миф о несовместимости науки и веры в Бога.

3. Миф о нравственном нейтралитете науки.

Архитектура и государство

Помнят ли наши читатели межрегиональную депутатскую группу, наскоро слепленную из разношёрстных предателей государства. Пёстрая была публика. Как говорится, с бору по сосенке. Сварганили её поповы и афанасьевы. В ней-то и выбродил, оброс плотным защитным панцирем главный разоритель великой страны. А уже около него сконцентрировались все главные московские плуты и жулики вроде Рыжова, посланного караулить разрушение страны в Париж. Горчаков, да и только! Сделали его не кем иным, как аж полномочным послом. (Рыжов, как Яковлев, обученный в Канаде, быстренько выучился на средней руки

архитектора перестройки. Где-то он нынче?)

Межрегионалы то и дело устраивали в Москве демократические тусовки… И зря, очень зря, «россиянские» подданные недооценили эту сперва жалкую группу! Они, межрегионалы, произвели на свет несчётное число маленьких крокодильчиков, стремительно выросших в зубастых безжалостных аллигаторов. Они-то и начали хватать всё живое подряд, выползая на речные и океанские отмели государства, которое совсем не ими создавалось целое тысячелетие.

Тусовки начинающих демократов, возглавленные Поповым, Афанасьевым и ещё безвластным Ельциным, проходили почему-то в Доме кино. Вот и в тот раз в этом безблагодатном «доме» собрались только что вылупившиеся архитекторы. Они приняли там так называемую хартию, призывающую бороться за власть. «Эффективное государственное устройство» - так называлась пятая статья этой хартии. Первый подпункт пятой статьи гласил: «Освобождение от культа государства, его верховенства в общественной жизни». Иными словами, долой государство во имя общественной жизни! Для будущих крокодилов важно было не государство, а всего лишь общественность.

Прикарманили демократы и само понятие общественности, словно в обществе никого и не было, кроме Попова, Афанасьева и Ельцина. Можно было тогда представить, что получится, если они придут к власти, возьмут государственное кормило в свои цепкие лапы. Жалка была попытка ГКЧП предотвратить угрозу государству! Буквально через несколько недель «крокодильчики» захватили власть, чтобы разметать в стороны великое государство, которое создавалось не ими. И началась у нас, так сказать, общественная, а не государственная жизнь.

Вот какие архитекторы-перестройщики стремительно явились в Москве. Какую архитектуру в прямом и переносном смысле повлекли они за собой, это видно без оптики, даже без обычных очков, достаточно заглянуть на Манежную площадь… Боже праведный, чего тут не нагорожено! За одних звероподобных церетелиевских жеребцов (или кобыл?), воздвигнутых у входа в Манеж, надо сажать скульптора, а с ним и градоначальника в холодную!

А кроме дьяволоподобных истуканов на площади громоздятся нелепые полусферы, бетонные переходы, аляповатые барьеры, грозные парапеты. Торчат всюду всевозможные то ли штыри, то ли фонари, и всё это наверху, а чего не наворочено ещё и под землёй! Поневоле припомнишь сдержанную простоту и просторный облик прежнего Манежа, олицетворявшего в соседстве с Кремлём всю столицу и всё величие Российского государства…

Нельзя сказать, что горбачевско-ельцинская перестройка в архитектуре началась недавно, с Лужкова и с Церетели. Всё началось намного раньше, когда в 20-х годах прошлого века по плану монументальной пропаганды начали по всей России взрывать национальные шедевры: храмы и целые монастыри. О начале такой

всемирной перестройки до сих пор вопит масонский обелиск, стоящий в Александровском саду вблизи царского грота. (Ни этот грот, ни обелиск не свидетельствуют о высоком архитектурном вкусе, но выстояли на перекрёстках времён.)

Примечательны имена двадцати перестройщиков, запечатлённые на обелиске. Эти люди и были, по тогдашним понятиям, архитекторами мировой истории. Попробуем перечислить их имена. Сверху начать или снизу? Лучше, вероятно, начать сверху. Читатель мысленно каждого оценит и прокомментирует тоже каждое имечко. Итак:

Маркс, Энгельс, Либкнехт, Лассаль, Бебель, Кампанелла, Телье, Уиншлей, Мор, Сен-Симон, Вальяр, Фурье, Жорес, Прудон, Бакунин, Чернышевский, Лавров, Михайловский, Плеханов. Половина их давно забыта либо совсем неведома столичным жителям. (Некоторые, вроде Вальяра и Уиншлея, не попали даже в Большую советскую энциклопедию.) Последняя пятёрка имён пристёгнута архитекторами, наверное, в угоду русским: кто бы иначе стал свергать со звонниц многопудовые колокола, вручную сверлить шурфы в могучих соборных стенах, чтобы закладывать динамит, кто бы стал крошить кувалдами колокола и кресты, жечь иконы и книги? Много предстояло труда! Не будут же всё это делать кремлёвские сидельцы вроде Свердлова или Бухарина! Кто отбирал имена этого «золотого» пятиалтынного? Бог весть… Обелиск, однако, стоит, как стоит на Поклонной горе и церетелиевская игла, а что нацеплено к этой игле, какой комар или иной какой дух поднебесный, никому не ведомо. Москвичи равнодушно ходят и ездят мимо.

…Но что же произошло с великим городом, с нашей чуть ли не девятисотлетней национальной святыней? Не все москвичи, но весьма многие глотают ядовитую влагу радио и телевизии, не все, но многие спокойно взирают на церетелиевскую иглу и на церетелиевских дьявольских лошадей, что бешено ржут у самых дверей Манежа, не все, но многие радуются грандиозному истукану, изображающему императора Петра Первого. А чему бы тут радоваться? Претенциозная, дорогостоящая, однако же абсолютно бездарная скульптура… Как жаль, что бронзовые ботфорты не загремят по столичным прешпектам! Уж царь-то Пётр распинал бы по грязным канавам всех этих перестройщиков, всех архитекторов. Да и мэров, не жалеющих медных народных грошей. Не зря император в своё время написал собственноручно такой вот указ: «Дошло до нас, что недоросли отцов именитых в гишпанских штанах по Невскому щеголяют предерзко. Господину полицмейстеру указую впредь оных щёголей вылавливать и бить кнутом, пока от гишпанских штанов зело препохабный вид не останется». В том же указе Пётр не пожалел и нежного пола, со всей строгостью и прямо сказал, что вельможны дочери на ассамблеи являются «не зная политесу», в неположенных «робах» и т. д. Нет, не поздоровилось бы нынешней демократической публике, если б царь Пётр, словно Пушкинский командор, прошёлся по набережным столицы. Досталось бы и мэру, и полицмейстеру… Дабы должностные лица «не чинили мину под фортецию правды». Хоть и стриг безбожный царь бороды купцам и боярам, но государственным ворам и взяточникам

потачки не делал. И в архитектуре разбирался, не чета нынешним церетелям. По словам Пушкина,

То академик, то герой,

То мореплаватель, то плотник.

Умел он и на троне прочно сидеть, чего бы тут издеваться над этой мощной фигурой скульпторам-модернистам? Нет, им неймётся... Будем надеяться, что неймётся на свою голову по пословице «Кошка скребёт на свой хребет». Но скажут: чем тебе не угодил церетелиевский Пётр? Эвон, дескать, какая изящная статуя!

Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо знать, что величина, грандиозность (также и предельная малость) сами по себе не могут быть эстетической категорией. Чтобы убедиться в этой простой истине, достаточно сравнить какую-нибудь изящную сельскую часовенку с громадным Исаакиевским собором, что в том же Питере. И далее: почему маленький скромный храм Покрова Божией Матери на Нерли мы считаем архитектурным шедевром? Творения же, например, Гауди, даже по фотографиям, вызывают неприятное антихудожественное чувство. (Это неэстетическое чувство могут вызвать не только творения человека, но и некоторые явления природы, например, те же нагромождения причудливых горных пород около одного монастыря под Барселоной. Но природе-то такие причуды простительны. А простительны ли человеку?) Сплошь да рядом бездарные скульпторы или архитекторы компенсируют недостаток таланта собственными причудами, всевозможными антиэстетическими вывертами.

Если уж и говорить о монументальности в её чистом художественном виде, вспомним, что большинство зданий в Санкт-Петербурге не грандиозны, а всего 2-3-этажны. Их строители достигали монументальности не физической величиной, а художественными средствами. Не хочу я сравнивать сложившуюся архитектуру Москвы с питерской. О национальной Москве говаривал ещё Михаил Юрьевич Лермонтов. Питер тоже продукт национального русского гения, но Москва более русский город.

Включилась она, бедняга, в горбачевскую перестройку, и захлестнула нашу столицу эклектика. Кладбищенская и дачная эстетика преобладает нынче по Москве. Непритязательные вкусы торговцев-мешочников, вкусы лабазников - иными словами, всевозможных челноков, биржевых игроков, спекулянтов, шатающихся по всему миру, - перемешали в кучу традиции, национальные пристрастия народов и государств. Перемешались в том числе архитектурные стили, как раз по Лермонтову:

...всё промелькнули перед нами,

Все побывали тут!

Нет, у простого народа, у народа-труженика, вкус всегда был вернее и безошибочнее. Какой народ, какую нацию ни шевельни, это везде чувствуется. Да, каждое государство, каждый народ ещё и сейчас имеет свой архитектурный стиль, будь то храмовые строения или бытовые,

хозяйственные, будь это в деревне или в городе. Даже самый малый народ создал и стремится хранить свой строительный метод, свой художественный облик.

Но на эту тему мы поговорим в другой раз…

Акциз

Перестроечная действительность, увы, не поддаётся пока ни религиозному, ни художественному, ни научному постижению. Впрочем, ежели привлечь для такого дела науку, то лучшей отрасли, чем лингвистика, на мой взгляд, просто не существует. «Двоевластию надо ложить конец!» - говорит по радио стремящийся в президенты вице-премьер…

Во время политической линьки государственные мужи меняют обычно не одну внешнюю окраску, но и своё название. Секретарь, к примеру, становится президентом, для чего заимствует за бугром и слова, и рубли, пардон, всякие гульдены. Иначе откуда бы знал православный народ такие словечки, как мэр или спикер? Я уже не говорю про ваучер. Есть такая закономерность. Запустило правительство очередное иностранное словечко, жди и очередную беду…

На сей раз мелькнуло французское слово «акциз». Правда, оно прилепилось к России ещё во времена Витте, но никто кроме парламентских и кабацких сидельцев и поныне не знает толком, что оно означает. Зато обществу хорошо известно, куда уходят потные, только что заработанные и тотчас пропитые рубли. Одним дуракам не ясно, куда они идут. Ведь и при Брежневе, и при Горбачёве правительство принимало пьяный бюджет…

Был в крестьянской среде такой обычай. На празднике неспокойного гостя, порывающегося бузить, либо пеленали, словно младенца (связывали полотенцами), либо старались так напоить, чтобы он поскорее уснул как младенец. И в том и в другом случае заталкивали куда-нибудь за печку или под лавку.

И железные сталинские большевики, и нынешние мягкотелые демократы, чтобы усидеть на шее народной, превосходно освоили оба упомянутых способа.

В незлобивой, весьма добродушной памяти русского народа, М. С. Горбачёв, конечно же, останется как жалкий хвастун и предатель. Но среди разбуженных Горбачёвым бед и несчастий, среди его многочисленных и гнусных затей было и одно доброе дело. (Думаю, что он сделал его под давлением обстоятельств, отнюдь не по внутреннему убеждению.) Речь идёт о знаменитом антиалкогольном указе от 15 мая 1985 года.

Представляю, как при чтении этих строк поплывут дьявольские ухмылки по лицам многих даже дружественных читателей. «Ишь, скажут, о чём вспомнил! Разве не известно тебе, чем обернулась вся эта вредная и

ненужная антиалкогольная кампания?»

И я отвечу: да, очень даже известно! «В результате принятых мер в стране реализовано водки в 1989 году на 37 миллиардов рублей меньше, чем в 1985-м. При этом в сберкассы внесено на 45 миллиардов рублей больше, ежегодная продажа продуктов увеличилась на 4,5 миллиарда. Производительность труда повышалась ежегодно на 1 процент, что давало казне 9 миллиардов рублей. Количество прогулов снизилось в среднем на 35 процентов (1 минута прогула в масштабе страны стоила 4 миллиона рублей). В общем итоге прибыль от трезвости в 3-4 раза превысила недобор от продажи алкоголя и табака».

Цитирую не литературные домыслы, а документ, основанный на статистике, с коим познакомились думские депутаты.

К сожалению, большая часть читателей не признаёт и статистику. Путает её с пропагандой. Такой читатель, как говорится, зациклен, он твёрдо и навсегда уверен во вреде любых антиалкогольных действий. Масштабы народной трагедии ему просто неведомы. Он действительно ничего не знает. Или же знает, но странным образом не желает думать об этой беде. Ни в медицинском смысле, ни в нравственном, ни в экономическом, ни в политическом смысле не хочет думать. Он зомбирован! (Ещё одно чужое словечко.)

Чем же можно воздействовать на человека обманутого? Как разбудить его, не желающего знать горькую правду? Не важно, премьер он или стропальщик?

Попробуем опять же статистикой.

Не знаю, сколько принципиальных трезвенников насчитывалось у Горбачёва в ЦК. В Политбюро числился всего один - Егор Лигачёв. Согласитесь, что в таких условиях появление майского указа было каким-то чудом… Люди и до сих пор не верят, не знают, сколько миллионов человеческих жизней спасено было от гибели, сколько матерей и сестёр осушило тогда свои несчастные слёзы.

Впервые за много лет страна облегчённо вздохнула. (Это легко подтвердить множеством документов, пришедших в Москву со всех концов государства, подписанных тысячами людей.)

Но что тут поднялось в демократическом стане! Как взвыли сразу все радиоголоса, как яростно и зловеще по всему государству замерцали электронные ящики! Как перепугались народной трезвости наши тайные и явные недруги! Сонм борзописцев, начиная с юных девиц, пробующих силы в комсомольской печати, кончая великим гуманистом Евгением Евтушенко поспешно кинулись обличать антиалкогольный указ. Само собой, сказывалась тут личная зависимость от содержимого красивой бутылки. Дескать, как это так, на свадьбе да без шампанского? А Новый год? Неужто с лимонадом встречать? (Кстати, ничего страшного… Наоборот.)

Дело, однако же, было не в одной личной заинтересованности. С

величайшей и полной ответственностью говорю, что осенью 1993 года среди защитников Конституции вокруг здания на набережной я не видел ни одного пьяного. Этих людей обозвали красно-коричневыми и расстреляли, потому что они были трезвы. Они знали, чего хотят. (Впрочем, Гайдар и его пьяные лавочники тоже знали, чего хотят.)

Не буду говорить, чего хотело ЦРУ, у меня нет для этого документальных данных. Цитировать же решения американского Конгресса и то, что говорили насчёт нас Аллен Даллес и Адольф Гитлер, у меня нет никакого желания. Эти слова уже набили оскомину. Можно всё-таки подвести итог. Задачи, поставленные Даллесом и Гитлером, почти что выполнены с помощью алкоголя и телевизора. То бишь мирным путём. Таким ли уж мирным? Ежедневно вологодские журналисты печатают целые колонки с такими вот бодрыми сообщениями:

«В д. Кольцеево Вологодского района тракторист ТОО «Новое» управлял трактором Т-150, выпал из кабины, попал под колесо и получил смертельную травму».

«В с. Анненский Мост Вытегорского района двое 42-летних мужчин решили выяснить отношения. В результате один на почве ревности убил другого топором».

«В д. Подволочье Великоустюгского района 30-летний военнослужащий выстрелом из охотничьего ружья в спину убил своего тестя. Оба были пьяны».

«Недавно в Череповце обнаружился очередной «Джек-потрошитель». Он лишил жизни совсем молоденькую девушку, отрезав ей голову и взрезав живот. Ну и скотина!»

Не думайте, читатель, что газетчики возмущены или потрясены. Нет, они пишут об этой страшной беде если не с удовольствием, то с каким-то непонятным бесовским юмором. Читатели московских газет и питерских, дорогие любители телевизии, знакомо ли вам нечто подобное?

«Алкоголь может быть полезным организму», - вкрадчиво, но крупными буквами и на первой странице вещает газета «Известия» (02.11.1994). Будто бы и не бывало объективных исследований Павлова, специалистов ВОЗ, новосибирских исследователей Детиненко и Гражданинникова, словно не выходили книги академика Ф. Г. Углова. Полезно, и вся недолга... Академик Углов напрасно взывал к совести Рыжкова, Черномырдина, а также своих научных коллег типа Шаталина. (Вспоминаю, с каким пафосом клеймил трезвенников академик Шаталин - лучший экономист перестройки и друг Горбачёва.)

Нынче социалистический академик, гроза самогонщиков, не стыдясь, цинично укрылся за роскошным рекламным щитом: «Шаталин и Ко». Не знаю, может, однофамилец? Может, Евгения Евтушенко спросить, что значит этот самый акциз? Но Евгения Александровича вряд ли волнует разница между прямым налогом и косвенным. Он, Евтушенко, прописан сразу в двух земных полушариях. (Кормится в Западном, ордена выписывают в Восточном.) Ему не до этого...

Академик Чазов, когда ставили его в министры, тоже не стал отвечать на мои вопросы. Зато Г. М. Руденко, Н. Н. Иванец и В. М. Булаев - все трое высокие специалисты по наркологии, дружно кинулись защищать алкоголь («Неделя», № 31, 1989). Из их слов следовало одно: сивуха, выпускаемая нашей мощной промышленностью, есть обычный продукт. Пейте, мол, граждане, и ничего не бойтесь. И вот Лигачёва объявили виновником гибели виноградников и с помощью Гдляна торжественно изгнали с политического Олимпа. Сахарный дефицит, обусловленный недобором свёклы и простаиванием заводов свалили на самогонщиков. Долой кустарщину в производстве и потреблении яда, даёшь социалистическую индустрию! Конверсию водочных заводов срочно притормозили. Уже при нынешнем президенте в официальных списках продовольственных товаров появилась такая строка: «Спирт питьевой...».

Демократия победила.

Спросите, а что народ? Народ, который попробовал было встряхнуться и освободиться от семидесятилетней похмельной дрёмы? А народу опять подсунули перестройку, перемежаемую кровавыми перестрелками... Разумеется, не без допинга (опять словечко).

Если в девяностом году только одной своей водки было произведено 137,5, то в девяносто первом уже 154 миллиона декалитров. Не думайте, что всю эту бездну сивухи демократы хранят на государственных складах. Нет, всё выпито. И это примерно десять литров на душу, включая младенцев.

«Данные, - говорится в документе для Государственной Думы, - приведены без учёта импортной алкогольной продукции и её аналогов, объём которой, по экспертным оценкам, за 1 полугодие 1994 года только по одной позиции - водка - составил около 300 миллионов литров... В представленном на рассмотрение Государственной Думы бюджетном послании облагаемый налогами в 1995 году объём произведённой и импортированной продукции определён в 373,1 миллиона декалитров (без учёта контрабанды и «самоделов»). Это составляет примерно 24 литра на душу населения в год».

Далее депутаты, некоторые, может быть, впервые в жизни узнали, что нашему народу в его недалёком будущем грозит вырождение:

«По заключению Всемирной организации здравоохранения при достижении уровня среднедушевого потребления 8 литров в год наступает процесс необратимого изменения генофонда нации, то есть начинается процесс вырождения. Мы уже вплотную подошли к этой ситуации. Создавшаяся обстановка представляет реальную угрозу здоровью населения России и подрывает экономическую безопасность государства».

Почему же Госдума не ткнула носом в эти зловещие цифры ни самого Черномырдина, ни всех его финансистов? Или задача такая: двигаться к гибели?

...Вокруг каждого пьющего по мере его духовного и физического разложения всегда возникает опасная зона. Поначалу родственники любят его, как и раньше. Затем начинают жалеть. Но порою жалость сменяется презрением и даже ненавистью. Жалость и ненависть в одном сердце! (Например, в сердце жены или сына). Что может быть взрывоопаснее подобной смеси? Рано или поздно в таких сердцах происходит взрыв. Люди, близкие пьяниц, и те, что около, жестоко страдают, приобретая физические болезни. А ему хоть бы что! Он даже не замечает, что родные вокруг него стали больными именно из-за него, что и самому ему давно бы пора на исповедь.

Приходит в голову мысль, что и чеченская мясорубка началась у нас при содействии зелёного змия. Попробую привести некоторые доказательства.

Когда СССР с подачи многочисленных академиков шаталиных продал водочную лицензию (ещё словечко!), то в одну из мусульманских стран, молодого и энергичного директора Вологодского «ликеро-водочного» турнули строить этот самый завод. Всё вроде бы шло нормально, строительство двигалось. И вдруг от восточного гостеприимства враз ничего не осталось. «Озверел, обозлился народ, и по винтику, по кирпичику растащили весь этот завод». Наш директор еле ноги унёс оттуда. Вот и сейчас. С одной стороны сто новоиспечённых генералов. Воевать не умеют, а пить многие мастера. (Что от чего зависит - не мне судить.) С другой стороны мусульмане. Эти всё ещё почему-то не желают спиваться, не принимают «гуманитарную помощь».

Откроем справочник «СССР в цифрах». С 65 по 81 год население страны увеличилось всего на 13 процентов (отнюдь не за счёт русских). За то же время спиртного произведено на пятьсот процентов больше. За сорок лет (1940-1980) производство хлебных продуктов увеличилось на двести процентов, а производство алкогольного пойла на 690! Рост даже по преимуществу мусульманского населения отставал от роста алкоголя в 37 раз!

Гайдаровская демократия впустила в нашу страну не одних закордонных бандитов и американских экономистов для обслуживания президента. Вкупе с ними хлынули к нам кабатчики со всего света. Они усиленно потчуют нас австрийской, голландской, немецкой, французской и даже индийской сивухой.

Вовсе не утверждаю, что Российское государство встало перед чередой грозных явлений лишь по одной этой причине. Есть, конечно, и другие причины. Их не замаскируешь ни горбачёвской перестройкой, ни грачёвскими перестрелками...

Спасём язык - спасём и Россию

Разговор о языке - очень серьёзный разговор. Достаточно вспомнить Евангелие от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Язык - это народ. Когда я говорю о спасении России, я говорю о

спасении языка.

Спасать прежде всего нужно кириллицу, потому что начинается наш разгром с того, что кириллицу в России вытесняет латинский шрифт. Я вам напомню о том, что разрушение Югославии началось именно с этого. Всё началось с безобидных вывесок, с безобидных объявлений на латинском шрифте - и кончилось (да ещё не кончилось!) видите чем. Страшные вещи происходят: кириллица вытесняется насильно, целенаправленно.

Конечно, язык зависит от уровня общей культуры, народной нравственности прежде всего. Но нельзя забывать, что разрушение русской национальной культуры, языка и музыки было запланировано. Никакой стихийности тут нет, всё шло так, как было задумано, - уничтожение нашей государственности, нашей нравственности, нашего языка, нашей культуры. И тут нечего хитрить, нечего бояться, надо прямо сказать, что мы порабощённый народ; может, пока порабощённый не до конца, но порабощённый, надо это признать и исходить из этого. Как освободиться от гнёта, от ига, надо думать сообща, соборно. И если мы будем думать, то обязательно придём к тому, что освобождение может быть только на основе православной веры. Символично получилось, что о русском языке речь идёт в православном монастыре.

Наша культура, наша духовность где-то во времена Пушкина пошла по двум направлениям: светская культура и культура чисто духовная, религиозная. Они как бы разошлись, и один - чаадаевский, или декабристский, путь, а другой - путь наших священнослужителей, духовенства. Это было трагическое и, как мне кажется, искусственное разделение.

Нельзя делить культуру на культуру Пушкина и культуру Игнатия Брянчанинова. Конечно, они и сами в своём роде хороши, но у них один источник. Этот источник - русский народ и Православие. И когда я читаю сейчас аскетические опыты святителя Игнатия - я восхищаюсь чистейшим русским языком. За век с лишним ничего не сделалось с этим русским языком, он такой же чистый и сейчас. Язык Игнатия-святителя - это превосходный язык, в него ничего не привнесено грязного и нечистого, я бы сказал, иностранного. Мысли выражены очень чётко.

О плановом уничтожении языка можно говорить очень много. Но достаточно сказать о словарях наших. Словарей должно быть столько, сколько нужно, должны быть сотни самых различных словарей. А у нас же вроде бы какая-то норма существует на них.

И какие это словари?

В словаре Даля 220 тысяч слов, хотя в нём отражена отнюдь не вся русская лексика. Я знаю десяток или два коренных русских слов, которых нет в словаре Даля.

А в словаре Ожегова? Там ведь всего лишь около 80 тысяч слов. Вот как у нас получается: из двухсот двадцати тысяч слов сделали всего восемьдесят. Да и то половина с пометками: «устарелое», «областное»,

«просторечное», «специальное» или ещё какое-нибудь. Так и прививали у нас недоверие к собственному языку.

Но ведь произошли изменения не только в словарном, лексическом составе, произошли изменения в пунктуации, синтаксисе. Ведь язык - это такая разнообразная стихия! В нём нельзя сводить всё только к одной лексике. И здесь наблюдаем явное обеднение языка.

Язык обеднён не только по количеству слов, он ещё обеднён и интонационно. Он утратил ритмичность и тональность.

Говорить об исключении иностранщины из нашей лексики вполне правомерно. И нечего этого бояться. Надо безжалостно исключать «чужесловы» из нашей речи. Безжалостно выбрасывать. А нам прививают намеренно эту лексику. Я понимаю, когда пишут медицинский рецепт на латыни. Но когда журналисты намеренно всовывают в статьи иностранные термины, нарочно, как бы презирая русский язык, это те журналисты, которые вообще не любят Россию и которым всё равно где жить и как говорить, лишь бы было сытно. И сами лингвисты? Они на самом коренном русском слове могут поставить пометку: разговорное, областное.

С В. И. Крупиным мы были в Японии, оказались в гостях у одного профессора, и он нам показывает сборник «русских» частушек, изданный в Израиле. Забыл фамилию израильского профессора, который писал предисловие. Частушки абсолютно похабные. Весь сборник целиком похабный. Я смею вас уверить - это не народные частушки. Есть люди, которые специально сочиняют эти мерзопакости, а выдают за творчество народа. Или берут действительно народные частушки, но что стоит человеку, искушённому в сочинительстве, переделать текст и из нормальных стихов сделать похабщину? Издают целые сборники большими тиражами и распространяют по всему миру. А на основании подобных сочинений делается вывод, какой русский народ паскудный. И тот же японский профессор воспринимает эти частушки как народные. А нашим доказательствам, что это не народное творчество, по-моему, он так и не поверил.

Что нас ждёт дальше, я боюсь и говорить. С таким словарным запасом, как у нашего президента, мы далеко не уедем. Ни одной пословицы русской Борис Николаевич, по-моему, не знает. Ему пишут референты, которые тоже не знают языка. Одним словом - смердяковщина. Она пришла, конечно, не сейчас, но сегодня особенно свирепствует. Бессмертен иностранец Иван Фёдоров из «Мёртвых душ» Гоголя. Вся Вологда и вся Москва завешаны этими «иностранцами», этими вывесками.

Уничтожение русского языка идёт одновременно с уничтожением русского народа. Самое главное сейчас - спасение самого народа, который покорён неизвестно кем, какими силами, который идёт на поводу неизвестно у кого.

Я не знаю, что получится из закона, который мы предлагаем принять

в Думе. Я думаю, что спасение языка не совсем будет зависеть от этого закона. Но всё равно не нужно от него отказываться. По крайней мере, закон этот должен разбудить спасительное чувство национального достоинства.

Король голый…

Православие, как любое могучее и необъятное национально-религиозное явление, конечно, имело немало пороков, противостоящих самой сути христианства. Но что из того? Из частных, вернее, неглобальных недостатков церковной жизни нельзя делать обобщающих выводов, например, заявить, что Серафим Саровский и Иоанн Кронштадтский не были святыми…

Либеральные демагоги на протяжении веков намеренно ставили знак равенства между верой и мракобесием… Но даже официальная церковь боролась против суеверия!

Да, настоящая вера и суеверие отнюдь не одно и то же. Последователям Маркса - Энгельса пора бы понять эту непреложную истину. Православная вера не противоречит грамотности и глубочайшим научным познаниям. Напротив, она помогает науке и грамотности, способствуя их расцвету. Неужели так трудно осознать всем сердцем, каждой жилочкой почувствовать этот факт?

Размышляя о счастье, француз Паскаль, учёный, представляющий фривольную, т. е., на наш взгляд, несколько легкомысленную нацию, делил людей на три группы: «Одни обрели Бога и служат Ему, эти люди разумны и счастливы. Другие не обрели Бога и не ищут Его, они разумны, но ещё несчастны. Третьи не ищут Бога вообще, они безумны и несчастливы». Мнение весьма близкое православию! Лучше Паскаля, пожалуй, не скажешь…

Но в какой группе больше всего людей? Я осмелюсь утверждать, что самая многочисленная по счету учёного и философа - третья! Те, кто и безумны, и несчастливы. И преобладает в этой группе, конечно же, молодёжь… Вероятно, это касается не только современной России.

Сейчас разрушение русской семьи, «Русского дома» (название нашего журнала) происходит не столько словом, сколько музыкой. Речь идёт о разрушении музыкальной культуры… Прошу отнестись к моей фразе как можно прямолинейней! Говорю именно то, что говорю…

Не стоит сейчас разглагольствовать, что для русского дома, иными словами для русской семьи, важнее: слово или музыка, слово или песенная (певческая) народная стихия, музыкальная культура. Убеждён, что в нынешнюю «ненастную» пору для спасения и возрождения нашего народа важнее всего музыка…

Разумеется, даже смутно верующий, мало воцерковленный человек, даже неграмотный громило нашего христианского дома, скажет, что слово важнее. Христос! - это слово. Бог - слово. Скажет так даже

инаковерующий. Может, согласится с ним и атеист, ведь дух злобы тоже использует слово… Вопрос, какое слово? Мат, вылетающий из уст пьяного, жутко ставить в один логический ряд со словом Иоанна Златоуста или, к примеру, со словом иного Иоанна - покойного митрополита Ладожского и Петербургского… Да куда деться? Логика - вещь серьёзная. Наука хоть и не богословская, но наука. На земле звучащее слово не всегда Бог… Книга, лицедейство, радио, телевизор в этом мире служат обычно не Богу… Вот почему я снова и снова утверждаю: русский народ в наше время страдает, ослабевает, сокращается, гибнет не столько от сатанинского слова, сколько от сатанинской музыки. Об этом я говорил ещё много лет назад. И вот спрашивает один мой, кстати, верующий читатель: «Рана, похоже, уже и не гноится, а почернела и смердит, и… кости обнажились. Так уместно ли, действенно ли врачевание по прежней методе?»

На мой непросвещённый взгляд, годится любой метод, если речь идёт о врачевании живого человека или целого, несдающегося народно-государственного организма…

Как же мы допустили, что наше завтрашнее будущее, наши многотысячные молодёжные аудитории попали во власть воплощённых бесов? Рок завладел безбожными сердцами наших детей, внуков и правнуков. По родственной любви к ним мы и сами, т. е. родители, деды и бабушки, уже готовы слушать такую «музыку»… Бесноваться на жутких молодёжных тусовках, на этих безбожных многочисленных сборищах, конечно, не станем, но слушаем, а некоторые родители уже и «плясать» осмеливаются…

Скажут, молодость, избыток сил… Дескать, тот избыток надо куда-то истратить. Русь, мол, и раньше плясала… Конечно, плясала! Молодые, здоровые плясали и раньше. Не только работали, но и веселились. Помню сам, как десятилетним подростком вёрст за десять-пятнадцать ходил на гулянья в другие волости и деревни. Девицы часами плясали под игру на гармони. Но как на Руси веками плясала молодёжь и подгулявшие в гостях пожилые люди обоего пола? Пляска была индивидуальна, разнообразна, однако же не теряла традиционной красоты и эстетики. Красиво плясали, что говорить, далеко не все. Но стремились-то к такой красоте и приличию буквально все, осмеливающиеся выйти на круг. «На круг» - это значит на всеобщее обозрение, на народный, общественный суд! Пьяные, а также подвыпившие хлебного пива плясали тоже - кто им запретит? Однако же в глазах общественности ценились больше плясуны трезвые, тем более и плясуньи. Они лучше и плясали. (Эстетика русской пляски, хоровода и песни не вмещается в эту статью, она ждёт серьёзного изучения и посильного внедрения в народный быт.)

Наверное, каждый нормально думающий согласится, что слова бывают и мерзкие, и похабные… А бывают ли мерзкие и похабные звуки? Дурные «музыкальные» звуки? Отвечая на такой вопрос, многие либо скажут «нет», либо задумаются… Но мне хочется сказать определённо и коротко: да, такие звуки бывают и в музыке! «А что это за звуки?» -

спросит какой-нибудь пристрастный дотошный читатель «Русского дома». Я уже говорил когда-то и об этом. Повторяться нет смысла. И резонёром-моралистом быть не очень-то приятно... (Замечу лишь, что существует обычная музыкальная какофония. Существует и обычная децибельная агрессия, которую не выдерживают даже крысы... Сами по себе два этих примера являются доказательством существования музыкального неприличия.)

Продолжим разговор вопросом: а бывают ли неприличные движения? Увы, тоже бывают... Игра бёдрами, обнажёнными ногами и торсами... Имитация бесстыдного полового экстаза... На глазах у всех... Многотысячная толпа визжит, орёт, конвульсивно дёргается. Иные девицы совсем теряют рассудок и падают в обморок. Это и значит рок-музыка! Не следует путать её с некоторыми национальными танцами, не стоит переводить и в разряд физкультуры. Но все называют такое сумасшествие музыкой...

Музыка ли? Всего вероятней, антимузыка. Вред этого зловещего явления доказан врачами и искусствоведами в Японии и в западных странах. Русский читатель не знает этих научных работ, они скрываются разрушителями национальных культур, пропагандистами рока. Мы ничего не знаем о медицинской стороне дела, наши медики или молчат, или им не дают места на страницах печатных органов. Форсированная почти на государственном уровне пропаганда антикультуры обнаруживает себя как раз в отношении к року. Композитор Андрей Петров, отвечая одной ленинградской корреспондентке, не видит в рок-музыке опасности... Вероятно, А. Петров не читал Платона, который утверждал, что «отвращения от общенародной музыки надо остерегаться больше, чем нарушения любого закона». Тот же древнегреческий философ говорит, что «нельзя изменить форму музыки, не внося расстройства в нравственность». Другой философ, в другом конце мира и в иное время говорит почти то же самое: «Покажите мне, как поёт народ, и я скажу, как народ управляется и какова его нравственность» (Конфуций).

Кое-что о рождаемости

> Сами евреи как будто предназначены возбуждать страсть в среде тех, в контакт с кем они вступают, так что бесстрастие по отношению к ним встречается редко.
>
> Действительно, для некоторых евреев одно только признание существования еврейского вопроса уже служит доказательством существования антисемитизма...
>
> K.W. Steed. Te Hapsburg Monarchy, 1913, p. 179.

Взрывоопасная смесь лингвистики с критикой суфражизма! Выдерут дамы последние волосы... И ни за какие деньги, ни за какие «коврижки» не взялся бы я за этот материал, если б не трагедия генерала Рохлина... Меньше всего хотелось вновь говорить о женской эмансипации и разжигать страсти вокруг рождаемости. Давно всем известно, кто

виноват и что делать! Пресловутый трёп о том, кто лучше, мужчина или женщина, всегда казался мне смешным и даже оскорбительным для всего человечества. Полемизировать с вечными суфражистками не было никакого желания. Неблагодарное и суетное это дело!

Скажут: при чём здесь убийство Рохлина? Но помянем его перед Богом, вспомним историю его жизни: политическое и военное его возвышение, его мужественную борьбу с Ельциным, его трагическую кончину. Наконец, подумаем, отчего такой для многих, особенно для женщин, неожиданный финал судебного процесса? Суд над вдовой и матерью больного ребёнка… Уже сам этот факт не вмещается в нашем правосознании. Связана ли вся эта детективная история с общей трагедией России? Заявить хочется во всеуслышание: безусловно, связана! Везде существует взаимосвязь, даже на бытовом и религиозном, политическом и военном уровнях. Подумаем сообща и убедимся, что эта взаимосвязь, корреляция, как выражаются медики, буквально во всём, куда ни копни…

Сначала вспомним, на сколько миллионов человек ежегодно сокращается население страны, прежде всего русское. Вспомним, что говорил Фёдор Достоевский о русском народе и русской женщине. Спрошу в первую очередь верующих девушек, всех бабушек и вообще всех вологжан: откуда, к примеру, на улицах Вологды взялось так много курящих дам?

Никогда до 90-го года не осмелился бы я употребить публично циничное мужское высказывание: «Все женщины делятся на дам, не дам и продам». После чтения «Пятачка» осмеливаюсь. Курящих девушек я давно называю «курицами», обижаются не многие. Стоят иной раз по двое-трое где-нибудь на задворках и беседуют, у каждой в одной руке бутылка пива или «колы», в другой - вонючая сигарета. Почему бы и курительной трубкой не обзавестись или, как Черчилль, сосать сигару? Можно привыкнуть. Привыкли же ходить в двадцатиградусные морозы в мини-юбках, едва прикрывающих ягодицы. Не зря в очередях к урологу одна половина мужики - аденомщики, другая - женщины, часто весьма юные. Этих девушек Господь уже не сделает мамами, а если и сделает, то накажет больным ребёнком…

…В 1999 году, в кои-то веки (в прямом смысле в минувшем веке), и то на базаре, заметил я миловидную беременную женщину. Она была совсем для меня чужая, не знакомая. Но я так ей обрадовался, что хотел тут же всё бросить, купить гвоздику и преподнести ей. Именно за беременность. Пока шарашился, искал деньги в карманах, женщина затерялась в толкучке…

Восьмого сентября 2000 года ездил к сестре за ягодами, и на углу улиц Горького и Добролюбова, на троллейбусной остановке увидел ещё одну беременную. Да, Вологда город литературный… Эта женщина вела себя весьма странно: то разглядывала, что продают в киоске, то совсем пряталась за киоск. Словом, явно стеснялась своего живота. Троллейбуса не было, и народу тоже мало. Я украдкой подошёл к ней и произнёс чуть

ли не шёпотом: «Можно вопрос?» Она как побежит от меня! И опять чуть ли не за киоск! Но я же хотел её просто поздравить и сказать, чтобы она не стыдилась, что люди должны кланяться ей в ноги за предстоящий подвиг рождения нового человека! Она же отбежала от меня ещё дальше и повернулась ко мне спиной…

Дома я кратко записал на перекидном календаре эту непонятную мне сцену. В чём дело? Почему она испугалась даже ответить на моё приветствие? Может, она не замужем? Как говорится, «нагуляла»? Всего скорее так. Но я хотел лишь поздравить её с предстоящим рождением нового человека, сказать, что родить ребёночка - это уже подвиг, внушить ей простую мысль, чтоб она никогда не стыдилась беременности. Неужели и моя мать, родившая в голодный 35-й мою сестру, в страшный 38-й моего брата, тоже была такой? Нет, моя мать, родившая шесть раз, своей беременности не стыдилась. Сестра, которая дала сегодня ягоды, собранные на родине, была в 42-м году младенцем. Я качал её в зыбке, когда бабушка носила скотине пойло. Уже через год, в 43-м, мы все пятеро осиротели. Отец погиб на фронте, но все мы, и дети, и мать, и вся наша родня, долго не верили этому. Ждали мы от тяти вестей, бегали за почтальонкой. Не дождались…

Оставим биографические подробности, оставим и драму в семье Рохлина, вернёмся к нашей теме. К теме? Что за тема, спросит читатель газеты «Завтра». Тема простая: почему русские исчезают, сокращаются едва ли не на миллион в год?

Недавно (этот случай тоже помечен на листочке календаря) один мой приятель всерьёз, чуть ли не до развода, поругался с женой. «В чем дело?» - спрашиваю. Он говорит: «Не поделили бл…» Последовало, как считают, непечатное слово. (Хотя почему непечатное? Оно вполне литературное, ещё протопоп Аввакум с амвона громил Никона этим словом, это запечатлено в житии.) Мне стало смешно. Приятель-то человек прямой и никогда не меняет добротные русские слова на синонимы иностранного происхождения. Убийцу называет убийцей, а не киллером.

- А чего их делить-то, - подначиваю я приятеля. - проституток-то… Их и делить нечего, тем более с женой…

- О, ты знаешь, в мою семейную жизнь вмешался Пушкин!

- Как? Александр Сергеевич? Что-то не верится…

- А помнишь, что он говорил о женщинах? Не помнишь… Вот, а я сказал, что думал Пушкин о женщинах своей жене. Не дословно, конечно, приблизительно… Она как понесла и меня, и Пушкина! Чуть не матом. Такой крик открыла… а началось-то всё из-за этого дурацкого пятачка…

_?

- Газета так называется! - буркнул мой знакомый и побежал по делам. Ему всегда некогда.

Забыл бы, наверное, я этот случай, но вопрос о том, что говаривал

великий поэт о женщинах, застрял в голове. Что-то когда-то я читывал, но где? Кажется, в журнальных статьях Пушкина. Давай искать… Вот он, пятый том серии «Огонька», 1954 года издания.

Начал читать и зачитался, забыл, что мне надо от Пушкина. Нет, вру, ещё до этого я открывал два словаря: в одном искал слово на букву «б», в другом посмотрел, как пишется английское «киллер». У Ожегова нужного слова, конечно, не оказалось. Там и всего-то 52 тысячи слов. У Даля их было более 120 тысяч. Но что толку? Слово «боа» и там и тут, а того русского нет словечка! Надо глядеть в дореволюционном, то есть в царском издании Даля. Там-то оно наверняка имеется. Впрочем, не знаю, дореволюционного издания у меня нет. В другом словаре на все буквы сплошь - одна иностранщина! Этим и до Ожегова весьма далеко, не то, что до Даля. А тираж убойный. (Побольше моего-то, если говорить о «губернаторских» вологодских книжках…) Готовили словарь почему-то в Назрани, а печатали в Туле… Ничего себе! Я поспешно отбросил словарь, так как влезешь в него и не выпутаешься. Сколько раз так и было.

Поспешно перелистал начало пятого пушкинского томика, начал читать и так увлёкся, что забылось про всё на свете.

Какое дивное чтение! К примеру, несколько строчек о цыганах, что на двенадцатой странице. Или взять заметку о собственном пушкинском стихотворении «Демон». Так и хочется выписать целиком.

«…сердце, ещё не охлаждённое опытом, доступно для прекрасного. Оно легковерно и нежно. Мало-помалу вечные противуречия существенности рождают в нём сомнения, чувство мучительное, но непродолжительное. Оно исчезает, уничтожив навсегда лучшие надежды и поэтические предрассудки души. Недаром великий Гёте называет вечного врага человечества духом отрицающим». (Два последних слова выделил Пушкин петитом.)

Ну кто из нынешних критиков осмелится и сможет сказать так: «поэтические предрассудки души»? Или: «Москва девичья, Петербург прихожая», «Сумароков лучше знал русский язык, нежели Ломоносов…»

Сколько всего на одной тридцать девятой страничке! Но вот и то, что поссорило моего знакомого с женой:

«Браните мужчин вообще, разбирайте все их пороки, ни один не подумает заступиться. Но дотроньтесь сатирически до прекрасного пола - все женщины восстанут на вас единодушно - они составляют один народ, одну секту». (Как евреи, добавил бы я сейчас, но дело не в евреях. Речь пока о женщинах.)

Вот от каких слов Пушкина едва ли не разрушилась семья моего приятеля! Да что там о других говорить, и у меня бывали подобные стычки, и не только с женой, но и с дочерью, и с родными сёстрами. (Каялся даже на исповеди.) Не было таких стычек лишь с родной матерью Анфисой Ивановной и покойной тёщей Марией Васильевной. В чем тут дело? Неужто дело в разнице воспитания? Но Мария Васильевна в молодости носила наган на бедре, выданный как активистке. Анфиса

Ивановна всю жизнь прожила рядовой колхозницей. Значит, было у них нечто общее… В каком смысле? Обе, и мать и тёща, олицетворяли русскую женщину. Мне представляется, что и Пушкин, говоря о женщинах, исключал няню свою, Арину Родионовну, из этой «секты». Представить няню Пушкина курящей трудно, хотя сам Александр Сергеевич иногда и покуривал. Когда-то, излагая свой опыт бросания курить, я говаривал курильщикам, что мужик, не имеющий воли бросить дурную привычку, слабее любой бабы… Похоже, в наше время многие женщины перещеголяли мужчин в курении и публичном поглощении пива.

(Надо знать, что алкоголизация населения как раз и начинается с дешёвого и доступного пива.)

Кажется, что я уже готов сделать литературоведческую статью с названием «Пушкин и наркомания». Но нет, с самого начала я задумывал этот материал как статью (даже памфлет) о политике и рождаемости. Но что получится, то и получится…

Дня за два до встречи с приятелем я послал в Краснодар телеграмму:

«Многоуважаемый Николай Игнатьевич! Наберитесь мужества и отзовите Ваш отказ баллотироваться на предстоящих выборах губернатора. Этого шага ждут от Вас не только Ваши земляки, но и все простые труженики нашей Родины, оскорблённой и униженной либеральными реформами. Несомненно, Кубань под Вашим водительством подсобит встать с колен всей России».

Ответа не было. Кондратенко промолчал. Может, не получил мою телеграмму? Были ведь у тебя и подобные случаи. Например, телеграмму Шолохову перехватили. Да ведь губернатору и необязательно каждому отвечать.

Кондратенко ответил выступлением в газете «Советская Россия» от 23 октября, как раз в день моего рождения. Надеюсь, многие вологжане читали этот номер. Но ещё большее число вологжан получили упомянутый выше бесплатный «Пятачок», потому что у многих нет средств не только на подписку, но даже на покупку одного номера. Этот «пятак», откормленный объявлениями, силой запихивали в мой почтовый ящичек. Сначала мы подозревали почту, однако почтальоны в этой диверсии не участвуют. Как видите, слово диверсия пишу без кавычек, поскольку один «пятак» действует намного хуже тротила. Сколько раз я ругался с разносчиками и разносчицами этой рекламной заразы! Посулят, скажут, что не станут больше забивать ящик, нет, снова пихают…

«Пятачок» гигантскими буквами публикует вот какие поэтические шедевры:

«Мы выполним все ваши желания. Всегда у нас пять бутылок пива и шампанское бесплатно».

Заметьте, постоянное дьявольское слово, употребляемое разнообразными бесами: «бесплатно». Мамона-то знает, что делает…

«Пристрастившись к деньгам, - говорит Иоанн Златоуст, - неизбежно

бывают и завистливы, и склонны к клятвам, и вероломны, и дерзки, и злоречивы, и хищны, и бесстыдны, и наглы, и неблагодарны, и исполнены всех зол». По слову того же святителя, жившего много веков назад, такие люди идут на обман даже в языке, все добродетели кличут на свой лад: «скромность неучтивостью, кротость трусостью, справедливость слабостью, смирение раболепством, незлобие бессилием».

Под проститутским воззванием стояла знаменательная подпись: «Гармония». Подумалось: уж не гимназия ли? Только что я послал туда сказку в стихах. (В сказке действует медведь, кот, лиса и ещё кое-кто.) Если ребятишки поставят по этой сказочке школьный спектакль, то я с радостью пойду в гимназию «Гармония» вместе с Ольгой Сергеевной - потомственным педагогом. Отнёс я сказку и в кукольный «Теремок», ведь здесь ни разу не удосужились меня поставить, хотя живу в Вологде почти пятьдесят лет, и ставить было чего... Не вспоминаю о Государственном драматическом и о ТЮЗе. Нехорошо пропагандировать самого себя. Значит, я не подхожу вологодским лицедеям по таланту.

Вернёмся к пресловутому «Пятачку».

Гигантскими чёрными буквами и не менее крупной цифирью телефонов уляпана вся вторая страница, да и на третьей имелась добавка. Чьих телефонов? Да тех самых бл..., как их много веков называл русский народ! У Чехова есть рассказ о том, как друзья обучают студента ходить в публичный дом. Так вот, меня поразило то, что в тогдашней Москве этих заведений было меньше, чем в нынешней Вологде. Судите сами:

«Ночное рандеву». Остановка по требованию для тебя и твоих друзей. 24 часа(+) 30 минут. Приглашаем на работу».

На какую работу? Ничего не понимаю, такой уж дурак уродился. Не понимаю, и всё тут! До сих пор не знаю, о какой работе идёт речь в «Пятачке». Особенно умиляет этот «плюс». А почему не «минус»?

Читаем «Пятачок» дальше: «Империя страсти», без комплексов. Приедем к вам», «Магис» (по латыни), «Дикая орхидея», «Эммануэль», «Шалунья», «Сандра» (опять по латыни), «Фея», «Красотка» и т. д. В серединке скромненько сообщение насчёт шинного монтажа...

Слово «любовь» в русском народе никогда не употребляли для обозначения сексуального совокупления, которое называется обычной случкой. Да, это случка, если мужчина и женщина не были под венцом, на худой конец хотя бы в сельсовете или во Дворце бракосочетаний. На Западе даже Хемингуэй называл случку любовью. Но мы-то не Запад! Мы же православные люди. Многие из нас крещёные, хотя полно и нехристей, как говорят в народе.

Хотелось выйти на улицу и кричать на всю нашу Вологду: «Какой позор!!!» Какая мерзость, какая гадость для всего нашего прекрасного Севера, для всей России, для всех русских и нерусских женщин, живущих в Вологде! Какой позор для журналистов, учителей, всевозможных писателей, артистов, художников и художниц, для всех бюджетников и

администраторов, коих ведут к новым рынкам наши губернатор и мэр! Какой позор и для поющих на храмовых клиросах, для всех выступающих в Домах культуры…

Почему все молчат? Ни звука, словно так и должно быть… Впрочем, говорят, что прощебечено что-то самому Путину, конечно, прощебечено на бумаге…

Иду на улицу, чтобы успокоиться, но на троллейбусной остановке около ТЮЗа висит красочная афишка, а на афишке малыш в возрасте первоклассника и взрослая девица спортивного вида. Мальчик оттянул у девицы подол выше пупа и рассматривает, что там имеется. Наверное, на афише коллаж, но всё равно - гадкое зрелище… Вот это свобода! Демократическая, дорогой Вячеслав Евгеньевич. Разрешается делать всё, что не запрещено законом. Не так ли, господа демократы?

«Стыд объявляется «отрицательным эмоциональным состоянием», вина и раскаяние - тоже», - говорит О. А. Кольчугина в статье «Даёшь сексспросвет?!» (журнал «Свет», № 9). Но так называемое сексуальное воспитание малышей - это не мода, это прямое действие бесов. Жертвы моды рождают и дальше таких же жертв. Несть конца всему этому! Ни мужчины, ни женщины просто не думают о здоровье. Прочитайте, что говорит один учёный, автор статьи «Падение» в том же номере упомянутого журнала. Хотя в том же журнале «Свет» печатается множество всякой дьявольщины, почитайте эту статью. Как известно, дьявол маскируется и соседством с добрыми, то есть православными публикациями.

«Конечно, - скажет депутат-демократ, защищённый депутатской неприкосновенностью, - это и есть подлинная свобода». Неприкосновенность и начальнический ореол защищают подобного законодателя не хуже брони. Осмелюсь заявить: это совсем не свобода. Это порабощение. Это служение мамоне, иначе дьяволу. Почему, спросят, дьявол с маленькой буквы? Спросите у владыки Максимилиана…

И вспомнились мне покойные тёща с матерью. Эти слова (тёща - это Богом данная вторая мать) следовало бы писать с заглавных букв, что я почти никогда не делал… Вспомнились мне и строки в поэме «Мороз, красный нос», посвящённой сестре Некрасова:

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц.
Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдёт - словно солнцем осветит!
Посмотрит - рублём одарит!»
Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идёт,

Но грязь обстановки убогой

К ним словно не липнет.

Цветёт Красавица миру на диво,

Румяна, стройна, высока,

Во всякой одежде красива,

Ко всякой работе ловка.

...Перечитайте некрасовскую поэму, вологодские и все остальные женщины! Ей-богу, это не помешает ни вам, ни вашим мужьям, ни сыновьям. Совсем не обязательно каждой женщине входить в горящую избу или на скаку останавливать коня. Для этого есть мужчины (мужья, сыновья, внуки, деды). О них разговор нужен отдельный.

На этом я и хотел бы закончить свою статью. Но случилось это в субботу 5 ноября, в день праздника. Об иконе Казанской Божией Матери знают, наверное, все. То, что говаривали о русской женщине Н. А. Некрасов вкупе с Ф. М. Достоевским, тоже все знают. Но одного Пушкина иной раз достаточно, чтобы пересилить сразу двух классиков. Иной раз даже два-три русских классика не могут потягаться с одним абзацем из Пушкина. Поэтому не торопитесь, читатели, с выводами. Да и Николай Игнатьевич Кондратенко - могучий кубанский казак - тут слегка подсобил Пушкину. Сделаем небольшую выписку из его интервью «Советской России»:

«Не надо думать, что сионизм отступит. Нас на миллион каждый год меньше - это уже победа сионизма. Это значит, что завтра не будет детей у тех, кто сегодня не родился и умер раньше срока... И вот мне хочется сказать: врёте вы, русские, что не знаете, что с вами происходит! Когда у вас завелись диссиденты, то каждую листовочку передавали из рук в руки, читали, верили, питали интерес. Это и было то, что называется - политическая активность масс».

...Сами решите, ладно ли поступил Николай Игнатьевич, отказавшись от выборов, и правильно ли сказал А. С. Пушкин о женщинах «вообще».

Похвала современному депутату. Вместо рецензии на книгу Л.А. Тихомирова

Отчего в мире так много желающих стать хоть маленьким, но депутатом? Что двигает человеком в его стремлении к власти? Пытаясь разгадать эту загадку, читаю собственное депутатское удостоверение: ОБ № 11, 1989-1994. Сплошь гербы и печати. На голубом фоне - мелкая неразборчивая горбачёвская подпись. Чернила тоже голубенькие... С запоздалым тщеславием штудирую вставную карточку, подписанную Лукьяновым: «...пользуется правом бесплатного проезда...» Стоп! Вот, наверное, в чём дело. Да нет же... Перед своим депутатством я об этом не думал. Ни сном ни духом не ведал о таких привилегиях. Объяснение бесплатной ездой не подходит. Деньги, чтобы летать и ездить, были тогда свои. (Позже, правда, вошёл во вкус, начал ездить, верней, летать, бесплатно.) Нет, не то. Тогда что же дало первый толчок? А вот что:

гостиница! Вспомнил про неё и... не стал противиться обстоятельствам. Сколько трачено сил, сколько проглочено обид из-за этих столичных гостиниц! Приезжая в Москву, найти приличный ночлег было не так и просто. Ездить же приходилось частенько, литератора и тогда, как волка, кормили ноги. Получив депутатский мандат, я вздохнул свободно... Конечно, повлияло и некоторое тщеславие: надо же - депутат! Мать и жена во всяком случае гордились... И всё же, главное было не в этом. Наивный человек, я искренне верил, что смогу сделать что-то полезное хотя б для крестьянства - самого терпеливого, самого забитого, но и самого надёжного в государстве слоя. Не зря реформаторы его так активно вымаривают. Вот что двигало мною. По той же причине согласился и на членство в Верховном Совете. Открывался доступ в ЦК. Не по своим нуждам ходил я в Совмин, Н. И. Рыжков не даст соврать. Ну, а что двигало, к примеру, Шеварднадзе или же Собчаком? Сиё мне неведомо... (Но представить можно, кому и для чего до зарезу нужна была власть.) Вспоминая свою колхозную жизнь, исчезающие русские деревни, представляя погибших в годы раскулачивания, родного отца, лежащего на Смоленщине в трёх могилах, наконец, припоминая сцены из повести Зазубрина «Щепка», я с тревогой проголосовал за отмену шестой статьи... Позднее выпросил у Лукьянова ротацию и навсегда покинул роскошный Кремлёвский зал. «Почему? - спросит читатель. - Ты вот покинул, а другой занял...»

Потому, во-первых, что профессиональная деятельность никак не увязывалась с депутатской. Литературные планы трещали по швам. Потому, во-вторых, что надвигались новые, отнюдь не крестьянские времена. На мои выступления перестройщики то и дело шикали. Горбачёв со спикером не допускали порой ни к трибуне, ни к микрофону. Суетливый «защитник» народа Черниченко не пригласил даже на свой дилетантский «крестьянский» съезд.

Сидел я в одном ряду с Ельциным - на переднем. Перемогал дни под самым носом у хищной птицы, называемой телекамерой. (Сия птичка, командующая целыми государствами, опасней, пожалуй, целой стаи «фантомов», которые нацелились бомбить беззащитных сербов.) Она планомерно, с дьявольским терпением водила своим носом по депутатским рядам. Положим, я её не боялся, но надоедала она до тошноты!

Нынешние депутаты не хуже меня знают об этих птицах... Наши «народные», такие, как Собчак, готовы были и ночевать вместе с телевизионщиками. Есть, вероятно, и сейчас эдакие. Они то и дело лезут прямо под ядовитую оптику, аж треноги с места сдвигают.

«Но не все же в таких клетчатых пиджаках, как Собчак! Имеются в Думе и порядочные», - утешаю себя.

Нет, депутатам я не завидую. Не сладко ни прежним горбачёвским, ни теперешним ельцинским, разделившим Думу на фракции, как во всяком европейском конвенте. Вон Анатолия Ивановича Лукьянова объявили натовцы лучшим европейским спикером (не будем спрашивать,

за что). Но, когда пришло время, они же его и упрятали в «Матросскую тишину». Что хотят, то и творят.

Чему тут и завидовать? Лишь хасбулатовские депутатские пенсии смущают иной раз мою грешную душу. Но хасбулатовцы, хотя и не все, но выстояли под еринскими автоматами и грачёвскими пушками. Слава таким! Так что пенсии этих депутатов можно считать заслуженными. Признаюсь: я, гослауреат, почётный академик каких-то трёх академий, экс-депутат (и тэдэ, как говорится, и тэпэ) хасбулатовцам иной раз слегка завидую, потому что наша депутатская генерация пенсий себе не выхлопотала, а стариковская «стипензия», как я её называю, тянет на один купейный билет до столицы. Правда, туда и обратно. Если ехать в общем вагоне или в плацкартном, то остаётся ещё и на какую-нибудь книжку, вроде сборника Льва Александровича Тихомирова. Этот автор так интересно, так ясно пишет о русской государственности! Искренне советую каждому кандидату в депутаты прочесть хотя бы одну книгу Льва Тихомирова. Замахивающийся на президентское кресло (трон по-теперешнему) обязан прочесть две: одну про монархию, другую о демократии. Читал ли эти книги, например, господин Брынцалов? Очень сомневаюсь. Боюсь, что и другие пропустили…

Читатель «Парламентской газеты», вероятно, уже заметил, что автор переходит иной раз на иронический тон. Это отличительный признак перестроечной публицистики. Усвоили его и многие депутаты. Только кому нужны наши слова? Требуются дела. Митковы и Киселёвы, орудующие в телевидении, так нас заморочили, что для многих Россия стала вроде мачехи, и мало кто знает, что делать. У депутатов времени читать Тихомирова нет. Миллионы обычных людей только о том и думают, как бы прокормиться и одолеть ещё одну зиму. Ах, сколько тысяч заброшенных деревень исчезнет опять с лица родной земли! Сколько стариков перемрёт в промёрзших деревянных домах! А черномырдинский газ течёт да течёт в Европу, отапливая жилища немецких и австрийских бюргеров. Сынки этих бюргеров, уже пристёгнутые к сиденьям, наладились бомбить сербские города. Отцы этих лётчиков-молодцов не забыты уцелевшими русскими вдовами. Что ж, неужели такова участь полуголодных русских вдов: обогревать европейские виллы, самим замерзать в дырявых избёнках? Спивающимся их сыновьям тоже нет времени защитить своих матерей от холода-голода. Сыновья без устали качают газ из Ухты в Европу.

Бюргерам - газ, нам - газировку и спирт «Рояль». Плюс жвачку и всякие сникерсы. Дело идёт бойко. А я-то, дурак, будучи депутатом, однажды публично похвалил Черномырдина. Этот грех случился ещё в ту пору, когда ЧВС только-только нацеливался на газовую промышленность. Выходит, накаркал я на свою же шею. Читатель «Парламентской газеты» позволит ли привести несколько строк Пушкина? Эти строки пришли на ум, когда я снова думал о Черномырдине:

В лесах во время ночи праздной

Весны певец разнообразный

Урчит и свищет, и гремит,

Но бестолковая кукушка

Самовлюблённая болтушка

Одно ку-ку своё твердит.

И эхо вслед за нею тоже

Накуковало нам тоску!

Хоть убегай. Избавь нас, боже,

От элегических ку-ку!

Сравнивать Черномырдина с «певцом весны разнообразным» - соловьём - никто, наверное, не осмелится. Элегические трели Виктора Степановича известны за рубежом и дома. Этот Мирабо поразил нас всего лишь одной удачно сказанной фразой: «Хотели как лучше, получилось как всегда». Такой, право, шутник Виктор Степанович... Да и то, вероятно, выпрыгнуло случайно. Ничего он не хотел «как лучше». Депутаты показали ему на дверь - молодцы! И на том спасибо.

Что ни говори, а нынче мудрее пошёл депутат. Хоть и на ходу, а научились и начали думать. Даже Владимир Вольфович не желает больше мыть сапоги в индийских водах.

Думает Дума, думает, хотя Черномырдин, не умея связать и двух слов, всё ещё метит на самую высшую должность. Пардон! И другие политики, примеривающие свои торсы к президентскому трону, тоже не менее косноязычны. Боже, «какая смесь одежд и лиц, племён, наречий, состояний». Опять вспомнился Пушкин. Не хватало нам ещё брежневского отпрыска, объявившего себя генсеком новой непонятной партии. Этот, вроде бы, хоть в президенты не метит. Но поди знай. И мерещится каждому, что избиратель его поддержит... «Электорат» же, как теперь кличут нашего брата (рядового митковско-киселёвского зрителя), опять в растерянности. За кого голосовать хоть бы и в 2000 году? А вдруг Ельцин каким-либо «непредсказуемым» способом оставит согретое место?

Друзья-депутаты, а не пора ли и отменить заёмную у Запада конституцию, вычеркнуть из неё нерусскую президентскую должность? Не пришло ли время и об этом подумать?

Но теперь не тут-то было. Товарищи из межрегиональной группы зря, что ли, совершали переворот? Не с бухты-барахты они вводили всяких префектов, мэров, президентов. Смердяков, - извечное чадушко Лизаветы Смердящей, живёт и здравствует... Чужебесие, особенно в таких столицах, как Москва, Киев и Санкт-Петербург, по-прежнему главная язва в нашем характере (менталитете, как принято говорить у реформаторов). У нас, как заметила одна старушка, «то коммунизьма, то капитализьма». «Не время ли России уж и по-своему жить?» - добавил бы аз грешный. Сколько же ещё попугайничать? Сколько лет ещё прискакивать на запятки трясучего европейского тарантаса?

Думаю, что ещё долго будем цепляться за сей тарантас... Прежде, чем оставить дурную подражательскую привычку, надо избавиться хотя

бы на время от митковых и киселёвых, то есть от электронного Смердякова. Без этого нам не научиться беречь матерей и мужественных генералов, каким был расстрелянный Рохлин.

Увы, полуголодный и полуобморочный «электорат» часто предпочитает иных генералов, кои сродни кукушкам. Эти даже военную службу называют работой. Можно ли представить Суворова, Багратиона, Скобелева на работе? Они служили Отечеству! Работали мужики, крестьяне и мастеровые, они и генералов своих содержали худо-бедно сытыми. А главное - в чести. Теперь вот и прокормить мы не в силах своих защитников. Глядя на птичьих генералов, лейтенанты, к удовольствию киссинжеров и бжезинских, начали палить в собственные виски. Солдаты, по примеру старших, тоже не служат, а работают, хотя и под бдительным оком собственных матерей.

До государственного ли строительства в таких условиях и членам Федерального Собрания? Тихомирова им читать нет ни времени, ни желания. Хоть с «кукушкой» управились, и то добро... С другими птицами справятся ли?

Думаю, что и более образованные, чем господин Брынцалов, не ведают, что такое три вида верховной власти и в чем разница между ними. Я тоже узнал об этом лишь недавно: книги Тихомирова о государственном строительстве достать не так-то и легко. Это сексуальные опусы в удручающем изобилии лежат на каждом углу. Глава комитета Говорухин ни в какое «отхожее» место эти шедевры реформированной нравственности не загнал и, судя по всему, не загонит, хоть и посулил.

Сулить-то мы все мастера. Чего только России не посулил Б. Н. Ельцин ещё тогда, когда он президентом не был и командовал сошедшей во мглу истории депутатской группой (Афанасьев, Попов и прочие). Однажды я попросил у Бориса Николаевича аудиенции для краткого разговора. Последовал широкий жест: «Пажалуйста!» Я простодушно сказал, что хотел бы поговорить с ним о крестьянстве и сионизме. Лицо его вытянулось. Борис Николаевич замолчал, как рыба.

Я понял, что встреча откладывается и, вообще, вряд ли состоится. (Если б она состоялась, может, и моя «стипензия» была бы примерно такая же, как у Марка Захарова. А то и побольше. И я издал бы сразу шестнадцать томов.) Господь спас. Да и зачем бы мне сразу шестнадцать? На такую кучу у меня и матерьялу не хватит, а для поддержки штанов достаточно бы и одного тома, который хотят издать, да почему-то не издают.

Похоже, опять жалуюсь. Прикусить бы язык! Что значит моя персона, если... Не будем уточнять, что следует за этим «если». Все, кто смотрит на мир не птичьими глазами телекамеры, а своими очами, о происходящем в стране и в Москве знают великолепно.

Недавно я, подобно господину Тополю, который увещевал банкира Березовского, обратился с увещеваниями сразу ко всем столичным

жителям. На моё обращение Москва и ухом не повела. Чего уж с банкиров-то спрашивать? Банкиры не внемлют предостережениям…

За что почти все мы так любим Москву? Перечислю, за что я лично беззаветно любил её. Ну, первым делом за то, что она была столицей. За университет, за её высшие учебные заведения, за обилие музеев, за её удивительную архитектуру. Да мало ли за что мы любили столицу? Чего стоило одно добросердечие московских тёток. «Просвирни», у которых учился когда-то русскому языку А. С. Пушкин, живут и в нынешней Москве.

«Ну, а за что ты её разлюбил, Москву-то?» - спросит весёлый циник из какого-нибудь «Телеграфа» или «Общей газеты». Во-первых, за попытку предать Родину, отделиться от России, обособиться. Иначе зачем бы Москве своё, отдельное т. н. правительство? Хорошо, ежели Лужков пресечёт эту попытку. Но позволят ли олигархи сделать это благородное дело?

Как легко сбиться с благодушного и даже иронического тона среди сплошной купли-продажи, среди нескромного изобилия забугорной лексики, среди жалких челночных толп, милиционеров, бандитов, иностранных шпионов, журналистов, проституток. И… собак. Особенно разлюбил я столицу за латинский шрифт и рекламу.

Мы забываем, что

Москва строится,

Москва торгует,

Москва пресмыкается,

Москва хамит…

Так за что её нынче чествовать и любить нынешнему провинциалу, т. н. «россиянину»? Ведь иному реформатору произнести слово «русский» - и то головная боль. У Ельцина во всяком случае язык никак не поворачивается выговаривать это ненавистное для космополитов слово. У него эта болезнь ещё с тех времён, когда он сидел в обкомовском кабинете г. Свердловска. Подражая Борису Николаевичу, и москвичи слово это не то что бы разлюбили… Подзабыли. Не все, конечно.

Москва-то действительно строится, пожалуй, не хуже, чем во время строительства коммунизма. Роскошные жилые дома с гаражами и башнями для новых миллиардеров, банки с причудливыми архитектурными излишествами, памятники а-ля Церетели, подземные и наземные дворцы. Бульвар километра на два (Сиреневый), как по мановению волшебной палочки, огородил ажурной чугунной оградой, бетонируют, асфальтируют, сажают цветы и деревья (бюджет целой области на один такой бульварчик). Средняя пенсия больше, чем вологодская, платят, по-моему, всегда в срок. Гонконг? Государство в государстве? Похоже на Гонконг. Свои законы, свои адвокаты-сутяжники, свои банки и банды. Горы арбузов и дынь. Кавказ командует не на одних только базарах. Он, Кавказ-то, стреляет, поёт и пляшет лезгинку. Благодарит генерала Лебедя за отрыв от России Чечни и Молдовы. Или

наоборот: Россия отделяется от Чечни и Молдовы?

О фокусах, которые вытворяет московская пресса вкупе с телевизией, и говорить стыдно. Жену А. С. Пушкина, например, называют «мадмуазель Натали». Как, наверное, трепетала и кипела душа великого поэта, когда на конкурсе десятиклассников калужские культуртрегеры и корреспондент ОРТ переименовали Наталью Николаевну в «мадмуазель», сделали её француженкой! Проглатывает Дума и другие сюрпризы. Как не вспомнить гневные строфы Лермонтова, которого по-прежнему, как огня, боятся «надменные потомки известной подлостью прославленных отцов». Но таких тонкостей слушатель т. н. «русского» радио просто не замечает. Словом, господа-реформаторы пытаются хитростью отобрать у русских Москву… Сопротивляется ли мэр Лужков?

Вроде бы, да. Но банкиры с двумя подданствами (может, у иного и три подданства?) лицемерно празднуют 850-летие русской столицы.

«Как вы относитесь, например, к рекламе?» - спрошу я незомбированного, т. е. нормального человека. Хотя депутатский корпус и опирается на западное отношение к этому новейшему для нас явлению, реклама у нормального русского вызывает рвотное чувство. «Как? - тотчас завопит реформатор. - Весь мир нуждается в информации и рекламе, реклама - двигатель торговли, а без торговли нет никакого прогресса». Однако лишь круглому дураку неясно, что информация и реклама совсем не одно и то же. Разница между ними самоочевидна. Пошлая, иногда и развратная реклама с дьявольской хитростью маскируется, прячется за информацию и беззастенчиво лжёт, дезинформирует человека. Это орудие дьявола, а не Бога.

Вся Москва заляпана рекламой, не жалко кому-то ни дорогущей бумаги, ни лучших красок. Щиты, пропагандирующие табак, торчат на улицах повсеместно. (Жалкие приписки о вреде курения выглядят лицемерно.) А какой высокой чести удостоена в Москве алкогольная отрава человеческих нервов и крови! Венечке Ерофееву ставят сразу два памятника. Нет, не напрасно демократы сделали алкоголь орудием оглупления наравне с телевизией. Весь мир везёт на Русь-матушку ядовитую жидкость, а президент преследует генерала Николаева, пытавшегося останавливать и возвращать восвояси цистерны с ядом. Генералу пришлось снять погоны и спрятаться в Думе… Совсем недавно реформаторы в числе продовольственных товаров числили «спирт питьевой». Эх, сколько душ не досчитала Россия, угощающая своих граждан таким продуктом! Призывы академика Углова и других учёных депутаты покамест не слышат. По-видимому, у них, как у девушек из пословицы, «уши-то завешаны золотом». Забота пока одна: доллары! Помню мужика, просившего в долг денег в соседней избе. Топилась маленькая печка. Мужики, сидя у этой печки, решили закурить. Просивший в долг свернул цигарку, вытащил коробку спичек и чиркнул спичкой, прикурил. Хозяин говорит: «Нет, парень, не дам я тебе в долг». Кочергой выкатил из печки уголёк, взял в задубелые пальцы и прикурил свою цигарку. Хотя и спички в кармане брякали…

Вспоминаю этот эпизодик при каждом западном транше…

И возникла мода

При отмене властью обряда крещения люди сами стали давать имена младенцам. Возникла мода на некоторые христианские имена. Кое-кто из ярых безбожников начал имена выдумывать, конструировать, но фантазия иногда отказывала родителям, и новорождённый нередко получал самое нелепое имя. Не имя - кличку! Мерзость язычества соприкоснулась с русским народом… Грешный я человек, хоть и знаю кое-какие молитвы Господу… Сравниваю я моду с проказой человечества. Она ядовитой ползущей плесенью покрывает весь земной шар. Можно её сравнить и с чумой, которая ещё в древности выкашивала миллионные толпы. Бродит эта чума по всем островам и материкам. Она не щадит никаких народов. Кроме религии её ничто не страшит, ни века, ни тысячелетия…

В минувшем столетии её вежливо называли «отблеском нравов известных времён…». Всего лишь отблеск времён! Ни больше ни меньше. На глубоко религиозного человека мода не влияет, тут её вирус не действует, но и в среду миллионов верующих она проникает. Примеры? Пожалуйста! Межконфессиональная борьба никуда не делась. Мода на чужебесие преследует русских, может быть, от времён Александра Невского до дней Путина.

«Как сладостно отчизну ненавидеть!» - взывает поэт Печерин, подражая самому Смердякову, хриплому рупору общего врага человечества. У Печерина до сего дня имеются подражатели. Мода на дьявольщину не исчезает.

Народная, то есть национальная жизнь чужда моды, такая жизнь буквально во всем естественна. Мода, проникая в народную жизнь, подобна червю, оставляющему за собою гнилое выеденное пространство. Мода противоречит народной жизни во всём буквально: в искусстве, в еде, в музыке, в одежде. Особенно в одежде, и особенно в женской одежде. Трудно преувеличить в этом деле влияние на народ средств массовой информации, т. е. телевидения, красочных газет и журналов, выпускаемых доморощенными и привозными бесами в громадных количествах. За какой-то десяток перестроечных лет отучена, к примеру, от национальной одежды целая нация. Русские женщины перестали быть русскими, превратились как бы в китаянок. Они не обращают внимания на то, что дёшево и красиво, что дорого и нелепо, что хорошо, что плохо… Лишь бы выглядеть «модно». Для кого, для себя или для мужчин? По-моему, для иных женщин… Они убеждены, что ходить в брюках удобно, значит, можно. Женская подражательность в одежде потрясающа: тут мода просто свирепствует, не признаёт ни такта, ни здравого смысла. Например, откуда взялась мода на пиво и курение? Даже верующие женщины и девушки иногда забывают, что в Библии сказано чётко и ясно: «На женщине не должно быть мужской одежды и мужчины не должны одеваться в женское платье, ибо мерзок перед Господом Богом твоим всякий делающий сие».

Какой «отблеск нравов» останется от нас хотя бы через тысячу лет? Разбираться, что такое хорошо, что такое плохо в национальной, т. е. народной жизни мы до сих пор не научились. Находимся, так сказать, в детском возрасте… Под влиянием дьявольских сил наш народ заигрывает с бесовской властью, нет у нас чёткого понятия об иерархии духовных и прочих наших врагов! Чётких понятий о совращениях, об искушениях. Увы, нет. Процесс апостасии не остановлен, хотя и построен в Москве грандиозный храм во имя Христа Спасителя.

Надо бы ещё и признать, что существует просто мода на моду… Автор не богослов, он обычный верующий, но осмеливается утверждать хотя бы, откуда пошла «мода на моду», какого она родства, кто её породил, нашу духовную разноголосицу… Итак, «мода на моду». Что это значит? Знать бы звучную, незаменимую латынь, я тут же сказал бы ещё короче. И быть может, это выражение стало бы пословицей, его поняли бы даже студенты техникумов. Но латынь названа мёртвым языком и убрана из программ просветительских. Русский язык от этого ничуть не выиграл, смею думать, французский тоже… Латынь дисциплинировала все европейские языки. А реформирование русского привело в конце концов к его обеднению. Уже интеллигентские дамочки, торгующие породистыми щенками, отменили русские слова кобель и сука, назвали одного мальчиком, другую девочкой. Такие, право, блюстители нравственности! Они не прочь бы сменить и кириллицу на латынь (что и происходит на Балканах), да народ пока не готов к такому закону.

Мода менять родную веру на чужую, мода отказываться от собственного алфавита существует даже у некоторых «крутых» мусульман. Я вижу в такой моде некоторую подпитку межконфессиональных свар и даже чеченской войны. Точь-в-точь, как с народной музыкой! Не знаю, есть ли у меня право обличать, кажется, есть. (Не буду выписывать страницу из Иоанна Златоуста, чтобы подтвердить право на обличительство.) Впрочем, одного обличительства, когда говорят о моде, явно маловато. Не мешало бы присоединить к нему и эстетику. Художественная грань «магического кристалла» затронута в моей заметке, напечатанной в «Русском доме».

Мода на чужеземные обычаи, несомненно, сильна и, на мой взгляд, весьма зловредна для православного, воцерковленного человека, это не надо и доказывать. Но говорить о моде в политике приходится то и дело… О моде на инородную экономику надо писать отдельно, хотя суть её та же, что и прочего чужебесия.

К несчастью, появилась уже и мода на бесстыдство. Что может чувствовать здравомыслящий человек при виде целующихся на улице, да ещё демонстративно? Наверное, отвращение, больше ничего. Понятие стыда никому, наверное, не надо объяснять и разжёвывать. Увы, кое-кому надо и объяснять, и разжёвывать, поскольку мода на бесстыдство внедрилась каким-то образом в человеческий быт и даже в профессиональное искусство, а не только в стихийно-народное. О народной музыке и музыкальных инструментах мне уже приходилось и

говорить, и писать. (Не буду повторяться, хотя и следовало бы, потому что разложение общества и разрушение государства происходит сейчас больше именно через музыку, нежели через печатное слово.)

Однако бесстыдство, в том числе музыкальное, не ходит по миру без помощи печатного слова. И тут сразу приходит на ум реклама. Моде на потребление наркотиков, к примеру, на женское курение и на молодёжное пиво, моде на проституцию подвержены больше женщины (словечко «проститут» ещё не вошло в быт, но «сутенёр» - давно в действии). О рекламе и средствах массового оглупления граждан следовало бы создавать целые научные диссертации, достойные самых престижных премий. Только даются-то награды, скорее, наоборот, т. е. тому, кто самый нахальный. Судите сами: всё ведь теперь на виду…

Конечно, с позиции либерализма всех рассуждающих подобным образом следует называть не менее как духовными санкюлотами, мизантропами. Стоит сказать против дурной моды - хотя все моды подряд дурны, и вас тут же те же газетчики «МК» обзовут мракобесом. Либерал-демократ готов обвинить в обскурантизме любого, кто осмеливается проявить голос, кто думает не по-сатанински, а по-христиански. В глазах либерала ханжой выглядит и монах, и священник. Возьмём женскую, особенно русскую женскую приверженность к чужебесию. Стоит хоть слово сказать о коротеньких, едва дотягивающих до ягодиц юбчонках, и тебя тут же обзовут отсталым, некультурным либо обскурантом, то есть противником прогресса вообще. Между тем такие юбчонки, да ещё на широте, коя соответствует отрицательной среднегодовой температуре, приводят миллионы прекрасных здоровых девушек в урологические кабинеты. Такие моды, игнорирующие зимний мороз, лишают миллионы людей счастья деторождения и здорового супружества. Увы, либерал за такие слова сочтёт по меньшей мере противником женского равноправия. Но какое же тут усмотрено равноправие? Право на продолжение рода принадлежит не одним женщинам-суфражисткам, но и мужьям нормальных женщин. Оставим пока не только нравственную, но и медицинскую сторону нашего разговора. Не дай Бог, могут приписать автору «сексуальную озабоченность», кто-кто, а либералы-то приклеивать ярлыки мастера. Умеют, ничего не скажешь…

Древо зла

Однажды отказалась Россия от обычного двенадцатимесячного, то есть годового, отсчёта времени. Решительно перешла она сразу на пятилетний отсчёт. Размах получился необычайный!

Пятилетка, пятилетка,

Пятилетка, молодёжь.

Из-за этой пятилеточки

В сыру землю уйдёшь.

Так пели девчонки, которых заставили рубить и возить тяжёлые брёвна, ночевать в лесных бараках вместе с мужским полом. Примерно

тогда же родилась и другая девичья песенка:

Задушевная подруга,

До чего мы дожили,

Из-за честности на девушек

Налог наложили.

Пятилетки пташками полетели над нами. «Сократились века!» - говорили православные люди. Пятилетние порции отсчёта быстро устарели, и Россия, подтверждая правоту Иоаннова откровения, быстро перешла на семилетний отсчёт.

Да, время - философская, вернее, религиозная категория. С такими понятиями шутки плохи...

Почему я говорю об этом? Ещё в начале 80-х годов в статье «Против зелёного змия» пытался я сказать, какое великое древо зла вырастает на русской земле, как быстро и глубоко пускает оно в нашу землю свои корни, как много мерзких плодов цветёт на его ветвях, овеваемых безбожными вихрями. С тех пор проскочили три пятилетки. Интернациональная власть и её троцкистское окружение не только не рубили зловещие корни дерева зла, но всячески удобряли безблагодатную почву. Зелёный змий с каждым годом всё комфортнее устраивался в кроне, укреплялся на мощных его ветвях, и русский народ не знал, каким топором рубить это могучее дерево зла и страданий.

И впрямь, с какого боку подступиться, чтобы срубить и спастись? Нельзя говорить, что не было опыта, что народ сам виноват. Неправда, опыт был! И этот опыт всегда исходил из православной веры. Впрочем, ещё до святого креста, поставленного на киевских горах апостолом Андреем Первозванным, - у русских язычников не было пиетета перед хмельными напитками. Эту истину доказывают былины и народные песни, дошедшие до нас из глубочайшей древности. И напрасно приписывают св. Владимиру высказывание по поводу пьянства, дескать, с него пошло это «веселие на Руси» есть питие. Клевреты зелёного змия изощрены в демагогии. Они намеренно забывают, что св. Владимир, говоря о красоте и веселии, говорил о вере, не зря же он и избрал для русских как раз Восточное Христианство. Не позарился он на латинскую веру или на мусульманскую, позволявшую объявлять джихады. И тем более не мог позариться он и на иудейскую. Знал он или только чувствовал разницу между иудейским законом и благодатью? О той потрясающей разнице между законом и благодатью, о которой так вдохновенно и так ясно сказано митрополитом Илларионом в своём «Слове», многие православные не знают и до сих пор, особенно те верующие, которые склонны к экуменизму. А в более поздние (передние) времена разве не боролся народ со своим губителем - зелёным змием и с древом зла? Припомним хотя бы созданную русским народом убийственную сатиру на пьяниц, сатиру на тех, кто способствовал - спаиванию: о власть ли предержащих речь, о монахах ли, о белом ли духовенстве, допускавшем пьяные праздники. Так что не надо сваливать свою собственную личную

беду на народ. (Это я говорю о пьяницах-патриотах, о пьяницах-демократах, о любой власти, начиная с монархической, которая держится на пьяном бюджете. Нет, народ испокон веку как раз боролся с любым зельем, табак это или водка, или гашиш, или новейшая наркотическая химия.

Всегда пили? Чушь! Во-первых, не всегда и далеко не все, во-вторых, и сами пьющие проклинали зелёного змия, как соловья-разбойника, угнездившегося в кроне дерева зла. В этом смысле не лишним будет сказать, что происходило в народе и государстве русском, когда шла война с Германией и царь Николай, ничуть не боясь за государственный бюджет, разрешил бороться с зелёным змием самому народу. И народ разделался со своим мучителем по-своему, жёстко и определённо: то есть установил сухой закон. А как было иначе?

Вот как говорилось в своде морских правил поморов - Устьянском правильнике: «Всем ведомо и всему свету давно проявлено, какая беда пьянство. Философы мысль растрясли и собрать не могут. Чины со степеней в грязь слетели. Крепкие стали дряблыми, надменные опали. Храбрые оплошали, богатые обнищали. Вняться надобно всякому мастеру, какова напасть - пьянство. Ум художному человеку губит, орудие портит, добытки теряет. Пьянство дом опустошит, промысел обгложет, семью по миру пустит, в долгах утопит. Пьянство у доброго мастера хитрость отымает, красоту ума закоптит. А что скажешь пьянство ум веселит, то коли бы так кнут веселит худую кобылу».

Как раз так, а не иначе рассуждала вся Русь! Но бесы в образе интеллигенции не были бы бесами, если бы согласились с «Устьянским правильником». Именно они, бесы, водят руками талантливых поэтов и тянут за язык известных лицедеев-актёров:

Водка, что ли, ещё? И водка!

Спирт горячий, зелёный, злой!

Нас качало в пирушках вот как,

С боку на бок и с ног долой!

Другой поэт осмелился задать вопрос целой России:

…Почему сыны твои, Россия,

Больше всех на свете водку пьют? -

и сам же отвечает:

Не надо удивляться,

Наши деды по нужде, поверь,

Пили столько, что опохмеляться

Внукам их приходится теперь.

Увы, такому поэту верить нельзя, он пьющий! Как ловко свалил на дедов! Можно и не ходить на исповедь… Оба цитируемых поэта и все лицедеи принадлежат русской интеллигенции. Их деятельность известна всем, а вот «Устьянский правильник» упрятан был так плотно, что его и сейчас не найдёшь. Спасибо покойному Борису Шергину, он вспомнил про

опороченных пьяницами дедов.

Более пятнадцати лет тому назад автор этих строк в статье «Акциз» говорил, что вокруг каждого пьющего по мере его духовного и физического разложения всегда возникает опасная зона. Поначалу родственники любят его, как и раньше. Затем начинают жалеть. Но порою жалость сменяется презрением и даже ненавистью. Жалость и ненависть в одном сердце! (Например, в сердце жены или сына.) Что может быть взрывоопаснее подобной смеси? Рано или поздно в таких сердцах происходит взрыв. Люди, близкие пьянице, и те, что около, жестоко страдают, приобретая физические болезни. А ему хоть бы что! Он даже не замечает, что родные вокруг него стали больными именно из-за него…

Кому не ясно, что зелёный змий вонзает своё жало прежде всего в семью? Но пьющие генералы и лейтенанты, пьющие депутаты и министры, пьющие врачи и банкиры не замечают этого именно потому, что они пьющие. Они никогда не защитят институт семьи. Жёны и матери напрасно надеются на пьющих, потому что для пьющих не существует понятия личного греха пьянства.

Змий жалит безжалостно и беспощадно. Древо зла, как пушкинский анчар, брызжет ядом. Через болезни, через спид, через наркотики сеет это дерево смерть в нашем народе. Его мощные отростелья раздваиваются, разветвляются на десятки и сотни более гибких, но таких же ядовитых ветвей - и каждую веточку бережно холят либералы и демократы, покорившие нашу прекрасную родину!

Но вот появились у народа такие подвижники, как академик Федор Углов, новосибирские профессора, такие совестливые борцы против змия, как Вл. Жданов. Деятели православной культуры, науки и экономики, искусства сомкнули ряды на основе православного христианства. Наши враги, конечно, сразу почувствовали опасность… Всколыхнулись все сатанинские силы, завопили все бесы, вплоть до Евтушенко: «Как? Новый год и без шампанского? Долой их всех, красно-коричневых заступников нравственности!» Все газетчики, все телевизионные оракулы просто взвились, завопили и завизжали. Дивно ли то, что о «сухом законе» 1916 года во время войны до сих пор мало кто знает. А если и знает, то не верит, что народ вводил этот закон повсеместно.

Уже при Горбачёве либеральная шпана превосходно знала, что Россия, обольщённая и покорённая бесами, нехотя прослужившая им лет сорок, может в любую минуту очнуться. Дьявольская задача была в том, чтобы не дать ей отрезветь. Ведь, очнувшись, народ снова будет служить Богу. Скрытые троцкисты и их новые последователи потому и подсунули народу горбачёвский указ 1985 года. Народ уже открывал глаза на троцкистскую революцию, на масонов и мировой заговор против России. Не дать отрезветь до конца! Не позволить самим русским распоряжаться своей судьбой! Своей верой! Своими идеалами! И явилась тут так называемая перестройка. В этом был смысл и самого Горбачёва, и его указа по борьбе с пьянством…

Горбачёвские перестройщики - наследники Троцкого - сплавили государственную власть пьянчуге Ельцину, предали и продали всё, что можно продать. И началась вакханалия, разруха. Началось ещё большее государственное спаивание всего населения, «процесс пошёл». Споили ельциноиды уже и многих женщин, даже они, женщины, вернее, многие из них, махнули рукой сами на себя… И война, и СПИД, и проституция, и бездарные генералы, и безработица, и секты, если говорить о религиозном сознании, - всё связано, всё выросло на дереве зла! Наркотикам даёт дорогу дешёвое молодёжное пиво, безработица плодит новую безработицу, сидельцы-кабатчики плодят бандитов и думских сидельцев. В Федеральном Собрании много ли трезвенников?

Чтобы осмыслить всё, что происходит в нашем Отечестве, надо, прежде всего, выбраться из безбожного электронно-мозгового телевизионного облучения. Выключи телевизор, если не можешь поставить телевидение на службу народу, а не против народа! Способны ли мы сделать это? Если судить по трём президентам, Федеральному Собранию, по депутатскому корпусу, то пока не способны. Бог пока не простил нас, слишком долго кланялись бесам, которые во плоти. Потому и послал Он нам испытания…

Окопы третьей Отечественной

Жутковато произносить эти слова, но их надо произносить снова и снова. Произносить открыто и честно: в России в разгаре третья Отечественная война. (ВОВ, как выражаются уцелевшие ветераны второй Отечественной в своих письмах и жалобах.)

Эта зловещая аббревиатура (3-я ВОВ) скользит пока по поверхности общественного сознания. Народ прячется от неё разными способами. Кто втягивает голову, как от летящего булыжника, кто нарочно подставляет её под алкогольные ещё более меткие удары.

Не очень-то прилично ссылаться на авторитеты, но, насколько я помню, впервые мысль о третьей Отечественной публично высказал академик И.Р. Шафаревич. Озвучена, как любят говорить депутаты, эта мысль кинорежиссёром Антоном Васильевым в кинофильме «3-я Отечественная».

«Когда же она началась по вашему просвещённому мнению?» - ехидно спросит какой-нибудь демократ. Мне думается, началом её можно назвать государственное предательство нашей незабвенной троицы: Горбачёва, Шеварднадзе и Яковлева.

(Впрочем, питерский кинокритик Марк Любомудров считает, что Отечественная война идёт с 1917 года. При таком отсчёте борьба России за выживание в 1941-1945 годах становится как бы частью общей полувековой борьбы. Скорее всего так и есть.)

Однако Великую Отечественную из истории не похеришь никакими ни патриотическими, ни демократическими чернилами.

Историкам давно бы пора разобраться в событиях российской истории хотя бы восьмидесятилетнего периода [1].

«Ну, а чем вы докажете, что третья Отечественная война уже идёт? - снова скажет нынешний либерал или демократ. - Это бездоказательное заявление, а за слова надо нести ответственность...»

Господа либералы, демократы и благодушные патриоты, откройте же наконец глаза! Протрите их каждый своим знаменем, будь оно красным или белогвардейским, или триколором «незалежности»! Или вы нарочно закрываете свои очи, чтобы не краснеть от стыда? Распечатайте тогда хотя бы уши, заложенные густым враньём телевизионных оракулов.

Академик И. Р. Шафаревич называет нынешнее состояние России третьей Отечественной войной. Конечно, демократы, обладающие тотальной властью не только в нашей стране, а чуть ли не во всём мире, сделали всё возможное, чтобы слова всемирно известного математика остались никому не известными.

Даже самый беспомощный лепет какой-нибудь демократии типа мадам Новодворской стремглав несколько раз облетает вокруг земного шара. Или взять худосочные мысли «специалиста» по правам человека, известного русофоба С. А. Ковалёва. Этому в эфире - зелёная улица и говорить позволено всё, что взбредёт в голову. (Не так давно, отвечая на вопросы Сванидзе, Ковалёв назвал белорусского президента ничтожеством, т. е. приписал ему собственные свойства.) Девяностолетнему академику Лихачёву тоже почему-то разрешалось говорить не только на всю Россию, но и на весь мир, а вот Шафаревичу не разрешается.

Но ведь фигура умолчания сама по себе красноречива! Она бывает красноречивей вслух сказанного...

Всё это уже давно ясно, и нечего сто раз про себя твердить, отчего так происходит. Но, может, в сто первый раз хоть кому-нибудь стоит напомнить, что цензура большевистская (сталинская) и цензура нынешняя (демократическая) это одно и то же - обе из одного корня, из западного. Пожалуй, демократическая-то будет похитрее, поизощренней. Задушить правдивую информацию трудно, однако, возможно, если не с помощью автоматов, как это было у Останкина в 1993-м, то с помощью долларов или немецких марок, что и происходит.

Но не так уж сильна цензура, если академик всё же сказал, а режиссёр даже снял целый фильм, и многие люди смотрели этот фильм. (Я, например, видел эту ленту в Иркутске.)

Так почему же не бьют в набат наши новые и старые колокола? Почему не скачут нарочные по просёлкам на взмыленных конях? Отчего вместо плаката «Родина-мать зовёт!» на каждом шагу торчит реклама да ещё и на чужом языке? Отчего пусто у подъездов областных и районных

[1] Мужественные попытки такого осмысления делает в своих работах К.Г. Мяло. Нынешние года она называет завершением т.н. «Петровского периода», увенчавшегося нашим государственным поражением («Москва», № 11, 1996 г.).

военкоматов? Ни очередей, ни женских слёз, ни материнских, ни девичьих… Впрочем, слёзы-то есть. Но есть и КСМ [2]. Или Россия уже погибла, оставила только след по себе в газетных названиях?

Нет, Россия покамест жива… И русский народ сопротивляется очередному нашествию. Просто люди всё ещё не желают верить в то, что случилось. Они отмахиваются от слова «война», как от надоедливого комара. Не верят в эту военную действительность, боятся признаться, что надвигается катастрофа. Благостные иллюзии всё ещё витают над нашей страной. По-детски жмурятся люди, чтобы не видеть страшной картины. Другие более активны, пытаются бастовать, т. е. не ходить на работу и тыкать в буржуев портрет Ленина. Третьи уцепились за европейскую форму протеста - за голодовку. Четвёртые пьют горькую либо вообще кончают самоубийством.

Этот последний способ совсем уж непостижим [3]! Безденежный офицер, по праву закона обладающий оружием, вместо того, чтобы, защищая семью, стрелять во врага, стреляет в свой собственный висок. А дьявольский рык голосами журналистики внушает самоубийце: какой героический поступок, как это благородно, покончить с собой, как это мужественно… Выходят даже книги о способах самоубийств, и тут цензура бездействует, дескать, у нас свобода, каждый, дескать, имеет право добровольно уйти из жизни…

Какая чудовищная ложь! Недавно один известный писатель доказывал мне, что человек имеет право на самоубийство. Типичное мнение атеиста. Нынешняя патриотическая вроде бы «Правда» вещает, пропагандируя дьявольскую романтику: «Какая ещё там жизнь? Он уже всё решил, мгновенно пришло решение… С начинающим полетит. С начинающим станет прыгать. Но… камнем пойдёт».

Вот и шёл бы камнем сам автор повести «Рок» или сам журналист, и то это было бы величайшим грехом. С точки зрения православного русского они бы продали душу дьяволу. Настоящие русские даже хоронили самоубийц за пределами церковной ограды. В православном, т. е. в русском сознании, что убийца, что самоубийца, - одно и то же. Разницы нет!

Но вернёмся к теме третьей Отечественной. Сколько времени она продлится? Ретроспекция здесь вполне уместна, поскольку речь идёт о жизни и смерти Российского государства. Возможно, страшно сказать, третья Отечественная станет для России последней и гибельной. Возможно, мы снова устоим на ногах. Первая Отечественная продолжалась всего шесть месяцев. Вторая тянулась без мала четыре

---

[2] Ещё одна аббревиатура, немыслимая ни в первую Отечественную, ни во вторую. Комитеты солдатских матерей наводят на многие мысли.

[3] «…Технологи холодной войны сумели, используя достижения психологии XX века… побудить страну в лице её общественного мнения к прямой самосатанизации, к восприятию себя как олицетворения всемирного зла («империя зла»)…» - пишет К.Г. Мяло. Она называет подобное действие «побуждением к самоубийству», если говорить о «межчеловеческих отношениях», и добавляет, что не видит «причины называть подобные действия в отношениях между странами иначе».

года. Сколько продлится третья - известно лишь Богу.

Но что такое Отечественная и что значит вообще война? Философский словарь под редакцией И. Розенталя (1975 год издания) от понятия Отечественная война демонстративно уклоняется, словно таких войн в природе никогда не существовало. Обычную войну философы-марксисты трактуют как вооружённую борьбу между государствами или классами (государство уподоблено одному классу). Тем не менее, все войны марксисты подразделили на «справедливые» и «несправедливые». Они толкуют об агрессивной природе империализма и говорят о вечном мире, который наступит при коммунизме.

Что ж, спасибо и на том.

Советская историческая энциклопедия упомянутого словаря щедрее. Тут помимо набивших оскомину классовых противоречий можно уловить кое-что ещё. Политическую, экономическую, идеологическую борьбу авторы считают составными частями борьбы вооружённой, т. е. войны. «Война есть испытание всех экономических и организационных сил нации», - цитируют марксисты В. И. Ленина, который, как известно, что было мочи старался перевести войну с Германией в войну гражданскую, т. е. способствовал не своей, а вражеской стороне. (Представим себе такого национального лидера во времена наполеоновского либо гитлеровского нашествия.)

Недавно я случайно познакомился с книгой Александра Ивановича Михайловского - Данилевского «Война 1812 года».

«Слыхали вы про такого историка?» - спросил я студентов, причастных к изучению российской истории. «Нет, - откровенно ответил один. - Впервые слышу». Второй молодой человек спросил: «Монархист? Я что-то читал о нём. А что?» - «Да так, ничего...» Мне расхотелось беседовать со студентами.

Но я вскоре завёлся... Монархист ли историк А. И. Михайловский-Данилевский? Конечно. Кем же он должен был быть? Генерал-лейтенант, кутузовский, а позднее и царский адъютант. Не мог он был немонархистом, т. е. дурным по тогдашним понятиям человеком. Захотелось выяснить, что ещё мог прочесть второй студент да и сам я в БСЭ про Михайловского-Данилевского - русского генерала, раненного под Тарутином, ставшего членом Академии наук и, как выяснилось, автора многих книг, по стилю мало уступающих карамзинским. Ко времени моего разговора со студентами я уже прочитал книгу Михайловского-Данилевского. (Читал я её всегда перед сном, пока не уставали глаза. И можно сказать, три ночи совсем не спал. Не мог оторваться от книги.) Я взял с полки сразу две советских энциклопедии. Как прав был грибоедовский Фамусов, воскликнувший: «Всё врут календари!» Конечно не все. Но кое-что явно врут не только календари, но и энциклопедии. БСЭ утверждает, например, что историк Михайловский-Данилевский «использовал обширный документальный и мемуарный материал, но подошёл к нему некритически, ограничившись без какого-либо анализа

военного искусства».

Государственным делом считал музыку Л. Н. Толстой. Циолковский писал в своих дневниках: «Музыка есть сильное возбуждение, могучее орудие, подобное медикаментам. Она может и отравлять и исцелять. Как медикаменты должны быть во власти специалистов, так и музыка».

Во многих странах введены либо вводятся государственные ограничения на музыкально-звуковую, обладающую наркотическим свойством обработку беззащитного подросткового сознания.

В нашей стране наоборот: идёт активная пропаганда рока. Эта пропаганда прикрывается потребностями молодёжи. Пока не вся молодёжь попала в сети. И не все органы информации осмеливаются напрямую оправдывать новейшие нравственные и физиологические пороки, явившиеся в Россию за последнее десятилетие. Звучат косвенные оправдания, вроде того, что во всём виноваты взрослые, родители, создавшие целую систему лжи и неискренности. Следуя этой логике, если говорить о лжи и обмане, разве сами родители не были обмануты?.. Ведь и родители - это всего лишь вчерашние юноши и девушки. И потом, какой же смысл старшим обманывать собственных детей и внуков? Явно тут концы с концами не сходятся. А дело лишь в том, что версия о лживости родителей убивает сразу двух зайцев.

Во-первых, молодёжь отделяется и затем противопоставляется обществу, во-вторых, маскируются истинные причины общественных неурядиц.

Все разглагольствования об отдельной, так называемой молодёжной культуре, насквозь пропитаны демагогией. Когда общество раскроет глаза и поймёт, наконец, чем грозит так называемая массовая культура, тогда меры запретительного характера станут неминуемы…

Можно ли назвать подобные необходимые меры покушением на права человека? Нет! «Музыкальный» король голый! Надо во всеуслышанье прямо сказать об этом….

Так хочется быть обманутым…

«…к нему нашло доступ и побеседовало с ним лукавое слово; он сначала принял его внешним слухом, потом оно проникло в сердце его и объяло всё его существо.» Из бесед св. Макария Великого

Нынешнее состояние Отечества нашего ужасно, а окружающий мир с каким-то непонятным злорадством наблюдает за стремительным и поспешным расчленением нашей ещё недавно здоровой и мощной государственной плоти. Судя по прессе, десятки правительств и даже целые народы ждут не дождутся, когда Россия испустит, наконец, дух, разложится и станет политическим и экономическим перегноем для произрастания каких-то новых и, по их мнению, уже окончательных образований.

Подлость и предательство наших собственных антибольшевистских

правителей по своим масштабам, конечно же, не уступают нахальству и разрушительной энергии западных премьеров, президентов и канцлеров. И тут ничего нет удивительного. Удивительно то благодушие, с коим европейские и не только европейские народы взирают на судороги нашей государственности. С горькой иронией наблюдали мы, как лидеры наши с супругами и в одиночку в Америку и Европу «на время приезжали» и как на бульварах Старого и Нового Света

Кричали женщины «Ура!»

И в воздух чепчики бросали.

Чепчики над столицами взлетали в прямом смысле, звучало «ура» могильщикам единства России. Какое трагическое заблуждение!

Казалось бы, что одно лишь чувство самосохранения должно бы насторожить европейцев, поскольку микробы государственного разложения одинаково опасны для всех. Заразу нельзя ведь удержать в пределах национальных границ. А тут и границы почти исчезли, не нужны стали ни таможни, ни пограничники. Началась гуманитарная помощь, которую никто, кроме предателей, не просил. Увы, совесть оболваненных не меньше нашего европейских народов молчит, как молчала она прежде, когда европейские правители пропускали в Россию пломбированные вагоны с международной шпаной, когда платили деньги нашим доморощенным башибузукам. Молчала совесть народов и тогда, когда Гитлер морил голодом наших военнопленных, а «Смерш» вылавливал русских по всем западным закоулкам, когда английские солдаты по приказу из Лондона штыками отгораживали от обречённых на смерть хвалёную западную свободу. Чуть не полвека прошло, а мы и не знали об этом. Только сейчас начали узнавать про такую западную свободу, про такую европейскую совесть. Да и что толковать о том, что было полвека назад? Совесть народов не проснулась и во время недавней «бури в пустыне» от грома международных ракет, обрушенных на иракских детей, женщин и стариков.

«Внемли себе, чтобы знать тебе здравие и болезнь души», - говорит православный святитель и продолжает: «Праздной и беспечной душе свойствен этот недуг - в бодрственном состоянии тела видеть сны».

Увы, не внемлем. Совесть и на Западе, и у нас молчит, души беспечны, они витают во сне. Чтобы не пробуждаться, людям хочется быть обманутыми. Одна шутливая строчка А. С. Пушкина говорит об этом просто и ясно:

«Ах, обмануть меня не трудно!..

Я сам обманываться рад».

Поэт шутит. Конечно, это шутка, поскольку никогда и ни в чем он не хотел обманываться и быть обманутым. Иначе спокойно бы выбросил гнусный анонимный листок и сделал бы вид, что всё ерунда и не стоит внимания. Но душа Пушкина никогда не была беспечна…

И, размышляя о совести европейских народов, равнодушно, а то и с ехидством взирающих на российские беды, я снова вспоминаю слова

святителя: «…перестань со тщанием наблюдать порок в другом, не давай занятия помыслам испытывать чужие немощи, но себе внемли, то есть обрати душевное око на собственное исследование себя самого».

Быть может, это высказывание обращено только к отдельной личности и слова о внутреннем внимании неприменимы к народам и государствам? Но разве неправда, что жажда общественного самообмана свойственна не одним нам, что она характерна для любого общества? Это она, жажда самообмана, родила и вынянчила диктатуру вселенской лжи. Но то, что ложь всемирна и что у целых государств и народов совесть в дремотном состоянии, никак не оправдывает мою личную ложь, не облегчает моей души, моей собственной совести. Такие слова как совесть и ложь не употребляют во множественном числе. Они, эти понятия, не имеют ни степеней, ни градаций. Вселенская ложь и ложь персональная - не одно ли и то же? (Ведь соль одинаково солона, что в многопудовом куле, что в крохотной отдельной щепотке.) Совесть [4] у человека либо есть, либо её нет, либо она спит, либо она разбужена. Но, разбуженная, она требует от меня немедленных и вполне определённых действий, действовать же в этом дьявольском мире бывает страшновато. Либо вообще лень. И вот я снова возвращаю себя в прежнее, дохристианское, состояние, я самоуспокаиваюсь, самоусыпляю свою совесть, иными словами, совершаю самообман.

Восторженные любители домашних животных (тоже своеобразное проявление неоязычества) знают, что делает блудливая кошка, пытаясь на виду у всех стянуть лакомство. Она тянет лапку, закрывая глаза. Ей кажется, что если не видит она, то и никто не видит. Она занимается самообманом. Точь-в-точь так же и я закрываю своё духовное око, прощая себе дурной поступок. В этом случае я обманываю себя сам. И оттого ещё тщательнее гляжу на других, сваливая свою же вину на них, оправдывая своё поведение внешними обстоятельствами.

Как хочется спросить молодую раскрашенную даму, что у неё на уме, когда она, уронив на цементный пол банку сметаны, ретируется на улицу. Неужели так трудно убрать за собой хотя бы осколки? Другая женщина, поскользнувшись, падает на эти осколки. Дама не внемлет ни себе, ни другим. Она уходит. Но, обвиняя её, я если не забываю, то затуманиваю собственные дурные поступки. Говорят, что однажды Л. Н. Толстой, мучимый совестью, так и не осмелился войти в келью оптинского старца. По другим слухам, старец сам не пожелал встретиться с великим писателем. Один нынешний не великий, но, как говорят, большой писатель, вернувшись из какой-то поездки, с восторгом рассказывал, как лишил невинности девушку. Что было делать нам, его друзьям? Присоединиться к его восторгу? Промолчать? Обличить? Михаил Булгаков, создавая могучие дьявольские образы, осмеливаясь на интерпретацию Евангелия, наверняка знал, что он делает. Но как быть верующему христианину, читающему роман? Неужели надо прощать? Или просто не

[4]Слово образовано по тому же способу, что и «со-гласие», «со-труд-ник», «со-глядатайство», «со-размерность» и т. д. Какая весть, чья весть подразумевается, догадаться не столь трудно. - Примеч. авт.

читать? Внемли себе, говорит православный святитель…

* * *

Существуют, вероятно, два вида лжи: когда ты обманут другими и когда обманываешь себя сам. Если ты обманут другими, совесть твоя не страдает… Она точит твоё сердце тогда лишь, когда ты допускаешь самообман. Опасность и состоит как раз в том, что, заглушая свою совесть, ты незаметно для себя впадаешь вначале в самообман (как та самая кошка, которая, воруя лакомство, жмурит глаза), а затем легко позволяешь уже и обмануть себя, и даже втайне от себя тебе хочется быть обманутым.

Тогда мы не внемлем себе… Совесть наша молчит, мы закрываем глаза на правду, нам кажется, что так легче жить, что все другие живут не иначе… И уже не хочется верить в то, что человек, живущий по совести, счастливей тебя!

Не знаю, можно ли говорить об иерархии, о степени самообмана. Конечно, дитя, которое скорей-скорей забывает про свой нехороший поступок, всё же одно, а взрослая девушка, убегающая от разбитой кефирной бутылки, другое. И уже совсем иное - мужчина, ворующий с места работы автомобильную часть, заглушающий совесть и оправдывающий воровство житейскими трудностями, малым заработком, дефицитом в торговле и т. д.

Ложь есть ложь, в каком бы возрасте ни проявлялась. Я лгу сам себе, когда из-за лени после завтрака оставляю посуду немытой. (Да, да, всё начинается с оторванной пуговицы, с грязной сорочки, с нечищеных башмаков, с неметёной лестницы.) Заменив глагол «воровать» глаголом «уносить» (так в советской печати внедрилось безобидное словечко «несуны»), работник прячется от собственной совести. Жена, покрывающая мужнино воровство, делает самообман уже семейным явлением. Такая семья, не задумываясь, простит соседней семье такой же, а то и больший грех, и вот самообман с торжеством начинает своё паскудное шествие, и, может быть, целый народ становится жертвой самообмана, когда прощает себе дурные привычки. Читатель жаждет «конкретики» (словечко из горбачёвского словаря?). Что ж, вот она: русские, например, прощают себе пьянство, цыгане - воровство. Не будем вспоминать, что прощают себе евреи, поляки, армяне. Примеры заглушённой национальной совести при нынешних межнациональных сварах особенно обильны. У всех на виду вспышки национального эгоизма, окрашенного и пропитанного кровью. Всеобщий самообман присутствует и в безудержной гонке за комфортом.

Люди обманывают сами себя хотя бы и теми же успехами так называемого прогресса. Никто, в сущности, до сих пор не знает, что такое прогресс! Если это техническое, научное движение к какому-то техническому, научному самоустройству мира, то мы на такое движение уже нагляделись. Научно-технический Янус не однажды оборачивался к людям своей хиросимско-чернобыльской образиной. Поистине

дьявольский вид! Его медицинские, к примеру, ухмылки не лучше технических. Генная инженерия и создание в колбах живых существ, искусственное размножение людей, эксперименты с пересадкой чужих органов и переменою пола не вызывают почему-то отвращения, они поставлены в один ряд с истинно человеческими, нравственно оправданными достижениями науки.

Большинство учёных, даже самых гениальных, во имя научного прогресса изо всех сил отстаивают своё нейтральное положение относительно нравственного закона. Если же прогрессом называть духовную либо религиозную поступь народов, то и в этом случае понятие «прогресс» самоуничтожается. Далеко ли продвинулось человечество, то есть велик ли прогресс в религиозном, например христианском, смысле? Сравните нынешних верующих с первыми христианами. Тот, кто бывал в римских катакомбах, по одним лишь настенным рисункам легко может уразуметь разницу в мироощущении воина Иоанна и папы Павла II. Поставив знание впереди веры, люди за две тысячи лет не только не приблизились к Богу, но, кажется, вообще от него отвернулись, и лишь малая их часть, по преимуществу православные верующие, понимает, кто придумал и подсунул им это понятие: прогресс.

Не лучше судьба и у знаменитого слова «свобода», которым и по сей день козыряют все проходимцы мира. Эти ходатаи «угнетённого» человечества, конечно, знают о двойственности понятия (свобода от греха или свобода от совести?). Знают, но в газетах об этом не пишут.

Своеобразный дуализм, двойственность многих терминов сбивают с толку: мы не замечаем, как меняются местами добро и зло. Отец лжи с успехом для себя использует при этом эффект зеркальности. (Не зря зеркало применяется во всевозможных гаданиях.) Чтобы обнаружить упомянутую зеркальность, хотя бы свой собственный ненатуральный, обратный, иными словами - фальшивый образ, достаточно подойти к зеркалу, где правая рука становится левой, а левая - правой.

«Вот и говори о своих руках, а папу Павла II не трогай!» - скажет читатель и будет прав. Размышлять о совести всего человечества - дело рискованное, поскольку подобные размышления касаются уже божественных промыслов. Покушаясь на великую тайну, человек, даже верующий, как бы прощает себе самонадеянность, гордыня тут как тут. Но гордому и самонадеянному не хочется думать о своей собственной совести, это давно известно.

Что же, выходит, совестливый человек должен сидеть и помалкивать? И что лучше: быть обманутым и молчать или обличать обманщиков? Прощать ближнего (и дальнего) или сдачи давать, когда покушаются на твой дом, на твою землю, на твою родину? Ответить на удар или терпеливо ждать второго, поскольку наглость нападающего во многих случаях зависит от безнаказанности?

Русские люди бьются над этими вопросами, как рыба об лёд. И. А. Ильин в споре с Л. Н. Толстым сделал мужественную попытку ответить на

них. Большевики изгнали его из России. Он умер на чужой стороне. Но постбольшевистская сотня всё ещё не пускает философа и публициста обратно на родину. Не дошёл он ещё до русского читателя, не допустили. Когда дойдёт - никому неведомо. (Пока солнце взойдёт - роса очи выест.) Да и не один И. А. Ильин застрял на подступах к русскому самосознанию. Запад и наши внутренние враги то и дело подсовывают нам совсем иные ценности, то в виде рок-музыки и сексуальной революции, то в виде рыночной биржевой экономики. На Ильина у перестройщиков не оказалось ни эфирного времени, ни бумаги.

Осмелюсь сказать, что для России после свержения марксистов мало что изменилось в лучшую сторону. Произошла просто дьявольская «смена вех», и напрасно так радуются, приезжая в Россию, русские эмигранты. Враги России бесчинствуют под русским трёхцветным флагом, как бесчинствовали под красным. Ничего не стоит для них сменить даже герб или снести на московской площади двух-трёх истуканов: пусть, мол, порадуется Иванушка-дурачок. Да и с истуканами они в общем-то не торопятся. На кремлёвских башнях по-прежнему светят по ночам кровавые пентаграммы, на поклон к «мощам» главного беса идут многонациональные толпы одураченных марксизмом и запутанных перестройкой обывателей.

Одурачены и запуганы не только одни русские... Сытый и одетый Запад, Американские Штаты со своей гуманитарной помощью тоже запутаны и обмануты прессой и телевидением. Недалеко от нас ушли, а может, и совсем не ушли. Однажды на экранах перестроечного советского телевидения случайно мелькнули кадры кинохроники тех времён, когда писали такие стишки:

Камень на камень,
Кирпич на кирпич,
Умер наш Ленин
Владимир Ильич.
Белое тело
Зарыли в земле,
Жалко рабочим,
Жалко и мне. [5]

В этой кинохронике проскочил эпизод с похоронами Ильича, а на одном из лозунгов стремительно, на какую-то долю секунды мелькнуло: «Гроб Ленина - это колыбель человечества». Нет, не приостановил, не запечатлел эти слова режиссёр, который монтировал передачу. Больше того, он пропустил их, видимо, по ошибке... Ныне «империя зла», как выразился президент Рейган, стремглав повернула к подножию «золотого тельца». Теперь этому кумиру служит не только западный обыватель, но и наш - бывший советский. Раньше кланялся Ильичёвым антимощам, теперь американскому доллару, на котором изображена усечённая пирамида со

[5]Не уверен в том, какое тело, белое или какое-то иное, потому что цитирую по памяти. Мы учили стишок наизусть в третьем классе. Дело было ещё до войны.

всевидящим глазом. И вот в новой кумирне, как прежде, запахло палёным...

Откуда так много способов овладеть сознанием людей и целых народов? Почти все эти способы основаны на зеркальности, на мёртвом отражении живой и полнокровной действительности. Злобствующая бездарность ворует у этой истинно творческой действительности всё подряд, даже газетные заголовки. Полистайте «Московский комсомолец» или «Комсомольскую правду». Единственное, что у журналистского беса есть своего - это цинизм, желание всё на свете вывернуть наизнанку, ирония по отношению даже к себе. Впрочем, бульварные, так называемые левые, журналисты редко издеваются над собой, предпочитая издеваться над читателем, со всей искренностью приписывая ему свои же гнусные свойства. Если же у читателя этих свойств нет, надо их привить, что и делается.

Человек, собою не владеющий, себе не внемлющий, сам охотно ступает во власть обманщика. Такие симплициусы кормят-поят не одних журналистов. Целый сонм объявившихся во времена перестройки демократических колдунов, политических знахарей и экстрасенсов паразитирует ныне на неприкаянном нашем народе, лишившемся за годы большевизма православного миросозерцания.

Надо признать, что церковь уступила своим гонителям всё, что у неё было, даже обряды и христианские таинства. Конечно же, всё было использовано в своём зеркальном дьявольском смысле. Монастыри превратились в тюрьмы, церкви - в мастерские и общежития, часовни стали кандейками. Чудотворные мощи преподобного Сергия от народа спрятали, а взамен... что взамен? Взамен ленинский труп да позаимствованный у огнепоклонников вечный огонь. В придачу миллион каменных и бронзовых истуканов. У клевретов врага человеческого никогда не было ничего своего, всё уворовано. Они паразитируют на подлинном и органичном. Вспомним простой пример: литературную пародию. Что творческого у пародиста? Большевистские богоборцы не создали ничего, они лишь разрушали и пародировали то, что было до них.

Вдосталь надругавшись над мощами русских святых, они заменили кресты на кремлёвских башнях кровавыми хасидскими пентаграммами. (В Большой советской энциклопедии не стоит читать объяснение этого слова, там нет ничего, кроме геометрии. Надо читать хотя бы Брокгауза.)

Взорвали они в Москве самый большой православный храм, взамен решили воздвигнуть Дом Советов, с фигурой вождя - одна ладонь в несколько метров.

Замены сплошь! Вместо сердца - пламенный мотор, как взывал эстрадный певец. Извечное стремление человека к посильному и потому здоровому физическому труду они подменили пафосом физкультуры и спорта. Сельский почти праздничный сход - многочасовым собранием с нудным докладом и грозным тупым президиумом, весёлые православные праздники - пьяными днями шахтёра и колхозника, учителя и работника

торговли, милиции и нефтяника (разделяй и властвуй). За что ни хватись - везде произошла подмена. Смертельно опасной для России оказалось государственное упразднение традиционной народной, особенно песенно-хоровой и музыкальной культуры, она уничтожалась особенно яростно, что продолжается и сегодня. А разве не продолжаются в наши дни и прочие духовные и религиозные подмены?

Взять хотя бы православное таинство исповедания. Жажда исповеди никогда не стихала в душе русского человека. Большевики придумали очень простой способ её утоления: «письма трудящихся». Не только во времена Ленина, Троцкого, Сталина, но и во времена Горбачёва и Брежнева принимались специальные решения «О работе с письмами трудящихся».

Сколько бумаги изведено в стране на эти постановления и на сами «письма трудящихся»? Никто не подсчитывал. Тайна церковной исповеди во многих случаях обернулась тайной доноса. Желание излить душу, высказаться, облегчить страдания и до сих пор выражается не в тайне исповеди, а в публичных излияниях, в бесстыдном выворачивании собственной души перед всем миром.

Лозунг «Печать - самое острое и действенное оружие партии» не устарел. В «письмах трудящихся» в парткомы и их печатные органы, на радио и телевидении и сегодня истинный клад для политических проходимцев. Во-первых, выпускается «лишний пар». Во-вторых, власть знала (и знает) о народе буквально всё, народ о власти не знал (и не знает) ничего. Работа с «письмами трудящихся» напоминает улицу с односторонним движением...

Что изменилось после изгнания коммунистов, после того, как их кресла заняли демократы? Почти ничего, если не считать того, что не берут под белы руки и не отвозят в кутузку. «Письма трудящихся» хлынули теперь в бездонные резервуары «плюрализма и гласности». В газеты, на радио и ТВ пишут все от мала до велика, там отбирается то, что требуется демократам, и пускается в ход. Разумеется, с разными целями. Вот чем заполняет свои страницы бывший орган Вологодского обкома комсомола:

«Дорогой мой сосед! Когда же ты заметишь меня и заговоришь? Часто ты стоишь с друзьями в подъезде, когда я прохожу мимо, но не обращаешь на меня внимания. Я видела тебя с девчонками, но они же не для тебя, пойми это, наконец. Пойми, ты мне нужен. Тебе же стоит только подняться с первого этажа на третий. Юля, г. Вологда».

«Хотим передать привет Лехе К. Ты знаешь, Лёша, когда ты приезжаешь, все девчонки только о тебе и говорят, а ты ни на кого не обращаешь внимания. Но всё-таки - должен же тебе кто-нибудь нравиться? И, пожалуйста, не ставь себя выше всех и не обижай девчат. Все твои друзья уже давно гуляют с подругами, и только ты один ходишь «бобылём». Пожалуйста, найди себе девушку, и никто не будет о тебе ничего говорить. Доброжелатели, г. Вологда».

«Я хочу познакомиться с высоким симпатичным юношей. Мне 15 лет, рост 172 см, глаза голубые. Люблю хорошую музыку, весёлые компании, а также люблю кататься на мотоцикле. Лена, г. Вологда».

«О себе: 12 лет, поклонница В. Цоя. Люблю читать фантастику и детективы, люблю животных и ещё многое другое. Обещаю: отвечу всем. Наташа, г. Череповец».

«Родилась под знаком Близнецов в год Кролика. Люблю слушать музыку, неплохо вяжу, много читаю. Подруги есть, но нет сильного, верного друга, который может защитить от всех превратностей судьбы. Светлана, г. Кадников».

Итак, «отвечу всем», а Светлана «родилась в год Кролика»…

Вологодская газета, подражая столичным, пробует свои силы сразу на нескольких поприщах. Она выступает в роли и классической сводни, и в роли исповедального органа, а потерявшим стыд Наташам и Ленам пока не до судеб Отечества. Долго будут они податливым воском, из коего можно лепить любые фигуры. Оглушённые ударниками рок-ансамблей, денно и нощно бьющими по их бедным головёнкам, ослеплённые бесстыдными образами совокуплений, гнусных дёрганий, драк, увиденных в кино и по телевидению, эти ребята и девушки даже не подозревают о наркотических свойствах слуховой и визуальной продукции. Долго ещё не будут они самими собой, многие вообще никогда не будут. Им нет дела до мондиализма, они равнодушны к тому, что страна становится экономическим пространством, что сами они превращаются в дешёвую, самую дешёвую в мире рабочую силу…

Ложь обычно не рассчитана на длительное хранение и пользование, поэтому способы массового оболванивания постоянно приходится обновлять: то навязывается коммунизм, то рыночная экономика, то коллективизация, то приватизация, то алкоголь, то секс, то рок-музыка.

Можно только гадать, чем наградят нас, что преподнесут голубые экраны (а то и голубые береты), если мы не пожелаем сдаваться на милость.

* * *

Как же всё это произошло? Почему русский народ с более чем тысячелетним опытом государственного строительства и длительным духовно-религиозным опытом не может очнуться, стряхнуть с души сонную одурь? Да по тем же причинам, что и весь остальной мир. Царскую Россию ненавидели за то же самое, за что ненавидели когда-то королевскую Францию. Почему же так безжалостно отрублена голова Марии Антуанетты? По тем же самым причинам, из-за чего брошена в шахту беспомощная вдова великого князя Сергея Михайловича. Кто стрелял в детей и женщин в подвале екатеринбургского дома?

Катехизис можно продолжить на многих страницах. Но далеко не всем в мире и в современной России понятно, что продолжается многовековая борьба с христианством. Многообразие форм этой борьбы

очевидно. Нынче вовсе не обязательно быть Данилевским или Леонтьевым, Достоевским или Ильиным, чтобы предвидеть ход этой борьбы. Россия долго (отнюдь не с 1917-го года) несла крест во имя спасения своей православной души. Нынче нашу Родину распинают на этом кресте, и суждено ли ей воскреснуть, зависит от нас самих. Для того, чтобы выстоять, чтобы выдержать страдания и муки, внемли себе. Выключи радио и телевизор со всей его видеотехникой. Отбрось в сторону лживый газетный лист, выбрось его на свалку, если не хочешь быть обманутым. Но в том-то и беда, что тебе (ну, хорошо, не тебе, а мне) хочется быть обманутым… Ты ищешь правду не внутри себя, а где-то на стороне. Подражая кому-то, я отрекаюсь от самого себя…

Почти все декабристы, будучи масонами, обманутые словом свобода, понимали это слово только на якобинский, т. е. на чужой, лад. Свергая самодержавие, они искренне желали России добра. Да не с того ли «добра» началось разрушение русского государства.

Даже для обыденного сознания должно бы быть ясно: чтобы править миром, надо было разрушить нравственные, религиозные оплоты государственности, выкорчевать из народного сознания саму мысль о монархах как земных наместниках Бога. Не напрасно же Вольтер, этот кликуша мирового прогресса, призывал: «Раздавить гадину!»

Фальшивый порыв, приведший французскую нацию к гильотине, ничему не научил полковника Пестеля. Россия очертя голову бросилась в объятия прогресса и так называемого освободительного движения. От кого освобождалась, стреляя в царей? Конечно же, от самих себя. Пророчество Достоевского пропущено было мимо ушей.

Федор Михайлович в молодости тоже попадался в сети обмана. Мы знаем, каких усилий стоило ему разорвать эти духовные путы. Он не пожелал оставаться обманутым и написал пророческую для своей родины книгу «Бесы». У русского «передового» общества было достаточно времени, чтобы остановить движение России к пропасти. Но кто поверил писателю Достоевскому? И что думали на стыке марта и февраля 1917 года, например, начальник штаба генерал-адъютант Алексеев и генерал-адъютант Рузский - командующий Северным флотом? Или тот же Гучков с Шульгиным? Обо всех этих предателях государя нам до сих пор ничего не известно, как неизвестно о предателях патриарха Тихона - Введенском и Красницком. Даже в художественно-исторических книгах такого вроде бы совершенно независимого автора, как А. И. Солженицын, ощущается какая-то то ли полуправда, то ли недосказанность. (Читателю «узлов» представляется, что автор знает значительно больше, чем говорит.)

Радость подлинных ревнителей государственности в среде русской эмиграции по поводу нашей нынешней гласности явно преждевременна. Очередной обман не сразу заметен, информационный голод утолён фальшивой пищей, с виду очень питательной, на самом деле пустой и вредной. Подлинная же, неподдельная пища выдаётся такими мизерными частицами, так мало и редко, что не может пока влиять на духовное здоровье народа.

И снова вертится на языке модное нерусское слово - геноцид. Известно оно всем, только не доярке-пенсионерке в деревне Тимонихе. Откуда ей знать нерусские термины? Газет и журналов она не читает, да в демократических газетах о выкорчёвывании русской нации и речи нет. Но то, что в деревне уже несколько лет не слышно детского голоска, ей понятно и без газет. Помнит она и названия исчезнувших с лица земли деревень, остались в её памяти имена погибших во цвете лет родных и знакомых. Объяснить причину гибели русских людей и пропажу тысяч русских селений она не может, поскольку в духовной пище не разбирается. Зато разбирается кое в чем другом, что у неё на виду. Она говорит кратко: «Всю Россию споили!» - «Что ж, - говорю, - возьми и не пей». - «Да как не пить-то, - смеётся она, - ежели эдак потчуют?»

Действительно, антинародное правительство вот уже семьдесят пять лет в открытую потчует, то есть спаивает, русский народ. Защищать от этого страшного бедствия могла лишь церковь, но духовенство и православные храмы были уничтожены. Большевики сразу же позаботились о том, чтобы вырвать язык у миллионов русских колоколов. В прямом и переносном смысле они лишили Россию голоса и только после этого начали активно её спаивать. Статистика продажи алкогольного яда и до сего дня под запретом. Народ и сейчас не знает, сколько лет и чем разбавлял он свою не пролитую на войне кровь. Десятки миллионов убитых во время войны, умерших в лагерях Европы и Азии, в застенках Ленина-Сталина и подавно не знают, чем закончилось большевистское похмелье. А закончилось оно (впрочем, почему закончилось, оно продолжается) тем, что поколения, зачатые в пьяном угаре, вступают в жизнь ослабленными, не способными к сопротивлению.

Духовные и физические вирусы косили и косят русский народ, а когда Россия сделала одну лишь слабую попытку отрезветь, как встрепенулась стая демократических академиков, политологов, газетчиков! Аганбегяны, шаталины, заславские, евтушенки взвыли от возмущения. На единственного в Политбюро трезвенника Егора Лигачёва были спущены сразу два юридических цербера - Гдлян с Ивановым. Пошли в атаку журналисты и поэты из когорты откормленной оппозиции. Как ни таила цензура алкогольную статистику, ужасающая цифирь на свет всё-таки вылезла, народ ужаснулся и снова пробовал было очнуться, но за рубежами государства, предупреждая пробуждение, уже готовилась новая опохмелка...

* * *

Итак, началась горбачевская мондиалистская перестройка. Мондиализм! Опять никому не известный, совсем новый термин... Не знаю, знаком ли смелый захватчик главной писательской печати и сейфа с этим термином, но представляется мне, что новый член Пенклуба Виктор Астафьев с этим словцом пока не очень знаком. Иначе бы он не стал почём зря громить своих же недавних друзей и единомышленников.

«Великое было время!» - скажут когда-нибудь ветераны баррикадных завалов, построенных Моссоветом за счёт налогоплательщиков в ночь с

19 на 20 августа 1991 года. Алкоголь и закуска, поглощённые на броне бэтээров, выдавались длинноволосым существам среднего рода тоже бесплатно (я видел это своими глазами). Успевали эти существа пить, тренькать на гитарах и обниматься, другие успевали кричать и ещё кое-что. Но когда возникла угроза Свердлову и Дзержинскому, лидеры новых демократов сдрейфили, заговорили о варварстве и культурной значимости истуканов… Увещевать толпу у бронзового Дзержинского попробовал было Б. Н. Ельцин. Но ему ничего не оставалось, как пристроиться к общему делу. Спасти железобетонного Свердлова не смог даже всемирно известный музыкант Ростропович. Конечно, всё, что произошло в августе, было ново, захватывающе интересно, только во всём этом восторженный обыватель даже не подозревал очередного обмана. Глаза раскрылись сейчас, да и то не у всех, поэтому тайные правители мира рискнули на ещё более нахальные меры. Они уже делят всё ещё сопротивляющегося медведя.

Какая старая песня…

Русский народ переболел-таки марксизмом и коммунизмом (разве это не европейские вирусы?), переболел и сохранил свою государственность. Коммунизм в России был на последнем издыхании, но тут-то и всполошились враги России. Под видом борьбы с коммунизмом они начали войну против самой России, против самих русских и их государственности. Им показалось, что ослабленная чуть ли не вековой борьбой нация не будет сопротивляться. Им представлялось, что мы уже спились и выродились, забыли свою тысячелетнюю историю. И теперь, дескать, можно легко разделить государство на мелкие части, расчленить тело России с помощью национальных чувств малочисленных народов, живущих в её пределах.

Что ж, планы наших врагов во многом осуществились. Обманутые антирусской пропагандой, народы шарахнулись от России в разные стороны, наивно предполагая выжить без нас. Заокеанские доброхоты готовы и впредь подсоблять им не только через посредство «media», джинсов и говяжьей тушёнки, но и с помощью ооновских голубых беретов. От первого, ещё марксистского, президента президенты начали плодиться, как степные сурки. Уже и Заонежский край, и Печорский требуют собственной государственности. Более ста двадцати народов и народностей, веками живущих под крылом государства Российского, с помощью радио и газет были заражены сепаратистским вирусом, и теперь их интеллигентные лидеры с младенческой наивностью требуют государственной самостоятельности, отделения и т. д. Лучшего способа национального самоубийства, вероятно, никто ещё не придумал. Ложь о российской тюрьме народов, ловко подкинутая Ильичём для маскировки интернациональной империи, конечно, когда-нибудь обнаружится. Но будет поздно: десятки малочисленных народов настигнет судьба, напоминающая судьбу американских аборигенов.

Что же делать теперь нам, русским?

Терпеть и каяться, говорят богословы и академики. Насчёт терпения

не знаю, надо подумать. А вот о покаянии можно поразмышлять не откладывая. Всё дело в том, перед кем каяться. Покаяние перед собственной совестью (т. е. перед Богом) нельзя подменять каким-либо иным покаянием. Нынешние бесы требуют от русских покаяться прежде всего перед другими народами, внушая нам ложную вину, словно русский народ не был измордован интернациональной шпаной одинаково с прочими. (И не одинаково даже, а пострашнее.) Нет, не существует коллективного покаяния. Каяться за несуществующую вину тоже нельзя, это было бы тоже лживо. Но покаяние за свои личные истинные грехи русский человек, пусть далеко не каждый, уже приносит, и как раз это-то обстоятельство больше всего и бесит наших врагов. В их планы не входит возвращение русских людей к православию.

Допустим, что уже миновали времена полковников в рясах. Допустим, что все епископские панагии, носимые поверх голубых погон, перекочевали в антикварные лавки мира, на Руси приняты, наконец, Законы о свободе совести и правах верующих. Но легче ли стало Русской православной церкви в новых условиях, уменьшается ли число её злобствующих разрушителей? Увы, их стало не меньше, а больше. Тайные обязанности по разрушению православия, исполнявшиеся до этого спецслужбами, успешно легализованы в деятельности некоторых депутатов, но того лучше выполняются эти обязанности с помощью циничных средств Масс-media. Поспешно внедряется неоязычество! И что всего удивительнее, православные иерархи, как зарубежные, так и в Московской патриархии, за немногим исключением, спокойно взирают на затянувшийся в России бесовский шабаш. Некоторые из них, соблазнённые экуменизмом, потворствуют врагам православия. Хуже всего заискивание перед властями. Власти же тем временем преподнесли полную свободу действий католикам, протестантам, всевозможным сектантам, хлынувшим в Россию со всего света. М. С. Горбачёв не напрасно шнырял по лестницам Ватикана…

Что ждёт православных верующих, их детей и внуков при встрече только с этой богатой, механизированной, снабжённой всеми необходимыми средствами антирусской стихией? Государство наше, отдавшее себя во власть доллара, не жалеет для этих новых «просветителей» ни грандиозных залов с водоёмами для псевдохристианских крещений, ни земельных участков для строительства католических, протестантских, буддийских и прочих храмов. От всего этого в русском народном сознании подспудно, неосмысленно копится горечь, которая рано или поздно прорвётся. Знаменитое русское терпение, кажется, уже совсем на исходе, но бесы с ещё большим нахальством, заглушая свой страх отчаянной решимостью, продолжают испытывать это терпение. Увы, читатель, дело с покаянием, как всё остальное, тоже запутано интеллектуальными знатоками. Представим себе такую сцену: бандит, угрожая наганом, отбирает у тебя кошелёк да на тебя же и орёт: «Покайся, такой-сякой!» А ты, ограбленный и униженный, должен благодарить мерзавца за то, что он всего лишь ограбил тебя, а вообще-то ведь и убить бы мог.

И благодарят, вот что обидно, а политические бандиты наглеют всё больше. Нашим врагам представляется, что разорванная революциями связь времён невосстановима (дескать, колесо истории и прочее), что с помощью интернационализма и атеизма русские навсегда утратили национальное (то бишь имперское) самосознание, а если не утратили, то их (этих фашистов и шовинистов) надо образумить любой ценой и любым способом. Сгодится для этого и кнут и пряник, ещё надёжнее газеты и телевизор.

«Внемли себе!» - предостерегает святитель, но миллионам избирателей так не хочется вылезать из уютного кокона демократического самообмана. Им нужны не дни, а целые годы, чтобы понять, что Жириновский, к примеру, и Черниченко никакие не антиподы, что по сути своей оба одно и то же. Разница между демократами и коммунистами тоже только в названиях, но как тяжко осмыслить сию простую истину обывателю, начисто заштампованному такими терминами, как «демократия», «цивилизованные страны», «права человека», «гуманитарная помощь», «экономическое пространство» и т. д. Мысль о лживости этих и подобных понятий даже в голову не приходит, потому что люди не себе внемлют, а митинговым оракулам и телевизорам. Как и кем запускаются в массовое производство мыслительные болванки и обманные штампы, можно понять на примере выражения «образ врага».

Кто придумал эту болванку: Шеварднадзе или Яковлев? Где подсказали: в Оксфордском университете или в Принстонском? Теперь это, пожалуй, всё равно. Выраженьице обнаруживает вроде бы первоначальную тупость и мыслительную ограниченность. Но для тех целей, для которых оно было создано, гениальности и не требуется. Нужно было просто количество повторений, то есть миллиарды почтовых и телевизионных ящиков. Ленинские слова о том, что газета это не только «коллективный агитатор, но и коллективный организатор», что «из всех искусств для нас важнейшим является кино», как видим, универсальны, годятся для всех времён.

Именно наши враги, враги русского народа, придумали фразу «образ врага». Они требуют разрушить этот образ, делая вид, что никаких врагов у нашего Отечества нет, а есть лишь образ врага, созданный нарочно, искусственно… Нет, мол, у русского народа ни врагов, ни предателей, мол, всё это выдумка, а посему долой армию, откроем границы. Разведка и перехват? «А на хрена она вам, эта разведка?» - вопят газеты. И вот Бакатин, шеф КГБ, добровольно передаёт секретные документы в чужие державные руки. Министр Шеварднадзе, не задумываясь, вручает в те же загребущие лапы целые нефтеносные пространства, тайно передвигая морскую границу. Горбачёв не устаёт болтать о правовом государстве, а сам на каждом шагу плюёт на родимую Конституцию, и тысячи продажных газетных писак, подстёгиваемых отнюдь не продажными, а явно вражескими наместниками, твердят о том, что русские должны, просто обязаны разрушить образ врага. (Сами же только то и делают, что создают этот образ, мусоля миф о русском фашизме.) То есть опять же всё шиворот-навыворот, таковы уж бесовские свойства.

Такими, какие сейчас, были они во все времена.

Грандиозный самообман русского человека, сотворившего попытку выжить не только без царя, но и без Бога, медленно, однако же неуклонно рассеивается. Переболев едва ли не всеми болезнями мира, он, русский человек, только начинает медленно выздоравливать, начинает трезветь и осмыслять собственный путь и судьбу.

Родина, не дай же себя обмануть, «внемли себе»!

Забвение слова

«Не надо паники - язык сам очистится от пены!» - на весь мир вопит профессор-филолог. Собираясь в очередной раз реформировать русскую орфографию, он решил успокоить общественность. Не верьте доктору филологии! Не верьте ни одному его слову… Этот «доктор наук» такой же, как и все либеральные реформаторы… как, например, Заславская или какой-нибудь Гайдар. Лучше бы их, таких реформаторов, совсем не было. Реформаторство, читай, не улучшение, а уничтожение чего-либо, любимое дело подобных «докторов наук». За соросовскую подачку они сделают что угодно. Реформы их шиты белыми нитками… дай им волю, они отреформируют даже «Маленькие трагедии» Пушкина, отреформируют арию Сусанина Глинки, да так, что ни от Александра Сергеевича, ни от Михаила Ивановича ничего не останется. Обоим гениям не поздоровится. При этом будут внушать обывателям: не надо паники! В руках таких реформаторов, в их загребущих руках буквально всё: академии всякие, телеканалы всякие, газеты всякие, еженедельники всякие… Силища неимоверная. И очень опасно тягаться с нею нам, грешным, не имеющим ни грантов, ни академий!

А о языке… Ну что о нём говорить? Премьер Касьянов, к примеру, не склоняет существительные, оканчивающиеся на «мя». Да и сами «доктора-филологи» боятся просклонять хотя бы для опыта какое-нибудь трёхзначное числительное. «…Ничего особенно страшного я здесь не вижу, - нахально твердит филолог, отвечая на вопрос о рекламе. - Пусть экспериментируют, шутливая реклама ведь более действенна». Пусть экспериментируют? Нет, не пусть.

Корреспондент спрашивает: «Вот будем мы, насмотревшись телевизора, часто говорить «сникерсни». Повлияет это всё же на культуру речи?»

«Да никак не повлияет! - смело заявляет реформатор Леонид Крысин. - Останется слово в пределах рекламы, а потом будет благополучно забыто». Увы, всё это не так… Слово-то навсегда, может, и не останется, зато останется ублюдочный способ мышления. А в каких пределах? И на какой срок? Бог знает. Не собираюсь я спорить с членом орфографической комиссии доктором филологии Леонидом Крысиным, он всё равно вывернется, на то он и «доктор филологии». Или просто не заметит моего мнения, как не однажды бывало. По-моему, не следует вступать в спор и с другими авторами страницы еженедельника («Век», № 436). Зачем? Всё

равно академика Велихова не научить правилам шестого класса. Тем более он считает, что иногда слова вполне можно и нужно заменять обычными цифрами.

В наше время такое цифровое новшество уже и делается сплошь да рядом. Пардон, ещё не сплошь! Вместо цифр чаще используются пока аббревиатуры. Недавно прочитал я страницу в «Экономической газете», где говорится о создании новой коммунистической партии на Украине. Такая прёт аббревиатурщина, что ничего простому человеку без специальной подготовки не разобрать. Кто кого молотит - ничего не поймёшь! Спасибо Чекалину - главному редактору, что хоть запретил псевдонимы. Но на его месте я не стал бы экономить газетную площадь, используя аббревиатуры в таком изобилии. Ведь газета-то «Экономическая»...

Аббревиатурный вирус проник в поэзию: «Наша классика Пушкин и АКМ», - говорит Марина Струкова, лучшая поэтическая представительница современной литературы. О поэтических эпигонах и говорить не стоит.

Ничем не оправданный оптимизм либерально-демократических перестройщиков сказывается в замалчивании опасностей, грозящих русскому языку. Патриотическая печать закрывает глаза на эти опасности, из-за угла грозящие русской культуре и всей России. И реформаторы-перестройщики отнюдь не зевают. Пока русские люди ловят ворон, Греф и Чубайс «чинят мину под фортецию правды» (так выражался Пётр I). Они, то есть чубайсы, уже припасли нам жилищную реформу. Реформу-катастрофу. Но людей успокаивают. Дескать, не надо паники. Что им стоит «отреформировать» и язык русский? Пока разговоры только об орфографии, но и с её помощью можно сокрушить язык. Безобидная болтовня в печати - это дымовая завеса. Тихой сапой проникли в наш быт и более опасные вещи. Людей приучают думать и чувствовать по-новому, то есть не по-христиански и не по-русски, а по-демократически.

Имеются в виду скрытый цинизм, тайная похабщина, внедряемые в головы и сердца журнальной и газетной публикой. Начинали наши враги с анекдотов, а докатились до открытой похабщины. Поглядите страницы «Московского комсомольца», так любимого многими москвичами. Уже и человеческие страдания, смерть, горе родных и близких осмеяны журналистами этого толка! Задача их проста и коварна: всех приучить к тому, что в похабщине нет ничего дурного. Чтобы не возникал у читателей даже позыв к полемике, чтобы отсечь с ходу любой спор на эту тему! (Об этом вражеском способе я говорил ещё в 1971 году.) Позвольте использовать собственную цитату: «В самом деле, стоит кому-то заявить, что слово Останкино склонять совсем не обязательно, как открываются прекрасные возможности для полемики. Полемика в данном случае не нужна, спорить абсолютно не о чем, но я уже участник полемики, я участник спора, следовательно, незаметно для себя признал правомерность и жизненность спора». На мой взгляд, такой способ называется провокацией. Не надо к этому слову никаких кавычек! И

приучили ведь товарищи из «Московского комсомольца» с помощью этого метода даже яростных патриотов, даже депутатов-политиков, чуть ли не к мату приучили! Теперь уже почти никто не стыдится таких выражений: «наша партия не будет ложиться под...» и т. д. Не замечают многие, и даже порядочные журналисты, из какого лексикона подобные выражения. Соревноваться с мадам Новодворской продолжает Хакамада (тоже мадам). Не только порядочные газетчики, но и приличные писатели уже не стыдятся пользоваться проституцкой лексикой. Не будем тыкать пальцем в определённые места. Искусились даже иные писатели, великолепные знатоки русского языка.

Скажут: это сатира. Я не могу отнести к сатирикам Николая Васильевича Гоголя, но Михаила Евграфовича Щедрина почему бы не кликать сатириком? Скажите, много ли похабщины у Салтыкова-Щедрина, а уж на что едок и зол. Так что дело совсем не в сатире. Мне представляется, что русский мат - этот наш национальный позор, этот ядовитый, стегающий всех подряд бич не достоин ни любого, уважающего себя литератора, ни любого газетчика. Но газетчики, может, потому и циничны, что им хочется стать писателями, а писатели оттого и похабны, что им хочется выглядеть не хуже Гоголя. Не знаю, не знаю... Наверняка полемисты вспомнят тут А. С. Пушкина. Кто-кто, а Пушкин-то знал, что чужебесие не приводит к добру. Однако же Пушкину до московских дамочек весьма и весьма далеко - это, во-первых, во-вторых, он искренне всю жизнь каялся за грехи ранней молодости, а царь простил ему даже богохульство. Так что ссылка на Пушкина тут не годится. Даже превосходный стилист Хемингуэй для русских тут не пример. Это ведь он называл обычную физическую близость противоположных полов великим и ничем не заменимым словом «любовь». Мы, русские, пользуемся этим словом в молитвах...

Подумаем на досуге, к чему или к кому приравнял человека Нобелевский лауреат?

Вовсе не сравниваю таланты всемирно знаменитых литераторов, сравниваю мировоззрение православного Пушкина с менталитетом западника и протестанта. Слово «любовь» у Пушкина звучит чаще, чем слово «свобода». Так же ли часто звучит слово «свобода» в католических и протестантских молитвах? Этого я не знаю, т. к. не знаю католического и протестантского молитвословия. Но можно предположить и без точного подсчёта: у реформаторов-то только и на слуху эта самая «свобода»...

Если же продолжить разговор об орфографии, то снова надо вспомнить об элементарной грамотности: о падежах, о знаках препинания, о спряжении глаголов, о многом ещё. Где ставить точки, запятые, двоеточие и многоточие, где необходимо тире, а где ничего не надо. Я не говорю, что русский язык прост. Я говорю о грамотности, которая необходима и Путину, и Касьянову с их безграмотной командой. Но даже полным бандитам необходима грамотность хотя бы в пределах семилетней школы. Иначе они всю жизнь будут переделывать (реформировать) и уничтожать наш язык - тот самый язык, о котором с

таким благородным пафосом говорил Тургенев. Сохраним язык - сохраним всё!

А наши враги навалились сейчас именно на язык. Они губят его сразу по нескольким направлениям. Главное из них - это упрощенческое сокращение. Второе - это намеренное засорение многими способами: например, намеренным внедрением чужих, не свойственных нашему духу слов, способов правописания, интонаций. Примеров тому уйма. Вот хотя б засорение, отравление русского языка через медицину. Представляю, какой поднимется гвалт против этого утверждения! Но что делать, если и впрямь ненавистники России всех мастей намеренно, я бы сказал грамотно, засоряют наши сердца и души иностранщиной. Я совсем не против латыни в медицинских рецептах, но ведь надо и совесть (т. е. предел) знать, господа эскулапы! А технику взять?

Словарный состав языка отнюдь не всегда богаче становится, если своё живое название сменим на мёртвую латынь. Добросовестные доки аптечного и инженерного дела подтвердят эту мысль.

Много можно болтать и спорить на сей счёт, причём болтать и голосом, и письменно. Кстати, взаимосвязь разговорной и письменной речи вполне очевидна. Тот, кто хорошо говорит, хорошо обычно и пишет. Предлагаю высказаться по этому поводу русским, а не русскоговорящим… Но я глубоко убеждён, что существуют два вида языковой грамотности: природная (то есть интуитивная) и не природная (то есть академическая). К которой из них лежит больше душа человеческая - это дело каждой личности. К любой из двух видов грамотности моё безбрежное почтение и уважение. Да, да, именно безбрежное! Независимо от того, враг ты России или сам русский (следовательно, либо совсем не враг, либо просто заблуждающийся).

«Истинный вкус состоит не в безотчётном отвержении такого-то слова, какого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности», - говорил А. С. Пушкин.

Из пепла…

Преподаватель Ритсбургского университета Николай Петрович Полторацкий прожил на земле почти семьдесят лет. Вся его жизнь прошла во имя России, но вне России. Он даже родился, как говорится, не дома, а на чужбине в 1921 году в Стамбуле. Жил в Турции, во Франции, в Болгарии и Америке. И ни дня в России! Но вот осенью 1990 года он встретился наконец с любимым Отечеством. Приехал в Петербург читать лекции русским студентам и… умер.

Незадолго до своей смерти, ещё до приезда в Россию, он послал мне книгу с дарственной надписью: «…о борце за русскость и её возрождении И. А. Ильине».

Насколько я могу судить, никто не сделал так много в честь И. А. Ильина, как Николай Петрович Полторацкий. В своей книге он говорит, что И. А. Ильин «занимает совершенно особое место в той плеяде русских

мыслителей, которые создавали современную русскую религиозную философию. И это не только потому, что он расходился идейно с наиболее известными из них - с Розановым, Мережковским (и Гиппиус-Мережковской), Булгаковым, Бердяевым, Франком, Вячеславом Ивановым, Карсавиным и другими». Полторацкий замечает далее, что «дело не в самом факте расхождения, а в характере и содержании этого расхождения».

Меня поразил не столько корявый стиль, сколько эта махровая ложь относительно главной книги историка. Не зря ведь статья в энциклопедии даже не подписана. Да, она анонимна. Заметка в Исторической энциклопедии подписана каким-то Г. Б. Карамзиным (Ленинград), но тут ложь ещё более выставляла свои уши. Отметив опять же наличие большого фактического материала, автор говорит, что очерки историка «не дают достаточного критического анализа стратегии и тактики», мол, «Михайловский-Данилевский неверно приписывал главную роль в руководстве Отечественной войной 1812 года Александру I, отводя М. И. Кутузову роль простого исполнителя воли императора, считал дворянство решающей силой в войне, недооценивал партизанское движение».

Тут что ни слово, то и враньё. Прочтите «Историю» и убедитесь. Превосходные описания патриотического движения, охватившего в 1812 году всю Россию, советский историк ловко назвал «некритическим анализом стратегии и тактики». Противопоставление Александра I и Кутузова, якобы присущее историку, особенно лживо, поскольку этого противопоставления в книге нет. Так же полностью лживо и утверждение о недооценке Михайловским-Данилевским партизанского движения. Ну, а пассаж о роли дворянства в первой Отечественной войне? Оставим его в покое, поскольку авторы энциклопедии в силу идеологических штампов своего времени просто не могли даже и мыслить иначе. Могли ли они назвать дворянство да ещё русское дворянство, движущей силой в Отечественной войне против Наполеона? Нет, разумеется. Это было бы равносильно тому, что, говоря об основной движущей силе во второй Отечественной, не упомянуть о роли компартии.

Что же было «движущей силой» энциклопедической лжи? Почему так сильно хотели опорочить в глазах потомков Михайловского-Данилевского? Откуда столько к нему ненависти? Почему авторы хвалёных советских энциклопедий лгали так беспардонно? На эти вопросы ответить мне пока не под силу…

О «движущих силах» в обеих Отечественных войнах я заговорил потому, что хочется поразмышлять, а что является этой силой в нынешней, то есть в третьей Отечественной, о которой вслух говорил академик И. Р. Шафаревич?

Читая «Историю» Михайловского-Данилевского, то и дело ловишь себя на мысли о сходстве всех трёх Отечественных. Сходство это поразительно как в материальном, так и в духовно-религиозном смысле борьбы. Бросается в глаза прежде всего интернациональный характер всех трёх нашествий. Наполеон пришёл в Россию с грандиозной

многонациональной армией. Более двадцати европейских государств участвовало в антироссийской коалиции. Гитлер объединил против России ещё большие силы. А разве нынешние покорители русских уступают Наполеону и Гитлеру по своей грозной многочисленности? Но особенно поражает сходство русофобии во всех трёх трагических для России периодах. За что до сих пор так ненавидит Россию Европа? Пропагандистские приёмчики Наполеона, Геббельса и нынешних русофобов до смешного схожи…

Наполеон уже помышлял о бегстве, а в своих парижских бюллетенях он всё ещё бодро хвалит русский климат. В бюллетене № 25 он говорит, что «выступил из Москвы, но оставил гарнизон в Кремле и идёт на зимние квартиры». Даже после победы русских при Малоярославце император-хвастун так сообщал в Париж: «Русская армия рассеяна». 25-й бюллетень заключается следующими словами: «Погода прекрасная, как во Франции в октябре, даже немного теплее… Пехота поправилась в Москве и находится в отличном состоянии…».

В каком состоянии очутились захватчики всего через две недели - общеизвестно. В Европе и до сих пор думают, что Гитлер был побеждён не русским солдатом, а всего лишь русским дедом-морозом. Однако нынешнее механизированное электронное враньё наших недругов не идёт ни в какое сравнение ни с наполеоновским, ни с геббельсовским!

Как ни обширен, как ни велик художественный гений Л.Н. Толстого, однако роман «Война и мир» конечно же несоизмерим с грандиозной трагедией Отечественной войны 1812 года. Толстой отразил лишь малую часть этой войны. Его еретические религиозные перехлесты, его сарказм по отношению к монархическим чувствам героев не могли не влиять и на художественные образы гениального романа.

Между тем, почти все судят об Александре I и об этом периоде нашей истории всего лишь по роману Толстого. Читая «Историю» Михайловского-Данилевского, то и дело наталкиваешься на значительные исторические события, факты, цифры, либо завуалированные, либо искажённые советскими историками. Книга весьма познавательна, она пронизана острым патриотическим чувством. Сколько событий, сколько исторических сюжетов пригодилось бы даже сейчас для нынешних духовных и светских писателей!

Тема «Европа и Россия» для нас и для наших оккупантов так же злободневна, как и 185 лет назад. Господа бзежинские и киссинджеры ненавидят православное сознание русского народа, его религиозно-монархические устремления. Они, эти устремления, как кость в горле для всего Запада.

Стратегические, материальные, духовные и прочие свойства двух Отечественных войн необходимо срочно осознать и осмыслить каждому, кто хочет добра Отечеству и кто желает победы в третьей Отечественной. Лишь прочитав книгу Михайловского-Данилевского, начинаешь понимать, куда завела Россию западная демократия и что значит Отечественная

война. Но в советских, а затем и в демократических университетах по таким книгам нас не учили. Такие книги просто сжигали…

То, что началась третья Отечественная, миллионам российских людей пока не приходит в голову. Они одурачены электронными средствами информации, запутаны лживой демократической пропагандой и ждут, ждут… Тем временем героически и не очень героически гибнут наши солдаты и офицеры, преданные такими генералами, как Семёнов, Грачёв, Лебедь.

Россия вымирает в прямом смысле.

Пусть посчитают в Думе и в «комитете матерей», сколько жертв принесла Родине горбачёвская перестройка! Предположить, что ждёт Россию при таких министрах и генералах, не так уж трудно. А если сравнить наши территориальные потери 1812, 1942 и 1992 годов? Разве не ясно станет, что Отечественная война в третий раз полыхает в России!

Несмотря ни на что, даже самая ответственная, самая размышляющая часть русского общества до сих пор не видит нового иностранного нашествия. Она зомбирована. Я не люблю иностранных слов, но как иначе назвать то состояние, когда люди не желают смотреть правде в глаза? (Одна из моих статей называется «Так хочется быть обманутым».)

Современная смердяковщина внедрилась в нашу жизнь не без помощи иностранного языка. (Язык - это народ, во множественном числе - народы.) Народы слабеют именно с ослаблением своих языков. Исчез язык, и народ исчез. Покорение Югославии начиналось именно с внедрения латинского алфавита, хотя кириллица всё ещё сопротивляется. Москву пробуют покорить также с помощью латиницы и не родных слов. Попробуем переводить на русский язык существительные «рэкетир», «проститутка», «киллер», «шоумен», «экстрасенс», - что получится? А гамбургеры, пиццы и сникерсы?.. Не говорю о жутком засилье иностранных слов в торговле и экономике. Та же судьба у народной музыки, национальной архитектуры, еды, одежды и т. д.

Зомбированный скажет: «Но это ещё не война и тем более не Отечественная. Война - это когда льётся кровь…» А что, разве она не льётся? В испокон веку русских местах и землях не льётся ли наша кровь? Льётся она и другими способами, например, когда матери продают собственную кровь, чтобы спасти детей от голода.

Разве это не Отечественная война, когда инвалиды, больные пенсионеры и молодые пытаются выжить без еды и лекарств? (Иная таблеточка стоит не одну тысячу.)

Нет, война есть война, холодная она или горячая. Запад ведёт войну по всем классическим правилам, не брезгует ничем для победы над русскими, а сами русские до сих пор понимают войну как Сталинградскую или Курскую битву… Увы, битвы можно выигрывать и одним банковским росчерком или одним законом о «покорённых нациях». Нынешняя Отечественная связана с комбинированным нашествием на Россию: тут и

танки с автоматами, тут и стаи тимов гульдиманов, тут и наркотики, и простая невыплата зарплаты, телеодурманивание и прямой грабёж, тут и потеря обширных территорий, и навязывание чуждых стереотипов, и простое вымораживание обычным тридцатиградусным холодом. «Сидите, мол, вы на своих атомных бомбах, как куры на яйцах, а мы вас всё равно доконаем с помощью ваших собственных генералов. Доконаем и будем забирать вашу нефть, рубить ваш лес, выкачивать газ и отапливать европейские города…»

На этом месте я вспоминаю нынешний холодный январь. В квартире 13 градусов, сижу за столом в валенках. Пошёл по начальству. Один начальник сказал: «Сделаем всё возможное!» После моего визита к нему стало в квартире не 13, а 11 градусов…

Визит к мэру (каково словечко!) подтвердил мои худшие предположения: ведомство Вяхирева и Черномырдина просто слегка завернуло для Вологды газовый вентиль! Оказывается, город задолжал газовикам деньги, и Черномырдин с Вяхиревым слегка завернули газовый кран. Надо же отапливать немецких бюргеров!

За что воевал и погиб мой отец, неужели чтобы нашим газом отапливать немецкие города?

Сколько вологодских старушек умерло за зиму от холода и болезней, тех самых вдов, которые живут в деревянных безгазовых избах? Не счесть… Могилы на русской земле роют пока вручную. (На Кавказе давно роют экскаватором, я сам видел это в Моздоке в 1960 году.)

Меня удивляет неспособность патриотической журналистики и депутатского корпуса договаривать до конца и делать сами собой напрашивающиеся выводы из своих же высказываний. Так и чувствуется желание увильнуть, спрятаться от серьёзной оценки событий. Уже давно в патриотической прессе используется терминология, характерная именно для Отечественной войны. А сказать прямо о такой войне авторы почему-то боятся, прячутся от такого названия событий. «Народовластие или паханат? - чуть не по-блатному называет свою очень серьёзную статью Александр Фролов («Советская Россия», № 7).

«Как остановить терроризм» - вторит профессор Качановский в другом номере «Советской России». При чем здесь такие частности в глобальной атмосфере третьей Отечественной? Конечно, терроризм зло. Но сам автор признаёт, что «масштабы угрозы не меньше, чем 22 июня 1941 года», что «из государства Россия превращается в беззащитное и безжизненное пространство»! Разве не признак Отечественной войны все факты, приведённые в статье профессора?

Такая война ведётся во имя спасения государства. Мафия лишь часть, пусть и немалая, вражеской коалиции, подобной той, которую сколотил против России Наполеон Бонапарт. Говорится у Качановского о «чрезвычайных, карательных мерах против врагов государства», а дальше… дальше о Наполеоне в положительном смысле. Наполеон, конечно, брал ответственность на себя, когда двинул свои полчища на

Москву. И почему бы, говоря о расправе Бонапарта с разбойничьей средой, не сказать о самом Бонапарте как о главном разбойнике? Говоря о Столыпине, профессор почему-то всё свалил в одну кучу: и военно-полевые суды, и речь в Думе, и масона Милюкова, и агента охранки Богрова, и революцию, которую автор называет народной. «Режим Наполеона был прочным, тесно сплочённым вокруг Бонапарта. Режим Романовых, которых Столыпин пытался спасти, предал своего спасителя». «Советское правительство со своими противниками вначале пыталось обходиться по-хорошему». «...Террор начала другая сторона».

Какая там другая сторона, обе стороны были против русских. Ах, профессор, всё ведь было совсем по-иному. Напрасно вы идеализируете и Бонапарта, и большевистскую чрезвычайщину.

Но дело не в этом. Иногда вы правильно говорите, что «...к России мир стал беспощадным, и она должна научиться защищать себя, иначе ей придётся погибнуть».

Разве это не Отечественная война? Впрочем, быть может, вы и согласны со мной. Не знаю. Но то, что хотели сделать с Россией сначала Наполеон, а затем Гитлер, так похоже на нынешние планы Европы. Даже фразеология сходна. Поэтому сначала надо сказать о государственном терроризме, то есть о третьей Отечественной. По той же причине говорить о мирном и конструктивном выходе из опасной ситуации просто нелепо.

НАТО по маршрутам Наполеона и Гитлера вплотную двигается к нашим границам.

Пользуясь бездарностью и государственной изменой наших правителей, ЦРУ устроило нам Чечню и расстрел главного органа власти.

Мать городов русских Киев грозит Москве натовскими войсками.

А долговая петля Международного валютного фонда?

Внутренние наши враги под видом реформ распинают Россию, тут и там потрошат её священную землю.

Разве не ополчилась против России вся Европа плюс американские штаты? Но Кутузова до сих пор что-то не слышно, не видно. Одни лебеди вместо державных орлов, одни березовские и рыбкины. Да ещё старчески покряхтывающий «чеченский рыцарь чести»...

А господа телевизионщики поют и поют одну и ту же песню, отвлекая народ от надвигающейся беды! НТВ, ОРТ, Сванидзе со своим кривым «Зеркалом», вкрадчивые Киселёв и Доренко. Сколько их! Они не боятся, что их повесят по законам военного времени. Они считают, что Россия повержена и бояться им уже нечего. Не рановато ли?

Когда наполеоновские кирасиры шарили в московских каретниках (их особенно интересовали коляски), им тоже казалось, что Россия повержена и Москва никогда больше с колен не поднимется. А чем всё обернулось? Неужели нынешние покорители России настолько недальновидны, что в

азарте покорительства уже ничего и не чувствуют? Или надеются на русское всепрощенчество?

Да, такие надежды не бесплодны. Россия отходчива. Она всё ещё христианка и говорит словами Христа: «Господи, прости им, не ведают бо, что творят». Но бывают в истории моменты невыносимые…

Наполеон упрекал Александра I в варварских способах ведения войны. Словно война - это всего лишь нечто вроде офицерской дуэли или рыцарского турнира, словно существуют какие-то комильфотные, джентльменские способы спасения, когда государство берут за горло и безжалостно душат. Варварство европейской цивилизации в полной мере проявилось как в оккупированной французами Москве, так и при гибели наполеоновских полчищ.

О «цивилизованной» войне фашистов с русским народом говорить тем более просто смешно. Демократы старшего поколения на собственном опыте изведали такую «цивилизацию». Почему бы им не поведать юному демократическому поколению, что творилось в столице зимой 1941 года?

Нынче они, и старшее и младшее поколения, без устали оплёвывают государство, в котором живут, паскудят и разлагают армию, лгут подобно Геббельсу и наполеоновскому министру Марэ. (Этот сумел так запутать союзников Бонапарта, что многие из них узнавали о разгроме великой армии лишь при появлении русского арьергарда.)

Почему наши демократы всегда стоят на стороне НАТО, мятежной Чечни, чванливой Прибалтики, незалежной Украины, но против дружеской Беларуси?

Ни один французский журнал, ни одна газета не осмелилась бы выступить с нападками на свою армию, когда Бонапарт терпел поражения в России или в Испании. Такой журналист знал, что его сразу повесят. Возможны ли были в немецкой прессе нападки на германскую армию во время Курской или же Сталинградской битвы? Нет, это немыслимо!

А мы сейчас смирились с подобными нападками на армию, на государство, вообще на Россию…

Да, идёт война. И война именно Отечественная. Налицо общие, главные признаки именно Отечественной войны, потому что решается судьба не колониального государства. Россия терпит нашествие. Кроме вооружённой борьбы, вспыхивающей то там, то тут, в этой войне задействованы главным образом деньги. Банковский капитал ощерил перед Россией острые зубы. И он не брезгует никакими иными средствами. Захватчику всё равно, как покорить Россию: экономическим, этническим ли, административным или идеологическим способом. Или просто военным, на который наши враги пока лишь только прилаживаются. Но драконовы зубы русофобии сеют как раз пресловутые СМИ… Всходы после такого посева ужасны.

Разруха и гибель? Нет и ещё раз нет! Покорить можно только

безрелигиозное государство, нацию, отрёкшуюся от Бога. Вторая Отечественная война, как и война 1812 года, война чуть ли не с целой Европой, была прежде всего религиозной [6].

…Выдержать натиск католицизма с его неоспоримой культурной мощью и обаянием, одолеть страшный «сумрачный германский гений», и всё для того, оказывается, чтобы теперь покорно - и даже с радостью - принять увольнительную из рук «попсовой Америки»! Ещё одна гримаса пародийной постмодернистской реальности, в которую погружена современная Россия.

И сейчас все силы мирового зла нацелены прежде всего на Россию, Сербию и Болгарию. То есть на православных славян.

Объявлена война православию…

Циники и симплициусы

«Люди, живущие на грандиозной равнине между морем Хвалынским и морем Белым, испокон веку с надеждой и верой глядели в своё будущее.

Земля, укутанная лесами и травами, омытая бесчисленными родниками, ручейками и речками, и небо, отражённое в плёсах великих рек, давали человеку не только пищу, кров и одежду. Они внушали земному жителю душевное равновесие… Люди верили в то, что эти леса и травы будут всегда. Знали, что великие реки будут стремиться туда, куда им предназначено. Не сомневались в том, что для внуков и внуков их правнуков так же будут светить небесные звёзды.

Как быстро всё изменилось!

Ещё вчера большинство из нас даже не задумывалось о судьбе собственных детей. Хватит ли им чистой воды и свежего воздуха, не станут ли они во цвете лет, а то ещё в материнском чреве задыхаться от дыму и чаду, не проклянут ли нас за такую цивилизацию? Человечество само себе создало тупиковые, безвыходные положения. Технический прогресс в современном мире поставил себя на место нравственного. Обольщённые бытовым комфортом и всяческими научными открытиями, люди сломя голову понеслись к собственной гибели. Чернобыль, взбесившийся у всех на глазах, осветил своим дьявольским факелом наше отнюдь не фантастическое, а вполне реальное и вполне близкое по своей возможности будущее. Нет, разговор здесь не только о жителях среднерусской равнины! С младых ногтей помнятся нам завораживающие названия: Миссисипи с притоком Миссури в Америке, Шилка и Аргунь на Дальнем Востоке, Амазонка в Южной Америке, озеро Танганьика в Африке. Но романтика этих звучных названий исчезла в грохоте межконтинентальных ракет. Какая уж тут романтика, если проснёшься иной раз ночью и долго думаешь, куда же он полетел, этот разрывающий тишину самолёт! Или задумаешься, почему из-за границы везут в Россию

[6]К.Г. Мяло, касаясь т. н. «холодной войны», пишет: «Признание правоты Запада в этой войне означает вовсе не отказ от коммунизма, а признание неправоты всего русского исторического замысла о мире и о себе, всего своего, начиная с Александра Невского…»

не одни лишь колготки, зерно и масло, но и атомные отходы? И куда хоронят атомщики всю эту свою и закордонную заразу? И на каких в общем-то основаниях?

В среде энергетиков родился и укрепился зловещий тандем, составленный из двух спорщиков: атомщиков и гидростроителей. Тандем - термин английский. Относится больше к технике, чем к системе бюрократического планирования. Два направления как бы противоборствуют, борются за преимущественное влияние в энергетике. Но спорят они для виду... И невдомёк простодушному обывателю, что вредны оба, что ни новые затопления, ни новые чернобыли нашей стране не нужны. Создана фальшивая энергетическая альтернатива. Ветровая, солнечная и прочая энергетика, а также экономия электричества как бы не существуют. Кто победит, атомщики или гидростроители?

Может быть, те и другие. Но всего скорее, атомщики. В любом случае земле нашей несдобровать!

На Волге уже нету живого места, всё перерыто, всё искорёжено. Затоплены плодородные земли, пространства, равные некоторым европейским государствам. Волга (а вместе с нею добрая половина России, а вместе с Россией с десяток других народов) попали в энергетическую ловушку, из которой нашему поколению их не вызволить.

Стороннику спасения великой реки надо готовиться к длительной, изнуряющей и, пожалуй, неравной борьбе. Об этом напоминает и опыт байкальского движения. Нравственный дуализм, порождённый техническим прогрессом, махрово цветёт как в нашем обществе, так и за рубежами страны, но мы отягощены ещё и своими доморощенными болячками.

Главная из них - это ведомственное, а не государственное управление экономикой; ведомственное, а не философское мышление многих учёных; ведомственные, а не общечеловеческие взгляды в будущее.

Можно ли жить с постоянным ощущением предстоящей, причём близкой гибели мира? Вероятно, можно, только это будет странная, неустойчивая и какая-то неполнокровная жизнь. Мне кажется, что и русскому народу, и другим народам, живущим в бассейне Волги, не свойственно апокалиптическое самосознание. Поэтому будем трудиться по мере сил наших, а кто может, то и сверх того. Мы выживем, если спасём свою землю и воду».

...Цитирую сам себя. Выступление на Комитете по спасению Волги. Разумеется, ни на кого не подействовало. Кому он был нужен, этот жалкий писательский монолог, если даже тревожные, отчаянные голоса академиков (таких как Легасов и Шафаревич) никогда не услышат миллионы симплициусов? Услышат эти голоса одни циники. И отреагируют по-своему. То есть - никак не отреагируют. Может быть, по этой причине русские люди не спасли во время «перестройки» ни земли, ни воды, ни собственных кошельков.

Да что про кошельки толковать, если границы тысячелетнего государства нашего стали «прозрачны»!

Ничего нет непонятного в содружестве двух этих терминов: циники и симплициусы. Вспомним, что слово «симплициус» латинского происхождения. (Немецкое simpel значит простой.) Простой в русском народном понимании значит бесхитростный, открытый, откровенный, не способный на обман и на подлость. Слово имело несчастье попасть сначала в горбачёвский словарь, затем подхватила его газетная и депутатская братия. (Когда Горбачёву нечего было сказать, он начинал так: «Вопрос не простой».) Это и сейчас самый ходячий термин у всех, не отличающихся красноречием президентов. Помню, слушая перестроечных Цицеронов, я возненавидел эти «не просто» и «не простой», возненавидел так же, как тошнотворное слово «проблема». (Установить бы для ораторов норму: слово «проблема» использовать в выступлении не больше двух, в докладе не больше трёх раз. Демократическое косноязычие и пустозвонство сразу оказалось бы как на ладони.) В ряду мёртвых и оттого ядовитых терминов стоят, как часовые, выражения: «во всех цивилизованных странах», «мировое сообщество», «миротворческие силы», «ближнее и дальнее зарубежье». Для демократических ораторов характерно пресловутое «ни для кого не секрет». Словом, что такое симплициус - «ни для кого не секрет». Особенно, если прочесть роман Гриммельхаузена.

Ну, а кто же такие циники? «Не считай нас за дураков! - скажет читатель. - Ты не умнее всех...» Не только не умнее, но и беспомощнее, поскольку отношу себя к породе симплициусов. Потому и обложился всякими словарями. Большая советская энциклопедия говорит, что основатель школы циников Антисфен «высший критерий истинности видел в добродетели», а философский словарь (Политиздат, 1975 г.) сообщает, что «киники выражают настроения демократических слоёв рабовладельческого общества». Спрашивается: почему бы им и сейчас не выражать «демократических настроений»? Из Краткой дореволюционной Энциклопедии Битнера можно узнать, что «киники отвергали всякие условия цивилизованного общежития, отрицали государство, религию, стояли за общность жён». В ещё более раннем (1861 г.) словаре говорится, что циники «...не носили платья и совершали все естественные отправления, как собаки, публично». По этому словарю и термин-то произошёл не от названия афинского холма, как утверждают советские учёные, а от греческого слова кинос, т. е. собака. Или и впрямь «...всё врут календари», как говаривал Фамусов?

«А почему вообще такой заголовок? - спросит иной патриотически настроенный читатель. - Ведь слова-то у тебя оба не русские...».

Не буду оправдываться. Предлагаю заглянуть всего лишь в один выпуск новостей нашей вологодской газеты:

«По данным компетентных органов, нынче в Череповце находятся в розыске 36 человек, 46 кроликов и стельная корова Долина со звёздочкой на лбу».

«С начала этого года в Череповце 145 раз покушались на честь и достоинство чужого автомобиля» («Русский Север», № 330).

Другой «Север», не «русский», а «красный» (впрочем, что там сравнивать, красные оба) сообщает:

«В вестибюле второго отдела милиции Вологды рядом с окошечком дежурного - ещё одно оконце: частного магазина. Похоже, бизнес мудро сделал ставку на рост преступности. Во-первых, не останутся без клиентуры. Во-вторых, охрана какая!»

На охране бы и остановиться корреспонденту Тоболкину. Но вот беда, кровь из носу, а надо перещеголять коллег из «Русского Севера», для которых что человек, что кролик. (Изнасилование машины - это вообще журналистский шедевр.) Думал, думал газетчик и добавил:

«Ну что, громилы: объегорили вас коммерсанты? Слабо грабануть!»

Работники Вологодского государственного радио, безбедно существующие за счёт налогоплательщиков, облагораживают местный эфир передачами вроде «клуба любителей пива». Они решили дать последний и решительный бой немногочисленным вологодским трезвенникам. Союзников ищут не где-нибудь, а в кабинетах самых высоких начальников, ведающих культурой и здравоохранением. «Любите книгу, источник знаний», - ехидно обращается любитель пива к слушателям, высказывающим в письмах своё возмущение передачей. И тут же даёт микрофон… - кому бы вы думали? А вологодскому священнику церкви Покрова на Козлене. Не стал бы упоминать о. Александра, если б не американские и прочие духовные просветители, зачастившие в Вологду, если б не афиша, наклеенная около автобусной остановки: «Александр Росс». Более мелким шрифтом сообщалось, что «этого человека знает весь мир», что он «магистр духовной терапии» и… «христианский богослов». К тому же он «экзорцит» и «ректор российской академии духовной терапии и самосовершенствования». Оказывается, этот ректор академии и богослов избавляет «от порчи, проклятий и другого колдовства, а также практически любых болезней тела».

Радио Вологды усердно зовёт к богослову. К магистру предварительная телефонная запись. Где? В Доме офицеров. Хочется спросить: при чём здесь армия? Но я знаю, что в армии не положено задавать лишних вопросов…

Афишу с богословом выпустила тоже почему-то радиокомпания, только не Вологодская, а Вятская. Растолковал бы мне о. Александр и всем людям по радио, что это за новоявленный богослов. Вместо этого православный священник выступает в радиоклубе «любителей пива». В те же примерно дни Российское радио с плохо скрываемым восторгом передало такую информацию: «В Петрозаводске священником православной церкви был освящён игорный дом». Хватаюсь за голову: «Боже мой, что происходит?»

Вологодская газета «Красный Север» на первой странице крупным шрифтом убеждает: «С голода не помрём». Конечно, с голоду все мы и

впрямь не умрём. Умрёт лишь какая-то часть. Умрёт она от болезней, вызванных недоеданием, а также неправильным, например, углеводным питанием.

Не умрём с голоду! Не даст нам умереть мировое уже не очень и тайное правительство. Не такие они дураки, чтобы совсем нас заморить. Кто бы тогда стал работать на русских колониальных просторах? Руду добывать, хоронить атомные и химические отходы, качать нефть? Кто бы стал рубить для них самый дешёвый лес и плавить самый дешёвый металл? Да ещё плясать в красочных сарафанах на западноевропейских подмостках. Нет, не дадут они нам, вологжанам, умереть с голоду. Будут подкармливать, но подкармливать ровно столько, чтобы русские люди работали и понемножку забывали сами себя. Чтобы надёжно, спокойно и долго выкачивали мы из родимой земли её скудеющие богатства: нефть, газ, золото, алмазы и прочие минералы. Не умрём с голоду!

Но мы умрём духовно и нравственно. Мы тихонько выродимся, то есть понемногу сопьёмся, будем рожать нужное количество полудебилов, послушно исполняющих указания телевизионных психологов. Нас ждёт судьба американских индейцев. Мы забудем про свой язык и про свою историю, про свои песни, про свою еду и одежду. Ни спеть, ни сплясать по-своему даже за доллары уже не смогут ни внуки наши, ни правнуки. Тайные и явные мировые правители крякают от великого удовольствия при виде нашей новой свободы: вологодские пятиклассники пьют пиво на больших переменах и курят на маленьких. (Говорят, что за год в Вологде полтысячи школьников побывали в городском вытрезвителе.) Многие наши девушки бесстыдно обнажают своё тело перед зрителями на каких-то конкурсах. Сотни юношей неделями торчат на барахолках, дремлют в торговых киосках. «Не жаль им лет, растраченных напрасно», поскольку все газеты, все репродукторы день и ночь твердят о пользе и необходимости секса и бизнеса. На телеэкранах мелькают купюры. Нет, не учат наших детей, как строить дома или доить коров! Их день и ночь учат считать деньги. На Севере ещё до Великой Отечественной войны каждый физически окрепший крестьянский юноша был обязан уметь рубить угол, чтобы себе и своему сыну построить жильё. Теперь угол могут рубить, может быть, трое из тысячи. Даже профессиональные плотники складывают стены из бруса, словно из кирпича. (Какой позор! Ведь спиленная часть дерева наиболее прочная, и дома тысячу лет строили из круглого леса.) Это лишь один пример бытовой деградации, происходящей под натиском технической цивилизации.

Однажды, лёжа в больнице, я попытался записать, чем и как баюкают наших детей электронно-лучевые няньки, на чем воспитывают молодёжь эфирные пестуны, получающие зарплату на «Радио России». России? Россией на радио не пахнет. В эфире для русского народа уже создана некая резервация - подобие будущей территориальной резервации, которую планируют сделать для нас дядюшки из трёхсторонней комиссии.

Невероятный, непрерывный цинизм… Пошлые шуточки,

перемежаемые фальшивотенденциозной информацией. Банальности и сплошные потуги быть остроумным. Музыкальный мусор, навязчивая «собачья» тема...

Дело было 2 января. Ни один из выступавших перед микрофоном не забыл про наступающий «год собаки», словно живём не в России, а где-нибудь в Гонконге.

Но вот, наконец, передача о музыке под названием «Прекрасное рядом». Увы, рядом оказалось нечто другое. О музыке лишь говорят, самой же музыки нет. Так хочется послушать того же Моцарта, но нет его. А где Нестеренко, куда девалась Обухова? Их нет, есть одни шаманские бубны да обезьянье кривляние. Вот передача о студентах. Насчёт учёбы ни словечка, о мизерных стипендиях тоже молчок. Зато какая наглая пропаганда секс-шопов, какой «серьёзный» диалог с продавцом омерзительных изделий! Далее: выступает Аркадий Арканов и грозит отъездом в какую-то одному ему известную сторону, если русский народ не изменится.

Господи, почему это целый народ должен меняться? Да ещё в худшую сторону? Не легче ли измениться одному Арк. Арканову? Идёт какой-то авторский канал от первого лица... Музыкальные заставки к новостям - нечто скрежещущее, жёсткое, немелодичное, словно орудуют сковородками и кухонными противнями. Жеребячий голос пропагандирует какие-то фонды. На телеэкране - там уже ржут и скачут настоящие жеребцы. За жеребятами нечто расплывчатое, то ли кибитка, то ли телега; то ли там сидит кто-то, то ли пусто. Звучит МММ - телячье мычание, сулящее сделать ваш ваучер золотым. И так изо дня в день, из месяца в месяц.

* * *

Борис Викторович Шергин записал однажды в своём дневнике: «...в разуме Божием, то есть в разуме вечном, всемогущем, всеведающем и всезнающем понятия «память» и «жизнь» равнозначуще-равносильны и восполняют одно другое». Если уж на таком высоком уровне, на уровне Божественного разума эти понятия восполняют друг друга, то что говорить о разуме обычном, человеческом? Конечно, «философ» радиостанции «Свобода» или из родственного ей александро-яковлевского ведомства тотчас кинется опровергать Шергина, скажет, что в понятии «разум» иерархии нет и что градуировке оно не подвластно и пр. И прихлопнет в зародыше неприятную для него тему. Но я не собираюсь общаться с «философом». Мне хочется поговорить не с «философом», а с ежедневным потребителем «философской» жеванины, то есть со зрителем александро-яковлевской телевизии. (Он же усердный слушатель попцовских радиобрехунов.)

Итак, Борис Викторович Шергин говорит не только о родстве, о взаимной необходимости друг для друга «жизни» и «памяти». Он говорит ещё и о их зависимости от «разума». И если по Шергину жизнь и память, дополняя друг друга, зависят от вечного и всемогущего Разума, то можно

ли сказать, что смерть и беспамятство подсобляют друг другу и куда глаза глядят убегают от разума? Что смерть и беспамятство родные детки безумия?

«Народ, теряющий память, теряет жизнь». Правота древнего изречения подтверждается для меня не только фразой из шергинского дневника. Об этом же вопиет всё, что происходит в России. Странная забывчивость нашего народа - чем объяснить её? Не природной ли добротой, которую краснобаи «Свободы» и александро-яковлевского телевидения то и дело называют извечным рабством? Конечно, и добротой. Отсутствием в русских людях свойства мстительности. Но почему наше христианское всепрощенчество зачастую оборачивается не общественно-политической гармонией, а ещё большим хаосом?

Расстрел защитников Конституции осенью 1993 года забыт. Убийцы остались в руководящих креслах наедине со своей совестью. Комиссия по расследованию расстрела распущена. Что это, господа депутаты? Доброта и отсутствие мстительности? Нежелание новых противостояний? А может, просто лень? Или страх, обычная трусость? По-моему, и то, и другое, и третье, и четвёртое. Но я не о депутатах... Я думаю сейчас о нашем непонятном народе, о миллионах симплициусов, которые так легко дают себя обмануть и так быстро прощают обманщиков. Я вспоминаю бурые пятна на асфальте улицы Королёва. Вспоминаю Сашу Седельникова, расстрелянного снайпером у Белого дома. Дожди и снега давно смыли с асфальта кровь и слёзы, пролитые в октябре 1993 года. Но кто и что смывает следы преступлений? Конечно, это они, бесы, бесплотные существа, материализованные в типографских и электронных средствах массовой информации. С какой настойчивостью, с какой весёлой ловкостью лгут наши циники, вцепившись в радиомикрофоны! Как нахально испытывают они наше терпение!

О бесах знал ещё Пушкин:

Бесконечны, безобразны,

В мутной месяца игре

Закружились бесы разны,

Будто листья в ноябре...

Достоевский посвятил им целый роман. Но большинство симплициусов не читают романов. Большинство занято самым трудным на свете делом - выживанием.

Иногда мне кажется, что в этот раз русский народ обманула прежде всего его столица - белокаменная Москва. Кажется, что Москва уже не столица России, а город «жёлтого дьявола», некое интернациональное образование, живущее по своим отдельным законам. Но кто пишет нам эти законы?

Помнится, будучи солдатом, шагая в походном строю, я пел вместе с другими превосходную песню о Москве:

И врагу никогда не добиться,

Чтоб склонилась твоя голова,

Дорогая моя столица,

Золотая моя Москва.

Пролезли и в эту песню слова, кои уже тогда вставали поперёк горла. Но куда было деться? Говорят, из песни слова не выкинешь. Приходилось петь о «любимом Сталине», хотя мой отец ещё до войны певал такую песенку:

У товарища у Сталина

Глаза наискосок,

До чего довёл Россию,

Нету соли на кусок.

Москва, однако, была столицей, и я пел про неё в солдатском строю.

...Спустя сорок лет, после добровольной ротации в лукьяновском Верховном Совете, после горбачёвского предательства из-под моего грешного пера явились такие вот строчки:

Заросла ты, Москва, бузиной.

И тебя поделили по-братски

Атлантический холод ночной

И безжалостный зной азиатский.

Не боялась железных пантер,

У драконов не клянчила милость,

Отзовись, почему же теперь

Золотому тельцу поклонилась?

Все заставы сгорели дотла,

Караульщики пьяные глухи,

И святые твои купола

Облепили зловещие духи.

Притомясь в поднебесной игре,

Опускаются с рёвом и писком

В тишину на Поклонной горе,

В суету на холме Боровицком.

Днём и ночью по жилам антенн

Ядовитая влага струится...

Угодила в Египетский плен

Золотая моя столица!

Одним дуракам не ясно: кто у власти в Москве, у того и власть над Россией. Истину эту давно знают даже самые придурковатые русофобы. Чего уж тут говорить о Бжезинском и Киссинджере! Этим-то ума не занимать - стать. Не то, что их московским шестёркам вроде Юрия Карякина. Недавно в своей очередной истерике Карякин призывал Распутина и Белова публично высказать своё мнение о «русском фашизме». Да если б и существовал в природе этот самый «русский

фашизм», кто бы дал Распутину прямой эфир? Это Карякину с Черниченком в любую студию в любое время ворота настежь. Нашему брату и в прямом эфире и в косвенном либо вообще отказано, либо отпускается он строго по медицинской норме.

Вспоминаю, как во время поездки в США вашингтонский демократ Михаил Михайлов предложил выступить по радиостанции «Свобода». Я не стал отказываться, явился в студию. Михайлов дал микрофон. Стоило заговорить откровенно о серьёзных вещах, и у оператора за стеклянной стенкой сразу кончилось рабочее время. Всё! Будь доволен и отправляйся под дождь на площадь Сахарова. Свобода на «Свободе» не ночевывала…

Однажды телевизия (целый автобус) по бездорожью нагрянула прямо в деревню. (Ехали около шестисот километров, сколько одного бензину сожгли.) Я согласился сдуру дать интервью. Без ужимок ответил на все вопросы. Через какое-то время посмотрел передачу.

Зло взяло. Всё серьёзное было начисто вырезано. И этот урок не пошёл мне впрок.

Летом 1993 года я согласился выступить по Московскому телевидению. Передача была намечена на воскресенье 26 сентября. Надел галстук, чинно приехал в Останкино. В вестибюле мне вежливо показали увесистую фигу. Из-за меня, как выяснилось, безобидную передачу «Русский дом» вообще отменили… Такова, уважаемый Юрий Карякин, ваша свобода, ваша демократия! Вы скажете, что надо было настойчиво добиваться справедливости, идти к начальству. Ну, я и пошёл. И дошёл. До самого верха. Кабинет. На столе пачка «Мальборо» и прочая атрибутика. Я представил себя. Стараюсь говорить как можно спокойнее:

- Хотелось бы выяснить, кто запретил мне выступить перед москвичами?

- Я.

В его голосе не вежливость даже, а задушевная нежность.

- Почему? - Я поражён этой циничной вежливостью.

- И вы, и Доронина могли сказать там не то, что надо.

- А что надо?

- Ну, знаете… Вы же всё понимаете.

- Нет, не всё. Мне интересна психология отказа. Ваша психология. Сейчас я занимаюсь этим специально…

- Нельзя судить о психологии по внешним признакам.

- В этом я согласен с вами. Всё же, почему вы не дали мне эфир?

- Потому что вы могли сказать неподходящие вещи…

- Но вы же всё время говорите, что на радио и у вас на ТВ свобода.

- Я этого не говорил.

- Ну, не вы, так другие.

- Василий Иванович, я не отвечаю за других.

- Но вы согласны с ними или со мной?

- Свободы нет. В России никогда свободы не было и долго не будет…

- Оставьте в покое Россию!.. Вы запретили передачу. Кто вам приказал? Лужков?

- Нет, я сам.

Он глядит мне в глаза. Закуривает и вдруг начинает объяснять что-то про свою национальность. «Я латыш. Католик». Мне становится стыдно. Какое мне дело, что он католик? Говорю:

- Вы запретили передачу на двадцать шестое. Но вы могли бы компенсировать мне позднее…

Говорю о компенсации эфирного времени, он же понял совсем в другом смысле. Улыбается:

- Мы сделаем вам компенсацию. Не моральную, а физическую.

- Вы решили меня купить. Во сколько же вы меня оценили?

Тут он теряет самоуверенность:

- Инициатива исходила не от меня!

…Я с помятым видом подался к метро ВДНХ.

Нет, господин Карякин, в Останкине свобода тоже не ночевала. Ей и вообще нет места не только в нашей столице, но и во всём демократическом мире. До глубины души возмутил указ Президента о разгоне Съезда. Вначале сообщения об осаде Дома Советов вызывали саркастическую улыбку. Потом вспомнилось: поднявши меч, от меча и погибнешь. Я не был слишком горячим поклонником Хасбулатова, который наверно раз семь (вместе с вами, мистер Карякин) спасал от полного краха своего невезучего Президента. Но Хасбулатов и особенно его заместитель Воронин, а также председатель Конституционного Суда Валерий Зорькин всё же вызывали уважение своей принципиальностью и даже некоторой политической порядочностью.

Спустя десять дней, которые отнюдь не потрясли окружающий мир, позвонили из какой-то газеты «Путь». Я им продиктовал следующий текст:

«Из пушек по окнам парламента? Такого в мировой истории очень давно не было. А может, и вообще не было, я не очень большой знаток мировой истории. Знаю твёрдо одно, вернее, ощущаю всем своим существом, что последние московские события зловещи. Они зловещи и судьбоносны не только для нашей страны, но и для всего мира.

Незадолго до разгона Съезда и расстрела здания парламента я обращался ко многим западным корреспондентам, а также к Нобелевскому лауреату Солженицыну. Увы, попытки взывать к мировому

общественному мнению не только безуспешны, но и очень наивны. По-видимому, всё идёт по какому-то чёткому плану. Гражданская война в России стала фактом. Пусть не говорят мне о том, что она потушена! События в Москве стоят в одном логическом ряду с такими событиями, как война в Югославии и взрыв китайской ядерной бомбы, землетрясение в Индии и ракетная дуэль на Ближнем Востоке...

Если добавить сюда нравственную распущенность, всемирную компьютеризацию, введение общеевропейской валюты и так далее и так далее, то всё это и сложится в большие и маленькие этапы одного большого ПУТИ ко всеобщей гибели. Я не говорю, что ПУТЬ этот один-разъединственный...»

Не знаю, напечатал ли «Путь» этот текст. Может, он закрыт. Так или иначе, демократы никогда не предложат стране никакого иного пути, кроме гайдаро-козыревского. «Этапы большого пути» продолжены и причём с большим успехом.

Вольтера, который, призывая «раздавить гадину» (религию), снабдил своей знаменитой фразой нынешнего демократа Юрия Черниченко, знает каждый даже недоучившийся отрок. А многие ли знают, что говорил о религии Паскаль? Любая деревенская библиотека попотчует вас и «Кандидом» и Черниченком, но только не «Мыслями» Паскаля.

Паскаль, между прочим, делил всех людей на три сорта: «одни, нашедши Бога, служат Ему; вторые старательно ищут, но ещё не нашли; третьи, живут, не найдя и даже не ища Его». Далее великий француз говорит, что «первые разумны и счастливы, вторые разумны, но ещё несчастны, третьи безумны и несчастны».

Все эти десять дней я бродил по Москве то в отчаянии, то с надеждой. Наверное, если бы упомянутая мысль Паскаля не вылетела у меня из головы, было бы легче разобраться, что происходит. Но среди участников кровавой трагедии я видел лишь циников и симплициусов... Одни лгут, другие верят. Те, кто не поддавался лжи, расстреляны. Всё просто. Вальтер Роджерс, корреспондент СиЭнЭн, лгал на весь мир, когда говорил, что на улицах Москвы совсем нет противников Ельцина. Миллионы американских симплициусов поверили Роджерсу, а Саша Седельников, пытавшийся запечатлеть правду - расстрелян снайпером. Кстати, чьи снайперы сидели на крышах? Все радиостанции дружно лгали: на крышах сидят люди Руцкого и Хасбулатова. Тема снайперов придушена в средствах массовой информации. Власть над одним передатчиком достаточной мощности куда важней генеральской. Да и генерал, ну что генерал? Прошли для России времена Раевских и Скобелевых. Редкого генерала нынче невозможно споить, подкупить дачным коттеджем, либо так подженить, что он без обсуждения выполнит любую команду. С депутатами дела выглядят несколько лучше, но не намного. Все депутаты, у которых осталась совесть, стремились по утрам к Дому Советов. Тех, которые продались за два миллиона, было меньше, они по одному, закоулками убегали в другую сторону. Я видел, как москвичи тысячами, сменяя друг друга, митинговали перед балконом.

Жгли по ночам костры. Читали, писали весёлые, горькие, грозные, ехидные надписи на стенах. Лепили какие-то жалкие баррикады.

…В проходе у проволочного заграждения на моих глазах верзила в омоновской форме бьёт дубинкой пожилую кричащую женщину. Подскакиваю к офицеру, пытаюсь что-то доказать. Он стоит как истукан. Толпа напирает. Со стороны набережной ещё можно было проникнуть внутрь Дома Советов. Тропами, мимо громыхающей электростанции, пробираюсь к восьмому подъезду. Тревога и профессиональное (может быть, старинное журналистское) любопытство толкают меня по лестницам, ближе к хасбулатовскому кабинету. Везде полно иностранных и здешних корреспондентов. Всюду народ. Кто тут защитник, кто провокатор - не разберётся и само ЦРУ…

В тот раз, когда я выкладывал на стол Руслана Имрановича значок депутата, пришлось ждать. Нынче без всякой задержки пропустили к нему. Бледный до желтизны. Курит трубку. Я съехидничал, напомнив ему о судьбе союзного Съезда, спросил, получил ли он мою телеграмму. В ней говорилось об информационном вакууме, о том, что на местах ничего не знают о московских событиях. Сказал, что Верховному Совету нужна своя мощная радиостанция, иначе их никто не поддержит. Он, видимо, думал иначе. Он остановил мою филиппику: «Да ведь давал же я распоряжение! Снова не выполнили…» В его голосе звучало раздражение: ходят, мол, тут всякие, учат… Я пожелал ему удачи. При выходе лоб в лоб столкнулся с Руцким. Генерал выглядел бодро и озабоченно, даже несколько торжественно. По-видимому, оба с Хасбулатовым нисколько не сомневались в победе. Ведь Закон был на их стороне, Верховный Совет действовал. Они ждали скорой поддержки с мест.

Но Россия молчала.

Бурлила Москва, а страна не обращала на Москву никакого внимания. Народ в глубинке, чтобы спасти законную власть, не ударил палец о палец. Почему? Да потому, во-первых, что парламент не родное изобретение! Потому ещё, что Руцкой совсем недавно стоял на танке вместе с Ельциным. А ещё потому, что депутаты во главе с Хасбулатовым сами дали Ельцину власть, ничем не ограниченную, что русский народ вообще не доверяет Москве. А, может, потому молчала Россия, что не знала, что происходит и, заворожённый пением попцовских сирен, народ наш дремал после долгой большевистской бессонницы? Одни «роялисты» шумно спорили за бутылками…

Пространство вокруг Дома Советов сжималось спиралью Бруно, и сердце тоже сжималось от самых гнусных предчувствий. Кольца стальной змеи, свернувшись вокруг собрания законодателей, не возмутили совесть демократических поборников правового государства. А что думала просвещённая Европа? Всё ещё казалось, что в мире есть честные люди, что вот-вот мы услышим их справедливый и гневный голос.

Вспомнился мне Фритц Пляйтген, работник одной крупной немецкой радиокомпании. Он дважды бывал у меня в деревне. Его передачи,

насколько я знал, были объективны. Пляйтгена не оказалось в Москве. Другой немецкий телевизионщик взял с меня слово, что я никогда не буду использовать запись беседы.

(Ничего себе! Я-то думал, что западные корреспонденты давно ничего не боятся.) Спрашиваю:

- Согласны ли вы с тем, что указ Ельцина был антиконституционным?

- Да, - сказал немец.

- Скажите, а что бы сделал бундестаг, если бы господин Коль нарушил конституцию?

- Бундестаг обратился бы в Конституционный суд с запросом о соответствии канцлера занимаемой должности…

- Так же как у нас?

Мне объяснили, что было бы с Колем дальше, и я упрекнул западные средства информации в двойной морали. Немец слегка смутился и, чтобы выкрутиться, прочитал мне лекцию о Веймарской республике, о том, что Гитлер пришёл к власти законным путём и прочее.

Другие мои попытки взывать к общественному мнению Запада были столь же наивны, как и бесплодны. Не помню, какого числа я долго и терпеливо торчал в приёмной «Комсомольской правды». В надежде на срочную публикацию моего письма к Солженицыну два часа терпел хамовитую секретаршу. В кабинете редактора совещались. Наконец, отказали. Тогда я обратился к Александру Исаевичу через «Советскую Россию» (это было как раз перед её закрытием). Не знаю, дошла ли публикация до А. И. Солженицына, но он не ответил на письмо ни тогда, ни позднее…

Среди защитников Дома Советов прошёл слух: на шестнадцатом этаже начала, наконец, работать депутатская радиостанция. Пешком поднимаюсь на верхотуру. Ни верхотура, ни тамошняя аппаратура особого оптимизма не вызвали. Но я взял у Сергея Лыкошина микрофон, сказал что-то в защиту депутатского съезда и прочитал свой сыроватый экспромт, написанный около известного министерства:

Предатели русских полей!…
Сбираясь в Парижи и Бонны,
Просите своих матерей
Спороть золотые погоны.
Потеть на банкетах обильных
Удобней в костюмах цивильных.
Горит ли в ночи Водолей,
Мерцает ли свет Козерога,
Предатели русских морей,
К чему вам морская дорога?
Одним президентским авралом

Присвоят вам всем адмиралов.

Создатели грозных ракет,

Читатели лживых известий,

Не верьте при звоне монет

Охрипшему голосу чести,

Останетесь живы и целы…

Салют, господа офицеры!

Кто, кроме степашинских и примаковских ребят, слыхал эту радиостанцию? Наверное, никто. Зато лживые, с придыханием, голоса на всех языках обрабатывали планету.

Вообще, тема всемирной радиофикации обширна и неисчерпаема. Она уже не вмещается в диапазон между штырём омоновской рации и грандиозной иглой Останкина. Касаясь всего и вся, от космоса до мозгового нейрона, она, эта тема, преследует меня всю жизнь. Бывало, ещё в детстве целыми днями возился с самодельными вариометрами, мастерил конденсаторы из чайной фольги. Тогда было всё напрасно: в наушниках не ощущалось никаких звуков… Зато в армии я три с половиной года шарил в эфире и слышал грозовые разряды всей планеты.

Вдоволь наслушался всяких шорохов. Содержание длиннющих шифровок, подписанных которым-то из Даллесов, знал Берия и его команда. Рядовому Советской Армии это содержание не докладывалось. О тогдашних замыслах братцев Даллесов я узнал только сейчас. Больше того: сам удостоился чести тайного перехвата. Мой домашний телефон с разной долей усердия подслушивается при всех конституциях. (Впервые я обнаружил это при Андропове и, помнится, как заправский диссидент, разбивал свой страх подобием гордости.)

Во дни «великого Октября» сидеть перед ящиком было невмоготу. Я бродил около бэтээров и солдатских шеренг, глушил свою горечь фамильярными разговорами с вооружёнными защитниками Отечества:

- Можно вопрос?

- Пожалуйста. - Капитан милиции вежливо отвёл ствол автомата чуть в сторону.

- Не предполагаете ли такой вариант, что Ерина будут судить?

Он думал секунд десять. Потом отвернулся и неуверенно пробурчал:

- История покажет…

На Арбате у Садового - мощный офицерский заслон.

Стоят локоть к локтю. Подхожу к розовощёкому круглолицему сержанту, у которого рация:

- Кому служите?

- Себе! - Харя весёлая. На офицеров не обращает внимания.

Высокий офицер добавляет:

- Закону служим.

- Но закон позволяет свободно ходить по Москве. Чего вы тут стоите?

- Нам платят за это, - говорит второй офицер.

- А сколько платят?

- На хлеб хватает! - с улыбкой включается третий (малорослый, вроде меня).

- На хлеб, это мало, - говорю и чувствую, что растёт раздражение, зубы сжимаются.

- Отец, иди, не разводи политинформацию, - говорит четвёртый и отводит взгляд.

Второго октября, у Краснопресненского метро - цепь здоровенных омоновцев с автоматами. Горечь и боль вскипают, сдавливают горло.

- Ребята, в кого стрелять приготовились?

- В дураков! - Омоновец с презрением сверху вниз глядит на меня. Его сосед тычет мне дулом в плечо:

- В таких, как ты!

- Как отличать будешь умных от дураков?

С тыла ко мне подскакивает парень в гражданском:

- Дед, ты дожил до седых волос, а такой идиот!

- Мой отец погиб под Смоленском…

Люди в толпе узнают меня, пробуют заступиться: «Это писатель, как вам не стыдно?» Моих заступников оттесняют щитами, меня нейтрализуют какие-то парни в штатском: «Успокойтесь! Идите! Идите!»

Омоновец сипло орёт:

- Мне х… с ним, что он писатель. Плевал я и на его отца! Пускай идёт отсюда, пока цел!

Таких церберов вокруг Дома Советов было сравнительно мало. Большинство солдат устало и безучастно смотрело поверх голов, у многих офицеров светилось в глазах тайное сочувствие, понимание происходящего. Сейчас, перечитывая тогдашние записки, я почти согласен с омоновцем насчёт моего писательства. Но я пытаюсь и не могу простить ему оскорбление отцовской памяти. Нет, это был не симплициус, не Иван-дурак, не Бубус-американус. В его матюгах было нечто большее, чем обычная злоба усталого и запутавшегося. Это был настоящий бес во плоти. «В средство погубления человеческого рода, - говорит святитель Игнатий, - употреблена была павшим ангелом ложь. По этой причине Господь назвал диавола ЛОЖЬЮ, ОТЦОМ ЛЖИ И ЧЕЛОВЕКОУБИЙЦЕЮ ИСКОНИ! Понятие о лжи Господь тесно соединил с понятием о человекоубийстве: потому что последнее есть непременное последствие первой».

Почему же мы снова и снова верим обманщикам?

Московские демократы, на все лады клеймящие коммунистов, ничуть не протестовали, когда уже во времена перестройки устанавливалась грандиозная глыба на Октябрьской площади. Я видел, как её везли по всей Москве. Ночью, с прожекторами. Земля содрогалась от неимоверной тяжести.

Демократы не торопятся убирать эту тяжесть и сейчас, когда полностью захватили власть. Я думал об этом вечером, накануне разрешённого властями митинга. А почему Лужков и Ерин, когда вся Москва уже давно скрипела зубами, с такой лёгкостью согласились на анпиловский митинг? Этот вопрос даже не возник в моей голове. Думаю, что не возник он и у большинства москвичей. И напрасно, поскольку этот митинг оказался частью общего стратегического плана по разгрому осаждённого Съезда и последующему разгону всех Советов.

В воскресенье, 3 октября я опоздал на Октябрьскую площадь. Честно говоря, проспал. Впрочем, смотреть анпиловских старушонок с портретами Ленина не очень и торопился.

В этот раз, однако ж, там были не одни старушонки…

Помню, что каким-то образом втянулся в спор, происходивший в метро. Возбуждённый, встревоженный человек, едва сдерживая гнев, энергично возражал какой-то демократической даме, ругавшей всех митингующих.

- Чего они кричит? Чего им надо? - разорялась дама.

- Вот попадёте под омоновскую дубинку, тогда, может, и поймёте, чего кричат.

На «Смоленской» мы вместе вышли из электрички, поднялись на поверхность. Он сбивчиво рассказал, как вместе с женой был на Октябрьской площади, как произошёл прорыв и омоновцы побежали. Жену ударили дубинкой, у неё, видимо, сотрясение, её тошнило. Он кое-как отвёз её домой, уложил в постель, а сам ринулся к Дому Советов.

Белая борода снова, в который раз за эти дни, меня выдала. Он назвал себя и сказал, что мне не следует ходить без охраны… Краснеть от таких комплиментов или благодарить?

По Садовому в сторону Дома Советов во всю ширину улицы бежали и шли возбуждённые москвичи. Торопились с разноцветными, в том числе и красными флагами. На асфальте валялся милицейский щит, стояли чьи-то легковушки с разбитыми стёклами, заглохшие грузовики с раскрытыми дверцами. Везде народ, и - странно - вокруг ни одного милиционера, ни одного омоновца! Ведь ещё утром они гроздьями стояли на всех прилегающих к Дому Советов улицах. Куда так дружно исчезли?

У мэрии (как чуждо для русского слуха это слово), у мэрии я оторвался от опекуна, смешался с толпой. Кругом ликовали. Везде валялись какие-то бывшие заграждения. Под башмаками хрустели стёкла

разбитых окон. Я проскочил сквозь оцепление, забежал по ступеням на площадку перед входом в мэрию. (Почему-то хотелось узнать, что происходит внутри.) Военный с автоматом выскочил на площадку.

- Назад! Назад! - кричал он. Я покинул площадку, направился к тройным оцеплениям Дома Советов. Осада была снята. В проходы между витками колючей проволоки шли и бежали люди. Я перелез через баррикадный завал. Ещё дымили кое-где ночные костры защитников, но сами защитники уже смешались с толпой. Уже никто не охранял подступы к Дому Советов…

Я прошёл к восьмому подъезду, протолкался к дверям, где стоял пост. Меня тут знали по предыдущим визитам и пропустили.

Что происходило внутри? Ликовали, кажется, все, даже подосланные провокаторы. Все поздравляли друг друга. Одни иностранные корреспонденты и телевизионщики не выражали восторга. Я прошёл на балкон, нахально уселся в ложе для гостей и газетчиков. Чья-то телекамера усиленно снимала мою персону. Поздоровался с Умалатовой, сидевшей сзади, начал разглядывать депутатские ряды внизу. Ярко горели люстры. Участники съезда поспешно собирались на заседание. Вот в середине зала показался бледный Руслан Хасбулатов, улыбаясь и отвечая на поздравления, он продвигался к президиуму. Какая-то дама поздравила его поцелуем. Он прошёл в президиум, сказал короткую речь, сообщил, что мэрия взята, Останкино тоже и что на очереди Кремль. В ответ радостные аплодисменты и крики «ура»…

Я сказал одному из знакомых: «Не говори гоп, покуда не перепрыгнешь…» И вышел из зала. В буфетах уже подавали горячий чай. (В первые дни осады, когда электричества не было, пили какой-то холодный ягодный напиток.) Так. Значит, Останкино взято? Я решил остаться тут до утра. Но прошёл час, полтора, два. Кто-то, кажется, Володя Бондаренко, сказал, что в Останкине идёт бой. Я бесцеремонно отделался от сопровождавших меня знакомых, вышел через восьмой подъезд. Прошёл через толпу и через проходы среди баррикад. Ни одного милиционера, ни одного омоновца! Я уехал на ВДНХ. У Останкинской студии действительно шёл бой…

Сейчас я вспомнил вдруг эпизод из жизни полководца А. В. Суворова. Однажды под напором (кажется, турецких) войск русские дрогнули и побежали. Александр Васильевич тоже пришпорил кобылу. Он поспешно скакал с поля боя вместе со всеми, молча сперва, а потом и давай кричать:

- Заманивай их, братцы! Заманивай!

«Братцы» понемногу очухались, «заманили». Потом развернулись на 180 градусов и ударили. Да так, что от противника мало чего и осталось.

Конечно, Ерин-министр на Суворова не тянет. Но Хасбулатов с Руцким, опьянённые взятием почти не охраняемой мэрии, оказались очень похожи на тех турок.

Гениальными, как и всегда, оказались СМИ. Они срочно, ещё до кровавого понедельника создали несколько запасных и рабочих мифов. Например, очень пригодился миф о полной растерянности в окружении Ельцина 3-4 октября. Мифу о планируемых боевых вылазках из Дома Советов, конечно, никто из серьёзных людей не верил. Но это и не важно. Главное, чтобы врать, врать и не останавливаться… А миф о русском фашизме? Тьфу, прости меня, Господи… Ведь баркашовцев в своё время для того и узаконили, для того и позволили им нашить чёрных мундиров и собраться в кучку, чтобы Козырев и Гайдар, ни слова не говоря о бейтаровцах, на весь мир вопили о русском фашизме!

«Заманивай их, заманивай! И вот единственный сын космонавта Егорова сражён омоновской пулей под жуткой иглой Останкинской башни. Нет, не фашисты хотели взять Останкино, а обычные московские юноши, которым надоела ложь этих самых СМИ, надоело то, что синявские называют Россию сукой, что Войнович в каждом русском солдате видит Чонкина.

Да мало ли чего надоело! Россия вся сидит, как говорится, на этой игле.

Там, у здания телецентра, полыхнула кроваво-дымная вспышка, сопровождаемая мощным хлопком. Раздался единый слитный возглас. Толпа как бы дружно охнула… Метрах в тридцати от Шереметьевского пруда я перевёл дух, укрылся за бетонной опорой. Оглушительный треск каких-то незнакомых калибров. Треск этот усиливался, пулевые шмели пунктирными линиями летели из телецентра. Они перекрещивались и безжалостно впивались в гущу людей. Далековато я был от этих людей! (Может двести, может четыреста метров.) Но я знал, чувствовал, как их расстреливают, восторженных, безоружных… Общий гул уже не поглощал крики раненых, проклятья и мат. Люди ложились прямо на асфальт, кидались из стороны в сторону. Некоторые устремлялись к метро. Навстречу бежали и шли новые то ли зрители, то ли поборники правды. Я перебежал дорогу, прислонился к бетонному троллейбусному столбу. Впереди что-то сильно горело, может, машина, может, рекламный щит. У другого края опоры внизу спокойно пристроился какой-то мужичонко. Рядом с ним, укрывшись трофейным милицейским щитом, так же спокойно лежал мальчик лет десяти. «Ты откуда?» - спросил мужичонко. Я сказал, что я вологодский. «А я владимирский, - с гордостью доложился он.

- Приехал вот, вместе с сыном. Постой, постой… А ты не писатель?» Я разозлился, сказал, что надо бы поскорее увести ребёнка в безопасное место, что омоновский щит защита не больно надёжная. Даже совсем не надёжная. Он же начал вдруг просить автограф… Полез в торбу, достал какой-то блокнот с записями. Я расписался в его затрёпанной хартии… Шум бэтээровских дизелей со стороны металлического Циолковского, крики «ура, это наши!» прервали моё знакомство с двумя владимирцами. Я побежал навстречу бэтээрам, насчитал их шесть или восемь. Они круто один за другим сворачивали влево…

Не помню, до бэтээров или уже после, в тылу штурмующих остановился автобус. Из него торопливо выскакивали люди, их тоже приняли за наших. Я подошёл ближе, чтобы выяснить, откуда они. Суетливо-нервозные, некоторые заметно взвинчены алкоголем… Послышались трусливые, реденькие пистолетные щелчки. (Они палили в воздух либо в асфальт. Но люди, штурмующие телецентр, не обращали на них внимания.) Энергичный регулировщик в штатском принимал всё новые легковушки с вооружёнными лавочниками, указывая, где встать, что-то командовал… Я побрёл ближе к метро…

Сейчас, слушая тогдашнюю плёнку, разбирая записи, ловлю себя на том, что мне не хочется описывать ни ту кошмарную ночь, ни последующее утро, с его победным громом демократических пушек. Я ходил и ездил вокруг грачёвского стрельбища, как блуждающий спутник… Такого позора, когда пушки в Москве бьют по своим, не было со времён Троцкого. Расстрелян парламент, а парламентская Европа молчит, довольная. Телевизия наша очнулась, вчерашнего страха как не бывало. На улицах Москвы стрельба, а телебарышня щебечет и суёт микрофон в лицо первым попавшимся.

- Скажите, у вас есть заветное желание?

Пожилой, видимо, приезжий дядька не может понять, чего ей надо. Камера многозначительно, без комментариев переводится на другой объект. Дескать, что с дурака возьмёшь. В объективе уже солдат.

- У вас есть заветное желание?

- Выспаться…

«Выспаться»… «Уехать домой», «Уволиться из милиции». Идёт стрельба, гибнут люди. А камера крупным планом показывает упаковку презервативов, брошенную под ноги солдатику. И опять:

- У вас есть самое сильное желание?

На Новом Арбате, около Дома Дружбы, меня остановил человек. Роскошная чёрная борода, не менее роскошный чёрный костюм. Где мы знакомились? Не помню. Танки палят по Белому дому. Он спрашивает:

- Как вы смотрите на весь этот бардак?

- Извините, это не бардак…

- А что, если не бардак?

- Это трагедия. Убивают людей, а вы говорите - бардак.

Уходит разочарованный. Никак не могу вспомнить фамилию. Вроде из академиков.

У переходов здоровенный блондин в белоснежном свитере плотно окружён мужиками, клеймящими Ельцина:

- Ты скажи, нет, ты скажи, почему ты так за него стоишь?

- Потому что он даёт заработать! Я работаю! Первый раз в жизни мне

дали заработать!

- Торговлей, что ли?

- Ну и что?

Подходит другой, трусливый, но звонкий. Как мячик отскакивает от спорящих. Блондин в свитере остался без поддержки. Мужики называют его спекулянтом. Хотя сегодня почти все ларьки бездействуют. Горит Белый дом, густой дым валит с верхнего этажа мэрии. Палят грачёвские танки.

- Работать надо, а не митинговать, - говорит дама (вся в золоте).

- Это когда ты работала? - усмехается мужчина в сером пальто. - Ты сроду не работала. Не видно, что ли?

Чиновники

...в фонде имущества Вологодской области средняя заработная плата составила 8,6 миллиона рублей, а размер премиальных выплат - 15 миллионов в месяц. При увольнении на пенсию председателю фонда выплачено 293 миллиона рублей, главному специалисту - 85,7 миллиона рублей и секретарю - 39,3 миллиона рублей. «Советская Россия», 27 января 1998 г.

Прочитал я этот отрывок из выступления депутата Илюхина и глазам не поверил. Не может этого быть! Наверное, опечатка... Или клевета на вологодского губернатора? Вон бывший губернатор, и сидя в тюрьме, всё время твердит, что его оклеветали, что дело его сфальсифицировано. От этой прессы, словно от Жириновского, всего можно ожидать. А я всё ещё патриот Вологды...

Приехал в столицу «демократического» государства Москву. Позвонил в редакцию «Советской России»: «Правда ли?» - «Всё точно», - отвечают. Встретил знакомого, работающего в самой Думе. «Нет ли, - спрашиваю, - какой путаницы? Не может быть, чтобы вологодские чиновники хапали такими порциями!» - «Никакой путаницы, всё так и есть», - говорит знакомый.

Нет, никакой ошибки и никакой опечатки не было! Средняя зарплата 8,6 миллиона рублей, премиальные начальнику 293 миллиона, секретарше без мала сорок миллионов...

Всё равно никак не верится...

Вернувшись в Вологду, звоню губернатору В. Е. Позгалёву (хотелось устроить встречу без «галстуков»). Но чтобы с ходу дозвониться до губернатора, надо быть, по меньшей мере, его замом. Или хотя бы каким-нибудь мэром. Нет, чего это я буду опять мозолить глаза любопытным губернаторским секретаршам? Схожу-ка я прямиком в этот самый фонд. Но мой журналистский пыл остыл ещё в вестибюле, на подходе к тому начальнику, что занимается приватизацией заводов и фабрик. Оказывается, полумиллиардная сумма, ушедшая на премии, давно заинтересовала вологодскую общественность. Как думская коробка с

долларами. Оказалось, что областной прокурор не обнаружил в этих гигантских премиях ничего незаконного, что всё делается по закону. Судить за такую «премию», как судят бывшего губернатора Подгорнова, нельзя. Состава преступления нет. Значит, и сам Илюхин знал, что такие премии законны? Ничего себе! Этот идиотский закон был принят ещё в хасбулатовской Думе. Но какая, в общем-то, разница, кто принимал? И вспомнились многие эпизоды десятилетней давности. Вологодские «демократы», подражая московским, срывали замки, хватали всё подряд, «приватизировали» дома, гаражи, базы, склады, конторы с мебелью. И никого из них не арестовали во время этого грабежа, ни одного не посадили! Всё происходило, увы, по закону…

Очень мне хотелось спросить областного прокурора: неужели в получении полумиллиарда премий действительно нет никакого преступления? Если это так, то хотя бы взглянуть в глаза бессовестному чиновнику. Не ощущая стыда, он загрёб сразу 293 миллиона при полном безмолвии богоспасаемой Вологды. Невероятно, однако же факт!

Получить аудиенцию у прокурора ничуть не легче, чем встретиться с губернатором. И решил я никуда не ходить. Плюнул и говорю: а ну их… Пусть делают, что хотят. Ещё подумают, что завидую.

Вот так рассуждает почти вся Россия.

А что, разве не так? Со стыдом вспоминаю, как однажды чуть не попросил какую-нибудь должностишку в областной администрации, чтобы не остаться наедине с ельцинской пенсией. Возник такой краткий мысленный позыв в тот момент, когда думские депутаты и административные чиновники добились для себя позорных привилегий при выходе на пенсию. Почему это чиновникам такая поблажка? Я-то, дурак, думал, что пенсионный закон для всех один. Ан нет! Даже представители прессы, приписанные к администрации, получили пенсии, намного превышающие мою, писательскую. Но тут подоспело звание почётного гражданина Вологды. Жена говорит: «Добро надо ценить». И я заглох…

Не стал я выклянчивать «должностишку» в администрации, не стал возмущаться высокими чиновничьими пенсиями и окладами…

Не так ли ведёт себя и всякий, особенно сельский пенсионер? Прибавят ему какую-нибудь жалкую ельцинскую пятёрку, он и довольнехонек. На выборах вновь проголосует «за Ельцина»! Так что ты тоже как все, то есть трус. «Сиди и не нявгай», - как говаривала моя бабушка.

Да, вологодские пенсионеры, наверное, никогда не пойдут с плакатами. Матери, не получающие детские пособия, не будут бить стёкла в роскошных особняках облечённых властью плутократов. Работяги в колхозе или лесопункте, годами не получающие зарплату, не станут держать какого-нибудь директора взаперти, как в Кемерове. Для таких протестов вологжане слишком стыдливы, слишком совестливы. Продающиеся зарубежным фирмам демократические администраторы с

помощью еврейских денег, газет, радио и телевидения прекрасно изучили свойства совестливой русской души… Православную душу почему-то не очень и волнует нищенская пенсия или невыплаченная, тоже нищенская зарплата. Смирились и с тем, что пенсии для чиновников разительно отличаются от остальных и что чиновников в государстве копится всё больше и больше… Ещё Горбачёв говаривал, что чиновников, состоящих на службе (т. е. сидящих на шее налогоплательщиков), развелось около 16 миллионов.

Но это было когда? При нынешней власти их стало ещё больше, и зарплата у них… Как говорится, ой-ей-ей!

Выяснить, сколько развелось чиновников хотя бы в одной Вологодской области, мне не удалось. Как говорится, почти военная тайна…

* * *

Увы, не заметила православная Русь гнусного предательства Горбачёва, Яковлева и Шеварднадзе. О, как ловко облапошила нас дьявольская эта троица, как хитроумно использовала народное недовольство безбожной коммунистической властью! Как незаметно подсунула нам новую денежную власть, ввергнувшую Россию под банкирское бесстыдство, с которым депутаты и ельцинские госчиновники сами себе устанавливают зарплату и назначают пенсию, поистине бесподобно. Они сами себя премируют, сами себя награждают и повышают в должности. Правда, для того, чтобы повысили, т. е. чтобы твой социальный статус укрепился ещё больше, надо верно служить вышестоящему чиновнику, обладать достаточно высоким чувством опасности, хитростью и подхалимским талантом.

В этой системе вовсе не обязательны высокие деловые качества. Хватит иной раз и того, что ты выучился (выучилась) угодничать, держать язык за зубами и подмахивать шулерские бумаги. Не способен (не способна) на это - снимут. Понизят. Или вообще укажут на дверь. Способов сокращения достаточно. Говорю пока о чиновниках, не касаясь рабочих. Но когда с молотка идут целые комбинаты, когда остановлены заводы и фабрики, когда под флёром технического прогресса нарочно создана система безработицы, оказаться за проходной проще, чем за пределами офиса. Директор-акционер всегда найдёт способ избавиться от неугодной личности. И никакой профсоюз за тебя не заступится!

Но вернёмся к нашим баранам, то бишь к депутатам и государственным чиновникам. Если чиновник всё ещё не растерял совесть, если он не умеет подхалимничать, над ним висит постоянная угроза увольнения. Воленс-ноленс, он вынужден научиться подхалимажу. Он приспосабливается к системе бесправия, двурушничества и воровства. Такова система, созданная с помощью ЦРУ т. н. демократической революцией.

Так в чем же разница между властью, которая была в стране и от которой многие из нас с таким удовольствием отбояривались, и новой

властью - властью банкиров? Мне представляется, что разницы нет. Она, эта разница, только в масштабах оболванивания (и эксплуатации, если говорить о крестьянстве). Самое мощное сословие великого Российского государства - крестьянство - было унижено ещё при советской коммунистической власти. Уничтожалось сначала при раскулачивании, затем душилось налогами, гибло во время войны. Наконец, при раскулачивании уже самих колхозов русская деревня окончательно сникла. Господа демократы только завершили уничтожение крестьянства. Уже при Горбачёве крестьян в стране было меньше, чем бюрократов-чиновников, безжалостная статистика соврать не даст. И передовой (по учению Маркса) класс не очень-то и тужил о бедах русской деревни! Не так ли, Геннадий Андреевич?

Иные коммунисты воевали с русским крестьянством с таким же упорством, как воевали они с православным духовенством. Десятилетиями обдирали крестьянина как липку…

Создали большевики за счёт разорения деревни могучую промышленность, и на том спасибо. Но какое потрясающее сходство в отношении к крестьянству у троцкистов-большевиков и сегодняшних т. н. демократов! Объединённая ненависть тогдашних троцкистов и нынешних банкиров к русской деревне взывала к совести оппозиционных сил, но оппозиция проигнорировала народные чаяния.

Помнится, перед президентскими выборами я, беседуя с Вами, Геннадий Андреевич, набрался нахальства и дал некоторые советы, как выиграть президентскую гонку. Во-первых, надо было всенародно, искренне покаяться перед народом за раскулачивание и последующий колхозный грабёж мужика. Во-вторых, публично попросить у всей России прощения за многолетнее преследование православной религии. В-третьих, отказаться от некоторых марксистских догм и обязательно переименовать партию, которая с таким трудом сохранила свои структуры. И что интересно: Геннадий Андреевич, как я понял, был согласен сделать всё это. Соглашался даже на переименование…

Но почему, кроме формальной поддержки русского православия, он ничего этого не сделал? Так ведь и демократы вроде Лужкова встают на клиросы и строят грандиозные соборы. (Не зря сказано, что и бесы иной раз веруют и трепещут.) Мне и сейчас ясно, что переименовать партию (в народную, социалистическую или в какую иную) просто необходимо, потому что марксизм-коммунизм русскому народу, хотя бы крестьянству, давно набил оскомину. Конечно, пожилые догматики при этом из партии вышли бы. Сколько-то тысяч, даже, может быть, миллионов партия недосчиталась бы…

Зато сколько миллионов пришло бы молодых! В дряхлеющий организм хлынула бы свежая кровь и обновила его.

Струсили переименовать. Оппозиция вместе со Строевым встроилась в ельцинскую власть, её прикормили, и она стала совсем беззубой…

Нет, не зря Ельцин и его присные окружили себя сонмом зарубежных

советников! Целая армия новых банкиров, цэрэушников, идеологов, специалистов по обработке мозгов оккупировала Москву, надвинулась на её ближние и дальние подступы. Того и гляди, с московского неба посыплются натовские парашютисты. Сталинская власть, разорившая миллионы крестьянских гнёзд, по крайней мере, держала на замке границы. Под её неласковым руководством русский народ справился с безжалостным европейским нашествием. А теперь? Как спастись русским, которых демократы переименовали в россиян, от нынешнего нашествия? Уже все знают, как тщательно президент избегает слова «русский».

Марксистский интернационал по отношению к России живёт и здравствует по сию минуту, а нашей оппозиции это хоть бы хны. По-прежнему Русь для неё - страна ста народов. Только и осталось слово «страна» заменить словом «тюрьма». Неужели Зюганов и Селезнёв так сильно ощущают родство с Марксом и с бывшим секретарём обкома товарищем Ельциным? Вот уже и военный министр Сергеев заявил, что чем лучше защищаем Москву, тем для неё хуже, мы, мол, только привлекаем внимание к ней всяческих блоков.

Ничего себе защитник Москвы! Проворовавшийся генерал Кобец, который защищал президента от депутатов-агрессоров, стараниями телевизии превратился уже в киноактёра, напрасно страдающего в Лефортове. К чему натовцам тратиться на дорогостоящие бомбы и самолёты, на дивизии парашютистов? Не лучше ли воспользоваться советами Гитлера и Даллеса? Мужчин споить, женщин развратить, поголовно наркотизировать население. И всё это сделать под фальшивым покровом свободы. Как много людей, ослабленных многолетним атеистическим режимом, попалось на демократический крючок! Они позарились на соблазнительную наживку, называемую свободой.

Об этом понятии нужен разговор отдельный. Что значит «демократическая свобода», многие в России, наконец, поняли и стыдятся, что заглотали указанную наживку. Многие, но не все. Другие и хотели бы сорваться с крючка, да больно. Эти трусливо перемогают свободу умирать от голода и спиваться, ждут спасителя в генеральских погонах. Никаких демократических свобод, хотя бы и в той же прессе, и в помине нет. Дал я однажды статью о намеренном спаивании народа в «Российскую газету». А один из редакторов… (Не буду называть фамилии, так как надеюсь, что мужество ещё вернётся к нему.) Этот редактор отфутболил статью редактору «Сельской жизни». Чего испугался? Боялся потерять кресло? Бог весть. Редактор «Сельской жизни» Харламов статейку напечатал, но многие ли думцы читают эту газету? Её читает лишь кое-кто из Аграрной партии. Для большинства депутатов алкогольный геноцид в России, как говорится, «до лампы». И сами попивают, и народ спаивают, благо подаёт пример сам «всенародно избранный». Выборы для них были во имя выборов, а не для России. Словосочетание «русский народ» для них запретно, так как они, как огня, боятся прессы. А эта «дама», вроде ярославской депутатки, ничего не боится. Волтузит и в рыло, и ниже пупа. Как пришлёпнет ярлычок фашиста, так и носи за бархат. Никакому крепкому государственнику не

устоять, до второго пришествия не отодрать ярлычка. Мать честная, а сколько синонимов придумано, чтобы очернить государственника: «националист», «антисемит», «шовинист», «национал-патриот», «красно-коричневый» и пр., и пр.

Политики до того боятся этих газетных ярлыков, что тотчас после выборов забывают и про собственные программы, и про посулы, данные избирателям. Даже оппозиционно настроенные постепенно становятся либо политическими нарциссами, либо бездеятельными циниками, летунами-туристами за счёт тех же народных денег. Такая среда и вскармливает так называемую политическую элиту, которая выдвигает в свою очередь с полдюжины лидеров, претендующих на будущий президентский трон. И много ли в этой среде таких смелых людей, как Илюхин?

Феномен белорусского президента тоже в своём роде единственный. Народ раздроблённого государства до сих пор не мог выдвинуть из своей среды собственного защитника именно по той же причине, что государство раздроблено. Вот и весь результат нашего чужебесия и так называемой демократии. Как был интернациональный режим, так и остался. Кто, какой депутат, какой генерал обломает президентское кресло о головы предателей Родины? Лебедь, что ли? Он уже переподчинил Москву солнечному, якобы угнетённому русским народом Кавказу. Николаев? Руцкой? От генералов, бегущих вприпрыжку в Федеральное Собрание, русскому народу защиты ждать нечего.

Россия не получит от них новую Конституцию. И от натовского напора Кокошины и Сергеевы Родину не сберегут, чиновникам не до этого. Они «реформируют» армию…

Стыдобушка

Вспоминается мне голодное детство… Всё было отнято у колхозников, даже самовары и медные ковшики! Мужчины и парни в деревне Тимонихе - все до последнего - убиты на фронте. Кони сдохли. Зерно из сусеков подчищено и куда-то увезено. Последние рубли и копейки отданы в счёт налогов и государственных займов. Есть нечего, обуваться в стужу не во что. А стальная змея ползёт и ползёт к Волге, великое западное нашествие вот-вот задушит Россию. В числе европейских пришельцев имеются даже братья-славяне. (Хорватские части, в которых мы даже не подозревали близкую родню, убивали наших отцов…) Казалось - конец!

И вот Победа! Наша Победа!

Мы, дети, уцелевшие в голоде и болезнях, подросли в годы войны. Всего чуть-чуть. Зато выучились трудиться. Дети помогали взрослым спасать Родину.

Сталин хоть и косо глядел на крестьянство, но кое-где отпускал железные вожжи… Жеребята в колхозе опять каким-то образом расплодились, картошка и репа выросли. Государство отменило хлебные

карточки. Поезда ходили, и никто не загораживал им дорогу, никто не ложился на рельсы.

Железнодорожный нарком Каганович ещё до войны лично взорвал главный российский храм со словами: «Задерём подол матушке-России». Кто кого тогда, в 30-х годах, боялся больше: Сталин Кагановича или Каганович Сталина? Историкам предстоит разбираться. (По-моему, Вл. Бушину не стоило так шибко расхваливать Кагановича, который лично включил рубильник, поднимая на воздух храм Христа Спасителя.)

Итак, железные дороги действовали, государственные облигации нет-нет да выигрывали (остальные «бумажки» хоть и медленно, но погашались). Цены на товары продолжали снижаться!

Сталин, при всех своих недостатках, не клянчил деньги за рубежом. Керосину для тракторов почему-то хватало, тракторов тоже настроили, и хлеб сеяли каждую весну. И что самое главное - сеяли везде, стремились использовать каждый клочок родной земли! Сеяли, косили, строили! И на рельсы гуртом не выходили, и офицеры не стрелялись, не зная, чем прокормить семью. И студенты учились, становясь академиками…

Так что же произошло с нами дальше?

Отчего русские не испугались грозных фашистских полчищ, а каким-то жалким банкирам и продажным телевизионщикам отдали себя с головой?

Стыдно…

Стыдно за тронутых чужебесием представителей власти, в одну шеренгу, как новобранцы, стоящих перед Ельциным. Стыдно за самого Ельцина, который в косноязычной своей гордыне показывает, как танцует на кремлёвском паркете норвежская королева. (Хорошо хоть не стал петь «Калинку» и отплясывать какой-нибудь шейк.) Стыдно за шахтёров, требующих денег лишь для себя. Как будто дети учителей и врачей не хотят ни есть, ни пить. Но спасибо и на том, что вышли мужики на рельсы, легли на рельсы в прямом смысле, заместо Ельцина. А что делают в это время господа Шмаковы, возглавляющие так называемые «независимые профсоюзы»? И как понимать думскую оппозицию трусливых коммунистов, шумных элдэпээровцев, сонных аграрников, блудливых «яблочников»? Ничего себе партии…

Шахтёры всё же хоть поднапугали вечных лжецов… Всё же кое-кто из миллиона трудящихся наконец отрезвел. Сдвинулся с места…

Задумались даже Бжезинский с Киссинджером, не зная, что советовать Клинтону. Как останавливать эту силищу?

А ну, как она встанет с рельсов да и двинет совсем в другом направлении? Например, на московские особняки и на банковские конторы, построенные на шахтёрские денежки?

Тут действительно призадумаешься… Рассыпался, исчез, яко туман, очередной миф о «лимите на российские революции». Исчезла сказка о

«бесконечном русском терпении», улетучилась, наконец, болтовня о «благодетельности демократических реформ». На издыхании находится миф о зарубежных инвестициях, созданный для удобства банкиров, для безболезненного и скорого превращения России в колонию. Не надо нам никаких зарубежных инвестиций! С разрухой, созданной демократами, сами справимся.

Всё равно стыдно…

Стыдно за грандиозные долги иностранщине, навязанные России, чтобы уберечь антинародный режим. Но ведь ещё и подворовывают новомодные банкиры! Кто вам дал право, господа, занимать, занимать, занимать и грабить?

Но вот открылась всего лишь шахтёрская рельсовая забастовка. Фальшивая власть дрогнула, перетрусила. Зашевелились в Москве вице-премьеры, забегали… Демократические министры до смерти перепугались, не зная, что делать. Совсем подлый народ - продажные телевизионщики - спешно начали придумывать причины якобы вдруг возникшей стычки на рельсах. Позвольте, как это «вдруг»! Как будто раньше все вы не знали, что зарплату надо платить! Во всём мире зарплату платят, а где не платят, там премьеров и президентов - тотчас долой!

У нас же не платят годами, но всё время обещают. А чубайсы врут, врут, врут… Всегда и где только можно врут, чтобы самих себя ободрить, а всех остальных - обдурить. Воруют почём зря и сваливают то на азиатский финансовый кризис, то на региональных правителей, то на русский менталитет. И миллионы людей верят демократическому вранью. Читатели лживых газет, похабных журналов - верят. Добросовестные слушатели столичных радиостанций, хоть и не все, но верят. Зрители ядовитых экранов, мерцающих в электронных ящиках, - верят! Почему люди верят подлым обманщикам? Лжецам, которые не знают, как выкрутиться? В чём дело? «Электорат» доверяет на губернаторских выборах тупицам. Лжецам. Выбирает генералов в погонах и без погон. Обманщиков с птичьими фамилиями, российских предателей, мечтающих растащить Родину по частям, приучающих всех нас к подлому и страшному слову «конфедерация». Феномен, достойный всемирного удивления.

Стыдобушка!

Мелодия родины

И порядочному туристу, и командированному не каждый раз по приезде в столицу удаётся побывать в центре Москвы. Чего уж говорить про зачумлённых челноков? У бывших инженеров и бухгалтеров, то есть нынешних безработных, так же, как и у заядлых демократов, физическая близость Кремля вызывает аллергию. Хотя и по разным причинам. Вот и я в кои-то веки вздумал сходить на Красную площадь.

Эх, лучше бы совсем не ходить! В метро и то приятнее, чем на

поверхности. Правда, столичное метро тоже уляпано тошнотворной рекламой или электрифицированными плакатами вроде «Свидание с Америкой». Боже мой, сколько бумаги изводят, сколько киловатт-часов тратит Лужков на бездарную иллюминацию! Москва утыкана всякими дорогущими стендами, прибамбасами и церетелевскими чучелами, так полюбившимися бравому футболисту.

Москва стремительно изменила свой лик. Проворные банкиры не жалеют средств для своей помпезной архитектуры с башнями на крышах, с колоннами у подъездов. Приезжие губернаторы подозревают, что стоимость одного какого-нибудь банкирского дома равна расходной части иного областного бюджета.

Да, лужковская Москва задыхается нынче в змеиных объятиях закордонной и отечественной рекламы, а она, эта бумажная бестия, начиналась с вкрадчивых, почти стыдливых «купите себе немножечко «Олби». А с какой целью Лужков перерыл и перекопал всю Манежную площадь, словно решил до самой Америки докопаться? Что, разве иного места не было для всяких ларьков? С каких это рыжиков москвичей уже и с Новым-то годом поздравляют не по-русски, а по-английски? Но я не англичанец пока. И было просто стыдно ступить на Большой Москворецкий мост. И что это за монстр торчит впереди, рядом с Балчугом? Строит его почему-то канадская фирма, точно в России нет ни одного безработного... Вот уж поистине бетонное чудище перестроечной московской эпохи.

Архитектура жирных котов и банкирских бетонных лбов. То вкрадчивая, то громоподобная звуковая либо зрительная реклама жуликов, запущенных, вмонтированных прямо в сердце великого государства. Звуки, запахи, ритмы, цвета всего прогрессивного и не совсем прогрессивного человечества...

Пересилив физическую, а больше моральную усталость, вышел я к началу Большой Ордынки, свернул на Черниговский и с облегчением забрёл в ампирный особняк Славянского фонда. И совсем неожиданно попал я в иной мир! Спокойный, близкий. Умиротворяющий и вдохновляющий мир истинно русской, а не американской жизни.

Мир, сошедший со слайдов Анатолия Дмитриевича Заболоцкого...

В одном из своих произведений, как бы мимоходом, Пушкин обронил гениальную фразу: «...Но и любовь - мелодия». Почему-то вспомнилась именно эта пушкинская фраза, когда я бродил по залам, где развешаны триста работ фотохудожника.

В своё время, занимаясь изучением народной эстетики, пытался я вникнуть в природу художественного образа. Конечно, эта самонадеянная попытка оказалась напрасной, потому что художественный образ не поддаётся рациональному изучению, научному постижению тоже он неподвластен. И до сих пор я с иронией отношусь к таким понятиям, как «искусство цирка», «художественная гимнастика» (бытует даже «художественный свист»).

Но вот в том, что существует искусство художественной фотографии, убедил меня не кто иной, как Анатолий Заболоцкий - кинооператор и чуть ли не единственный искренний друг покойного В. М. Шукшина. (В своих биографических данных он сообщает, что написал книгу воспоминаний о Шукшине. Где же она, эта книга?)

Выставка вызывает не только радость общения с художественными образами, но и требует размышлений. Вызывает много вопросов.

Лично я опять задумался о том, каковы, например, взаимоотношения хотя бы живописи и музыки, можно ли преобразовать зрительный образ в музыкальный или, наоборот, музыку превратить в живопись? Каковы взаимосвязи архитектуры, допустим, с балетом или драматической сценой?

Не менее интересна и тема документализма в искусстве.

Разумеется, фотография - это, прежде всего, документ. Как же документ становится достоянием искусства, на каком рубеже приобретает он эмоциональность и художественную силу? Некоторые пейзажные фотографии Заболоцкого я не променял бы на пейзажную живопись иного художника. То же самое можно сказать и о портретах современников, а также жанровых сценах или фотографиях, связанных с обычным семейным бытом.

Анатолий Заболоцкий умеет снимать то, что большинству людей невидимо и представляется малозначительным. Но ничто, ни хорошее, ни плохое, не ускользает от его объектива. Он полновластный хозяин объектива, а не прислужник его, техника служит ему, а не он технике, как это довольно часто случается с пошлыми авангардистами или скучными натуралистами.

Откуда, где, спрашивается, откопал он удивительную скульптуру Слободеева «Обнажённая»? Кто он такой, этот скульптор, жив ли и где живёт, если жив? Заболоцкий не успокоится до тех пор, пока не выяснит. Так в своё время открыл он для себя и для многих скульптора Эрьзю.

Очень широко у Заболоцкого не только психологическое, но и чисто географическое восприятие Родины.

Не мешает поблагодарить Славянский фонд, возглавляемый В.М. Клыковым, за организацию этой выставки в такое безрадостное время, как нынешнее. У Москвы, слава Богу, есть ещё люди, принадлежащие всей России, а не одному лишь Садовому кольцу, уляпанному всяческой красочной иностранщиной.

* * *

Профессору Казаку, Кёльнский университет, Германия

Дорогой профессор!

К сожалению, я не смог поучаствовать в праздновании Вашего юбилея. Не знаю, дошло ли до Вас моё письменное поздравление, ведь со времени нашей встречи в доме среди полей мир сильно изменился. Мне

кажется, что эти изменения произошли не в лучшую сторону. Наша с Вами беседа в просторном, похожем на рубку океанского корабля кабинете даже не предполагала, что мир так быстро и радикально изменится. Не знаю, как у вас, а у нас «демократы» не стесняются воровать письма, перехватывать телеграммы и прослушивать телефоны. Всё это проделывают они не менее усердно, чем коммунисты в недавнем прошлом. Украдена сама возможность передвижения (для того, чтобы съездить из Вологды в Москву, только на железнодорожный билет мне надо потратить всю свою месячную пенсию).

Конечно, такие условия передвижения не относятся к архитекторам перестройки типа Черниченко, Евтушенко или нашего «лучшего немца» (мне представляется, что ваша страна сделала ошибку, давая звание «лучшего» Горбачёву. Надо было давать Шеварднадзе, у нас тут ходят слухи, что он немец по матери).

Впрочем, каковы были мои возможности передвижения и при коммунистах, Вы знаете не хуже меня. Помнится, будучи членом Верховного Совета и даже членом ЦК, я официально выразил просьбу на 3-4 дня слетать в Берлин на церемонию воссоединения Германии, коему воссоединению я искрение сочувствовал. И что же? На моём заявлении А. И. Лукьянов (лучший спикер тогдашней Европы) сделал отрицательную резолюцию. И сам вскоре оказался в тюрьме. Европа не заступилась за своего лучшего спикера. Та же история произошла с моей предполагаемой поездкой в Хельсинки (как член аграрного комитета я пытался изучить финское земельное законодательство). Поездка эта тоже не состоялась из-за тайных интриг будущих уже весьма активных «демократических» сил.

Так что в Европу съездить нашему брату почти невозможно, как раньше было, так и сейчас.

Что же побудило меня написать Вам? Поводом к письму, дорогой профессор, явилось мимолётное сообщение в нашей насквозь «демократической» печати о том, что Гюнтер Грасс написал новый роман, что в споре с критиками он говорит о своём отрицании цензуры мышления. В том же заявлении он сетует на отсутствие у немецкой нации стремления к единству.

Мне показалось несколько странным последнее утверждение Гюнтера Грасса. Как же так? Германия объединилась, руины Берлинской стены стали музейным явлением, а он говорит о нации, не очень желающей государственного единства. Не могу же я считать Горбачёва, Шеварднадзе и Яковлева главными патриотами современной Германии? А Вы, профессор, что думаете на сей счёт?

Но главной причиной моего обращения к Вам явилось моё тягостное душевное состояние, вызванное натовской войной против православных сербов. Взрываются бомбы, летящие на Папе и сербские кварталы Сараева, гибнут дети, женщины, старики. Профессор, сможете ли Вы убедить меня в том, что это не третья мировая война?

Позвольте задать Вам и ещё несколько вопросов, связанных с нынешней обстановкой в Европе.

Если Варшавский Блок давно не существует, то против кого вооружаются натовские подразделения? Для чего вообще народы США и Европы содержат НАТО? Почему в межэтническом балканском конфликте Европа и ООН обвиняют только одних сербов? И почему НАТО бомбят одних сербов? Или они думают, что горящий костёр можно погасить горючей жидкостью? Почему Германия снова поддерживает последователей гитлеровского приспешника Павелича, уничтожавшего евреев и сербов?

Эти вопросы я задаю именно Вам, так как знаю Вас давно и лично общался с Вами. Мне не понятно поведение всей европейской общественности, когда снова гибнут мирные жители, как это было в 1941-45 годах. Почему молчат лучшие люди немецкой нации, писатели, наследники великой европейской культуры и философии? Хотя бы и тот же Гюнтер Грасс? Услышать бы, что он думает по поводу натовских бомбёжек и грохота пушек, отлитых на немецких заводах.

Впрочем, молчит не один Грасс, молчат и Ханке в Австрии, и Айрис Мердок в Англии, и Маркес, спрятавшийся на острове Куба. Кто же напомнит натовским генералам древнейшую библейскую истину: «Взявший меч, от меча и погибнет»? Неужели писатели мира верят вселенской лжи о кровожадности сербов и дикости русских? Неужели они согласны с политикой Ширака, Мейджора, Коля да и самого Клинтона относительно сербов и всей Восточной Европы? (Если всё это так, то говорить нам действительно не о чем.)

Я обращаюсь к Вам, профессор, потому что знаю Вас как объективного учёного и писателя, благожелательного к русской культуре вообще и современной русской литературе в частности. Скажите мне, что думают немцы? Пользуясь возможностью говорить с Вами, я скажу Вам, что думают русские по поводу натовской войны, открывшейся на Балканах. Они (русские) думают, что, во-первых, Европа в очередной раз их обманула, поддержав денежно и морально нынешний антинародный и антигосударственный российский режим. Во-вторых, русские обвиняют не только одни США, но и Францию, и Германию.

Уже есть в России люди, которые еле сдерживаются, чтобы не говорить о рецидивах гитлеризма и даже тевтонизской спеси. Я не отношусь к таковым, но многие люди моего круга недоумевают при виде тех действий Германии, которые рано или поздно принесут вред самой Германии, самой немецкой нации. На наш взгляд, вы, немцы, действуете неразумно, посылая своих солдат на Балканы. Натовские «Фантомы» и «Торнадо» бомбят сербские города. Неужели немцам не приходит в голову, что бомбить города и посёлки опасно для самих немцев? И кто гарантировал немцам (да и французам, и итальянцам), что на Кёльн, на Париж, на Рим не будут падать такие же бомбы? Таких гарантий, профессор, на мой взгляд, никто Европе не может дать…

Сейчас, когда я пишу эти строчки, канцлер Коль разбирает свой чемодан под ельцинским кровом в посёлке Завидово. Он только что прилетел в Москву. Мне не известно, о чем они будут говорить, но я точно знаю, что Россия рано или поздно освободится от «лучших» немцев, от своих государственных предателей, с которыми сдружились Коль с Кинкелем, да и сам главный шеф НАТО господин Клинтон. Когда в России будет своё, непредательское правительство, она, Россия, снабдит православных сербов радарами и ракетами земля-воздух. Промышленность России разрушена ещё не до конца. И тогда ваши «Торнадо» вместе с мальчиками из парижских и кёльнских предместий один за другим будут падать в адриатические пучины...

Разве сами немцы уже не чувствуют опасности? Или они опять решили окончательно расправиться с европейским славянством?

Я не пугаю Вас, профессор (Вы знаете это), и не блефую. Я просто вижу, что логика развития событий приведёт именно к такому финалу. Похоже на то, что иные европейцы уже похоронили Россию. Но за что Европа так ненавидит русское и сербское православие, почему она так упорно борется с нами? Это не мудро, это гибельно для вас... Вы ещё во времена Канта олицетворяли Россию как медведя (по-славянски это тот, который «ведает мёд», не знаю, что значит Baer по-немецки). Но Европа забыла одну простую истину: медведь никому не грозит, если он не ранен. Если он ранен, то он опасен!

Или Европа в плановом порядке решила добить медведя? Но это ведь и совсем уже не мудро... Вы знаете профессор, чем заканчивается подобное планирование. Скажу Вам, что в моей деревне обе последние мировые войны люди называют «германскими». Первая германская, вторая германская. Неужели действительно идёт и третья? В первой мировой моя деревня потеряла всего трёх или четырёх мужчин. Со второй мировой не вернулось ни одного! И таких русских деревень тысячи! Все полегли, в том числе и мой отец.

Фритц Пляйтген, известный немецкий телевизионщик, дважды был в моей деревне, он делал документальные фильмы о России и так называемой перестройке. Он подтвердит, что от моей и вообще от русской деревни после Второй мировой почти ничего не осталось. Неужели немцы радуются таким результатам?

Когда-то я говорил об этом с Гюнтером Гёрлихом. Мы общались с ним в Ростове - Вешенской во время писательских встреч с Михаилом Шолоховым. Общались через посредство переводчика Миши, который нынче руководит какой-то довольно серьёзной сионистской организацией (впрочем, я не уверен, может быть, он уехал к вам или в Израиль). У меня осталось стойкое ощущение, что переводчик переводил не всё, о чем мы толковали с Гёрлихом. (Кстати, передайте Гюнтеру Гёрлиху поклон, если он жив и если у Вас будет такая возможность). У нас с Валентином Распутиным есть ещё один знакомый профессор, в Дортмунде, но я боюсь обременять Вас излишними поручениями. Достаточно будет и того, что я получу письмо с Вашими размышлениями. И если третья мировая война

ещё не идёт, то что делать, чтобы остановить её приближение?

Почему молчит общественность Европы, почему жмурят глаза лучшие европейские умы? Словно кошка, когда тянется лапкой за лакомым куском. Или уподобляются они страусу, прячущему голову в песок, чтобы не видеть приближения опасности.

Молчание народов Европы при виде начала войны равносильно нравственной безответственности. Вы должны знать, профессор, что Павелич, как заноза, навсегда остался в сербской народной памяти, как Гитлер. Нельзя пренебрегать этим вполне достоверным фактом! Остановите натовские бомбардировки! Утихомирьте попутно немецких руководителей типа Клауса Кинкеля, который недавно заявил в Минске, что «белорусское вхождение в состав России может осложнить создание европейской системы безопасности».

Кинкель так боится единства России, что совсем потерял голову. Ему мерещится великая разница между белорусами и русскими…

Жду от Вас, господин профессор, ответа на моё письмо желательно публично, хотя я и не верю в порядочность как ваших, так и наших средств информации.

С уважением В. Белов, 1995 г.

* * *

Профессору Казаку, Кёльнский университет, Германия

Господин Казак!

На мой взгляд, Ваше письмо, опубликованное газетой «Труд», поставило под сомнение пользу и необходимость публичной полемики… Моё уважение к Вам и в Вашем лице к представителям немецкой интеллектуальной элиты сильно поколеблено, поскольку Вы не ответили на мои вопросы. Вы уклонились от разговора, касающегося Сербии и участия немецких лётчиков в бомбёжках суверенных государственных территорий.

Ваши обвинения в мой адрес несправедливы и бездоказательны. Вы, по всей вероятности, игнорируете опасность нынешнего международного положения не только России, но и Германии.

Тем не менее, я желаю Вам личного благополучия. 1995 г.

Внемли себе. Записки смутного времени

Вологодский знакомый, демократ, бывший когда-то довольно крупным партийным чиновником, встретился на улице и с еле скрываемой злобой спросил:

- Зачем ты занимаешься политикой? Твоё дело писать!

- Что писать? - удивился я.

- Рассказы, романы!

Я не сдержался и резко сказал, что занимаюсь тем, чем хочу, и пишу то, что подсказывает совесть, а не то, что подсказывают встречные и знакомые...

Не стал бы я вспоминать тот мимолётный диалог, если бы и другой давнишний знакомый (писатель и подобно мне народный «горбачёвский» депутат) не сказал однажды с той же странной озлобленностью:

- И чего он там в Москве сидит, в Верховном Совете? Ехал бы домой да больше работал!

...Кто и сколько работал, выполняя горбачёвско-ельцинскую семилетку, кто и что говорил в кремлёвских палатах, к чему призывал в газетных статьях, рассудит время. Корпеть над романом, когда твоя Родина оскорблена и истерзана? Увольте, друзья мои!

Но в злобном дыму упрёков мерцают отблески правды...

* * *

Дробление всего и вся, какое-то безудержное измельчание - один из главных признаков смутных времён. «Атомизация», как говорят создатели новых терминов... В атеистическом мире дробятся не только народы и государства, мельчают сами понятия. Мельчают люди и характеры. Политики, журналисты, актёры, писатели, критики, литературоведы вовсе не избежали этой самой «атомизации». И голос правды слабеет и глохнет в мелочном шуме. Уже несколько лет жду серьёзную, доступную школьному пониманию книгу об эстетике. Ведь есть же у нас умные люди! Существуют целые институты, которые просто по своей служебной обязанности должны бы твердить нашим детям, «что такое хорошо и что такое плохо», причём твердить не на уровне Маяковского, а на уровне Бахтина.

Нету такой книжки! И вот культурные плуты безнаказанно травят детей наших ядом цинизма, оболванивают в ТЮЗах и видеотеках, дурят головы на выставках и эстрадных сборищах. Да при этом ещё и на Достоевского ссылаются: красота, мол, спасёт мир.

* * *

Почему-то нет и такого критика, который написал бы статью, ну, к примеру, о разрушении литературных жанров, о несерьёзном отношении

писателей вообще к жанру. Мне уже приходилось говорить об этом. Рискуя быть надоедливым, повторюсь: жанр всё-таки существует! Ещё с В. М. Шукшиным спорил, доказывал, что нет такого жанра: «документальный рассказ». Рассказ - это рассказ (литература), а документ - это документ, то есть публицистика (статья, репортаж, очерк). Точно так же не может быть документальным роман или повесть, все эти придумки происходят от писательской хитрости, вызванной ленью и спешкой либо недостатком таланта. Никому ведь не хочется обнажать дефицит собственных литературных способностей.

Шукшин возражал, но возражал-то он, помнится, не очень сильно, с доброй усмешкой.

Я видел, что внутренне он был согласен с моим радикализмом. И всё же он написал «документальный рассказ», утвердил в литературе 60-х годов этот новомодный жанр. Впрочем, виной всему был, вероятно, Василий Васильевич Розанов. Кажется, с его не больно-то лёгкой руки пошли в ход всевозможные литературные «копилки», «эссе», «затеи», «камушки на ладони». Лет двадцать назад сподобился этого и аз грешный, назвал блокнотные записи «Записками на ходу». И напечатал.

Каюсь и снова грешу…

* * *

В доказательство того, что документализм не главное и скорее случайное, попутное свойство художественной прозы и что документ частенько носит печать некоторой, тоже попутной художественности, предлагаю письмо из Челябинска:

«Говорят, вы пишете книгу о раскулаченных крестьянах. Два года тому назад хотелось вам написать, но всё никак не могла осмелиться. И вот всё-таки решила.

Мы из оренбургских казаков. Жили до ссылки в с. Нижние Караси (Челябинской области). Семья состояла из двенадцати человек. Глава семьи - дед, Тырданов Семён Фёдорович, бабушка Фёкла Леонтьевна, их сыновья - Владимир с женой и детьми, Константин (это мой отец, а мать - Антонина), дочери деда - Августа, Анна. Жили все вместе, в одном доме, исправно и дружно. Любили труд, работали от зари до зари. С хозяйством управлялись своей семьёй. Наёмных работников у нас не было. Раз в год нанимался один человек во время уборочной (была работа, где требовалось обязательно восемь человек). В хозяйстве было десять коров, животных-подростков - десять. Овец в табун пускали - сорок. Лошадей держали мало, рабочих - три, две-три - выездных. Птицы был полон двор, счёта не знали: гуси, утки, куры, индюшки. Имели весь необходимый сельхозинвентарь. Был и трактор («Фордзон») на три семьи: Тырдановы, Вязьмины, Ступниковы. Земля трёх семей была объединена. Урожай делили пудовками по паю.

Сеяли лён, ткали льняную ткань, выжимали льняное масло, конопляное. Конопляное масло лучше, чем подсолнечное. Коровье,

конопляное, льняное масло стояло бочками. На базаре было изобилие, и всё дёшево, товара много, а денег мало. На Урале земли было достаточно, если не лодырь, бери, трудись.

19 января 1930 года, утром, как обычно, управились с хозяйством, подоили коров. Отец уехал в поле за сеном. Только что-то жутковато было на душе, скот вёл себя беспокойно, овцы ревели, коровы мычали. Что-то предчувствовали, а что? Ведь многих молодых казаков уже расстреляли, были среди них и наши родственники. Вскоре пришла беда в лице конвоя и комитета бедноты. Объявили: собирайтесь в ссылку! Когда отец приехал с сеном, уже всё описали. Набежали «трудяги», они тащили всё, что могли унести. С собой нам ничего не разрешили взять, только что на себя надеть. Женщины надевали по нескольку юбок. Перед самым отъездом всех обыскали. Расплетали косы, искали золото, а золота мы и в глаза не видали.

В этот день высылали несколько семей. Вместе с нами ехали в ссылку и дед Мельников Дмитрий Степанович (по линии матери), бабушка Мария Ивановна, сын Фёдор Дмитриевич, жена Любовь Васильевна, дети Аня и Оля. Когда везли по селу, встретилась группа комсомольцев. Они стаскивали с женщин юбки, сняли с шестилетнего Ванюшки валенки, закидывали камнями, метили всё больше в детей. Но многие прощались по-людски, по-христиански. Довезли нас до Шершней, подержали на морозе, поморозили, потом повезли обратно. Обрадовались мы, думали, вернут домой, а привезли в с. Полетаево. Посадили в теплушки, в которых скот возили, и привезли в Тюмень, от Тюмени до Тобольска везли на санях. В Тобольске прозимовали, жили подаянием. Местные жители относились доброжелательно. Весной на баржах привезли в Берёзово, потом отправили ниже на 70 км, в Устрем, высадили в лес. Вокруг не было ни души. Вырыли десять землянок на две семьи. Затем строили контору, лабаз для обработки рыбы. После этого стали строить бараки. Молодых мужчин отправили на рыбалку, стариков и женщин на раскорчёвку и драть мох. Детей в садик. В садике кормили плохо, много детей умерло и много было больных рахитом. Родителей мы не видели до зимы. Отец на рыбалке, мать на раскорчёвке, и дедушки тоже там же корчевали.

На раскорчёвку привезли, было ещё очень холодно. Снег не растаял. Поставили балаганы из веток и посредине железная печка. Спали на земле, подстилали солому. Люди простывали, опухали от голода. Больных от работы не освобождали, умирали прямо на работе. Хоронили там же, в том, в чем работал, без гробов. Умер дед Мельников Дмитрий Степанович на раскорчёвке. Хоронить никого из родственников не пустили, хотя моя мать и была там же, то есть его дочь. Дедушку Мельникова до ссылки по ложным доносам арестовывали четырнадцать раз, а причина та, что его выбирал народ на съезды в Оренбург. Последний раз освободили по ходатайству братьев Кашириных, которых дед спасал от преследования белых как красных комиссаров в своём доме более года».

Часть вторая. Отступать некуда. Интервью, беседы, выступления

Из выступления на II съезде народных депутатов СССР

Уважаемые участники Съезда! Самыми безотлагательными я считаю законы: о земле, о самостоятельности местных Советов, о печати и других средствах массовой информации, о свободе совести.

В народе с нетерпением ждут именно эти четыре закона. Но Верховный Совет СССР либо не успел, либо не захотел всерьёз их обсуждать…

Часами обсуждали мы вопросы о свободе въезда и выезда, о гражданстве и даже пенсионном обеспечении эмигрантов, а тем временем тысячи доярок и трактористов просто не доживают до нашей советской пенсии. Так стоит ли спорить о пенсионном обеспечении будущих эмигрантов публично? Не лучше ли убирать на это время микрофоны и телекамеры, не лучше ли спорить об этом втайне от всех, как втайне от всех принимаются некоторые рекомендации научных институтов и многочисленных правительственных советников?

Вы хотите примеры? Пожалуйста. Рекомендации правительству, например, по неперспективным селениям готовили втайне. Никто, кроме узкого ведомственного круга, не знаком с планом по концессиям, с планами атомщиков тоже…

Иные деятели говорят, что скоро начнётся «революция снизу». Мне, например, уже надоели эти все революции, неважно - «снизу» или «сверху». Позвольте напомнить, что не хлебом единым жив человек и что не всё измеряется и рублях и долларах. Вспомним войну, когда русские крестьяне жили на одной картошке. Говорят, что это были рабы.

Нет, хотя их обманывали на каждом шагу, это были великие патриоты. Может ли патриот быть рабом? Коротич с Егором Яковлевым скажут - да, а я скажу, что нет.

Говорят, что русские разучились хорошо работать. Это тоже клевета. Просто им надоело работать на чужого дядю, надоело платить чужие долги. Вот сейчас все только и спрашивают, когда же крестьянин накормит страну. Дорогие друзья, ограничивать крестьянский земельный вопрос одной Продовольственный программой - это весьма легкомысленно. Уничтожая крестьянство, мы разрушали государственные устои вообще. Как та свинья в басне Крылова, которая подрывала корни дерева и жрала жёлуди. Полноценное крестьянство - это полнота государственной жизни вообще, а не в частности. Это выход из многих экономических тупиков, это народная армия, чего почему-то боятся «передовики» перестройки. Крестьянство - это, наконец, подлинная национальная культура, язык, это замирение жестоких межнациональных

стычек. Неужели это не ясно? А мы в комитетах месяцами судим и рядим, надо ли давать землю такому крестьянину. Да ещё эта хитрость председательская - «никто не возьмёт». Но ты прими сначала закон и гарантируй его длительную устойчивость, а потом говори: возьмут или не возьмут. В разговоре о земле нужна чёткость в суждениях. Нельзя путать продажу земли, за которую ратуют новые городские миллионеры, или сдачу кому попало с наделами для самих крестьян, живущих на этой земле веками.

Противники земельной реформы намеренно смешивают одно с другим. Называют частниками и крестьянина-труженика, и городского рантье. Всем сторонникам новых земельных законов нарочно приписывают намерения уничтожить колхозы. Это, конечно, лукавство. С какой стати распускать существующие хозяйства? Наоборот, их надо всячески укреплять и поддерживать. Но распоряжаться землёй должны сельские сходы и местные Советы. У каждого колхозника должно быть право, незыблемое право выхода из колхоза или совхоза с земельным наделом, право передачи этого надела и средств производства по наследству. Именно этого боятся многие нынешние администраторы, а с ними смыкаются сельские пьяницы, привыкшие получать гарантированную месячную зарплату, работая, как на фабрике, с девяти до пяти. Да и то с прохладцей.

Другая путаница возникает, когда говорят о крупных и мелких хозяйствах. Забывают или просто не читают Чаянова. Ведь мелкие хозяйства, имея ограниченные законом наделы, сами тотчас и обязательно объединятся в бытовые производственные кооперативы. И это будут тоже колхозы, только живые, а не мертворождённые. И такие колхозы уже нельзя будет безнаказанно ущемлять, как это делает государство с нынешними.

Земельный закон должен быть долговечным и неизменным, но допускающим национальные, региональные особенности хозяйствования. Только при этом условии мы остановим процессы деградации традиционных трудовых и нравственных ценностей. Только при этой устойчивости восстановится крестьянское мастерство, прекратится беспорядочная миграция, пойдёт на убыль пьянство…

Все мы ждём принятия хороших законов. Но юридический закон без традиционного нравственного закона - пустая грамота. Нравственный закон во все времена действует сильней и надёжней юридического. Взгляните, сколько вокруг примеров энтузиазма и бескорыстия. Когда речь заходит об истинно нравственных категориях, люди не жалеют ни сил, ни времени. Армянское землетрясение, чернобыльская трагедия, детский, затем культурный фонды. Без всякой агитации, только по сердечному зову народ повалил, по «пятёрочке» отдаёт деньги на восстановление московского собора, разрушенного в 30-е годы.

Реабилитируйте раскулаченных крестьян! Уже одно это подбодрит сельского труженика, заставит думать всерьёз о нашем ЦК и о правительстве. Дайте справедливый государственный статус униженной

и оскорблённой России! Одно это сразу подстегнёт экономику. Верните исторические названия городам, площадям и улицам! Только из одного этого у многих изменится отношение к семье, к работе, к ресурсам, к машинам, природе и к той же рюмке...

Уважаемый Съезд! Когда речь зашла о земле и крестьянских хозяйствах, сразу потребовалось всенародное обсуждение, а когда речь идёт о будущих чернобылях, когда готовится соглашение по Находке и так далее, тут мы великолепно обходимся без всяких всенародных обсуждений.

Новые экономисты готовы отдать неизвестно кому целые регионы родной земли, а своему крестьянину мы боимся дать то, что принадлежало ему по праву ещё в XVI веке. Мы физически уничтожили миллионы русских и украинских крестьян, разорили их семейные гнёзда, а теперь боимся честно сказать об этом. Зато вовсю оправдываем репрессированных палачей. Боимся пока признать и тот факт, что Россию грабили в течение многих десятилетий, продавали художественные шедевры, в течение многих лет транжирили природные ресурсы, лес, например. Вокруг моей деревни за годы Советской власти леса были начисто выхлестаны, пустыни теперь вокруг моей лесной деревни. Грабёж продолжается и сейчас, в эту самую минуту. Не знаю, как в Сибири, но у нас на северо-западе уже нет спелых лесов. А Госплан и Минлеспром продолжают политику безжалостной вырубки.

Мы продаём за границу круглый лес. Чтобы удовлетворить ненасытный аппетит отечественных и зарубежных фирм, лесные «спецы» решили снизить возраст вологодских лесов, подлежащих вырубке. Да, я утверждаю, что растранжиривание природных богатств России продолжается. Потоки нефти, газа, миллионы тонн ценных минералов и руд, миллионы срубленных хвойных деревьев текут и текут в другие республики и за пределы страны. Русский народ обманут, Россия оскорблена и унижена. Верхние эшелоны власти об этой вопиющей несправедливости прекрасно знают, многие депутаты догадываются, а широкие массы чувствуют это на своей, извините за грубость, шкуре.

Давайте же, наконец, обнародуем цифры и факты: как формируется всесоюзный бюджет, как и куда идёт налог с оборота, подоходный налог, какова взаимосвязь мировых и наших внутренних ценностей - сырьевых ресурсов. Правду о дотациях и прочих скрытых от глаз бюджетных экономических вычислениях мы тоже должны знать. Может быть, всё сказанное покажется кому-то неправдоподобным или преувеличенным. Я готов ответить за свои слова не только перед депутатами Прибалтики, но и перед любой специальной депутатской комиссией. Предлагаю Съезду создать такую комиссию. Заканчивая, я должен повторить требования, которые наиболее часто звучат в тысячах писем и телеграмм, полученных мною от избирателей, читателей.

Первое. Немедленно разработать и придать РСФСР государственный статус.

Второе. Реабилитировать крестьян, репрессированных и раскулаченных в 20-30-х, 40-х и 50-х годах…

Третье. Создать российские средства массовой информации - в том числе и телевидение, кино, театр. Но не такой театр, который возглавляет депутат Лавров: я четыре года уже ставлю пьесу в одном ленинградском театре, помогали пять членов Политбюро - и ничем не могли помочь.

Четвёртое. Вернуть православные и другие храмы и монастыри прежним владельцам - это очень серьёзные требования и очень многочисленные.

Пятое. Восстановить исторические названия городов, улиц, площадей. Я подчёркиваю, товарищи, что это не просьба, а требование.

Прислушаемся к себе…

Для того чтобы говорить о Толстом, да ещё публично, надо иметь безоглядную самонадеянность, приправленную изрядной долей нахальства. Я страшусь говорить о Толстом. Что можно о нём сказать? Любое высказывание будет мелким, - либо совсем банальным по сравнению с тем, что сказал уже он сам. О нём не надо говорить, надо просто читать (читать и перечитывать, как любил говорить Николай Рубцов).

Мы почти не знаем Толстого, а то, что знаем, касается лишь его художественных произведений. Но ведь Толстой не только гениальный писатель, он ещё и философ. Он же и величайший протестант, и пророк, и обличитель, и педагог, и теоретик искусства. Массовому читателю не известна стихия толстовского наследия, мы живём по принципу «нет пророка в своём Отечестве». Даже теперь, когда вроде бы ликвидирована политическая цензура, редакторы предпочитают Толстому Набокова и Ходасевича. А почему бы не напечатать в каком-нибудь журнале, например, толстовский трактат об искусстве?

Толстой говорит: «Утверждение о том, что искусство может быть хорошим искусством, но быть непонятным большому количеству людей, до такой степени несправедливо, последствия его до такой степени пагубны для искусства и вместе с тем так распространено, так въелось в наше представление, что трудно разъяснить всю несообразность его…

Мы привыкли к такому утверждению, а между тем сказать, что произведение искусства хорошо, но непонятно, всё равно что сказать про пищу, что она очень хороша, по люди не могут есть её. Да, отвечают на это, вы ещё не принимаете этой линии, потому что вы неразвиты, и потому вы лишены этого удовольствия, мы же хотим доставить вам это высшее удовольствие, которое вы не знаете, а мы знаем». «Кто это мы? И кто это вы?» - гневно спрашивает Толстой и так говорит о кучке людей, присвоивших исключительное право судить об искусстве: «Это крошечная кучка людей-паразитов, пришедшая к сознанию того, что нет Бога, нет смысла в жизни, что надо уничтожать себя, пока жив, наслаждаться, чем можешь».

В другом месте Толстой говорит, что «чувства правды, красоты и добра независимы от степени развития». «Как только художник, да и всякий работник в духовной области позволяет себе сказать: меня не понимают не потому, что я не понятен (т. е. плох), а потому, что слушатели, читатели, зрители не доросли до меня, так он, с одной стороны, освобождает себя от всяких истинных требований всякого искусства, а с другой стороны, подписывает себе смертный приговор, подрывает в себе главный нерв искусства». Толстой писал, что «обеспечение художников в их материальных нуждах есть самое губительное для производительности художника условие», что «художник будущего будет жить обычной жизнью людей, зарабатывая на своё существование каким-либо трудом».

К сожалению, даже Толстой не избежал некоторого нигилизма по отношению к своему времени и некоторой идеализации будущего. Да, гений Толстого не избежал разлагающего влияния новейших экстремистских идей, но гений его со всей своей мощью сопротивлялся такому влиянию, сопротивлялся прежде всего с помощью проповеди нравственности, самоочищения и самосовершенствования.

Что бы сказал Лев Николаевич о Чернобыле? О гибели Арала? О строительстве каналов Волга - Чограй и Дунай - Днепр, о затоплении обширных пахотных территорий и о гибели русских лесов? Мы знаем примерно, что бы он сказал при виде всего этого. Это очень легко представить. Труднее предположить, что бы он сказал, если бы знал, что всего через 2-3 пятилетия после его смерти мы разрушим тысячи прекрасных культовых сооружений и не менее прекрасных гражданских памятников. Стал ли бы он так яростно громить русскую православную церковь? Осмелюсь предположить, что не стал бы.

Противоречия между художественным образом и идеологической установкой его создателя случаются, вероятно, не только у средних талантов, но и у гениальных художников толстовского масштаба. Но я не смог бы представить А. С. Пушкина, например, в роли воинствующего антиклерикального деятеля… Зато толстовская проповедь самоусовершенствования звучит сейчас удивительно современно, даже злободневно. О какой перестройке может быть речь, если каждый человек сам, не дожидаясь указаний сверху или со стороны, не разберётся в себе, своём окружении, в своём прошлом и настоящем? Толстой примером всей своей жизни призывал к нравственному максимализму, его совесть постоянно пульсировала, заставляла его ежедневно словно на горячие угли ступать дальше на пути самосовершенствования.

Никто и ничто не поможет человеку стать лучше, кроме его совести, никто не поможет ему даже просто захотеть стать лучше, если не разбужена его совесть.

Давайте же и мы по примеру гениального писателя ежедневно и ежечасно слушать внутренний голос своей совести, нельзя делать вид, что голос этот совсем слаб, его, мол, не слышно… Прислушаемся к себе и

обязательно услышим. А однажды услышанный, он звучит всё громче и громче.

Из телевыступления на вечере в Останкине, 1990 г.

Россия ещё скажет своё веское слово. Выступление на внеочередном Съезде народных депутатов

Дорогие соотечественники, уважаемый Съезд!

Ваш председатель пожалел для меня восемь минут, когда обсуждался Закон о земле. Что ж, время действительно дорого. Тут Борис Николаевич прав. Мы упустили время, мы не защитили интересы России. Россия по-прежнему беззащитна. В жестокой, изнуряющей политической борьбе наши лидеры мало думают о русском народе. И вы, депутаты, должны, обязаны воспитать, выдвинуть из своей среды новых, энергичных и умных и молодых лидеров. Нынешние лидеры вспоминают крестьянина только тогда, когда проголодаются, либо когда отечественная война. За шестьдесят лет колхозной жизни в моей деревне Тимонихе не выстроили ни одного дома. Зато было построено три скотных двора, две конюшни и три телятника.

Как видим, о скотине государство заботилось больше, чем о самом крестьянине. Но крестьянство - это ведь не только одна кормёжка для городских жителей. Крестьянство - это спасение народа и государства вообще. Это спасение языка, национальных традиций, национальной культуры каждого народа. Спасённое крестьянство - это прекращение межнациональной борьбы, это здоровая экология и демография, армия, наконец!

Вот почему так яростно и так долго уничтожалось русское, украинское, белорусское, казахское и другое крестьянство! Сколько лет крестьянство уничтожалось, столько лет придётся его и восстанавливать. Но я могу доказать, что и сейчас, сию минуту, сохранившиеся в нашей стране остатки настоящих крестьян оскорбляются, эксплуатируются и третируются.

Вчера мы приняли приличный Закон о земле. На этом можно было бы закончить крестьянскую тему. И пусть бы сам крестьянин свободно решал, как ему жить: остаться ли в колхозе или выйти на хутор. Только вот беда: никогда-никогда город и вся так называемая демократическая интеллигенция не давали крестьянину свободы этого выбора! Боюсь, что и новым Законом воспользуются одни горожане.

Два года тому назад я говорил на съездах о том, что Россия оскорблена, обворована и унижена. А что изменилось за два года? Россию по-прежнему унижают, оскорбляют и обворовывают. Да ещё и требуют от неё покаяния, требуют отказа от «имперского» мышления. Но какое уж там имперское мышление, если русский народ, оскоплённый гражданской войной и раскулачиванием, надорванный войной Отечественной,

оглушённый алкоголем, обманутый всякими академиками, даже не участвует в наших политических играх? Утверждаю, что интересы русских людей не представлены как следует ни в Союзном правительстве, ни в Союзном Верховном Совете.

Ещё меньше прав у русского народа в нашей свободной прессе. Да, наша цензура благодаря М. С. Горбачёву приказала долго жить. Но ведь способов зажать рот очень много. Вот один пример. Почти вся бумага с помощью иностранных толстосумов попала в определённые руки. И Российское правительство не ударило палец о палец, чтобы остановить бумажную спекуляцию, чтобы дать свободно вздохнуть тем печатным органам, которые осмеливаются заступиться за русские интересы. Журналистов и писателей, пытающихся защитить эти интересы, оголтелая леворадикальная пресса называет шовинистами и даже фашистами. Да, я утверждаю и могу это доказать, что Союзное правительство во многих случаях ведёт себя по-предательски не только к тем русским, которые живут в других республиках, но и ко всей России. Правительство, сформированное Российским Верховным Советом, пока только пытается защитить политические и экономические интересы России. У всех на глазах борьба за групповые интересы. Время и силы уходят на мелкие политические стычки, в борьбе за власть. Иногда мне кажется, что и Михаил Сергеевич Горбачёв, и ваш лидер Борис Николаевич Ельцин формируют свои команды не по деловым качествам, а по принципу личной преданности. Скажите, кто мешал М. С. Горбачёву опереться на таких депутатов, как, например, Т. Авалиани? Вот и взять бы его в Президентский совет. Но нет, Михаил Сергеевич предпочёл других, менее умных, зато податливых, вроде С. Шаталина и Е. Примакова! Та же история и с вашим Российский правительством...

Я знаю, по какому принципу назначают министров. Генерал Б. Громов был на своём месте. Он охранял государство от внешних врагов. Теперь будет воевать с пьяницами и спекулянтами. По-хозяйски ли это? На мой взгляд, и Ю. Соломин, и Н. Губенко тоже были на своём месте. Не стоило подражать Рейгану. Он был средним актёром, но оказался неплохим президентом.

Меня глубоко волнует, а точнее сказать, оскорбляет нынешняя направленность экономики. Мы почему-то решили буквально всё позаимствовать у Запада, то есть в чужих людях. Когда-то мы позаимствовали у Европы марксизм с его непримиримой враждой к частной собственности. Ныне опять заимствуем приватизацию, то есть ту же частную собственность. А не пришло ли время пожить и своим умом?

Страну охватила, нет, не лихорадка, а самая настоящая валютная чума. (Точнее - валютный СПИД, потому что всё началось с валютной проституции.) Ещё совсем недавно милиция безжалостно вылавливала этих поборниц финансового прогресса, которые толклись около гостиниц. Слово «валютчик» было синонимом слова «преступник». И вот нынче солидные дяди, почти все наши начальники, все министры оказались валютчиками. Всесоюзные валютные разговоры стали выражением

хорошего тона. Вместо того, чтобы начать кооперативное движение с деревни, мы начали его со столицы. В Москве даже гадалки и экстрасенсы объединились в кооперативы.

Ещё вчера наша страна была великой державой. С нашим рублём худо-бедно считались. Сегодня наше Министерство финансов оказалось на задворках у западных биржевиков. Наши лидеры униженно клянчат двенадцатипроцентные займы. Государственный долг растёт как на дрожжах. Сырьевой экспорт тоже растёт.

Вы скажете, что у нас нет иного выхода.

Позвольте не согласиться! Альтернатива (какое модное слово!), альтернатива сырьевому экспорту есть. Альтернатива для внешних займов тоже есть.

Ладно, взяли мы в долг даже парламентскую, президентскую систему. (Порнографию и массовую культуру мы получили от Запада бесплатно.) Взяли мы в долг сорок восемь миллиардов долларов или уже больше? В долгу мы как в шёлку. А чем будем расплачиваться? Опять за счёт «неисчерпаемых природных ресурсов»? Президент ошибается, когда говорит о неисчерпаемости наших природных богатств. Лес в стране почти вырублен. Нефть наполовину выкачана. Газ перекачиваем на Запад за тысячи вёрст мимо своих деревень. А зачем, скажите заимствовать то, что есть у самих? Например, песни и хлеб? Ведь стоит дать свободу нашим колхозам, колхозам не по Сталину и Кагановичу, а колхозам по модели Чаянова и Кондратьева, - стоит дать такую свободу и достойную экономическую поддержку именно нынешним колхозникам, я подчёркиваю, одним лишь нынешним колхозникам, не говоря о единоличниках, - через два года мы завалим Европу дешёвым зерном. Но в том и беда, что такую чаяновскую кооперативную свободу колхозникам мы не даём, а даём свободу городским спекулянтам, выручаем из беды не своих мужиков, выручаем американских фермеров.

Вспоминается мне частушка:

Мы чужие крыши кроем,

А свои некрытые.

Мы чужих девчонок любим,

А свои забытые.

А зачем, скажите, покупать собственные технические изобретения и открытия? (У меня нет времени, чтобы привести примеры.) Не такие уж мы беспомощные, как утверждают иные газетчики. Нам вполне по силам самим создавать собственную технологию. Разве мы не имели своей собственной, например, химической и мыловаренной промышленности, когда начался шум вокруг мыла? Мыльный дефицит лопнул как мыльный пузырь...

Я признаю международное разделение труда, но не настолько, чтобы картошку возить с Кубы, а из Аргентины - говядину. На этот счёт есть пословица: «За морем телушка - полушка, да рубль перевоз». А мы

покупаем не только залежалое масло и хлеб, но и устарелое оборудование, причём рассчитанное на иную среду, на иной природный и психологический климат. Нам сбывают устарелые технологии, нас специально держат в зависимости. Или нет у нас своих образованных инженеров, талантливых самоучек и конструкторов? Полноте, всё есть! Меня удивляет болтовня о так называемой «утечке мозгов», болтовня не только в печати, но и на самом «верху». Во-первых, что это за мозги, которые текут из пустого в порожнее? Если текут, значит, они слишком разжижены, толку от них мало и жалеть о текучих мозгах нечего. Во-вторых, кто мешает платить талантливым людям не за докторские и кандидатские дипломы, а за истинные заслуги? На месте Совмина я давно бы отменил пожизненную ренту докторам и кандидатам наук (ни в одной стране такого безобразия нет). Давно бы надо установить оплату учёных по договорам, по результатам их деятельности.

Итак, люди есть. Сырьё пока тоже есть, есть и промышленность, причём отнюдь не всегда отсталая. (Примером тому наша авиационная продукция.) Всё у нас есть, чтобы стать экономически независимым государством! Так почему с таким воодушевлением кидаемся в объятия западных монополий, почему переход к рынку не мыслим иначе, как с зарубежной помощью? Я не верю в то, что нельзя быстро и энергично оздоровить нашу финансовую систему. «Деревянный рубль!» - кричат демократы и просто захлёбываются от восторга перед долларом. Но, к примеру, я сомневаюсь в могуществе этого самого доллара. Был и в Америке, и в Канаде. За один доллар в Америке можно купить всего лишь один сэндвич, по-нашему бутерброд. А приезжим американцам наше Министерство финансов выдаёт почему-то за один такой доллар по 8 рублей, чью же валюту наше правительство укрепляет: свою или американскую? Девальвация рубля не всегда происходит стихийно. Эмиссию можно остановить обычными, даже не радикальными правительственными мерами. Потребительский рынок, если всем поднатужиться, также можно стабилизировать без миллиардных займов. Можно! Однако прозападные лоббисты в правительственных и в высших органах власти не желают этого. Так велика и заманчива мечта о западном экономическом стиле! И вот приезжать в Москву приходится уже не только со своим хлебом, и со своей солью. Что, неужели страна не может снабдить свою столицу хлебом и солью?! Да ерунда же и чушь! Ясно, и хлеб, и соль поставлены на службу политиканам, а также откровенным нуворишам, которые ещё вчера были сторонниками и строителями зрелого социализма. Когда телевизор показывает посылки с едой, присланные аж из-за океана, я краснею от стыда за свою страну и её лидеров.

За два года на площадях городов, и этом зале, и в соседних залах наговорено столько, что слова, как и рубли, девальвировались. Мне тоже приходится повторяться: на первом Съезде я призывал объявить в стране, немедленно внедрить строжайший и всеобщий режим экономии. Депутаты и ухом не повели. Никто не подумал об экономном житье-бытье. По-прежнему горят мощные фонари при ясном солнышке, всё так же до

40 процентов древесины остаётся гнить на лесных вырубках. Кричим о пустых прилавках, а тысячи вагонов с продовольственными и промышленными товарами стоят неразгруженными.

Правда, в деревнях уже не кормят овец и телят размоченными баранками. Московские мальчишки уже не играют в футбол батонами… Но буханка хлеба по-прежнему стоит чуть дороже обычно глиняного кирпича. Куда идут народные деньги? 14 (или 18?) миллионов управленцев, о которых, кажется, в Мурманске говорил Михаил Сергеевич, как получали зарплату, так и получают. Их примерно столько же, сколько мужиков - колхозников. В одном месте их сократят, они в другом копятся. Нет, мы не экономим рубли на бесполезных чиновниках, на пустопорожних съездах, на бесконечных совещаниях. Мы не жалеем денег на всякие международные симпозиумы, на бесконечные и многолюдные заграничные вояжи. Попал я как-то на приём в одном нашем заокеанском посольстве. Каких только бутылок не было на столах, чем только не угощали наши дипломаты толпу нужных, а больше совсем ненужных людей! Так получилось, что, вернувшись в Москву, я был опять приглашён на приём, но уже во французском посольстве. Кроме лёгких напитков и крохотных тарталеток, французы ничем не потчевали.

А ведь Франция - страна далеко не бедная! И моё уважение к французскому послу только усилилось. Если учиться у Запада, то учиться надо именно такой экономии, такой бережливости, а не мельчайшим нюансам английского парламентаризма. Кстати, Россия имеет тысячелетний опыт государственного строительства. Но многие депутаты просто в восторге от европейской парламентской цивилизации…

Уважаемый Съезд, меня удивляет ещё несколько обстоятельств: почему экономисты так активно выступают за свободные экономические зоны? Что это такое, эти зоны, и почему они свободные? Не пора ли отказаться вообще от всяческих зон? И почему правительство смертельно боится денежной реформы? Кто бы популярно и просто объяснил, почему наш рубль нельзя конвертировать?

Об иностранном капитале в газетах пишется больше, чем о чем-либо ином, у всех на устах одна валюта… В моде у прессы и Персидский залив. В Америке и во Франции проходят манифестации, люди требуют вывести из Аравии все войска. В нашей печати - всё наоборот. Так хочется повоевать некоторым дипломатам и журналистам - просто невтерпёж!

Но вы должны знать, что дело не только в одной экономике. Не хлебом единым жив человек. Несмотря на всю нашу демократию, по-прежнему тысячи, посёлков и колхозов носят имена Урицкого и Менжинского. Не будет от нас толку, пока мы увековечиваем собственных палачей.

Глубоко верю в то, что народы России рано или поздно преодолеют недуг чужебесия. Мечтаю о том времени, когда страна перестанет заседать и митинговать и начнёт наконец просто трудиться. Пришло время снимать галстуки. Надо в прямом смысле засучить рукава и начать

просто работать, работать в первую очередь физически. Трудиться упорно, умно и настойчиво! Я готов поддержать такие призывы личным примером.

Уважаемые депутаты! Вашему Съезду прежде всего необходимо единство. Россия ещё не сказала своего последнего слова. Россия всё ещё ждёт, приглядывается, что могут учинить Э. А. Шеварднадзе и А. Н. Яковлев, за чьи интересы будет бороться Межрегиональная депутатская группа.

Но Россия, несомненно, ещё скажет своё веское слово. И в труде, и в политике. Хочется пожелать вам, российским депутатам, терпения и мужества…

1990, декабрь.

Несвободная свобода

Дж. Буш снова усиленно хвалит Михаила Сергеевича за гласность. Но американский лидер либо хитрит, либо неверно информирован: гласности у нас пока, как говорят, кот наплакал (а по-моему, не только у нас, но и у американцев).

Приведу несколько примеров. Редакция журнала «Журналист» обратилась ко мне с просьбой ответить всего на один вопрос. Я отказался отвечать из-за занятости. Но редакция «Журналиста» была настойчива, начались телефонные звонки. Они длились много месяцев. Я, наконец, согласился и послал в редакцию полторы странички.

Но эти полторы странички, хотя были уже набраны, в журнале не появились. Сотрудник даже не объяснил причину. Я, конечно, признаю право редакции отказывать тому или иному автору в публикациях. Но ведь здесь-то… Сами же просили, при этом очень активно.

Вот тебе и весь плюрализм. Вновь вспомнилась история с моим выступлением в Верховном Совете. Тогдашний редактор «Известий» И. Д. Лаптев отказался публиковать текст выступления и сказал: «Я Верховному Совету не подчиняюсь!» (Подробности опускаю.) Вспомнились и десятки других случаев, которые произошли, когда я ещё не был ни депутатом, ни лауреатом, ни делегатом и т. д.

Но ведь времена изменились, подумалось, у нас же гласность теперь. И рассказал о случае с «Журналистом» в «открытом письме» редактору «Комсомольской правды». И стал ждать публикации (уж эта-то газета, думаю, обязательно напечатает). Время идёт, из «Комсомолки» никаких вестей. Звоню недавно в редакцию. Редактор - в отпуске.

Женский голос с некоторой поспешностью сообщает: «Такого писателя не знаю, письмо от Белова В. И. не поступало».

Что ж, может быть, и впрямь почта в Вологде работает хуже, чем в Красноярске? Но ведь письмо-то было заказное, вон и квитанция есть. Куда же оно могло деться? Нет, не могу я свалить вину на почту, хотя там тоже полно плюралистов. Просто «Комсомолка» публикует материалы

выборочно, не брезгуя и вторичной, уже отработанной информацией.

Мне могут возразить: печатайся в других местах. Так в общем-то и приходится делать... Но что значит какой-нибудь «Голос Тушина» по сравнению с «Комсомольской правдой», у которой 15 (или 16?) миллионов тираж? Это как бы комариный писк в рёве встречного поезда.

«Как и от кого надо защищать «свободу слова»?» - спрашивала редакция «Журналиста». Дословно мой ответ был такой:

«Вопрос придуман как бы нарочно. Налицо типичный, не очень порядочный журналистский приём: спрашивать о том, что и само по себе ещё стоит под вопросом. Поэтому приходится говорить сначала вообще о слове. Существует ли эта самая «свобода слова»? На мой взгляд, нет. Даже сочетание двух этих слов нелогично (как нелогично, например, выражение «демократический централизм»). Слово в своём высшем значении всегда свободно, вернее, понятие «свободы» или «несвободы» для него не существует.

Конструктор и составитель вопроса, вероятно, имел в виду так называемую «свободу печати», и тут понятие «свобода» или «несвобода» вполне применимо. Другое дело, что в жизни, на практике, свободной печати никогда не было, нет и, наверное, долго не будет и впредь. Везде и всюду печать (а нынче к ней прибавились и другие виды идеологического оболванивания) была зависимой либо от денежного мешка, либо от партийно-групповых интересов, то есть несвободной. Одновременно средства массовой информации изначально заражены вирусом несвободы, поскольку их суть всегда в монологе, то есть в навязывании частного мнения. Диалогичность тут мнимая, равноправия между газетой и читателем нет и быть не может. Так же, как нет и быть не может равноправия между зрителем и телевизионной редакцией, между слушателем радио и самим радио со всеми его глобальными техническими и идеологическими средствами.

Скажут, что всё зависит от того, в чьих руках находятся эти средства. То-то и оно. Одни руки лучше, другие хуже, но «свобода печати» - пустой звук в любом случае. Выходит, что и «защита свободы печати» по достаточном размышлении вызывает всего лишь улыбку».

Такой ответ «Журналисту» оказался явно не по нутру. Редакция предпочла его не публиковать, чем и подтвердила правильность такого ответа. «Комсомольская правда» подтвердила то же...

Нет, господин Буш, ваши слова о гласности, сказанные в Кремле, для наших условий (да и для ваших) не годятся.

Клевету, распространяемую у нас и у вас миллионными тиражами газет и с помощью радиостанций, опровергнуть очень трудно, почти невозможно. Это я испытал на себе. Думаю, что-то же, только ещё в большей степени, испытали такие люди, как Валентин Григорьевич Распутин и Игорь Ростиславович Шафаревич. Рассчитывать на совесть журналистов и радиокомментаторов радиостанции «Свобода», к примеру, увы, не приходится. Тиражи и мощности передатчиков зависят всего лишь

от толщины кошелька.

Хотелось бы только знать, долго ли американский налогоплательщик будет кормить не очень добросовестных комментаторов упомянутой радиостанции? Но я не очень рассчитываю на ответ, поскольку знаю, как тщательно оберегаются от подобных вопросов все президенты без исключения.

«Советская Россия», 08.08.1991.

Хватит сидеть в темноте. Выступление на Русском соборе

Уважаемые члены собора!

Мне кажется, что самый главный кризис, который сейчас существует у нас, - это кризис государственности. Потери наши неисчислимы. Ослаблено национальное самосознание, без которого не возможно никакое государственное самоустройство. Утрачена территориальная целостность.

Утрачены нравственные и трудовые традиции во многом. Мастера переделывать мир, любители нового мирового порядка в 17-м году знали, что делать. Знают они и сейчас, что делать. Разрушение русского народного самосознания продолжается и сию минуту.

Я не буду касаться специальных вопросов о власти. Об этом уже много сказано. Мне хочется добавить к выступающим вот что. На мой взгляд, в проекте устава недостаточно отражён вопрос о крестьянстве. Здесь я вынуждаю себя повторяться и цитировать самого себя. Вот что я говорил в 90-м году в Верховном Совете:

«Крепостное право, основанное на марксизме, должно наконец исчезнуть. Крестьянин должен стать свободным, свободным от всего, кроме земли. Но и зависимость от земли должна быть добровольной, свободно выбранной. Наша общественность ждёт от крестьянства одного: чтоб крестьянство её накормило, желательно досыта. Какое кощунство - видеть в крестьянине всего лишь кормильца! Я твердил и буду твердить: крестьянство, даже если оно колхозное, вовсе не обязано в одиночку выполнять так называемые продовольственные программы.

Твердил и буду твердить, что от крестьянина зависит мощь и судьба каждого государства, каждого, даже самого маленького народа. Крестьянские традиции равносильны национально-трудовым и культурным традициям. Ни одни народ не спасёт своего национального языка, своей культуры, если уничтожает собственное крестьянство. Выйти из демографического, экологического, национального и других тупиков также невозможно, не имея свободного крестьянства. Но крестьянство без земли - это фикция, пустой звук, поэтому закон о земле имеет прежде всего национально-государственное значение».

Это было говорено почти два года назад. Ну и как же реагировали наши законодатели на это? Вы знаете историю Верховного Совета Союза.

Он был разогнан в одночасье. Законодательные органы России нынешней сделали всё, чтобы Закон о земле не действовал даже в том усечённом виде, в каком он был принят в союзном парламенте. Демократы за два года ограбили деревню ещё больше. Разорили её окончательно с помощью ценовой политики. Все помыслы нынешней власти сводятся к тому, чтобы разрешить и узаконить куплю-продажу земли. То есть навсегда и бесповоротно узаконить нашу колониальную зависимость. Грабёж продолжается. А хитрость состоит в том, чтобы захватить землю под предлогом возрождения крестьянства. Отдать, продать её иностранцам. Вот вчера вы видели, что говорил Президент по поводу этого земельного законопроекта. Он говорил, что иностранцы нам не ремонтируют цехи из-за того-де, что мы им земли не даём, не инвестируют наше хозяйство. Но я хотел бы спросить, почему это иностранцы должны ремонтировать наши цехи и заводы. Это, во-первых, а потом ремонтируйте, пожалуйста, а при чем здесь земля? Экие, право, землелюбы.

Хитрость в том, что правительство и законодатели начинают как бы с нуля, как будто у нас государство не существовало никогда. Ни земельных сложившихся отношений, ни государственных традиций - ничего не существовало. Всё как будто заново делается. Весь опыт тысячелетней нашей государственности как бы игнорируется. России как бы и не было совсем, и не было государственного опыта. Всё заимствуется на Западе. Хотел бы напомнить: испокон существует национальное своеобразие в государственном строительстве. Так же, как существует национальное своеобразие и в земельных отношениях: каждый народ по-своему строил эти отношения. Каждый народ строил и государство по-своему. В этом была красота мира нашего. Теперь же мировые тайные правители хотят сделать единое государство на всей земле, всё по-своему выпрямить.

Уважаемый собор! Я предлагаю включить в программу наших действий следующие положения. Первое. Возрождение русских древних национальных земельных отношений с корректировкой на наше время. Вернуться к земельному законодательству, которое существовало в 1911 году. Второе. Передать, не продать, а именно передать, и бесплатно, землю тем, кто на ней живёт и кто её обрабатывает. Никакой продажи-купли, только передача по наследству. Право наследования - главное право - должно быть в земельных отношениях. Если же хозяйство будет выморочным, нет наследников, что бывает в крестьянском быту очень редко, то такое хозяйство, земля должны переходить в распоряжение местной власти или же Крестьянского банка. Если же заимствовать опыт земельных законодательств, то надо заимствовать ну хотя бы у Финляндии, а не у Америки. Я знаю, какая рациональная и очень умная система земельных отношений создана в Финляндии, Это создано по традиции государства Российского.

Вот, допустим, хозяин имеет 25 гектаров земли, пашни, 25, допустим, луга и 25 леса.

Вот для северного крестьянина оптимальный вариант землепользования. Землю он не имеет права продавать, он имеет право только продавать своё имущество, которое он производит на земле, или же дом, или же ферму. Земля переходит ему по наследству. Если наследники отказываются от земли, то землёй распоряжается уже государство и ни в коем случае не спекулирует этой землёй, а старается найти людей, которые бы снова продолжали эту землю обрабатывать. В бесплатной передаче земли крестьянину должна соблюдаться очерёдность. На мой взгляд, она должна быть такая: в первую очередь землю получают люди, которые на ней живут и работают. Во вторую очередь получают землю их городские родственники и потомки тех людей, которые жили именно здесь, на этой земле. И далее уже родственники этих потомков. И лишь после них - все остальные, желающие стать крестьянами.

И только таким способом мы сохраним себя от нашествия миллионеров и иноземных властителей, которые любят чужую землю. Я думаю, что на землю имеют право только крестьяне и монахи. Больше никто. Государственные преимущественные вложения должны быть в сельское хозяйство. Без этого никакая передача земли крестьянству не будет действовать, потому что цены, которые существуют ныне на бензин, на солярку, на машины, на запчасти и на удобрения никакими нашими силами крестьянскими не обеспечить, потому что в десятки, в сотни раз повышены. Это тоже была политика осознанная, чтобы мы не поднялись никогда, чтобы мы всю жизнь покупали хлеб за рубежом. Прекратить нужно этот грабёж с помощью цен, перестать обманывать деревню, перестать грабить её и вложить большие деньги в сельское хозяйство.

Наша пресса всячески скрывает то обстоятельство, что все экономически мощные государства вкладывают в сельское хозяйство очень много денег. Это государственные вложения. Мы почему-то не знаем даже об этом. Необходимо предоставить свободу выбора сельскому жителю: или на хуторе жить, или в колхозе жить - пусть он решает сам. Пусть решает крестьянский сход.

Кстати, вот этот статус крестьянского схода необходимо возродить во всех местах. Немедленно необходимо создать земельный кадастр, потратить на это государственные средства. Немедленно необходимо создать Крестьянский банк с льготными кредитами.

И, наконец, самое последнее: я предлагаю внести в нашу программу освобождение от налогов на 10-15 лет тех, кто трудится на земле.

Уважаемый съезд! Я хотел обратиться к вам ещё по поводу того, что сделать для того, чтобы прекратить информационное удушение. Народ, особенно молодёжь, должны, наконец, узнать правду. Правду о нашей власти, о нашей истории, о наших нравственно-религиозных ценностях, о трудовых и песенных традициях, потому что народ, который не поёт, мне кажется, обречён на гибель.

1992, ноябрь.

Нет сил молчать

В тот день в Спасо-Прилуцком монастыре торжественно открывался Международный Сергиевский конгресс. Откуда только не понаехало гостей в тихую Вологду! Они охотно давали интервью. Особенно зарубежные. И на этом фоне как-то потерялся писатель Василий Иванович Белов. Одинокий, мудро и спокойно он смотрел на эту суету. А я вдруг подумала: «Белов-то - совсем седой!». И съезд вспомнила - народных депутатов СССР. Тех самых депутатов, что не желали слушать писателя. Он же всё равно вставал с места и шёл к микрофону, несмотря на злобное шипение в зале…

- Вы как-то сказали, что дали согласие на работу в Верховном Совете потому, что было интересно понаблюдать высшие эшелоны власти. Союза нет. Высших органов бывшей великой державы тоже. И тем не менее политикой вы по-прежнему занимаетесь.

- Меня волнуют не повседневные политические стычки, а нравственные провалы, которые образовались в нашем народе в «эпоху президентов». Мне не понятно, почему он такой податливый, народ наш? Почему он верит лживым газетам и циникам телевидения? Миллионы людей смотрят и верят обманщикам.

Очень тревожит ещё то, что поднимается волна преступности, бесстыдства и пьянства. Перед Новым годом в Вологде я встретил много пьяных на улице. Начал считать. Пьяных женщин оказалось в два раза больше, чем мужчин. Это же просто страшно…

А что творится с этим самым бизнесом? Вся страна превратилась в какое-то грандиозное торжище. Такое ощущение, что все торгуют. Кто лесом, кто медью, кто оловом, а кто и собственным телом. Торгуют министры и уличные мальчишки. Здоровые молодые ребята целыми днями мёрзнут на барахолках, вместо того чтобы работать физически. Я не понимаю этого. Как так получилось, что наш народ стал торгашом? Допустим, правительство у нас такое, торгашеское. Много просто нам навязано. Но почему так легко поддались? Люди уже разучились пуговицы пришивать, чистить башмаки, снег разгребать. Только торгуют…

- Мне кажется, сейчас людям пытаются привить качества, черты характера, чуждые русскому человеку.

- Об этом и речь. Взгляните в телевизор. Каждый день - доллары, доллары, доллары! Людей усиленно приучают к деньгам. Словно ничего нет в мире, кроме денег. Но деньги никогда не были главным, определяющим в жизни нормального русского человека!

Теперь же каждому мальчишке прививают вкус к банковским операциям, к ваучерам. Лотереи какие-то, рулетки… И назойливая реклама. И особенно отвратительна реклама курения, алкоголя. Но что

говорить о рекламе, если в государственных документах уже значится такой продукт, как «спирт питьевой»? Ни в одной стране нет питьевого спирта. Везде он либо медицинский, либо технический.

…Россия стала почти колонией. Я говорил об этом года три тому назад, даже раньше. И не я один. Многие предостерегали. Теперь обстоятельства изменились ещё более в худшую сторону.

- Но тогда как-то не очень верилось в подобный исход. Надеялись: авось пронесёт, авось обойдётся…

- Смешно на авось надеяться. Каждый может бороться и что-то делать. Выключать телевизор хотя бы, когда на экране голые задницы. Протрезветь бы в первую очередь. Хотя как протрезвеешь, если спаивание продолжается? Народ пьёт во главе с его демократической элитой.

- Какой же выход?

- Каждый человек знает для себя выход. Если, конечно, у него есть совесть. Вся беда в том, что люди глушат её в себе, а потом страдают больше.

Что делать, как выбраться - тоже давно известно. Кому не известно, пусть почитают хотя бы «Наши задачи» Ивана Ильина. Если не знаешь, к примеру, как быть с сельским хозяйством, возьми и почитай книги Чаянова…

- Вы входите в состав политсовета Фронта национального спасения. Организации, по словам Ельцина, незарегистрированной и неконституционной. Почему вы дали согласие на работу в политсовете?

- Мне предложили, и я не стал уклоняться. Хотя и не очень верю в этот фронт.

Разговоров много, мало решительных действий. То же самое произошло и с собором, который возглавляет Стерлигов.

- У Фронта национального спасения разработана целая программа.

- Ну так и надо действовать, выполнять эту программу! Собрались, поговорили, пошумели, и всё, что ли?

- Политсовет, а в него входят многие депутаты, свято чтит Конституцию.

- Это современные, так называемые либералы. Они оправдывают бездействие тем, что Россия исчерпала лимит на революцию. Боятся общественных взрывов и потрясений. Конечно, исчерпала! Но тем более для государственников нужна воля к власти, мужество и решительность в действиях. Улучшать или менять Конституцию можно до бесконечности, а возрождение русского национального государства не сдвинется с места.

Никакой победы на съезде у оппозиции не было. Козырев остался. Чубайс остался. Можно ещё 100 лет публицистикой заниматься. Пиши статьи, клейми демократов. А что толку? Они всё равно делают по-своему.

И вряд ли что-то изменится со сменой главы правительства. Черномырдин - человек порядочный. Я его немного знаю. Но что он может сделать с этой оравой? Его просто съедят.

Трудно даже представить, что будет дальше. Насчёт той же земли... Ясно же всё и просто: ну сделаете землепользование, как, например, в Финляндии! Нет! Демократам подавай референдум о купле-продаже земли. Президент разрешил фермерам (т. е. крестьянам-единоличникам) иметь гладкоствольное стрелковое оружие... А почему колхозникам-то не разрешили? Надо было заодно и их вооружить... Большего издевательства над русским крестьянством нарочно не выдумать! Вместо того чтобы немедленно устранить ценовые «ножницы», вместо крупных капиталовложений в сельское хозяйство правительство продолжает бесстыдно грабить крестьян. Зато заморские дяди рукоплещут нашим Гайдарам.

А циничное позволение стрелять в рэкетиров, которых сами же демократы и плодили, - ещё одна попытка спровоцировать братоубийство. Но вот если введут Закон о купле-продаже земли, тогда уж будет всем не до шуток. Смешно - и горько. Московские продавщицы решают, как быть с землёй. А что стоит обмануть обывателя? За деньги найдутся и желающие. Я помню выборы в Москве. По трёшнику, по пятёрке давали пьяницам и старухам, лишь бы голосовали за нужного кандидата. Денег на это на Западе никогда не жалели. Покупают министров и политических деятелей вместе с портфелями...

- Прошедший год ещё больше обострил национальные конфликты. Вы были в Приднестровье. Что заставило вас поехать в Бендеры и Дубоссары?

- Там праздновали двухсотлетие Тирасполя. Я тоже поехал, чтобы узнать, что творится. Но ничего не понял. Это загадка. Для меня, во всяком случае. Представьте себе столько вооружённых сил, совершенно разных: приднестровская гвардия, пограничники, казаки, миротворцы с голубыми знаками на пилотках (наши русские, но стали уже вроде бы ооновскими). Армия генерала Лебедя. Все - на одном пятачке. Что происходит - вообще непонятно.

- А что вы увидели в Сербии?

- Сербы никогда не сдадутся на милость авторов «нового мирового порядка». Мне становится жутко, когда слышу, что Совет Безопасности решает то-то и то-то. С какой стати ООН должна решать внутренние дела народов и государств? Если эти «голубые каски» придут в Россию, я же пойду стрелять, по-стариковски, возьму своё охотничье ружьё и буду палить из-за угла. Неужто им это не ясно? И с какой стати американцы едут наводить порядок в Африку и стреляют там в местных жителей? Уже и Шеварднадзе требует войска ООН на Кавказ. ООН всё больше превращается в милитаристскую организацию. Почему-то люди не видят в этом опасности.

- Нестабильность в экономике, политике сказывается в первую

очередь на людях. Особенно на тех, кто занимается творчеством. Распадаются профессиональные организации, союзы, которые в тяжёлые времена протягивали руку помощи музыкантам, художникам, артистам. Вы - секретарь правления Союза писателей России. Как живётся сегодня вашим коллегам?

- Совсем не так, как чиновникам и торговцам. Не знаю, может, кто-то ещё и занимается литературным трудом в этих новых условиях. Но тогда это уже настоящие подвижники. Издательства не действуют. Одни закрыты, другие свернули в коммерцию. Книги наши не выходят. Но писательские организации сохранились в каждой области. В Москве - дело сложнее...

- Ваши читатели внимательно следят за судьбой героев «Великого перелома». В аннотациях журналов заявлено, что работа завершена. Так ли это на самом деле?

- В том-то и дело, что не так. Объявить объявили, а работа не сделана. Сейчас сижу с третьей частью. Осталось дописать пятнадцать глав, всего ничего... Это будет вторая книга. Возьмусь ли за третью - говорить рано.

- Сегодня Россия переживает не лучшие времена. Прогнозы на её будущее - самые разные. А как вы думаете, выстоит Россия?..

- Если России суждено погибнуть, устоят ли другие народы? В этом я очень сомневаюсь... Я не пророк, но думаю, что провидением земле нашей ещё отпущен какой-то срок. Велик ли этот срок, никому из людей неведомо. Осознать, что мир движется к пропасти, для этого не так уж много надо ума. Но люди делают вид, что ничего страшного не происходит. Человечество, мол, двигается путём технического прогресса, а не духовного. Что будем делать, когда кончится нефть. Она ведь уже кончается... Что будем делать, когда повысится температура земли. И начнут ледники таять. Озоновые дыры, вырубленные леса, деградация почв. Новые болезни и обычный голод. Женщины приобретают мужские черты, мужчины - женские. Всё это проходит как-то мимо человеческого сознания. Сколько нам отпущено жить - никто не знает.... Но жить-то всё равно надо по-человечески. Вернее, по-божески.

Интервью вела Н. Авдюшкина

«Советская Россия», 09.01.1993.

Будущее зависит от вас

В поэзии есть ёмкое слово: невстреча. Оно постоянно всплывает в памяти в бесконечном колесе визитов знаменитостей разного уровня: они сами по себе, люди в зале - сами по себе. Совсем иной оказалась встреча Василия Белова со слушателями института повышения квалификации кадров АПК. Аграрники из самых отдалённых районов области впервые за последние годы были собраны на учёбу. Среди прочего им предстояло овладеть антикризисными программами в сельском хозяйстве. Встреча с

выдающимся писателем была вписана именно в этот контекст. Встретились близкие по духу и по судьбе люди в искреннем, трудном и неудобном диалоге, автором которого стала сама жизнь. Василий Иванович был склонен больше слушать тех, кто сейчас трудится на земле, но в диалог вступил первым.

- Недавно я обратился к москвичам со статьёй. Раньше мы защищали Москву, теперь России приходится защищаться от Москвы. Она, как клещ, пьёт кровь страны, доведя дело с сельским хозяйством до краха. Крестьянство грабили всегда, начиная с 20-х годов. Оно выдержало коллективизацию, индустриализацию, спасло страну в войну. В эти годы у нас в деревне пали почти все лошади; помню, как восемь баб пахали на себе, впрягшись через верёвки в плуг. Потом так же боронили. Помню, как пацаном пахал сам: руки поднять трудно - умная лошадь ждала, когда сумею. Работали от зари до зари. В 1948 году, когда я был счетоводом в колхозе, на трудодень приходилось 150 граммов трухи и три копейки. Способны ли нынешние люди на такой подвиг? Сомневаюсь… Вчера по телевизору увидел, как пилоты требуют себе особую пенсию. Вот и некоторые вологодские чиновники, уходя на пенсию, - например, бывший председатель Фонда имущества Михаил Безнощенко - получают премию в 290 миллионов! И никто не обращает внимания на то, что происходит в стране!

- Но что же делать? Участвовавшие в разговоре не называли себя; их реплики вынужденно будут безымянными.

- Гнать проходимцев в шею…

- Но не автомат же в руки брать?

- Но и не делать вид, что так должно быть. Идёт грабёж и дикая эксплуатация. Банковские девчонки получают в десять раз больше, чем колхозный бригадир! В моей Тимонихе умер последний мужик Фауст Степанович Цветков. Ни одного мужика, ни одной коровы, ни одной лошади не осталось теперь. Живут три старухи; сколько они протянут? Кто уничтожил нашу родину, ведь многие деревни существовали ещё с IX века? В Вологодской области исчезло около десяти тысяч деревень.

- Всё с Хрущёва началось. Нет школ, медпунктов, магазинов - люди и разъезжаются…

- Всё гораздо раньше началось. Ещё в войну выгребали всё до зёрнышка. Я видел, как женщин сажали в тюрьму за несколько подобранных колосков, оставляя в доме сиротами по пять детей. В нашей деревне на войне погибли все мужики.

- В 80-е годы писатели-деревенщики были на слуху. Где они сейчас? И у вас разброд?

- Никакого разброда нет, все работаем. Просто демократы вроде Евтушенко, Юнны Мориц приватизировали и наше писательское общее хозяйство… На общие деньги чуть не еженедельно катались в Америку. Посмотрите, что в стране происходит: коммунистов, обкомы разогнали, а

зачем систему советской власти-то порушили? Чтобы банки страной командовали? Думаю, я всё-таки доживу до новой, настоящей власти…

- Но ведь и в Америке банки командуют, а крестьяне не бедно живут…

- По-разному живут. Был я на бедной, неприбыльной ферме под Нью-Йорком, хозяин которой, молодой мужик, не справляется с ней и собирается продать. Был и на богатой ферме, где на одного фермера-горожанина работают восемьдесят наёмников. Это очередной миф, когда нам вдалбливают, что несколько тысяч фермеров в США кормят всю страну. Запомните одно: нигде, ни в одной стране мира, сельское хозяйство не обходится без дотаций государства! Везде оно на дотации, везде!

- Ну не получилось у нас с коммунизмом, так что же делать?

- Идти своей дорогой. Читать наших выдающихся учёных-аграриев: Чаянова, Кондратьева. У них всё сказано. А ведь у нынешней власти одна забота: землю продать.

- А почему её не продавать, если земледелец хороший? Вы за какой строй, за демократический или за авторитарный?

- Капитализм-социализм - это всё выдумки. Я, например, монархист…

- А у нас уже есть царь Борис. Но ведь землю-то в России до революции продавали! И столыпинская реформа это предполагала.

- Я выступал за то, чтобы отдать землю в бессрочное пользование тем, кто на ней живёт, её обрабатывает. Отдать навечно. Нужно, чтобы вы все поняли: на нынешнем рынке земли русскому крестьянину делать нечего. На нём он потеряет всё.

- А вообще-то крестьяне сейчас есть? Северное-то крестьянство вымирает.

- Нет, может быть, где-то в Краснодарском крае и есть, на юге…

- Я в августе был в Краснодарском крае, ничего там тоже нет. Тот же развал и разброд, - сказал выходец с Кубани.

- Возьмите совхоз «Присухонский». Акционировали они землю, выделили старухам паи, обрабатывать которые те не могут, вот и стали скупать за бесценок.

- Верно, земельный пай в деревне сейчас можно купить за бутылку водки. Вы много писали о японском чуде. Там мало земли, и относятся к ней по-другому, бережно.

- Там много испытаний проходят, трудный экзамен надо сдать, прежде чем государство доверит крестьянину землю.

- А нам кто мешает так делать?

- Но не делаем же! Вот и при Позгалёве раскрестьянивание продолжается…

- А что Позгалёв сделает? Примет сторону крестьянства, вышибут и его из губернаторского кресла... Ведь это не вписывается в теорию золотого миллиарда. Населению России, похоже, не будет среди этого числа места?

- Конечно, наше население вымирает. Ежегодно на полтора миллиона сокращается. И об этом мы не задумываемся. Мы уже колония: распродаём ресурсы, чтобы выплатить пенсии и зарплаты. Вспомните, какой ценой строили Череповецкий металлургический комбинат, по три-пять рублей с девушек собирали. Как они живут сейчас, когда два-три начальника на ЧМК получают кучу долларов в год?

- Ваше отношение к Жириновскому?

- Плут, но в случае с Ираком прав: Саддам Хусейн - народный вождь.

- Опять вождь! Может, мы в России обойдёмся без вождей и гениев? Пётр, Ленин - что ни гений, то страну перекорёжит. Давайте жить спокойно!

- Государство грабило и грабит крестьянство. Ценовыми ножницами, другими способами, но грабёж продолжается и сейчас. Жаль, ни колхозного, ни фермерского, ни православного возрождения не намечается... Людей нет, кто возрождать будет? Но в одном я уверен: будущее зависит от вас. Прошу, не поддавайтесь, работайте и сопротивляйтесь всему неразумному.

Беседу записала Н. Серова, «Красный Север», 2.03.1998.

Жить надо по-человечески. Вернее, по-божески

В числе подписавших «Обращение сорока трёх» замечательный писатель с мировой известностью, лауреат Государственной премии Василий Иванович Белов. Его правдивые заступнические книги создали ему в народе непререкаемый авторитет борца против попрания элементарных прав человека от земли. Вместе с другими патриотическими подвижниками он требует сегодня: «Остановить «реформы смерти»!» Как и чем обусловлена его позиция? Наш корреспондент в Вологде беседует с Василием Ивановичем Беловым.

Что его особенно тревожит?

- Нравственные провалы, которые образовались в нашем народе в эпоху «президентов». Мне не понятно, почему он такой податливый, народ наш? Почему он верит лживым газетам и циничным телеведущим? Миллионы людей смотрят и верят обманщикам... Очень тревожит рост преступности, пьянства - от алкоголя погибает столько людей, что даже страшно подумать. Какой высокой чести удостоена в Москве алкогольная отрава! Веничке Ерофееву поставили сразу два памятника... Сколько у нас алкоголиков? Эти цифры держатся в секрете. Сколько дебильных детей, мы тоже не знаем. Женская распущенность поистине безмерна! Когда очнёмся, когда отрезвеем, может быть, узнаем, кто это всё подстроил. СПИД и наркомания тоже вызваны пьянством. Откуда всё это взялось?

Идёт плановое уничтожение России… Я прекрасно помню времена, когда в народе не было ни СПИДа, ни пьянства. Ещё во время войны, ручаюсь, такого не было. Холостая молодёжь не пила совсем, замужним женщинам позволялось только по праздникам хлебное пиво. Сильно выпивали одни редкие забулдыги, над которыми народ смеялся. Они были изгоями. По праздникам мужики, пожилые, бородатые, пили одно пиво. Холостой молодёжи не положено было и пиво. Поверьте, я не идеализирую. Теперь говорят, что, мол, была на Руси такая традиция, она и виновата.

Ничего подобного! Это новейшее приобретение… Но журналисты предпочитают проблему не освещать. Молчат по этому поводу наши «демократические» издания. А наше телевидение?.. Сплошь убийства и драки. Ну разве можно смотреть хоть так называемые «эротические» фильмы нормальному человеку? Я много раз бывал во Франции, в Италии - ни в Риме, ни в Париже, ни в провинциях такие фильмы не пропагандируют. Туда, где демонстрируется подобная продукция, нормальные и порядочные итальянцы и французы просто не показываются. Они для этого слишком брезгливы и щепетильны.

Возьмите Германию, там то же самое. Несколько вечеров подряд во франкфуртской гостинице я смотрел местные и американские телепрограммы - такой густопсовой порнографии, как у нас показывают, ни разу не было.

В Японии действует с полдюжины дневных и ночных телепрограмм - ничего подобного нет и в помине. Эта мерзопакостная, на уровне медицинской физиологии «художественная» стряпня демонстрируется лишь в определённых, почти запретных местах. Американцы, насколько знаю, тоже тщательно оберегают от этих мест детей и подростков. А мы… Стыдно за всё это. Щёки просто горят… А что творится с этим самым бизнесом? Вся страна превратилась в какое-то грандиозное торжище. Такое ощущение, что торгуют все. Кто лесом, кто медью, кто оловом, а кто и собственным телом. Торгуют министры и уличные мальчишки.

Здоровые молодые люди целыми днями мёрзнут на барахолках, вместо того чтобы работать физически. Я не понимаю этого! Как так получилось, что наш народ стал торгашом? Допустим, правительство у нас такое, торгашеское. Конечно, многое просто нам навязано. Но почему так легко поддались? Некоторые уже разучились пуговицы пришивать, башмаки чистить, снег разгребать, зато торгуют…

- Мне кажется, сейчас разрабатывается новая идеология: не патриотизм - любовь к родине, к своей стране, к родной земле, а нажива. Нажива любой ценой.

- Об этом и речь. Взгляните в телевизор. Каждый день - доллары, доллары, доллары. Людей усиленно приучают к деньгам. Словно ничего нет в мире, кроме них. Но деньги никогда не были главным, определяющим в жизни православного русского человека! Теперь же каждому мальчишке прививают вкус к банковским операциям, к ваучерам. Лотереи какие-то, рулетки, казино, лото, пошлая реклама… Россия стала

почти колонией, правда, пока с ракетами… Об этом я говорил постоянно. Впрочем, говорил не я один, многие предостерегали. Теперь обстоятельства изменились в ещё более худшую сторону…

- И неужели нет выхода?

- Каждый человек знает, где выход, если, конечно, у него есть совесть. А совесть - понятие религиозное. Но беда в том, что люди глушат её в себе, а потом страдают ещё больше. Что делать, как выбраться - ответы на эти вопросы тоже давно известны. А кто не знает, пусть почитает хотя бы «Наши задачи» Ивана Ильина, книги Солоневича, Чаянова.

- В своё время вы немало писали о крестьянстве, деревне. А как сегодня поживает ваша Тимониха?

- Её уже нет. Именно Тимониха и печалит. Вернее, тысячи таких Тимоних, исчезающих по планам академика Заславской. Главное в этих планах знаете что? Разрушение последовательности. В двадцать девятом году в Тимонихе было: домов - 23, гумён - 14, амбаров - 12, бань - 16, сенных сараев в лесу и на полях - около 20. Но уже ко времени Великой Отечественной войны осталось всего 12 домов. Сейчас - 6, да и то в двух из них живут только летом. Зимой топятся всего два жилых дома, а в них две бабки-пенсионерки. Детей совсем нет. Пять домов и пять бань. Ни гумён, ни амбаров, ни сеновалов, - всё сожжено или сгнило. Если это прогресс, то какой академик расскажет (кроме мадам Заславской), что значит регресс? Судьба Тимонихи типична для многих тысяч русских деревень, для всего так называемого Нечерноземья. Там, где со времён Даниила Заточника звучали песни и бегали ребятишки, дымились трубы, мычали коровы, теперь одна трава и кусты.

- Вы были народным депутатом СССР. Истинное лицо власти изнутри знаете. А каково ваше отношение к сегодняшним политикам и политике?

- Отвратительное. Но, несмотря на это, глубоко убеждён, что каждый человек обязан разбираться в политике и заниматься ею. Иначе он просто жалкий обыватель… Нас ждут новые беды, если не станем интересоваться политикой.

- На ваш взгляд, в чем кроются причины сегодняшнего кризиса страны?

- В предательстве. В коллективном предательстве! Увы, не заметила православная Русь гнусного предательства Горбачёва, Яковлева и Шеварднадзе. О, как ловко облапошила нас дьявольская эта троица, как хитроумно использовала она народное недовольство безбожной коммунистической властью! Как незаметно подсунула нам новую денежную власть, ввергнувшую Россию под банкирское иго. Бесстыдство, с которым депутаты и чиновники сами себе устанавливают зарплату и назначают пенсии, поистине безгранично.

Они сами себя премируют, сами себя награждают и повышают в должности. Правда, для того, чтобы повысили в должности, надо верно

служить вышестоящему чиновнику, обладать достаточно высоким чувством приближающейся опасности, хитростью и подхалимской способностью. В этой системе вовсе необязательны порядочность и высокие деловые качества. Хватит иной раз и того, что ты выучился держать язык за зубами, угодничать и подмахивать шулерские бумаги. Не способен на это - снимут, понизят или вообще укажут на дверь. В результате человек приспосабливается к системе бесправия, двурушничества и воровства. Такова система, созданная с помощью ЦРУ и банкиров так называемой демократической революцией. Так в чём же тогда разница между властью, которая была в стране и от которой многие из нас с таким удовольствием отбояривались, и новой властью - властью банкиров? Мне представляется, что если говорить о крестьянстве, особой разницы нет. Хорошо, что хоть храмы открылись. Она, эта разница, только в масштабах оболванивания и эксплуатации.

А что с Россией произошло, думаю, читатель видит и сам. А вот почему… Мы, дети, уцелевшие в голоде и болезнях, подросли в годы войны. Всего чуть-чуть. Зато выучились трудиться. Дети помогали взрослым спасти Родину. Сталин, хоть и косо глядел на крестьян, но кое-где опускал железные вожжи, так как без крестьян не было бы солдат. Жеребята в колхозе каким-то образом плодились, картошка и репа росли. Государство вскоре отменило хлебные карточки. Поезда ходили, и никто не загораживал им дорогу, никто не ложился на рельсы. Сталин при всех своих недостатках не клянчил деньги за рубежом. Керосину для тракторов почему-то хватало, тракторов тоже наделали, и хлеб сеяли каждую весну. И что самое главное - сеяли везде, стремились использовать каждый клочок родной земли. И офицеры не стрелялись, не зная, чем прокормить семью. И студенты учились, становясь подлинными академиками. Так что же произошло с нами дальше? Отчего русские не испугались грозных фашистских полчищ, а каким-то жалким банкирам и продажным телевизионщикам отдали себя с головой?.. Есть вопросы, на которые и я не знаю ответа… Идёт процесс апостасии, как мне думается.

- Вы верите в то, что Владимир Путин сможет изменить положение в стране?

- К сожалению, нет.

- На протяжении по меньшей мере десятка лет говорят, что Россия переживает не лучшие времена. Прогнозы на её будущее самые разные. А как вы думаете, Россия выстоит?

- Не думаю, что Россия исчезнет. Если России суждено погибнуть, устоят ли другие народы? Я в этом очень сомневаюсь… Я не пророк, но думаю, что провидением земле нашей и нашей планете ещё отпущен какой-то срок. Велик ли этот срок, никому из людей неведомо. Осознать, что мир движется к пропасти, для этого не так уж много надо ума и сердца. Но люди делают вид, что ничего страшного не происходит. Человечество, мол, движется путём технического прогресса, а не духовного. А что будем делать, когда кончится нефть? Она ведь уже кончается… Что будем делать, когда повысится температура земли и

начнут таять ледники?.. Если возникнут новые озоновые дыры, если будут вырублены леса и наступит деградация почв? Новые болезни и обычный голод… А что будет с миром, если женщины окончательно приобретут мужские черты, а мужчины - женские? Всё это проходит как-то мимо человеческого сознания. И сколько нам отпущено жить - никто не знает… Но жить всё равно придётся и жить по-человечески. Вернее, по-божески…

Интервью вела И. Авдюшкина «Советская Россия», 12.08.2001.

Молюсь за Россию. Беседа с Владимиром Бондаренко

Василий Белов. Ну, что будешь выпытывать у меня?

Владимир Бондаренко. Что смогу, то и выпытаю. Как жил. Как писал. Как любил. Как боролся. Как депутатствовал. Всё, что выпытаю, то и расскажу твоим читателям… Для начала, твоё писательское кредо?

Белов: А что такое «кредо»? Какое-то нерусское слово. Ты объясни мне, я не очень понимаю…

Бондаренко: Ради чего ты пишешь?

Белов: Да я случайно стал писателем, и стал ли? До сих пор не знаю. Началось со стихов. Ещё мальчишкой был, а стихи какие-то наборматывал. Потом стал читать их приятелям. Позже показал нашим писателям. Поддержали, потом один питерский журнал даже напечатал, тут я и обрёл какую-то веру в себя. Очень важна первая публикация. Не было бы её, может, так и стал бы столяром или ещё кем. А потом в Литературный институт, уже после армии, поступил. Книжки стали издавать. Позже к прозе потянуло.

Ну а зачем пишу? Это какая-то таинственная сила. Я пробовал объяснить и самому себе и читателям, чего я хочу добиться. Вот в «Ладе» об этом много сказано, о моём отношении к жизни. Чего-то и добился, если даже премии дают какие-то. Я не ожидал этого, когда начинал. Так получилось. А теперь даже стыдно.

Бондаренко: Стыдно-то за что?

Белов: За то, что так получилось. Поверь мне, Володя, на самом деле стыдно иногда перед людьми. За то ли я взялся в своей жизни? Я учился на столяра в ФЗО. И стал столяром. Плотником тоже стал. Я многие профессии освоил. И всё равно за писательство стыдно. Я ещё у Фёдора Тютчева читал о стыдливости страданий русского человека. Верно он подметил эту черту и даже назвал её Божественной. Русский человек стыдлив. А я - русский человек и на самом деле много стыжусь. Слишком много нагрешил в своей жизни. А меня объявляют учителем, приходится выступать в роли учителя, это опасное дело.

Бондаренко: И какие же у тебя грехи, Василий Иванович, в литературе нашей?

Белов: Вот я до сих пор публицистикой занимаюсь. Напрямую свои

мысли излагаю читателю. А надо ли это писателю, до сих пор не знаю. Недавно я прочитал статью Валентина Курбатова, он вспоминает наш конфликт с Виктором Астафьевым. Я сам активно включался в этот конфликт. А вот сейчас уже Виктора Петровича нет, и думаешь, надо ли было так конфликтовать…

Бондаренко: Мне кажется, этот конфликт всё-таки начинал сам Виктор Петрович, и усердно начинал, и долговато все русские писатели старались не задевать его, не входить в конфликт… Но всё-таки есть же черта, за которую не надо переступать… А то, что сейчас мы стараемся вспомнить о нём всё хорошее, - правильно, по-русски, его уже нет, что же с ним сейчас воевать? Это лишь такие, как Фридрих Горенштейн, «Вместо некролога» о твоём большом друге Василии Шукшине печатают грязный пасквиль. Впрочем, и Горенштейна уже нет, и история литературы спокойненько всё поставит на свои места. Кто чего стоил. А споры принципиальные в литературе были, есть и будут. Надо ли их стыдиться? Или ты думаешь сейчас, что писателю ни к чему идти в политику, размышлять о политике?

Белов: Куда ему деться? Конечно, писатель должен заниматься политикой своего народа. Осмыслять зигзаги русской судьбы. Но место писателя всё-таки определяется его художественной мощью, величиной и сложностью художественного замысла. Кстати, я обратил внимание, все хорошие писатели часто оказываются и неплохими художниками.

И наоборот. Многие художники неплохо владели пером. Вспомни Коровина или Рылова…

Бондаренко: Талант всегда многогранен. Да и сам ты, Василий Иванович, в чем только себя не пробовал. И драматург, и поэт, и прозаик, и блестящий публицист…

Белов: Это всё - литература. А вот сейчас я пробую и живописью заниматься.

Бондаренко: Значит, надо к семидесятилетию в «Нашем современнике» или в хорошем вологодском зале выставку работ организовать. И всё-таки, в России литература традиционно такое важное место в обществе занимала, уверен, и будет занимать в будущем, поэтому быть русским писателем всегда непросто.

Белов: Может быть. Тут зависит, конечно, многое от цельности писателя. От того, какую непосильную задачу он на себя взвалил. Какой Храм хочет построить. В этом я, наверное, максималист. А особенно сейчас, когда отношение к жизни стало более религиозным.

Бондаренко: Тогда уж расскажи, как пришёл к Богу.

Белов: Это и мучает меня, что я очень уж долгое время был атеистом. Причём воинственным атеистом. Мне и сейчас, конечно, далеко до полноты христианского понимания и всепрощения, но стремлюсь к православной вере. Через ту же тютчевскую Божественную стыдливость стараюсь понять самого себя. Вера - это серьёзное дело… И её никакими

знаниями не обретёшь. Может, даже наоборот. О ней и говорить много нельзя. Но только придя к ней, начинаешь многого стыдиться в своём прошлом.

Стыдиться иных поступков и даже собственных произведений, пусть даже их и прочитали миллионы людей. То ли я написал, что надо человеку? Что надо народу? Вот это меня и мучает. А пока наш народ не обретёт Бога в душе своей, до тех пор не вернётся и наш русский лад. А как трудно пробуждаться после атеистического холода, как тянет многих в фальшь сектантства или ещё куда…

Бондаренко: Конечно, ты прав. Стыдливость всегда была присуща русскому сознанию, так же как и терпение, сострадание.

Белов: Все русские люди с этим чувством ходят. И вот, приходя к своему нынешнему возрасту, начинаешь понимать, что сделал много ошибок, которых уже не исправить. С другой стороны, понимаю, что и ошибки эти связаны тоже с судьбой страны, с той средой, в которой я в детстве жил, с семейным воспитанием. Вот что важно. И что сегодня окончательно добивают - семейное воспитание. У моего поколения беда была одна: почти у всех не было отцов, у кого на фронте погибли, у кого раскулачили или расстреляли, как у Шукшина. Я умудрился выжить без отца. Отец погиб на фронте в 1943 году, когда мне было десять лет… Все невзгоды, связанные с крестьянской бедностью, не минули меня. Несмотря на то, что отца убили на фронте, нам и корову Берёзку пришлось отдать государству в налоги, и даже амбарчик, срубленный матерью ещё вместе с отцом Иваном Фёдоровичем, вынуждены были отдать вернувшемуся с фронта солдату. Не то, что сочувствовали и помогали семье погибшего воина, скорее наоборот. Может, чудом каким-то уцелели. Потому и школу вовремя не закончил, не получил должного образования. Я, например, завидую по-хорошему и Кожинову, и Семанову, и Михайлову, всем, кто вовремя получил хорошее образование. А я не получил даже аттестата в своё время. А ведь я тоже когда-то мечтал об университете, тянулся к знаниям. Всё должно к человеку вовремя приходить. Нельзя опаздывать в жизни. Как бы потом ни навёрстывал, всё равно до конца не наверстаешь. Я ещё даже Льва Толстого не всего прочитал до сих пор. И много чего другого.

Бондаренко: Конечно, жаль, что таким, как ты - сиротам и безотцовщине, в жизни всё очень тяжело давалось. И всё же познал ты с этой лихой тяжестью жизни и ту глубинную правду о человеке, которая никакими знаниями не даётся. Когда такие, как ты, крестьянские дети почти в одно время вошли в русскую литературу: Шукшин, Распутин, Лихоносов, или постарше, фронтовики Носов, Абрамов - с этим горьким знанием народной жизни, с неполным образованием, но с прекрасным знанием простого человека, - вы же создали новую классику в русской литературе, принесли те знания, те образы и характеры, те сюжеты, которых не было даже у Льва Толстого. Это разве не важно для России? Всё-таки проза прекрасных городских интеллектуальных писателей Юрия Бондарева или же Юрия Казакова, Георгия Семёнова или Александра

Проханова - это совсем другая проза, с иным знанием жизни, с иными героями, с иными сюжетами. Вы, именно вы, пусть часто и недостаточно образованные, не столь эрудированные, стали настоящим мировым открытием в литературе, на долгое время стали самым настоящим авангардом в литературе, ибо до вас такой народной крестьянской болевой, совестливой прозы не было.

Белов: Ты, Володя, говоришь о положительном моменте. Может, так и есть. Ты - критик, тебе виднее. А я говорю о каких-то личных потерях и лишениях, которые и сейчас во мне чувствуются. Мешают добиться того, чего хотелось бы. А сколько попрёков в наш адрес было всей этой прогрессивной критикой сделано? Этими университетскими всезнайками из интернационалистов. А как мне было поступить в университет без аттестата? И сколько ребят талантливейших было по Руси, так и пропавших в нужде, в безнадёжности, в полуобразованности. Намертво закрыты дороги были, у нас даже паспортов не было, куда денешься? Пробивались, конечно, кто как мог. Тот же Шукшин, или Астафьев тоже, может, и злость излишняя у него накопилась из-за этих лишений, Рубцов Коля, Валерий Гаврилин... Всё-таки положение крестьян было в моё время почти что крепостное. И все это понимали. Помню, мне Твардовский Александр Трифонович при первой встрече так и сказал в ответ на мои радикальные требования дать всем крестьянам паспорта: «Разбегутся же все...» Вот сейчас и разбежались.

Бондаренко: И всё же вы сами и стали народными защитниками - своей же прозой. И несмотря на всю твою зависть, я поставлю рядом, к примеру, написанное теми, о ком ты говорил: Семановым, Михайловым и другими, при всём моём к ним глубочайшем уважении, и написанное вами - писателями, прозванными «деревенщиками», - конечно же, художественная тяжесть вашего креста будет весомей.

Белов: Важнее всего в литературе, наверное, нравственная сторона дела. Пусть у меня не было аттестата, пусть не было классического образования, а нравственное воспитание я, думаю, сумел получить. И от земляков своих, и особенно от своей матери Анфисы Ивановны. Это навсегда уже осталось во мне. Хоть я при жизни матери и не показывал свои нежные чувства, стеснялся даже ласково поговорить с ней при посторонних. А вот не стало её, до сих пор в себя прийти от её потери не могу.

Бондаренко: А в литературе были у тебя такие наставники, кто помог тебе, оказал влияние?

Белов: Ещё в детстве я благодаря отцу и с героями Шолохова познакомился, и с героями Твардовского. Мне даже не сами писатели запомнились, они как бы были в стороне, а их герои - Григорий Мелехов и Василий Тёркин. Это ведь и есть главное в литературе - дать своего героя. Чтобы читатель не тебя знал, а героев твоих. Сам писатель на первый план не должен выходить. Это если не смог своих героев настоящих создать, тогда и начинает писатель себя подсовывать. Мол, вот я какой, посмотрите на меня. А ты героя прежде покажи...

Бондаренко: Вот Ивана Африкановича все и знают. И даже корову Рогулю…

Белов: Когда я уже сам пришёл в литературу, более-менее забавляться начал стихами, полез туда, куда мне не положено было без образования, надо было дома строить или табуретки делать, а я вздумал стихи писать. Тут мне никто не помогал. Сам нахально полез вперёд.

Бондаренко: Судя по всему, Василий Иванович, ты - дерзкий человек? Не боишься лезть, куда не надо. Писать о том, о чем не положено. Как ты считаешь, нужна дерзость в литературе?

Белов: Дерзость везде нужна. Вот и тебе, Володя, желаю быть таким же дерзким и бескомпромиссным, каким я тебя помню с давних времён. Без дерзости человек не сможет ничего путного сделать. Он начинает стесняться, и даже мысли у него начинают путаться. Стесняться можно в быту. А в деле своём, если хочешь сделать что-то настоящее, если замахнулся на громадное, обязательно надо быть дерзким. Вот я и дерзил, как мог.

Бондаренко: Дерзким было в своё время «Привычное дело», даже Твардовский этой дерзости, похоже, испугался. Дерзким был и роман «Всё впереди».

Белов: Всё связано ещё с моим крестьянским происхождением. Я хотел первым делом защитить своих земляков, простых русских людей, которым уж совсем невмоготу было. Я всё-таки и с Мишей Лобановым спорю, и с Прохановым, и с тобой насчёт Иосифа Сталина. Надо признать, Сталин выкрутился за счёт русского крестьянства, но его же и погубил. Тут можно говорить очень много и долго. Я считаю, что нам коллективизация обошлась не менее трагично, чем Великая Отечественная война. Которая тоже прежде всего по деревне ударила, обезмужичела деревня после войны окончательно. Да и в послевоенные годы нужда и лишения не покидали крестьянскую Русь. Конечно, Сталин много сделал для государства, и то, что от троцкистов избавился - большое дело было сделано. Но возился он с ними довольно долго, и в отношении деревни всё-таки их линию долго тянул. Да, он их потом обманул и прижал как следует. Но за то, что прижал крестьянство и загнал его в колхозы на нищую жизнь, я его осуждаю. Не то, что я совсем колхозы отрицаю. И там работали честные люди. И в партии немало честных тружеников было. Я ведь сам короткое время побывал партийным работником. Работал секретарём райкома комсомола. И даже членом ЦК КПСС был. Но это уже в горбачёвское время.

Ведь тоже стыдно нам за такое участие. Стыжусь своей работы в ЦК КПСС в горбачёвское время, будто я в развале страны поучаствовал.

Бондаренко: Но, я думаю, ты и такие, как ты, скажем, Валентин Распутин в президентском совете, наоборот, старались, как могли, спасти страну. Только сил зла было больше. Новые троцкисты набрали силу. И Горбачёв-то уже под ними был, и обманывать их, как Сталин, не собирался.

Белов: Конечно, я делал, что мог. Но всё равно, люди правильно меня упрекали за это соучастие.

Бондаренко: И всё же ты себя считаешь советским человеком?

Белов: А какой иначе? Я не буржуазный человек. Советский человек, по-моему, это прежде всего и русский человек. Потому что вне национальности людей не существует. Возьмём хоть еврейскую братию, она вся насквозь национальна. Они же все гордятся своими корнями. А что, нам, русским, гордиться нечем? Вот я и горжусь своими крестьянскими русскими корнями. И я всегда был за национальную советскую Россию, а не за интернационально-еврейский айсберг, который должен был неминуемо распасться на осколки и потянуть за собой, к сожалению, многих русских людей. Мы должны понять, что нас то и дело заманивают в ловушки, то интернационализмом, то демократией, и потом с большим трудом, с большой кровью мы вылезаем из этих капканов.

Бондаренко: Ты говоришь о том, с каким трудом и с большим опозданием прорывался к знаниям. И всё-таки, это было целое поколение крестьянских детей, пришедших в науку, и в культуру, и в политику. Как думаешь, сегодня из нынешней деревни может деревенский подросток прорваться в литературу? Не перекрыты ли нынче пути народным талантам с гораздо большим усердием, чем в ваше время?

Белов: Если человек мужественный и талантливый, с дерзостью, о которой мы только что говорили, он может пробиться. Нельзя притворяться, что тебе, мол, никто помощи не оказывает. Пробивайся, будь смелым. Я помню, писал стихи, как убегал из колхоза:

Нет, я не падал на колени
И не сгибался я в дугу,
Но я ушёл из той деревни,
Что на зелёном берегу.
Через берёзовые склоны,
Через ольховые кусты,
Через еврейские заслоны
И комиссарские посты.
Мостил я летом и зимою
Лесную гибельную гать…
Они рванулись вслед за мною,
Но не могли уже догнать.

Бондаренко: Мы много уже говорили о бедах старой деревни, но она ещё жила. Ещё дышала. А что сегодня с ней, с той же твоей Тимонихой?

Белов: Деревни сегодня нет совсем. Она погибла. Сначала под ударами сталинской коллективизации, потом под ударами войны, далее последовали хрущёвские удары, ликвидация малых деревень и тому подобное. И всё это на моей памяти. Весь двадцатый век непрерывные удары по русской деревне и русскому крестьянству. Перестройка добила

окончательно. Советская власть - была нормальная власть, даже сталинская власть, и народ к ней приспособился. А потом началась ненормальная власть, которой народ просто не нужен. Советская власть была создана и Лениным, и Сталиным, и даже Троцким, всеми большевиками, и государство, надо признать, было создано мощное. Может быть, самое мощное за всю русскую историю. И вот его уже нет и не будет. Нет и советской власти. Я понимаю, что и я приложил руку к её уничтожению своими писаниями, своими радикальными призывами. Надо признать. Я помню, как постоянно воевал с ней. И все мои друзья-писатели. Вроде и прав был в своих словах, но государство-то разрушили. И беда пришла ещё большая.

Бондаренко: Не совсем согласен с тобой, Василий Иванович. Я сам критикан был ещё тот, недаром в «Правде» ругали. Но ведь эта критика и на пользу была. Мощному государству не страшна критика, не страшно даже диссидентство. Сильное, могучее государство отбрасывает их на обочину без ущерба для себя, но какие-то выводы делает, к чему-то прислушивается. Не будь вас, «деревенщиков», может, до сих пор в деревне без паспортов люди сидели. Правда, не разбежались бы… Вот так всегда: правда государства и правда человека, правда государства и правда народа не всегда и не во всём совпадают. Но в сильном государстве даже полезно критиковать его минусы, его несовпадения с народной правдой.

Белов: С этой твоей мыслью, Володя, я совершенно согласен. Когда нет государства, то и народа не будет, и человека не будет, и никакая критика не нужна. Когда есть государство, и армия сильная есть, писатель должен быть на стороне народа. Но вот беда, и ты это знаешь. Когда было это могучее государство, не так просто было даже талантливому писателю сказать своё слово, пробить эту брешь непонимания нужд народа. Ты вспомни сам свои злоключения с цензурой. Запреты статей и так далее. Цензура соответствовала мощи государства. Я конечно, приспосабливался к ней, но, может быть, и из-за этого тоже стыдно. Много раз приспосабливался, корёжил уже написанное. Умалчивал существенное…

Бондаренко: Может быть, эта необходимость заставляла писателя находить глубинный язык, добиваться большей художественности образов. Всю правду высказать через образ героя, минуя слова и мысли, минуя голую публицистику, так всегда и возникают совершенные тексты.

Белов: Я не знаю, у всех писателей по-разному. Например, Вячеслав Дёгтев ведёт себя в соответствии со своим характером и даром, а Дмитрий Балашов вёл себя совсем по-другому. Все находят свой выход. Нет одинаковых писателей. Если человек почувствовал в себе эту природную одарённость, он уже дальше будет выявлять её исключительно своим способом. В том числе и с цензурой бороться по-разному.

Бондаренко: Но есть же близкие по духу писатели, по образу мысли, по направленности, в конце концов, по национальному мироощущению.

Кто тебе был близок в литературе, с кем ты общался, не чувствуя чужести, был откровенен до конца?

Белов: Я чувствовал всегда сильное влияние своего старшего друга, может, даже наставника - Александра Яшина. Мы были очень близки с Фёдором Абрамовым, Василием Шукшиным, Николаем Рубцовым. А если взять мою раннюю пору, то на меня всегда очень сильно влиял Борис Шергин, изумительный архангелогородский писатель.

Да и мыслитель тоже. Он и сейчас на меня влияет. Всегда лежит его книжечка мудрых мыслей на столе. Шергин для меня был примером, образцом в литературе. Образцом писательства. Если почитаешь его всяческую поморщину, такую образность находишь, такие сюжеты смелые и неожиданные. Борис Шергин - это далеко не прочитанный и недооценённый русский классик. И главное, я его с детства люблю читать. Как научился читать, так мне попал в руки Шергин, и я с ним не расстаюсь. Жалко, что я с ним так и не встретился. Знал же, что он живёт в Москве, мог его найти, как находили его Юра Галкин или Володя Личутин. Я всё время собирался сходить к нему. А стеснялся. Представь себе, стеснялся. Я вроде и дерзкий, как ты говоришь, а всю жизнь стеснительный был. Меня кто хвалит, а я стесняюсь. Вот иду на выставке Ильи Глазунова, а он издали увидел меня, а там на открытии масса всяких политиков, знаменитостей было, и кричит, вот идёт такой-то гениальный Белов. А мне хоть сквозь землю провалиться, как так можно при всех кричать. Хоть с выставки убегай. Вот и Шергину стыдно было мне как-то помешать, позвонить, сходить к нему со своими разговорами. Всё откладывал и откладывал. Так и дооткладывался до той поры, когда Шергин ушёл из жизни. Теперь стыдно, что не успел сходить к нему. Небось, не чужой бы был.

Бондаренко: Очевидно, такие моменты были в жизни каждого писателя. Я, скажем, сожалею, что не успел встретиться с Шукшиным, а была возможность, что с Георгием Свиридовым так и не сделал беседу, хотя и договаривались с ним об этом, стыдно, что маму не привёз на свой юбилей из Петрозаводска. Дай Бог теперь ещё успеть нам всем сделать то, что должны, что можем. Всё-таки русский писатель никогда не живёт и не пишет для себя одного, в собственное удовольствие, это была бы смерть русской литературы. Даже Владимир Сорокин нынче признался, что для него содержание стало важнее формы, значит, для чего-то пишет. Кому-то хочет передать своё содержание, свои мысли. Так что провалились все попытки новых идеологов изменить менталитет русского писателя. Увести его от жизни. Уверен, восстановится и привычный литературоцентризм, с которым так долго боролись все отечественные литературные либералы. Вот и твоё слово, думаю, ещё услышат многие поколения читателей.

Белов: А как вообще писательством я занялся, ты ещё спрашивал... Однажды мы с приятелем своим возвращались весной с нашего озера по речке. И я вдруг начал ему какие-то свои беспомощные стишки читать. Приятеля этого уже нет. Чего читал, не помню. Приятель лётчиком потом

стал. Володя Мартьянов… Все мои приятели уже ушли из жизни.

Все люди, которых я любил в детстве. И дружил в детстве. Никого не осталось. Осталась одна Маша Павлониха, как мы её звали. Она ещё жива, она училась со мной вместе в первом классе. А все остальные умерли.

Бондаренко: А деревня-то дышит ещё?

Белов: Деревня дышит, когда печи дышат. А печи в ней дышат теперь только летом, в дачный период, и то не все. Деревня погибла практически. Сколько тысяч деревень русских погибло. Лучше не говорить. Хотя бы только на нашей родной вологодской земле. Я слышу иной раз по телевидению или в газете читаю, мол, наша деревня жива. Наш колхоз жив, наш сельсовет жив… А я утверждаю, что тысячи деревень исчезли с лица земли. Я об этом писал и в прозе своей, не только в публицистике. Есть такой рассказ, как я ночую в деревне. И спрашиваю старенькую хозяйку: куда исчезла деревня? Она хохочет и говорит: через трубу и в синее небо ушла…

Бондаренко: И что, больше никогда не возродится? Ты сам по складу своему, по чувствам своим пессимист или оптимист?

Белов: Скорее всего, я пессимист. Но, если ты, Володя, спрашиваешь, возродится ли деревня, в этом плане я даже оптимист. Верю в возрождение Родины своей. Не только в возрождение деревни своей и земли вологодской, отеческого гнезда, но в возрождение всего нашего государства. Куда от этого денешься? А вот когда оно будет? Может, уже ни тебя, ни меня не будет на земле.

Бондаренко: Есть что-то близкое в тебе, Василий Иванович, от твоего главного героя Ивана Африкановича? Похож ты своим характером на него?

Белов: Полно общего. Есть сходство, безусловно. Но, конечно, полного сходства у Ивана Африкановича ни со мной, ни с тремя-четырьмя прототипами нет. Это же художественная литература. Что значит сходство с героем? Василия Шукшина бы спросили, он бы сказал: да, был человек, которого я описал. Так и у меня. Сначала, когда писал «Привычное дело», имел в виду одного земляка, потом другого, дальше ещё. Три-четыре, не больше. Но вместе-то получался совсем иной художественный герой. Скажем, Костя Зорин из «Воспитания по доктору Споку» - это я сам, моё отношение к жизни, а Иван Африканович - частично я сам, частично другие люди. Всегда ведь берёшь из окружающей тебя жизни детали характера. Какие-то особенности. Я всех их помню хорошо.

Бондаренко: Когда ты взялся за роман «Всё впереди», поднял такую острую тему, ты чувствовал, что будет большой скандал вокруг него?

Белов: Конечно, чувствовал. Я знал, чем это обернётся. Но дело-то было сделано. И сейчас вновь издали. Значит, надо нашему читателю. Я уверен, русская литература ещё не раз вернётся к этой теме. Бесстрашно вернётся, особенно на нынешнем материале. И я чувствую себя в

некоторой степени первопроходцем. Горжусь этим. А вот что будет дальше с нами со всеми, со страной нашей, с народом - не известно ещё никому. Хочется верить в возрождение, а может, нас совсем доконают? Не знаю. Но есть же ещё живые силы. Есть живые люди. Даже молодёжь есть, которая не даст доконать себя совсем. Мы ещё поживём.

Бондаренко: По характеру своему ты, Василий Иванович, максималист?

Белов: Не знаю. Я вот что хотел бы тебе сказать. Вот я получил лишь семилетнее образование поначалу, а куда я с ним мог пойти из деревни? Вот стал счетоводом в колхозе. Там всё было запутано, а я запутал ещё больше и ушёл с этой работы в школу ФЗО. Это был мой побег из колхоза. Нас было пятеро у матери. Мы со старшим братом сами дом достроили отцовский. Знаешь, как это делается? Что надо, чтобы прорубить окна и двери? Великая наука плотницкая. Мы сделали потолок. Пол. Мать купила мне гармонь, я к этому времени играть научился. Мать гордилась тем, что я у неё такой музыкальный, и пригласила моего приятеля в гости. Впервые в жизни ко мне пришёл гость, который даже сплясал по нашему новому полу… Крестьянство - это такое разнообразное занятие, которое в себя всё вмещает. И искусство, и экономику, и многие рабочие профессии. Но если хочешь чего-то большего, есть тяга к образованию, моих семи классов было мало. Вот через школу ФЗО и вырвался к образованию. В армии четыре почти года, а потом уже Литературный институт.

Бондаренко: А Литературный институт много дал? С благодарностью вспоминаешь?

Белов: Конечно. Я был сам заинтересован в нём. Я учился в семинаре у Льва Ошанина. Безобидного в общем человека. Хотя как-то и назвал он мои стихи кулацкими. Вылез его интернационализм. Царили у нас там в семинаре Гена Русаков и Ваня Лысцов, но и я был не на последнем счету. Скрывать не буду, мне ведь помогло и моё членство в КПСС, работа перед институтом в райкоме комсомола. Меня в институте первое время ректор всё хотел тоже к комсомольской работе привлечь, хорошо, нашёлся ныне покойный уже Вячеслав Марченко. Так что я мог спокойно заниматься литературой. Самая главная мысль моя, которую я сейчас считаю важной и для себя лично, и для всей России: нам нужна последовательность в жизни. Одно за другим. Не перескакивать через этапы, но и не упускать, не опаздывать. А что такое последовательность? Ты же не будешь говорить по телефону, пока не наберёшь номер. Так и во всём другом.

Бондаренко: То есть нам пора приходить к спокойной эволюционности в своём развитии.

Белов: Ну, я называю это последовательностью. И политики, и учёные сплошь и рядом нарушают этот закон последовательности. И в борьбе, в сопротивлении режиму, в нашем русском бунте тоже должна быть последовательность. Вот Емельян Пугачёв не соблюдал последовательность и проиграл. А у большевиков была строгая последовательность, даже жестокая последовательность, и они

выиграли, победили. Где они нарушили эту последовательность и потерпели нынешнее поражение, сейчас говорить не будем.

Последовательность должна быть и в жизни человека, в семье, в воспитании, в образовании…

Бондаренко: А твоя писательская жизнь была последовательная?

Белов: В том-то и дело, что нет. Нарушал я везде её. Я перепрыгивал через многие вещи. Благодаря этой самой дерзости своей, о которой ты говорил. А на самом деле дерзость в нарушении последовательности не нужна. Ты говорил о самом главном моём свойстве, о максимализме во всём. А я тебе скажу, что самое главное моё свойство - эмоциональность. Крестьянская эмоциональность.

Бондаренко: Ну, а перестройка - это же тоже нарушение последовательности? Может быть, ты и прав: подобно Китаю, мы последовательно избавлялись бы от излишних комиссарско-интернационалистических зигзагов и под руководством партии строили бы новую экономику, новое общество, постепенно приобретая необходимые черты для развития всего общества. А мы опять прыгнули неведомо куда всем народом, всей страной, в бездну разрухи. И не знаем, как выбраться…

Белов: При всём моём критическом отношении ко многим минусам в советском обществе, я категорически против перестройки. Много могу рассказывать, как я воевал и в Верховном Совете СССР, и в ЦК КПСС. Ты посмотри, как была разрушена во время этой мерзкой перестройки вся русская национальная культура! Я ничего не воспринимаю в нынешнем обществе. Я всё своё отношение уже давно высказал в публицистике. Наша демократическая так называемая революция разделила русский народ. И старается делить его, дробить на всё более мелкие составляющие. Нас лишают нашей национальной и духовной цельности. А когда душа начинает дробиться, невозможно никакое созидание. Без этого дробления им, этим «дерьмократам», нас было бы никак не победить. Без дробления всех и вся невозможно было разрушить созданное Сталиным цельное государство. Должен признать, Сталин создал такую могучую державу, что почти невозможно было нашим врагам её уничтожить. Значит, мы сами виноваты, сумели нас всех раздробить. Разрушили армию. Её сознание. Солдат потерял уверенность, офицер не знает, во имя чего служит. О каких победах можно говорить в такой армии? Разрушили великолепную науку. И сотни тысяч учёных уже разъехались по всем странам мира. Или работают кем угодно. Дворниками или бизнесменами, но не в своей науке. Разрушили культуру. И только тогда разрушилась цельность народа.

Бондаренко: Народ потерял веру в писательское слово. Литература потеряла своего читателя. Думаю, что если и начнётся возрождение страны, то первыми заметят это писатели, первыми обретут новое понимание национальной идеи. И эти книги вновь будут востребованы всеми.

Белов: Для меня в литературе, впрочем, и в жизни тоже, очень важна эстетика, как это ни покажется иным моим читателям странным. И только благодаря своему чувству эстетики я стал писателем. Эстетика есть во всём.

Бондаренко: Насколько я понимаю, твоё понимание эстетики и выражается хорошим и коротким русским словом «лад».

Белов: Да, в этой книге я целые главки посвятил эстетике. Любой быт весь целиком состоит из эстетических элементов. Быт семьи - это тоже эстетика. Я сейчас тебе на примере покажу, как разрушается семья. Исчезла семейная поэзия. Когда исчезает семейная поэзия? Когда исчезает лад в семье, терпимость, жалость, ласка, доброта и любовь. Без лада в семье, без семейной поэзии начинаются в доме и драки, и ссоры, и даже убийства. Красота должна быть во всех семейных отношениях, между всеми членами семьи, даже между зятем и тёщей.

Бондаренко: Что такое писательское ремесло? Это для тебя необходимая работа, приобретённая профессия, или пишется по вдохновению, с неким творческим наслаждением от написанного?

Белов: Я не знаю, что такое писательское ремесло. Каждый пишущий человек относится к нему по-своему. Я боюсь делать какие-то обобщения. И художник каждый тоже обретает свой стиль работы, своё понимание ремесла. Вот мой друг, замечательный вологодский художник Страхов, он недавно стал академиком, для него это даже неожиданным было. У него своя манера письма и своя манера работы. Я люблю иногда наблюдать за ним. За писателем-то так не понаблюдаешь. Пишет себе что-то в тетрадь и пишет. А что и зачем - никто не знает.

Бондаренко: А в деревенской прозе была своя, присущая всем её лидерам, особая эстетика, которая вас объединяла? Или же объединило понимание крестьянской народной жизни, а творческой близости не было?

Белов: Ну, скажем, с Валентином Григорьевичем Распутиным меня свела, по-моему, политическая близость наших позиций. Но и в понимании эстетики мы сошлись. А вот с Виктором Астафьевым я ещё в Вологде не во всём сошёлся. Когда он жил у нас, я помню, как в эстетическом плане у меня с ним постоянно разногласия были. Когда он написал «Пастуха и пастушку», он прежде всего мне дал прочитать рукопись. Я прочитал внимательно и сказал ему довольно резко, наверное, не надо было так, мол, можно за счёт сокращений сделать такую изюминку, которая останется на века. Всё равно она останется, и в таком виде, но можно было ещё усилить её воздействие художественное за счёт только одних сокращений. Я был ортодоксом и максималистом в своём подходе к мастерству. А он жалел. И не только меня не послушался, а ещё и увеличил повесть. Видишь, какая разница в подходах.

Бондаренко: Думаю, в эстетическом подходе тебя многое объединяло с Николаем Рубцовым?

Белов: Безусловно. В эстетическом плане он был ближе всех мне.

Сама поэзия действует не так, как проза.

Бондаренко: Ты написал не так давно великолепные воспоминания о Василии Шукшине «Тяжесть креста», а о Рубцове не думаешь написать?

Белов: Дай мне освободиться от той тяжести, которую я взвалил на себя, взявшись за книгу о Валерии Гаврилине, изумительном композиторе, моём земляке. Когда закончится эта эпопея моя, я, может быть, займусь воспоминаниями и о Викторе Астафьеве, и о Николае Рубцове. Если я сам выживу. Неизвестно ещё, как я напишу свою книгу о Гаврилине. Уже столько событий было вокруг ненаписанной книги. Неприятных и даже трагических.

Бондаренко: А как ты сблизился с Гаврилиным? Он жил в Питере, композитор, ты в Вологде. И от музыкального мира всё-таки далёк.

Белов: Ну, он наш, вологодский родом. А сблизился, как ни странно, через Николая Рубцова. Рубцов - сирота, и Гаврилин был сирота. Я даже статью одну написал о них обоих сразу: о Рубцове и о Гаврилине. Это российское сиротство меня и привело к ним, ведь я и сам - безотцовщина. Но у меня хоть мать была, а у них никого. И потом - сама его музыка мне близка, это, может быть, наш последний композитор национальный, чувствующий мелодику русской песни, русского напева. Недаром его так ценил Георгий Свиридов. Кстати, и он тоже помог мне сблизиться с Гаврилиным, понять его.

Бондаренко: Вот уже вырисовывается круг близких тебе по жизни и творчеству людей. Рубцов и Гаврилин, Шукшин и Яшин, Распутин и Романов, кого ещё надо бы добавить?

Белов: Виктора Лихоносова, Володю Личутина, хоть я его и критикую частенько, конечно же, Дмитрия Балашова… Мне жалко очень его, так погиб нелепо, такой замечательный и близкий мне писатель был. У нас с ним полностью согласие во всём было при всех наших встречах. Мы же не раз вместе путешествовали, и естественно, обсуждали всё, что происходит в России, историю России, национальный вопрос, события в Югославии, отношения между славянскими народами. И, конечно же, проблемы литературы, вышедшие книги, творчество разных писателей. И ни в чём не было разногласий. Помню, оказались как-то на ночлеге, катались по Волхову, а в таких поездках люди сближаются совсем или расходятся. Это тот самый пуд соли, который надо съесть вместе. Мы сблизились с Балашовым очень тесно. Для меня была такая трагедия, когда его убили. И как-то все замолчали о нём. Представьте, что убили бы Окуджаву или ещё кого из наших либералов. Какой бы шум стоял и по телевидению, и в прессе. А тут убит крупнейший исторический писатель России, и все отмолчались…

Бондаренко: Наверное, также замалчивают нынче Василия Шукшина, Владимира Солоухина, того же Фёдора Абрамова. Хотят вычеркнуть из списка русскую национальную литературу. Почему-то именно славянская православная культура больше всего раздражает мировую закулису. Как дружно вся Европа налетела на Югославию,

которую так любил тот же Дмитрий Балашов. И кого они якобы защищали от сербов? Всё тех же исламских фундаменталистов, окопавшихся в Косово. По-моему, Европа сама уже давно не понимает, что творит. Аппетиты хищных американцев ещё можно понять, но зачем Европе нужны были бомбёжки Белграда? И почему наше российское руководство так дружно предало сербов, как бы не заметив этих бомбёжек, этого раздробления союзной нам Югославии?

Белов: Вкупе с Черномырдиным ещё и Олбрайт с Митковой тогда, помню, совсем обнаглели. Они готовы были бомбить и Вологду, и Москву… Во время одного из визитов своих на Балканы мне подарили стихотворный сборник поэта Дудича. Его биография весьма интересна. И я заразился переводами. Поднапрягшись, я перевёл сначала несколько строк, потом и несколько стихотворений. Если не возражаешь, я прочитаю один из переводов:

Дорогами предков, Отчизна, иди!
Обманет не ястреб, кукушка из леса.
Отринь, мой народ, обходные пути,
Отвергни призыв путеводного беса.
И Бог да спасает твоих удальцов,
Как это бывало уже не однажды,
Презри мудрость глупых и дурь мудрецов.
Предательский нож изнывает от жажды.
Последнюю жилу ему не проткнуть!
(У храброго труса задача такая.)
Но гром поднебесный не ищет свой путь,
В скалу пробивается нить золотая.
И витязи Косова, павшие ниц,
Встречая без страха орду чужеземцев,
Впервые узнали про доблесть убийц,
Г убивших твоих стариков и младенцев.
Мужайся! Хоть знамя в руке подлеца,
Вручающей вражьи медали,
В бандита она обратила борца,
Священника - в сборщика дани.

Хотелось перевести и стихи Радована, но до них у меня руки пока не дошли. Зато запомнились на всю жизнь две встречи с Радованом Караджичем, запомнилось и его общение с боевыми соратниками, такими, как лидер Сербской Краины, смелый и мужественный Мартич. У Югославии и Сербии эта область была отнята силой оружия. Да что говорить о лидере Краины Мартиче, если сам президент Милошевич был отнят у независимой страны тоже силой оружия… Помню, как в те дни, когда мы с ним, президентом Милошевичем, беседовали в его резиденции, прикатила в Сербию Татьяна Миткова. Немного прошло недель после того времени, как ООН приказала Карле дель Понте судить

президента независимой страны. И президента Милошевича, по сути, украли. За что? За то, что он, как мог, защищал достоинство и суверенность своего государства? Миткова, конечно же, содействовала, как могла, этому «демократическому» процессу…

Бондаренко: Мне тоже довелось один раз встречаться с Караджичем. Поэт, национальный герой. Он и внешне выглядит как герой, высокий, колоритный. Помню, он нам прочитал свои стихи на сербском. Он, к счастью, до сих пор неуловим для своих врагов, надеюсь, таким и останется. И в это же время, когда европейцы бомбили сербские города, самые лютые чеченские боевики, тот же Салман Радуев, проходили лечение в европейских центрах. Ещё раз скажу, для меня загадка, почему Европа поддерживает исламских террористов в Чечне, в Косово, во всех других горячих точках и в то же время так агрессивна к славянским православным странам?

Белов: Европа сама давно под влиянием мировой закулисы, ни в чём не может отказать той же Америке. В каком-то интервью я уже рассказывал, как мы прорывались сквозь обстрел в Сербскую Краину. Тогда Милошевич ещё правил всей Югославией, а теперь она повержена и раздроблена. Одна моя встреча с Радованом произошла на православную Пасху. После официальной встречи стояли мы в храмовой тесноте. Не записал я, кто служил литургию, и жалею. Чисто русское это свойство - жалеть об упущенной возможности. Поздно, теперь уже ничего не вернёшь. Может, и в Сербии больше не побывать, а «демократы», быть может, проникнут с танками не только в югославские города… Между Ельциным и Путиным нет разницы. В 1998 году через газету «Советская Россия» я писал Караджичу: «Дорогой наш друг Радован, держитесь и не сдавайтесь!» Но госпожа Олбрайт, единокровная госпоже Митковой, была безжалостна, хотя она и спаслась в войну именно в Югославии. Сербию НАТО хотело бомбами стереть с лица земли. Сербы отстояли свою свободу и спасли своих мужественных защитников Караджича и генерала Младича. Когда наша делегация побывала на местах жестоких боёв, мы поклонились могилам сербов и русских добровольцев. Так русские ли добровольцы предали сербов? Или Швыдкие с Митковыми?

Бондаренко: Вернёмся к литературе. Удалось ли тебе написать уже всё задуманное в прозе? Или многое остаётся нереализованным? О чём-то мечталось, что-то задумывалось, но так до рукописи дело не дошло?

Белов: У меня, Володя, нереализованного в своей публицистике политической почти не осталось. Всё вы с Прохановым и реализовали. Я читал долгие годы вашу газету «День», а потом «Завтра» от корки до корки. Сейчас я немножко сбавил свой темп, не всегда успеваю, но слежу по-прежнему. И твои статьи все читаю, и прохановские передовицы. Я во многом согласен с вами. Ну, а в прозе, конечно, планов было много. И сейчас ещё надеюсь кое-что довершить.

Бондаренко: Что, на твой взгляд, главное в русской душе?

Белов: Совестливость. И религиозность. Иначе не распознаешь Его.

Христианство - это и есть совестливость.

Бондаренко: Что же случилось с русской душой, когда почти весь народ стал атеистом, причём воинствующим?

Белов: Вот за это и страдаем мы до сих пор. Кара Господня. Не простил Он нам этот атеизм. И если не вернём свою душу, так и погибнем.

Бондаренко: Что же нам надо - смириться с этим наказанием в виде Чубайсов и Ельциных или бороться с ними?

Белов: Прежде всего нам надо жить. Значит, противостоять дурному. Почему не можем мы побороться за семью? Или за русских, нынче разбросанных по всем независимым республикам, лишённых всяческих прав?

Если говорить честно, я к Путину отношусь резко отрицательно. Чекист - он и есть чекист. Как губили русский народ, так и губят. И проснётся ли русский народ от спячки своей - не знаю.

Но мы обязаны будить. Я только этим и занимаюсь все годы. Всей прозой своей. Будить можно по-разному, за плечо трясти, за волосы дёргать. Ты ведь тоже максималист, Володя, подавай тебе пробуждение. А может, народу выспаться надо? Пусть ещё поспит немного. Накопится энергия. Во время сна он тоже растёт.

Бондаренко: Тебе исполняется семьдесят лет, можно уже подвести какие-то итоги?

Белов: Никогда не думал становиться знаменитым, ни о какой известности не думал. А вот и премии какие-то получил, книги выходят. Может, я даже лишка какого-то сделал в своей жизни. Никогда бы в молодости о таком подумать не мог.

Допустим, роман «Всё впереди» я даже не мечтал написать. А он сюжетный. Я сюжет очень ценю в прозе, это организующее начало. Если нет сильного сюжета, нет и прозы. Почему я занялся драматургией? Потому что люблю сюжет, действие, когда есть начало, середина и конец. Талант должен чувствовать сам слабину в своих сюжетах и выстраивать их. Я с Мишей Лобановым спорил много о политике, а он прочитал роман «Всё впереди» и написал очень хорошее письмо…

Бондаренко: Такому ортодоксу, как ты, наверное, пристало писать только ручкой? Или всё-таки на машинке печатаешь?

Белов: Только ручкой. А потом жена или сестра перепечатывают. Это не только магия, но ещё что-то, что трудно понять. Надо писать своей рукой. Мне необходимо непосредственное общение с бумагой, со словом. Когда каждая буква тобой написана. Та же буква «ё», за которую я всегда борюсь. Раньше не зря же писали перьями, и как писали. Всё лучшее в литературе всё-таки написано перьями. И нам уже такого никогда не написать. Начиная с Библии и заканчивая нашими великими классиками. Пушкин-то перьями писал. А Николай Гоголь переписывал свои произведения по девять раз теми же перьями. Есть его письмо

начинающему литератору. Первый раз написал всё, что задумал, и спрятал. И забыл на время. Потом прочитать снова, сделать пометки, исправления и вновь спрятать и забыть. Так до девяти раз. Я думаю, что сегодня ни Личутин, ни Распутин так не пишут. Белов тем более. Я, например, самое большое - переписывал только три раза. Пытался подражать Гоголю. Напишешь. Забудешь, а потом вновь переписываешь. Чаще хватало только до двух раз. Реже три. Легче стало, когда машинку купил. Жена перепечатает, и уже по тексту машинописному я правлю. Так получалось до трёх раз. А дальше уже бумаги жалко.

Бондаренко: Если уж ты заговорил о Николае Гоголе, то скажи, кто из русской классики тебе наиболее близок и эстетикой своей, и сюжетами, и языком?

Белов: Достоевского я долго-долго не мог читать. А Щедрина и сейчас не могу читать. Не лежит душа к Щедрину, и всё. С Фёдором Михайловичем так же было. Только спустя многие годы начал к нему привыкать. Любимое чтение у меня сейчас - Иоанн Златоуст. Отец Тихон подарил мне целую кипу Иоанна Златоуста. Такой замечательный писатель, ты бы знал. Ещё сейчас много читаю Игнатия Брянчанинова, моего земляка. Он такие вещи писал, какие современному человеку никогда не написать. Уже сознание другое, прохудилось.

Бондаренко: А в русской литературе XX века кого бы ты назвал из лучших?

Белов: Я не буду оригинальничать. Льва Толстого, я думаю, никто не переплюнул ещё. Он всё-таки застал XX век. Максима Горького тоже ценю. А из последних называют Солженицына, но у меня не лежит душа перечитывать его. Почему? Не знаю. Наверное, виновата политика. А вот Николая Лескова люблю читать. Даже Глеба Успенского люблю читать. Вот очень люблю американца Джона Стейнбека. Чрезвычайно сильный писатель. Близок нашей классике. Фолкнера тоже высоко ценю, великий писатель.

Бондаренко: А что бы делал сегодня в нашей жизни Иван Африканович? Или таких людей уже нет даже в деревне?

Белов: Нет, они есть. Думаю, что также старался бы выжить. И дух не потерял, если не спился бы только. Стреляться бы не стал. Суицид, стремление к самоубийству, кстати, русскому человеку не свойственно. Ты должен нести свой крест в жизни, какой бы она ни была. В любых условиях.

Бондаренко: Ты думаешь, христианство способно нынче спасти Россию?

Белов: Не только способно, но и обязано спасти - христианство в душах наших. Значит, мы сами обязаны… История России продолжается и сегодня. И литература наша русская продолжается. И нам надо делать сообща наше русское дело.

Бондаренко: Все наши читатели поздравляют тебя, Василий

Иванович, с юбилеем. Дай Бог тебе долголетия, успешной работы над книгой о Гаврилине, а там, глядишь, дальше и новые книги замыслишь. Что бы ты пожелал своим читателям?

Белов: Победить. Я не думаю, что возможно какое-то восстание. Если бы было возможно, то уже и случилось бы. Все данные к тому, чтобы восставать народу, есть. Но поскольку мы - христиане, мы соблюдаем христианскую этику. Если придёт война на Россию, я и в свои семьдесят лет пойду на войну. И как мой отец, погибну, может быть. Я молюсь за Россию каждый вечер и за свой русский народ, за родных и близких. Молюсь за спасение русских людей, за погибших в Чечне и по всей нашей стране.

«Наш современник», 2002, № 10.

Я верующий и грешный

В июне я оказался в служебной командировке в древнем и славном городе Вологде, отметившем своё 855-летие. Председатель Смоленского областного отделения Союза писателей России поэт Виктор Смирнов, много лет знакомый с Василием Беловым, сам позвонил Василию Ивановичу домой, в Вологду. Ответила жена Белова, Ольга Сергеевна. Сказала, что Василий Иванович находится на острове Валаам, но должен скоро приехать. Просила перезвонить. И наша встреча состоялась.

Василий БЕЛОВ. Да, я только что был на Валааме, в Спасо-Преображенском монастыре. Я там уже третий раз, гостил у архимандрита Панкратия. Какое великолепие - сам монастырь, которому уже несколько веков, природа вокруг монастыря. Это потрясающе! Даже подумываю о том, чтобы поселиться там навсегда. Почему я там был? Потому что я верующий человек. Верующий и грешный.

Николай ЧЕПУРНЫХ. В чем же грех ваш, Василий Иванович?

В.Б. Я был коммунистом, секретарём райкома комсомола, обычным человеком... А как к вере пришёл - долгий разговор это. Все русские - христиане, православные...

Н.Ч. А как живётся вашим землякам сегодня?

В.Б. Живётся очень плохо. Я не знаю, чем всё это кончится. Я не доверяю новым властям. Могут быть снова баррикады, такое ощущение. Понимаете?

Н.Ч. Но ведь чиновники говорят, что мы живём всё лучше и лучше...

В.Б. Да лгут они! Для того, чтобы удержаться у власти... Николай Николаевич, не буду я про них ничего говорить. Пусть делают, что хотят. Но всё кончится плохо. Боюсь, нас опять ждёт война.

Н.Ч. Гражданская?

В.Б. Я не знаю, какой она будет. Вот, какая война была в Ираке?

Н.Ч. По-моему, захватническая, несправедливая - со стороны

американцев.

В.Б. Совершенно правильно. Так вот, и нас хотят захватить. Только по-другому. Сколько населения уже умерло! И мы будем рабами у американцев, если власти так будут вести себя.

Н.Ч. Василий Иванович, в рассказе «Бобришный угор» вы пишете: «Я помню, как судьба вынудила мою мать уехать из деревни в город и как сразу страшен, тягостен стал для меня образ навсегда остывшей родимой печи… на наших глазах, быстро, один за другим потухают очаги нашей деревенской родины». Но ещё более, наверное, безрадостная картина складывается сегодня. Из 155 тысяч сёл и деревень в России 8 % совершенно пусты, а в 22 % живут десять и менее жителей. Как сказал поэт Виктор Смирнов в одном из стихотворений: «Деревня стала меньше, чем кладбище…»

В.Б. Ну, вот, видите, какая статистика угрожающая. А что дальше в этих условиях будет - неизвестно. Ведь служить - не то, что воевать - скоро будет некому.

Н.Ч. Ваш отец Иван Фёдорович сложил голову в Духовщинском районе в сентябре 1943 года - «вернулся-таки к земле, не к родной вологодской, а к смоленской, пусть будет она ему лебяжьим пухом». Вы были на Смоленщине. Отыскали-то могилу отца?

В.Б. Нет, не отыскал. Знаю, что он в одном из трёх мест лежит, а где точно - не ведаю. По моим данным, я об этом писал, первая могила была на берегу реки Царевич.

Н.Ч. Василий Иванович, не изменилось ли сегодня назначение писателя: «Звучать, как колокол, на башне вечевой во дни торжеств и бед народных», должен ли писатель по-прежнему «глаголом жечь сердца людей»?

В.Б. Безусловно! Назначение писателя в этом и состоит. Другое дело, что одни писатели имеют крепкий талант, у других он послабее, а третьи - и вовсе бездарны. Но тоже считают себя писателями.

Н.Ч. А ведь люди бездарных читают, вот в чем фокус. Они издаются огромными тиражами.

В.Б. Людям немного надо. Многие не задумываются о том, что имеет истинную ценность в жизни, а что - мнимую. Людей надо воспитывать - хорошими книгами, песнями, молитвами. Тем, может быть, и спасёмся.

Беседовал Николай Чепурных, «Завтра», 2003.

Отступать некуда!

С Василием Ивановичем Беловым мы встретились сразу после присуждения ему престижной литературной премии «Ясная Поляна» (в номинации «Современная классика» предпочтение было отдано его повести «Привычное дело», созданной почти сорок лет назад) и сразу после того, как он отметил свой очередной день рождения.

- Василий Иванович, во-первых, позвольте поздравить вас и с тем, и с другим событием… Оба они в вашей жизни весьма значимы. Авторитетное жюри, состоящее из известнейших писателей и литературоведов, официально и единодушно признало Белова классиком современности, премию вручал вам лично праправнук Льва Николаевича Толстого. Хотя наш «самый читающий народ в мире» и без того давно уже принял вас как именно СВОЕГО писателя. Да и 74-й день рождения - это своего рода рубеж, самый канун большого юбилея, время осмысления прожитого, подведения итогов…

- Я не бухгалтер, чтобы подводить какие-то итоги. Так же, как и «дальнейшие планы свои» никогда сам себе не строил… А насчёт осмысления… так оно у каждого человека, я думаю, постоянно происходит, независимо от каких-то дат и жизненных рубежей. Правда, сегодня время у нас, у всей России, особенно тяжёлое, переломное. Такое часто уже бывало: не одно, а много «смутных времён» пережила наша страна. И сейчас мы все переживаем очередную чёрную полосу нашей истории. Сидеть сложа руки (или наоборот - работать только на себя) в то время, когда твоей Родине, твоей матери плохо, я считаю недопустимым. Бездействие сегодня - самый тяжкий грех… Бороться за Россию нужно сегодня (ещё вчера и позавчера нужно было), чтобы не остаться завтра, как Саддам, без своего Ирака, в полной изоляции, резервации и неудельности…

Поэтому я приветствую и поддерживаю всё, подчёркиваю - ВСЕ методы борьбы за Россию. И проведение так называемых «Русских маршей», и воссоздание Союза Русского Народа, и организацию самых разных акций протеста, и многое другое. Это я ещё своему другу, скульптору Вячеславу Клыкову, не раз говорил. И то, что он как художник всеми силами участвовал в политике борьбы за Россию, я всегда приветствовал. Жаль, что его нет сейчас рядом с нами…

Меня очень беспокоит, что процесс прозрения у нашего народа слишком медленно происходит. Ну, неужели ещё не видно, что нам петлю набросила на шею эта либерадствующая Америка при помощи своей хитроумной экономической политики, удавочной по своей сути. И помогала Америке в этом её «пятая колонна» в нашей стране - перестройщики и реформаторы, все эти многочисленные экономические диверсанты…

В этой ситуации, я считаю, нужно объединяться всем: старым и молодым, рабочим и профессорам. Всем людям, неравнодушным к судьбе родной страны. И конечно, очень хотелось бы надеяться на молодых: не все же они рэп негритянский слушают да жвачку жуют, не все ещё ослепли от своих «звёзд» искусственных. Пускай прозревают побыстрее да спасают Родину свою. И почаще к опыту старших обращаются…

Все помнят, как совсем ещё недавно нам буквально навязывали фильмы и рассуждения на тему «Легко ли быть молодым?». Конечно, нелегко… А легко ли быть старым? А младенцем? А человеком среднего возраста? Зачем заострять внимание на проблемах какого-то одного

поколения, зачем вбивать клин между ними, нарочно ссорить их? Ведь у каждого возраста есть свои преимущества и свои проблемы. А народ-то у нас один. И все когда-то были молодыми, и все когда-то станут старыми…

- Василий Иванович, вас называют человеком, который одним из первых встал на защиту северных русских рек. Я имею в виду тот зловещий проект «переброски Двины в Каракум». Да и против засилья «чернухи» и псевдоюмора на телевидении вы часто выступаете. Уже и сами зрители, потребители всего этого телеварева, стонут: юмора там почти ноль - одни сплошные «гримаски-шоу»…

- С этим трудно не согласиться. Люди приходят уставшие с работы - и многие сразу тянутся к телевизору, расслабиться хотят. А оттуда на них такая пустозвонная чушь начинает выкатываться! Кривляются, гримасничают - и хотят, чтобы это людям нравилось…

Вообще, такое впечатление, что телевидением у нас заведуют не совсем душевноздоровые люди, безнравственные и развращённые. Они желают, чтобы весь народ опустился до уровня «героев» и персонажей этих бесчисленных телепередачек. Видимо, у них принцип такой, или задача перед ними такая поставлена: «развлекай и властвуй».

Что касается идеи поворота северных рек на юг, могу сказать только одно: это безумие нужно было остановить любой ценой. Но не я один вёл борьбу с этим «проектом века». Среди наших писателей были и Юрий Бондарев, и Сергей Залыгин, и Валентин Распутин, и многие другие - люди самых разных возрастов и профессий. Слава богу, это насилие над природой удалось предотвратить. Но, оказывается, эти «переброс чики» до сих пор не отказались от своих планов, и надеются всё-таки когда-нибудь их осуществить. Значит, борьба ещё не закончена. И значит, продолжать её вам, молодым…

- В нашем обществе сложились совершенно полярные мнения относительно событий, произошедших не так давно в карельском городе Кондопога. Кто-то поспешил увидеть в этом очередное проявление «русского шовинизма», а некоторые, наоборот, уже откровенно называют Кондопогу городом-героем. А как вы оцениваете эти события?

- То, что было в Кондопоге, ожидалось уже давно. И это ещё будет происходить не раз, в самых разных городах и посёлках российских. А что должен делать нормальный хозяин, когда в его дом приходят незваные гости и начинают хозяйничать? Ну, как можно осуждать этих карельских ребят, которые стихийно выступили против наглости и бесчинства мигрантов? Это вполне здоровая, нормальная реакция на бытовом уровне. Конечно, все эти межнациональные вопросы можно и нужно было решать политически. Но почему не решают?

И вот ведь, что ещё возмущает: когда наших русских соотечественников избивают или уничтожают где-нибудь в близком-дальнем зарубежье, журналисты почему-то не поднимают столько шума вокруг этого. А национально-бытовому конфликту в Карелии уделили чересчур много внимания. Но пусть лучше они ответят на вопрос: а как

ещё русский народ сможет сам себя защитить, если власти ничего не предпринимают законодательно?

- Василий Иванович, что хотите пожелать начинающемуся съезду русских людей в Москве?

- Я уже говорил, что всей душой приветствовал идею Славы Клыкова возродить Союз Русского Народа. Это вполне осознанный шаг. И необходимый. Мы давно уже на краю пропасти балансируем. Живут припеваючи и жируют лишь немногие выскочки и предатели. Народ же в массе своей попросту выживает. И пора уже русским людям самим определять свою судьбу и судьбу своей Родины.

Не ждать, что там за нас решат наши кремлёвские властители, что подскажет бандитская Америка со своей винегретной ООН, а самим идти своей дорогой...

В первую очередь деревню надо спасать и возрождать. И сегодня не нужно кому-то доказывать её перспективность. Ну, какая Россия без деревни? Нашу страну хоть и называли в древности Гардарикой, Страной городов, но всё же я точно знаю: по большей части она была аграрным государством. Огромные территории России осваивались и обрабатывались именно сельскими жителями. Деревня своим чистым продуктом всю страну снабжала, а сегодня нас пытаются закормить всякой американской химией, да ещё и рекламируют её нагло по телевизору.

Желаю русским людям только одного - скорейшего объединения. Сколько было за эти годы разных патриотических партий и союзов. А языка общего не могли найти, междоусобную грызню каждый раз затевали. Не надо выяснять, кто первее и главнее в деле Возрождения. Каждый - первый, каждый - главный, от каждого что-то зависит. Только сообща мы сможем помочь нашей Родине.

Поэтому лично я возлагаю большие надежды на возрождённый Союз Русского Народа.

А его руководителя - генерала Ивашова - давно уже знаю и ценю как подлинного Русского Патриота. И желаю, чтобы эта организация стала настоящим Союзом - штабом народным, выразителем интересов народа и защитником его...

«Русский вестник», 2007.

Часть третья. Соприкосновение с прошлым

Дважды в году - весна...

Моё первое приобщение к истории и культуре древнего мира было весьма несчастливым. Конечно, ощущение несчастья пришло только теперь, спустя тридцать семь лет. Тогда же, в первой половине, в середине да и в конце сороковых, будучи голодными и полураздетыми, мы и не подозревали о несчастьях подобного толка. Можно ли говорить об этом во множественном числе? Почти все мои школьные сверстники, словно бы подражая отцам и старшим братьям, не дожили до своего даже сорокалетнего рубежа.

Историю древнего мира вела у нас сама директор (или директриса?) Ф. П. Замыслова. Была она очень высокая, неуклюжая, ходила с какой-то странной мужской перевалочкой. Стриглась под польку, но гребёнка постоянно торчала над её белым детским затылочком, круглые добрые глаза очень не соответствовали головному убору - не бабьему платку и не дамской шляпке, нет. Она носила какую-то шапку, что-то среднее между монашеской камилавкой и солдатской папахой. Почему в 1944 году она учила нас именно древней истории? Всё просто. В 20-е и даже ещё раньше, вместе с другими явлениями кооперативного движения, во множестве появились эти поистине ренессансные типы, которые умели работать всюду, куда бы их ни поставили. Причём и работали вовсе не плохо. (Кооператор тогдашних времён считал торговлю делом попутным, главным для него было просветительство, культурное и экономическое.) Фауста Парменовна как раз и была из этого почти исчезнувшего к началу войны кооперативного племени. Она одинаково добросовестно трудилась и директором школы, и директором маслозавода, и председателем сельпо, и секретарём сельсовета. Преподавая нам историю Эллады и Древнего Рима, она мелким, ровным, изящным почерком переписывала в общую тетрадь страницы из учебника, пропуская места, набранные петитом. На уроке она с той же тщательностью зачитывала эти записи нам. (Для меня это обстоятельство стало главной причиной пожизненного отвращения ко всякому конспектированию.) Запомнилось: Фауста Парменовна почему-то с особым удовольствием пользовалась словом «изящный». Она произносила его с твёрдым разделением, получалось изъяшный. До войны на Севере пекли пироги не только из пшеничной муки, но и из яшной (ячневой), и я помню, как всегда при этом слове во рту скапливалась слюна...

Странно, но все римские императоры и полководцы до сих пор представляются мне слепыми, ведь в учебнике печатались только скульптурные изображения. Искушение дополнить рисунки было настолько сильным, что я, несмотря на жесточайший запрет чёркать в книгах, постепенно дорисовал зрачки Зевсу, Периклу и Александру Македонскому. Из римлян этой чести удостоились, кажется, только Сулла и Нерон, поскольку меня лишили учебника и передали более

бережливому. Позднее я узнал, что древние греки раскрашивали скульптуры. Если это действительно так, то какого же цвета были глаза у мраморного Гомера?

…Обо всём этом я и думаю, поджидая аэрофлотовский завтрак, с помощью которого легче привыкнуть к нудному гулу двигателей, к тесноте, к самолётным курильщикам.

Аэрофлот не экономит пока на завтраках, если летишь во Владивосток или за границу. Но меня слегка покоробило то обстоятельство, что места в самолёте, летящем не куда-нибудь, а в Рим, можно занимать любые, какие вздумается. Не поэтому ли у трапа образовалась толкучка? На лицах многих мужчин явственно отражалось борение сил (локти в любую секунду могли выйти из-под контроля интеллигентности). Да что говорить, был момент и у тебя самого, когда так и подмывало осадить таранную даму, обошедшую тебя в очереди, либо сказать вежливую колкость мужчине, который по-дамски же игнорирует твои пассажирские права и даже само твоё существование.

Обиды такого масштаба исчезли, стоило лишь ступить на трап. Я с детским телячьим восторгом занял место у иллюминатора. Интересно, кому первому из рационалистов пришло в голову беспричинный восторг назвать ни больше ни меньше как телячьим? Бедняге некогда было думать над менее циничным термином. Ничто в мире не может существовать беспричинно - скажет просвещённый читатель, то есть тот самый учёный человек, кому заранее всё известно и о котором А. И. Герцен говорит: «.. Но я уверен, что со временем ясно докажут, что прилагательное «учёный» уничтожает существительное «человек».

Не знаю, что сказать о причинности, а также о взаимных отношениях человечности и учёности. Разглядывая с высоты девяти километров коричневые балканские разветвления и голубые адриатические полотнища, я вновь переживаю восторг детства, снова живу чем-то подобным, таким же голубым, но не морским, а небесным, таким же золотистым, только не таким объяснимым.

Восторг исчезает, когда начинают его объяснять. Я могу лишь раствориться в нём, в этом весеннем утре, ещё перечислить то, что его составляет, да ведь даже и не перечислишь всего. Врезалась в сердечную память молодая, ещё не седая от горя мама, весёлый отец, братья и сёстры, непостижимо большое синее небо, поющие вокруг петухи, крики сверстников, синие омута нашей речки, трава, вкусные пироги, новая красная ластиковая рубашка. Сотни, тысячи других ощущений… И всё это объединялось одним беспричинным восторгом.

Богаче ли становится жизнь, понемножечку исключающая, ну, такие, к примеру, душевные состояния, как ревность? Или стыд? Продолжать перечисление явно ни к чему, хотя бы потому, что каждым даже из двух этих слов обозначено слишком много. Между тем они, эти и подобные им слова, исчезают. Они куда-то прячутся, причём не только в журналистике и литературе. Силовое поле современной обстановки выталкивает их как

чужеродные, многим из нас они кажутся какими-то неуместными и едва ли не ретроградными. О каком там стыде или ревности можно всерьёз толковать в наш прекрасный ядерный век? Заметьте - ядерный. Ни больше ни меньше - ядерный - и баста, и толковать вроде бы не о чем. Глобальность понятия (век, да ещё ядерный) как бы снимает с человека тяжесть личной ответственности, освобождает его от мелочей типа стыда, совести и т. д. А может быть, такие слова уходят из языка добровольно, просто уступая место своим синонимам? Но тогда где они - эти синонимы?

Язык вообще явление удивительное, неисчерпаемое и непонятное. Вот скажешь что-то, подумаешь - и вдруг обнаружится нечто такое, что и в мыслях у тебя не было. Личная ответственность, например. А бывает ли вообще ответственность не личная, то есть коллективная? При ближайшем знакомстве с термином обнаруживается, что коллективную ответственность нельзя назвать ответственностью. Это что-то уже иное. Совесть, ревность, стыд также могут быть только личными, как и восторг.

Но... опять же где уж, о каком толковать восторге, если на дворе 20-й, то бишь ядерный век? Иногда я, боясь обвинений в ретроградстве, чувствую, как становлюсь технократом. При этом из памяти моей каким-то особым способом испаряется тот факт, что до нас-то ведь тоже был век - «век моторов» (называли его и веком электричества). И каждое из этих названий представлялось человеку тоже глобальным, стремительным и как бы оправдывающим нравственное бесстыдство.

По-видимому, технический прогресс всегда завораживает, вызывает восторг. Иное дело - какой и надолго ли? Изобретением способов вертикального взлёта не подменишь душевного взлёта. НТР, о которой журналисты прожужжали нам все уши, вполне в этом смысле достойна своих соседей по звучности, таких, как ИТР, ПТР и т. д. Размышляя о прогрессе, люди нередко подменяют понятия, делая вид, что духовный прогресс и технический - это одно и то же. Конечно, то, что за неделю-две можно побывать во всех европейских столицах, на первый взгляд представляется грандиозным достижением человечества. В детстве я даже и не мечтал о том, что увижу когда-нибудь Париж и Варшаву, Лондон и Рим, Хельсинки и Стокгольм. Всё это было вполне несбыточным, фантастическим. И, тем не менее, всё это произошло, произошло не во сне и не в грёзах, а наяву. Счастлив ли я от этого и почему не ощущаю этого самого счастья, если счастлив?

Ведь А. С. Пушкин, например, нигде дальше нынешней Молдавии не бывал. С другой стороны, современному поэту, объехавшему, по его словам, более сорока стран, никогда не бывать Пушкиным... Может быть, одна поездка в сологубовском тарантасе дала бы больше, чем все мои стремительные облёты. Не знаю. Так или иначе, я хочу, чтобы навигационные приборы действовали безотказно, чтобы шасси были вовремя выпущены при посадке...

Синего Адриатического моря хватило лишь на то, чтобы позавтракать, а чтобы пересечь знаменитый Апеннинский хребет,

потребовались считаные минуты. Зелёная равнина Кампаньи встретила нас теплом и ощущением первой весны. Но техника, призванная экономить наше время, и тут встаёт непреодолимой преградой между человеком и окружающей его действительностью. Мы даже не успеваем запомнить пейзаж, не говоря уж о том, чтобы полюбоваться, вникнуть, приобщиться, подышать воздухом знаменитой равнины.

Машина стремительно мчится к Вечному городу. От Кампаньи осталось лишь ощущение зелени и синевы далёких гор. Запомнились и слоистые, как бы плавающие кроны пиний да полузаброшенные одинокие виллы среди прекрасно обработанных ровных зелёных полей. И вот мы уже огибаем нечто несуразное, видим нелепую картину, не вмещающуюся в прекрасную природную раму. На нашем пути обширное кладбище автомобилей... Апофеоз железной смерти - финиш технического буйства. Тысячи мёртвых автомобилей - иные на взгляд совсем ещё целые, как бы недоиспользованные, навалены были в безобразные железные кучи, напоминая чем-то другие, только более жуткие рвы, снятые документальным кино. Я уже видел нечто подобное и раньше, например, в Англии, да и на родной Вологодчине уже появляются подобные кладбища из тракторов и комбайнов. Но почему-то именно здесь, при въезде в Рим, меня особенно поразили эти павшие «шевроле», «мерседесы», «кадиллаки», «бенцы» и всякие «бьюики». Да, кажется, и наша «Лада», пусть и не во множестве экземпляров, но тоже сподобилась подобного финала. Я попытался представить, сколько же было затрачено времени, руды, интеллектуальной энергии, каучука, терпения, нефти, пота, сколько было мозолей и ссадин на руках человеческих, чтобы создать всю эту бездну железных, ныне бездыханных существ. И у меня ничего не вышло...

Собор Св. Павла, мелькнувший на пути к центру Рима, ещё больше запутал мои несвоевременные размышления.

* * *

Лет десять-пятнадцать назад какие-то странные типы интеллигентного вида целыми контейнерами вывозили из Вологды старинную мебель, книги и утварь. Такие же, только менее интеллигентные, ходили по деревням, проникали в нежилые дома, обдирали киоты и даже силой отнимали иконы у одиноких старух. Не будем подсчитывать, сколько этих икон перекочевало ныне на Запад. Помню, пожилая женщина, вологодская посредница этих «искусствоведов», предложила мне старую керосиновую лампу, самовар и трёхтомник энциклопедии Битнера. Это были жалкие остатки того, что увозилось контейнерами и что не стали сплавлять из Вологды. Я купил трёхтомник, предоставив лампу и самовар их дальнейшей судьбе. Изданная в 1909 году с множеством превосходных рисунков, энциклопедия была вполне уникальна, и я до сих пор удивляюсь, почему трёхтомник не угодил в руки заезжего книжного спекулянта. Перед отъездом в Италию я открыл страницу с терминами на букву «Р». О Риме сообщалось: «Город открыл свои двери всяким беглецам, и вскоре

благодаря успешным войнам Рим присоединил к своим владениям окрестные латинские города».

Итак, я в Риме, который, если верить энциклопедии, возвысился благодаря «всяким беглецам»… Даже не верится. С первых же минут пребывания в Вечном городе вспоминается фамусовское изречение о календарях. Ничего, вернее, почти ничего не остаётся от прежних представлений, основанных на книжных и прочих знаниях. Всё, оказывается, намного проще, прекраснее, как бы роднее и беззащитнее. Менее грандиозным представился Колизей, совсем нешироким оказался Тибр, не таким высоким купол собора Петра. Ощущение величия удивительных памятников приходит позднее, когда начисто отрешишься от «размерного» восприятия, когда вникнешь в духовную суть их созидателей и, самое главное, освободишься от хронолого-эстетической путаницы, неустанно создаваемой учёными модернистами.

Но что же это за «размерное» восприятие? Оно представляется мне признаком (разумеется, не единственным) неразвитого вкуса, помогающим замораживанию первоначальных художественных возможностей, признаком количественного подхода к искусству. Как нравственно ограниченный человек ошибочно принимает технический прогресс за прогресс вообще, так и ограниченный эстетически частенько путает художественность с грандиозностью. Впрочем, хорошо развитое чувство прекрасного подразумевает обычно и высокую нравственность.

Самое, самое… Рекорды, занесённые в злополучную книгу, как нельзя лучше иллюстрируют эстетическую тупость тщеславия. Где-то совсем рядышком с такими явлениями стоит самая грандиозная скульптура и самая мизерная миниатюра, барельефы на скалах и города в спичечном коробке. Сверхвеличина, как и сверхмизерность, не оплодотворённые духом художественности, поражают, но не волнуют. Они назойливо лезут на первый план, заслоняя собой подлинную красоту. Вспомним, что большинство прекрасных, например, Ленинградских ансамблей составлены всего из трёх- и четырёхэтажных строений. Древние статуэтки, умещающиеся за стёклами обычных витрин, вполне успешно соперничают со скульптурами громадных мемориалов, похожих на крепости, на которые некоторые государства не жалеют цемента. Но бездарность или посредственность не заменить никакими бетонными монолитами. И если гипертрофированные размеры только усугубляют художественную несостоятельность бездарных произведений, то подлинному искусству они, наоборот, помогают, усиливая их и без того жуткую непостижимость.

В этом убеждаешься тотчас при входе в собор Петра. Размеры его можно ощутить только либо издалека, либо изнутри, поскольку их скрадывают более поздняя колоннада Бернини и портик Мадерно. Собор строили несколько архитекторов. Для каждого из них важнее размеров была соразмерность, то есть соответствие частей, единство целого.

Иначе бы собор не существовал в настоящем виде, вернее, не был бы достроен Микеланджело. Уже на склоне лет, после многих поистине

титанических трудов и подвигов, свершённых во имя божественного искусства, он связал свою судьбу с этим собором. Душа великого флорентийца, вероятно, страдала при виде начатого, едва продвигавшегося строительства: он боялся, что деньги, отпущенные на сооружение, разворуют, и гениальный замысел Браманте погибнет невоплощенным. Он спешил, боясь умереть прежде, чем собор не приобрёл основных пропорций. После этого сооружение было бы уже невозможно испортить. В отличие от Леонардо - своего старшего по возрасту земляка - Буонарроти редко оставлял что-либо незавершённым. Он всегда мужественно стремился к законченности и совершенству. Но ему не было суждено физически достроить собор. И всё же, умирая, художник наверняка знал, что творение уже существует.

Говорят, что Микеланджело, особенно в конце жизни, воплощал кризис Высокого Возрождения, мировоззрение его называют мрачным и трагически безысходным. Побольше бы человечеству таких кризисов! Что касается мрачности или безысходности, то я, например, не ощутил ни того, ни другого: ни в соборе Петра, ни в Сикстинской капелле, ни во Флоренции. Даже при чтении его сонетов, несмотря на косноязычие перевода, чувствуется сила и мощь не подвластного никаким рефлексиям духа, не сокрушённая страданиями и потерями цельность. И тем более не было свойственно этому художнику «...добровольное, постоянное и, так сказать, одушевлённое стремление к умышленному раздвоению внутреннего самосознания», которое, по словам И. В. Киреевского, «расщепляет самый корень душевных сил». Последствия же подобного расщепления вполне определённы: «...разум обращается в умную хитрость, сердечное чувство - в слепую страсть, красота - в мечту, истина - в мнение; наука - в силлогизм; существенность - в предлог к воображению; добродетель - в самодовольство, а театральность является неотвязною спутницей жизни, внешнею прикрышкою лжи, - как мечтательность служит ей внутреннею маскою».

Какая же безысходность, если каждое (каждое!) произведение Микеланджело гениально, если оно возвышает, будит не одну, а целый рой мыслей, наконец - вызывает просто восторг и радость?!

Конечно, трудно быть радостным и снова испытать душевный восторг, когда за плечами почти полвека и позади столько потерь, невзгод, недостойных, свершённых пусть даже и по глупости дел... И всё же радостный восторг возможен в любом возрасте. По-видимому, великое искусство может вызвать его даже в дряхлом сердце, даже в утомлённой душе, отравленной засасывающей повседневностью. Но что или кто мешает нам хотя бы периодически вылезать из трясины? Ведь для этого вовсе не обязательно ехать в Италию... Здесь, в Ватикане, в центре всего католического мира, я вдруг вспомнил, что до сих пор не побывал на тихой Нерли, что Эрмитаж посетил не более пяти или шести раз за всю жизнь. Вспомнил, что фрески великого Дионисия всего в двух часах езды, что Софийский собор в десяти минутах ходьбы от дома.

Наверное, совсем не напрасно архитектуру называют матерью всех

искусств: только она может так беззаветно, так безоглядно воссоединять два разделённые человеком начала, помирить два, на первый взгляд, враждующих мира. Только в ней, в архитектуре, неразрывны, неразъединимы духовное и материальное, вневременно-идеальное и сиюминутно-земное. И разве не архитектура через фрески и через гармонию линий вдохнула жизнь в живопись и в графику, разве не она ещё в античную пору так по-матерински приголубила скульптуру и ужилась с музыкой? Гармония объёмов и масс, линий и площадей доступна любому нормальному человеку, и любой не очень искушённый в этих делах человек смутно ощутит несоответствие. Вовсе не обязательно давать название этому смутному чувству неудовлетворённости или неловкости, объяснять и расшифровывать то, чем эта неловкость вызвана. Достаточно просто сказать, что произведение несовершенно…

Человек, вошедший в собор Петра, двигаясь к подкупольному пространству, боковым зрением, затылком, неизвестно чем, ощущает как раз соответствие этих мощных в своей красоте архитектурных форм. Интересно, что архитектурный гений, его первоначальный художественный размах заставляет и позднейших творцов подтягиваться до его уровня, не позволяя им делать лишнее или мелочное. Впрочем, декоративное оформление собора, особенно верхней его части, так многокрасочно, так богато и празднично, что живёт уже само по себе, помимо архитектуры. Оно, это убранство, в своём живописном восторге словно бы по-детски нетерпеливо забегает вперёд, и архитектура с материнской снисходительностью разрешает ему это…

Впрочем, она же достаточно строга, если не жестока ко всему тому, что в своём несоответствии не поспевает за ней. Так, балдахин Бернини, сооружённый как раз под самым куполом, похож на какого-то странного, случайно попавшего сюда, чужака. Ещё нелепее выглядит апсидный в стиле барокко престол, хотя в другом месте он, наверное, воспринимался бы как удивительное произведение. Здесь же автора прекрасной четырехрядной колоннады вокруг соборной площади, той самой, что так гармонично сочетается с творением Браманте - Микеланджело, по-видимому, покинуло стилевое чутьё… При выходе на площадь величественные радужные полукружья и подкупольный соборный свет ещё долго заслоняет от вас пестроту ватиканских туристов и весеннюю зелень.

* * *

Рим выглядит как город после бомбёжки, так много в нём прекрасных и чтимых всеми людьми развалин. (В черте города ничего не разрешается строить и даже ремонтировать без определённой научной и художественной подготовки.) Почему Н. В. Гоголь так любил этот город, в чем для него было главное очарование? Может быть, за отсутствие готики с её рационализмом и аскетической сухостью? Или за известное сходство итальянского национального характера с русским? Неизвестно. Посягательство не на каждую тайну уживается с нормальным нравственным чувством, праздное любопытство так же безжизненно, как

и праздное слово, праздное время. То, что великий писатель был восхищён Римом, ясно видно хотя бы из его не очень удачного очерка. Может быть, от невыразимости этого очарования автор не устерёг меру своего восторга, почувствовал это и не закончил рукопись. Проза эта среди других гоголевских произведений выглядит примерно так же, как апсидный престол Бернини в соборе Петра…

У современной, одетой в джинсы Аннунциаты трудненько заметить «оживлённый античный мрамор», но «гибкость пантеры» заметить можно. Нечто хищное особенно чувствуется у двух-трёх крикливых девиц, которые, бросаясь то влево, то вправо, суетливо машут руками, шныряют на площади напротив белоснежного дворца Виктора-Эммануила. Вооружённые довольно мощными портативными усилителями, они истерически призывают итальянцев к свободе разводов и узаконению абортов. Аборт по католическим понятиям всё ещё считается убийством, а девицы с микрофонами не хотят быть убийцами. Кажется, никто, кроме приезжих, не слушает их галочьих криков…

Гид показал нам балкон, с которого сорок лет назад вещал Муссолини. Место, где он, уже будучи мёртвым, был повешен вниз головой, тоже считается историческим. Что-то протестует в душе, когда сразу после имени Цезаря произносится имя дуче. Неловко становится и тогда, когда «голубую» балерину Пикассо называют в одном ряду с рафаэлевской Сикстинской мадонной. Можно ли всё это считать случайностью, безобидной логической ошибкой? Смотря где, как и, главное, кто говорит. Гиду, конечно, можно простить, у него нет времени логично выстраивать информацию. А как быть с почтенным профессором, неспешно сочиняющим в тиши кабинета? Или с умнейшим критиком, который в ряду прекрасных поэтов как бы само собой разумеющегося подсунет вам вдруг посредственного авангардиста? То же самое происходит, когда иная газета одинаково крупным шрифтом сообщает и о возмущённых антивоенных возгласах, и о галочьих криках девиц, призывающих к свободе от семьи и от брака.

Впрочем, если составлять список всех римских правителей, то Муссолини отнюдь не будет в нём лишний. Говоря о достоинствах великого города, трудно забыть и о его языческих и христианских грехах. Повсюду знакомые по книгам и фотографиям исторические здания, руины построек. На месте форума тут и там остатки колонн, обломки капителей, подножья и постаменты. Под ногами хрустят частицы древних сооружений, разрушенных в основном рукой человека. Чего только не слышится в треске античного мрамора!

Словно обесцвеченная веками кровь гладиаторов, сочится влага среди подвальных камней Колизея. Приглушённый шум автомобилей на ближних улицах похож, может быть, на шорох одежд многотысячной древнеримской толпы, и я чувствую, как приходит понимание прошедшего. Но душа очень многое не прощает Риму. Может, потом когда-нибудь и переменятся мои мысли… Сейчас же мне особенно неприятно латинское аристократическое пижонство, связанное с

презрением к земледельческому труду. Не знаю, как в современной Италии, но во многих других местах оно в целости и сохранности дошло до наших времён. Когда-то на человека, который обрабатывал землю, поглядывали свысока даже римские проститутки. Гордились своими занятиями профессиональные разбойники и наследственные торговцы. Военные и служители культа также считали своё дело более благородным.

«Тиберий Гракх задался целью избавить государство от грозивших ему бедствий. Он считал, что лучшим средством для этого было бы восстановление исчезнувшего класса мелких землевладельцев». Так говорится в одном из учебников по истории древнего мира. Но этот дальновидный патриций, всерьёз думавший о будущем государства, был жестоко убит вместе с братом и всеми сторонниками. Женщинам даже не позволили оплакать и похоронить погибших. За голову Тиберия Гракха было обещано столько золота, сколько она весит. Какой-то благородный прохвост отыскал тело, отделил голову от трупа, заменил мозг крестьянского заступника свинцом и положил на чашу весов.

Традиция обогащения за счёт чужих мозгов, к стыду нашему и сожалению, не исчезла и в наше время. Но у меня нет сейчас настроения говорить о плагиате и воровстве…

Как мало оставляет за собой течение истории, если из его отложений каким-нибудь способом вычесть искусство! Может быть, Н. В. Гоголь ещё и потому любил этот город, что здесь как на ладони видна вся человеческая культура, начиная от египтян (если не от шумеров) и кончая современностью. В Риме всё и вся встаёт на свои места. Разрозненные и путаные представления о развитии искусства приобретают здесь лад и стройность. Исчезают зияющие эстетические провалы (лакуны, как говорят в учёной среде), обнажается неестественность надуманных стыков. Приходит, наконец, ясное ощущение непрерываемости культурной традиции. Вечная новизна античности, о которой так много был наслышан, становится определённой и образной. И лишь после всего этого в сознании чётко вырисовывается убожество модернизма.

Вестибюль второразрядной гостиницы, где мы переводим дух после торопливых хождений по Риму, обставлен удобной мебелью. Украшение его составляет превосходно инкрустированный столик, довольно симпатичная, хотя и излишне сентиментальная картина и… сварное чугунное сооружение, символизирующее неизвестно что, скорее всего само себя. Такая последовательность - превосходный стол в стиле барокко, маньеристская картина и абстрактное чугунное сооружение - вызывает не только улыбку. Поджидая спутников по делегации, я вспомнил две свои поездки во Францию. Лувр, так же как Эрмитаж или Ватиканский музей, не любит скороходов-туристов. Он равнодушно и, как мне показалось, хмуро слушал сдержанный вавилонский шум и гул многоязычной толпы, терпел духоту от её многотысячного дыхания. Наверное, добрая половина людей пришла сюда лишь по модной необходимости. Но можно ли за это осуждать людей? Измученный

толкотнёй и оскорбительным ощущением недостатка времени, я протолкнулся в залу, где господствовала ехидная улыбочка Моны Лизы. Картина слегка разочаровала. Гораздо сильнее подействовала на меня одна мадонна в том же зале. Но я не запомнил имени художника. Такая же толкучка стояла внизу, около Венеры, вернее, Афродиты Милосской. Обнажённая до самых бёдер и как бы стыдясь того, что она безрукая и не может прикрыть наготу, она вполуоборот, спокойно и целомудренно смотрела поверх туристских голов. Казалось, что вода ещё стекает с завитков, не попавших в узел волос, а крохотная складка между правым предплечьем и основанием по-юношески недоразвитой груди тотчас расправится, стоит Афродите сделать движение рукой.

Но волосы не обсыхают и складки не исчезают вот уже третье тысячелетие.

Нику Самофракийскую видно было значительно лучше, но она не вызывала чувства земного присутствия, может быть потому, что улетала, пыталась исчезнуть.

Лувр закрывался через двадцать минут. К сожалению, даже подобные обстоятельства не учат нас беречь время, которое тратится и коверкается человеком так же безжалостно, как и окружающая среда. Больше того, иногда мы покушаемся даже на последовательность минувшего. Шли упорные слухи о том, чтобы экспозицию Лувра, основанную на этой последовательности, заменить другой, отвечающей так называемому стилевому принципу размещения. Не знаю, проведена ли в жизнь идея такого содомского (иначе не назовёшь) размещения луврских произведений, но в богатом обширном здании абстрактного искусства, наоборот, принцип временной последовательности использован был в явном излишестве. Игнорируя существование музея импрессионистов, экспозиция абстрактного музея в Париже начинается именно с них. Доказывается естественность, неумолимость, что ли, перехода от импрессионизма к абстракционизму, от реализма к модернизму. Экспозиция внушает зрителю ту мысль, что абстракционизм такое же жизненное явление, как импрессионизм. Увы, не такое. Мёртвую схему давних и новейших «гениев» не оживят ни перекидные мостики, ни амортизирующие прокладки. Жалкие потуги абстракционизма стать законным преемником классического наследия ничем не кончаются, они только лишний раз обнажают его творческую несостоятельность.

Вообще-то с ним, то есть абстракционизмом, лучше не связываться. Бороться или упрекать здесь бесполезно. Модернисты всегда, словно щитом, прикрываются благотворной необходимостью новаторства, они всегда и кого угодно сумеют обвинить в отсталости и ретроградском мышлении. Одно лишь время способно с ними тягаться. И оно до неприличия расшвыривает и поглощает их, подобно Хроносу, пожирающему своих детей…

Пока вспоминался Париж, прошла усталость в ногах, вновь нахлынула жажда общения с Римом, которое, согласитесь, достаётся не каждому и не часто. Вот он, этот город, рядом, за дверью гостиницы. Триста шагов -

и ты увидишь термы Веспасиана...

Не дождавшись своих строгих друзей, я возвратил портье ключ от номера.

* * *

Есть нечто унижающее человека в этой его вечной спешке, в планировании каждой минуты, в торопливости, будто бы экономящей время. Вспоминается пословица «тише едешь - дальше будешь». Один или два дня в Риме? Курам на смех... На Флоренцию нам отпущено и того меньше. Даже не хочется ехать. Мы проведём там всего три-четыре часа, вернёмся и умчимся на Сицилию. Собрания и диспуты преследуют всюду, аж за кордоном. К тому ж ещё эти магазины... Сколько раз я зарекался не тратить время на покупки и сувениры! И ничего не выходит. И так велик, так неприятен контраст между музеем и магазином, так противоестественны их сочетания. Теперь же, спустя несколько месяцев, я каюсь, что побрезговал сувенирным киоском и не купил флорентийский альбом. Вспоминаю, пытаюсь представить город с красноватыми кровлями, город, который в одиночку породил и подарил человечеству столько гениальных людей.

Не знаю, как в других странах, но у нас, пожалуй, никто из них, кроме, может быть, Леонардо да Винчи, ещё не оценён по достоинству. Массовому читателю и массовому зрителю почти ничего не известно о Флоренции, например, дантовского периода. Учёные люди не знают, в какую графу поставить Савонаролу: с одной стороны, вроде бы обличитель, с другой - как будто религиозный фанатик. Не лучше ли промолчать? С Макиавелли - та же история, а о Марсилио Фичино толкуют лишь узкие спецы, да и то больше между собой. Субъективизм, который так не любят в интеллектуальной среде, то и дело высовывает свои уши, торчат они и на Западе: из многотомных исследований, эссе и романов. Гений Савонаролы, к примеру, давно ошельмован многими западными знатоками истории.

Как-то на день рождения сестра подарила мне роскошный альбом. Это была книга Бруно Нардини «Жизнь Леонардо», книга с превосходными иллюстрациями и кадрами из многосерийного итальянского фильма. Автор во многих местах почему-то настойчиво твердит о физической красоте Леонардо, о его благородстве и пристрастии к роскошной одежде. В книге целая глава посвящена «ревнивому чувству Микеланджело». «Леонардо воплощал в своём творчестве золотую пору гуманизма, - говорит Нардини, - всё в нём было гармоничным: красота, королевская горделивость, чудесные одежды, свита учеников. Микеланджело, наоборот, воплощал кризис гуманизма, противоборство демонического начала с божественным, протест против мудрости, борьбу с любым проявлением дружеской терпимости. Микеланджело было тогда всего двадцать шесть лет. Невысокий, с гривой чёрных спутанных волос на большой голове, он смотрел на всех возбуждёнными, горящими глазами, одевался плохо, был завистливым и раздражительным, не имел ни друзей, ни учеников». Так пишет наш

современник, итальянец, в книге, переведённой и роскошно изданной издательством «Планета» двадцатидвухтысячным тиражом. (По западным понятиям, тираж для такого рода литературы действительно грандиозный.) Гениальный художник не может даже и в малой мере рассчитывать на свою мало-мальски объективную биографию, поскольку гениальный художник и его биограф обычно разномасштабны.

Какую же нужно иметь самонадеянность, чтобы, подобно Мережковскому, осмелиться описать встречу Леонардо и Микеланджело! Причём Буонарроти почему-то и здесь показан с нескрываемым авторским раздражением. Мережковскому известно откуда-то, что у героя «оттопыренные уши и клочковатая козлиная борода», автор знает даже, что произнесла Мона Лиза о Микеланджело, позируя Леонардо. Мережковскому известно откуда-то, что Микеланджело не любит «тишины, в которой господь», что он «вечный бунтарь» и т. д. Вначале говорят о «драме жизни», об «отсутствии гармонии и неистовстве», затем всё это преподносят как давно исторически доказанный факт. И только после того развивают собственные теории, как это делает в своём романе другой, более известный автор. Однако же писать роман, а не документальную биографию о художнике масштаба Микеланджело - ещё опаснее. По моему глубокому убеждению, право на подобную смелость имеет только художник, если не превышающий, то хотя бы равный своему герою по духу и по таланту. И роман этот должен быть написан так, чтобы по своему художественному достоинству не уступал хотя бы одному из произведений, принадлежащих описываемому лицу. Да и то ещё неизвестно, как посмотрел бы читатель на такой роман о Микеланджело, если хотя бы раз в жизни взглянул хотя бы на одну потолочную фреску Сикстинской капеллы…

Нет, поистине безмерна человеческая самонадеянность. И, может быть, с неё, с этой безмерности, с этой не оправданной природными способностями смелости и начинается безответственное деяние. Чем иначе объяснить это более чем вольное обращение хотя бы с классикой. Перед отлётом в Италию мне пришлось прочитать киносценарий под названием «Дубровский». Авторов его было два (коллективная ответственность), поэтому не ясно, кто отвечал за идейное и художественное перекраивание пушкинской повести. По печатному объёму сценарий был толще самой повести. И не зря, так как, не доверяя Пушкину, сценаристы придумали множество своих эпизодов и персонажей. Так уродуется классическая проза - в кино, в театре, на телевидении. Архитектура и музыка, подобно литературе, тоже беззащитны, их также можно достраивать, перестраивать. Живопись, поэзия и скульптура находятся в этом смысле в более выгодном положении. Картину или скульптуру невозможно ни сократить, ни дополнить, мало поддаются они и произвольной интерпретации.

…Нет, стремительный бег по удивительным залам галереи Уффицы почти ничего не дал душе. Это всё равно, что чтение Толстого по диагонали. Кощунственно заходить в такие места всего лишь на полчаса, ничего, кроме горечи, не остаётся от таких посещений. Но когда исчезают

досада и горечь, то оказывается, что даже такое короткое пребывание в этой галерее не остаётся бесследным. Именно здесь, в эти минуты, я понял одну, очень простую истину. Что бы там ни говорилось по поводу ханжества, но целомудрие по-прежнему один из главных признаков одухотворённости художественного образа. Доказать эту мысль можно самым простым способом: сравнением, созерцанием одинаково талантливых изображений обнажённой и необнаженной натуры. Чем талантливей скульптор или живописец, тем слабее его влияние на низменные инстинкты. К сексу взывает, вероятно, лишь в жестоких сомнениях в своём таланте, отчаявшись в своих духовных возможностях, либо вполне намеренно, в каких-либо недостойных и тайных целях.

Однажды, листая комплект «Нивы» за 1886 год, я был удивлён странным обилием ребусов и шарад. Оказывается, уже тогда массового читателя потчевали «доминошными» развлечениями. Портреты высокородных знаменитостей то и дело перемежались слащавыми гравюрами с такими названиями, как «Спасённая», «У постели больного дитяти» и т. д.

Авангардисты, сами будучи не свободными в искусстве, справедливо обвиняют натурализм в рабском копировании природы. Натурализм, однако же, может проявляться не только в этом, но и во многом другом, например в выборе темы. Спекуляцию на таких темах, как мать и дитя, болезнь и ребёнок, можно назвать тематическим натурализмом. Впрочем, грешат этим не одни художники. «Жаль, что искусство здесь не соответствует трогательности предмета», - деликатно говорит Карамзин по поводу подобных творений.

И совсем уже неожиданной оказалась для меня в «Ниве» гравюра Шюблера по рисунку Р. Штейна под названием «Народные сказания. Сказка о царевне лягушке». Тут «Нива» поистине превзошла себя. На резном крыльце псевдорусского терема, под луной, сидела царевна-красавица. У самого крыльца, в воде, художник изобразил двенадцать голых девиц, да таких грудастых, в таких соблазнительных позах, что мне стало жаль подписчиков «Нивы»…

Галопом в прямом смысле мы мчимся по улицам Флоренции, до автобуса есть надежда увидеть ещё один из многочисленных шедевров Микеланджело.

Усыпальницу Медичи многие искусствоведы также считают свидетельством какого-то «надлома» и «пессимизма». При этом особенно любят ссылаться на известные стихотворные строки художника, где говорится об аллегориях дня и ночи. От этой ссылки слегка попахивает вульгарным социологизмом. Ничего нет проще, как сослаться на общественные неурядицы, объясняя упадок духа того или иного художника. В нашем же случае никакого духовного упадка не существует вообще. Он, этот упадок, высосан из какого-то заляпанного чернилами пальца. (Точь-в-точь как и обвинение в «протесте против мудрости».) Может быть, искусствоведы, посещающие усыпальницу Медичи, принимают за выражение художественного пессимизма эти трагически

возвышенные каменные аккорды, эти величавые, полные тайного смысла мраморные фигуры? Но, следуя такой логике, и величайшего трагика мира Шекспира надо считать самым отъявленным пессимистом.

Микеланджело не потрошил по ночам покойников, не мучился над изобретением адских машин, каббалистические кружки тоже его не интересовали. Он всю жизнь созидал, творил, создавая произведения искусства. Но равнодушие к чёрной магии, оказывается, можно преподнести как «протест против мудрости». Он редко делал ошибки, трудился всегда, но трудился вдохновенно и не мучительно. А венгерский писатель Шульц описывает в своём романе «творческие» муки Буонарроти. Но творчество не может быть мучительным. Величайший, необъяснимый и прекрасный акт созидания нельзя называть мучительным. Страдают и мучаются бездарные. Чем талантливее художник, тем он вдохновеннее и тем менее мучителен процесс созидания. (Да, черновики А.С. Пушкина действительно исчёрканы, перемазаны, они - свидетельство большого труда. Но кто осмелится заявить, что этот труд был для поэта неприятным, мучительным?)

Странная, необъяснимая неприязнь к великому художнику, поэту, архитектору и скульптору звучит и в некоторых «трудах» наших советских знатоков Возрождения. «...Властелин над камнем и словом в жизни был рабом», - пишет критик Д. Горбов в статье «Художник и эпоха («Новый мир», 1966, № 3), приписывая титану Буонарроти «неполноту и ограниченность», а также борьбу с целым Средневековьем. По мнению критика, в этой борьбе Микеланджело опирался «на древнюю традицию - не классическую, казавшуюся ему, быть может, слишком статуарной, неподвижной, а в значительной мере - на библейскую, дававшую больше простора и свободы его титаническому исступлению». До чего мудрёно, что и концов не найти! Что это за традиции: одна «классическая», другая «библейская» и есть ли синонимы к слову «статуарная»? Для чего это «быть может», если критик так уверенно судит о романе, в котором ещё более уверенно говорится о том, что думали и чувствовали Микеланджело и Леонардо да Винчи?

«Гениям казалось, что они теснят друг друга - в ту эпоху, когда все друг друга теснили, домогаясь своей полноты». Такая осведомлённость критика о том, что «казалось» или что не казалось гениям, окончательно обескураживает.

Упрощённость и социологическая вульгарщина соревнуются с неприязнью к великому человеку и в некоторых других работах. Нападают уже и на близких, и на родных, намекая на дурную наследственность. Так, в одной из книг о Микеланджело, вышедших у нас, автор примечаний позволяет себе непочтительное и грубое высказывание об отце и братьях великого флорентинца. Но художник не давал даже случайных поводов упрекать его в недостаточной сыновней или братской любви. Осенью 1512 года, в тревожное для Флоренции время, он пишет из Рима брату:

«...Живите спокойно и не заводите ни дружбы, ни близости ни с кем, кроме разве Господа бога. И ни о ком не говорите ни хорошо, ни дурно,

ибо неизвестно, чем всё это кончится, занимайтесь только своими делами». Примерно через полмесяца отцу:

«Позаботьтесь о том, чтобы жить как можно лучше, и не путайтесь ни в какие другие дела». А в письме к брату в связи с болезнью отца говорит: «…в случае опасности я хотел бы во что бы то ни стало его повидать до его смерти, хотя бы мне пришлось умереть с ним вместе».

Во имя своего подвига в искусстве он не имел семьи, но всегда нежно любил своих родственников. Вот одно из его писем брату: «…Леонардо - узнаю из твоего письма, что Кассандра родила прекрасного мальчика и что она здорова и что вы назовёте его Буонарроти. Всё это доставило мне величайшую радость. Поблагодарим за это Господа, и пусть он сделает мальчика хорошим с тем, чтобы он делал нам честь и соблюдал дом. Поблагодари от меня Кассандру и засвидетельствуй ей моё почтение. И это всё… Пишу коротко, ибо мне некогда. В день двадцать первый апреля 1554».

Некогда! Глубоким стариком он строит собор Петра - величайшее по красоте и мощи сооружение. Одновременно пишет сонеты, размышляя в них о взаимоотношениях смерти, искусства и человеческой жизни. Друзья зовут его умереть на родине, в милую его сердцу Флоренцию, вынуждая его оправдываться: «И будьте твёрдо уверены, что я охотно сложил бы свои немощные кости рядом с костями моего отца, как вы меня просите. Однако если б сейчас я отсюда уехал, я оказался бы причиной великого крушения для постройки Санто Пьетро, великого позора и величайшего греха». Он обещает приехать сразу «.. как только будет установлена вся композиция так, чтоб её уже нельзя будет изменить».

Жалобы на нехватку времени постоянно звучат в его письмах. Другой настойчивый мотив его писем к родным - это требование «не унывать», мужественно преодолевать любые невзгоды. Он не страдал тщеславием, но не позволял и позорить своё имя, умел бороться за справедливость. Случайно услышав разговор обывателей, приписавших его «Пьету» другому скульптору, он возмутился и вырезал своё имя на ленте, которая поддерживает плащ Богоматери.

По поводу идиотского спора о том, что лучше: живопись или скульптура, он пишет: «…если большая рассудительность и большие затруднения, помехи и усилия не составляют большего благородства, то в таком случае живопись и скульптура - одно и то же. И если это так, то каждый живописец не должен был бы меньше заниматься скульптурой, скульптор - не меньше живописью, чем скульптурой… Словом, поскольку и то и другое, а именно живопись и скульптура, проистекают из одного и того же разума, можно установить между ними добрый мир и отбросить столько ненужных споров, ибо на них уходит больше времени, чем на создание фигур». Далее он говорит, что обо всём этом «…можно было бы сказать бесконечно много разных вещей, и не тех, что всегда повторяются. Однако, как я уже сказал, на это потребовалось бы слишком много времени, а у меня его немного…».

Настоящий художник не тратит своё время на разговоры о способах создания художественного произведения, он тратит его на само творчество, на само созидание.

* * *

Римский вокзал не сделал на сердце ни единой зарубки. Наверное, все вокзалы мира одинаково обездушены, одинаково обезличены. В спешке, унижающей человека, в одиночестве и зыбком дорожном непостоянстве нет никакой романтики, разве что для несмышлёных юнцов или для бездельников, не знающих, как угробить время и деньги.

Может быть, у меня особое отношение к вокзалам, связанное с детством, с незабываемым страхом безбилетных поездок, под лавками и на вагонных подножках, прятаньем от проводников и милиции. Но ведь были же и счастливые поездки. Были, конечно. Счастливой я считаю и эту поездку. И всё же из вокзального быта почти ничего не запомнилось, ни в Париже, ни в Лондоне, ни в Стокгольме. Поезда тоже повсюду ходят одинаково, на лицах дорожных людей везде одна и та же озабоченность, хотя комфорт и надёжность вовсе не одинаковы. В одном месте поражает быстрота обслуживания при покупке билетов, изящество и забота о питании пассажиров, а в другом - страшная теснота и нервозность. Когда бастуют железнодорожники, западному пассажиру тоже приходится хлебнуть солёного...

Дорога к Сицилии запомнилась одной деталью. Я видел, как, освобождая место, бульдозером сгребали в сторону, видимо, испорченные то ли апельсины, то ли мандарины. На громадном пароме наш поезд уже в сумерках пересёк Мессинский пролив, и наш бег продолжался, теперь уже по Сицилии. Да, именно бег. Как иначе можно назвать те несколько дней, что были отпущены судьбою и визой? Синьор Лентини - президент фонда Монделло - сделал всё от него зависящее, чтобы мы успели как можно больше. К сожалению, время течёт по своим законам, да и у человека существует предел эмоционального насыщения, что ли...

Гостеприимством в Палермо, как, впрочем, и в Риме, мы были обязаны фонду Монделло, который немало сделал для развития культурных связей между Сицилией и нашей страной.

Вестибюль даже знаменитой гостиницы, украшенной превосходной скульптурой, останется вестибюлем. Общность между гостиницами и вокзалами - очевидна. Может, поэтому здесь так дорожат тем, что Рихард Вагнер останавливался когда-то в этой гостинице, о чем и напоминает небольшой бюст композитора. Позднее, уже в Москве, мне сказали, что в этой же гостинице много лет проживает или проживал человек, обречённый мафией на вечное одиночество. Не знаю, насколько правдивы все разговоры о мафии, но так называемые красные бригады не оставляют никаких сомнений в собственном существовании. В Риме нам показывали место, где был убит Альдо Моро. Известие о Миланской трагедии также облетело весь мир. Социальный клубок в Италии так запутан, что обычному читателю обычных газет никогда не разобраться в

подлинной сути скандала с масонской ложей. О социальных сложностях говорил нам и губернатор Сицилии Микеланджело Рус, который любезно принял нас в своей на ходу реставрируемой резиденции.

Остров Сицилия буквально нашпигован памятниками истории и культуры. И это несмотря на то, что по нему издревле одна за другой ритмично катились волны завоевателей: греков, карфагенян, римлян, норманнов. Может быть, лукам, мечам и дротикам доступна лишь живая человеческая плоть, а произведение рук человеческих им недоступно? В какой-то мере это так и есть. С натовскими ракетами, оснащёнными ядерными зарядами, нельзя конкурировать даже самым мощным баллистам и стенобитным орудиям древности. Прогресс, так сказать, налицо. Но следы древних вояк, следы ненавидящих труд грабителей и насильников, тоже несмываемы для беззащитных мозаик, фресок и базилик. Может, только одни могучие полукружья древних амфитеатров и цирков, сложенные из неприступных каменных глыб, да города, засыпанные пеплом вулканов, не поддались полному разрушению.

Выходит, что природа и время не только разрушали, но и сохраняли, как бы соревнуясь то с разрушающей, то с созидательной способностью человека. Ведь если Везувий не засыпал Помпеи, они не сохранили бы для нас своей материальности... Здесь, на Сицилии, мне вспоминается разговор, происходивший несколько лет назад на острове Спас-камень Кубенского озера. Собор Спасо-Каменного монастыря - архитектурный шедевр XV века, взорванный динамитом в начале 30-х годов, лежит на вологодском острове могучими монолитными глыбами. На глыбах явственно различимы абсидные закругления и другие архитектурные детали. Обсуждая щепетильную проблему восстановления памятника, один из представителей Всесоюзного общества охраны памятников предложил подогнать земснаряд и замыть, законсервировать для будущего руины собора, чтобы они перестали разрушаться от солнца, ветра и влаги. А у потомков, дескать, и денег будет больше, и желания восстанавливать...

Интересное дело: относительно архитектуры даже воинствующий вандализм иногда просто бессилен, поскольку уничтожение монументального сооружения вручную - дело отнюдь не лёгкое. Если иконы и книги можно сжечь, то для разрушения архитектурного памятника нужны почти те же физические усилия, что и для его последующего восстановления. Разница только в том, что при уничтожении не требуется интеллектуальной, а творческая энергия и вовсе лишняя. Отчасти благодаря всему этому мы и имеем сегодня возможность общаться с памятниками практически домонгольской (XI-XII вв.) Руси. (Вспомним, что период Высокого Возрождения в Европе относится к первой половине XVI в.) Но главной причиной выживания, например, Дмитриевского собора во Владимире (1194-1197 гг.) была не крепость его стен, а, скорее, многочисленность русских памятников. Ведь никто не считал, сколько их погибло во времена разных погромов.

И там, и здесь, на Сицилии, мне думалось об одном и том же. Какая

сила переборет в человеке и в обществе? Созидающая или разрушающая? Очнутся ли, наконец, люди и когда мы в прямом смысле перекуём мечи на орала? Когда нейтрализуем мы страшную ядерную злобу, накопленную в тысячах бомб и снарядных боеголовок? А может, уже и невозможно нейтрализовать? Неужели в труде, в искусстве, в созидании соревноваться страшнее и неприятнее, чем в гонке вооружений? По-видимому, для многих людей (людей ли?) действительно труднее. Лишённые творческой созидательной силы, они способны лишь к обычному противопоставлению и драке. Азарт же карточного игрока делает их воистину опасной заразой…

И вот я ищу в искусстве нечто подобное тому, что существует в политике, ищу и не нахожу. Наверное, искусство, если оно подлинное, живёт совсем по другим законам. «Меня всегда раздражало самодовольное убеждение, что крайность в искусстве находится в некоей метафизической связи с крайностью в политике...» - говорит один далеко не бездарный русский писатель. Здесь подразумевается, наверное, не само искусство, а отношение к нему. Ведь если крайности в политике вполне реально существуют, то что значит крайности в искусстве? Существуют ли они вообще, и если существуют, то не абстрактная ли это живопись, которую я видел в Париже? Не чугунное ли сооружение, стоящее в вестибюле римской гостиницы?

Подлинное, настоящее искусство чем полнее, тем свободней от крайностей. Крайность тут одна - непостижимость. Антонелловская Аннунциата как бы предостерегает от экстремизма в искусстве своей чуть приподнятой правой рукой. Собор на Монреальском холме величав, он поражает не менее римского собора Петра, но поражает не крайностями, а опять же гармонией и соразмерностью. Соразмерностью линий и красок, объёмов и плоскостей. Ничто не кричит о себе, ничто не вылезает из общего целого. В то же время любая часть, даже самая малая, самостоятельна, индивидуальна.

Могучее дыхание православной Византии ощущается сразу при входе в этот собор. Католическая атрибутика не мешает этому ощущению. Правда, в надписях латынь здесь уступила греческому алфавиту.

Прекрасен величественный и грозный Христос Пантократор в главной апсиде. Широким жестом обеих рук, скрытых под голубым плащом, он словно бы обнимает, соединяет воедино всё вокруг и главным образом перед собою: и людей, и фигуры апостолов, и эти сами по себе величавые членения собора. Это один из тех редких образов, когда взгляд достигает человека даже при перемещении в соборном пространстве. Куда ни встанешь - повсюду встретишься с этим всепроникающим взглядом. Так же точно смотрит Никола в родном для меня Ферапонтове, а сходство образов богоматери просто поразительное.

Однако здешний Христос, кажется, ничего не прощает… Неотвратимость грозного возмездия словно бы молниеносно чередуется в его взгляде с выражениями спокойствия, величия, сожаления. Сотни фигур, пейзажи, удивительные орнаменты сложены в соборе из

крохотных камушков. Не знаю, где ещё в мире так представлено искусство мозаики, как на Сицилии. Если же нигде, то именно здесь, в соборе, традиция этого искусства достигла наиболее высокого своего воплощения. А то, что традиция эта существует более двух тысячелетий, доказывается сравнительно недавним открытием античных мозаик около небольшого сицилийского городка Армерина. Трудно даже представить, что могли делать древние художники в пределах мозаической техники, ограниченные определённой цветовой гаммой. Оказывается, и в мозаике можно выразить стремительное движение, изобразить тени, показать ярость преследуемого льва или ужас антилопы, несущей на хребте тигра. Лицо титана, выдирающего стрелу из своей окровавленной груди, изображает не только физическую боль, но и какое-то неимоверное внутреннее страдание. Лицо человека, подающего Полифему чашу с питьём, выражает такую хитрость, что даже не очень знающим древние мифы вспоминается Одиссей.

Но Армерина будет потом, а пока мы в Палермо - по-весеннему тёплом и солнечном.

Итак, в 1981 году я встречу весну не менее двух раз... Относительность времени, его странная зыбкость наводит на мысль о постоянстве и о надёжной цельности искусства, о его универсализме и глобальности в человеческой жизни. Разве не формирует, например, архитектура не только эстетику, но и нравственность? У жителей Суздаля и Череповца вполне разное отношение к некоторым нравственным проблемам. Психология живущего на 20-м этаже значительно отличается от психологии живущего в доме одноэтажном.

Только в искусстве может существовать «компенсация», та взаимозаменяемость, та жанровая взаимовыручка, при которой так или иначе жажда прекрасного в человеке не останется неутолённой. Ведь в исключительных, экстремальных, как теперь говорят, условиях один из видов искусства способен взять на себя всю тяжесть культуры... Стоя в соборе, я сразу же вспомнил, что где-то в мире есть капелла Бориса Христова, что существует Юрловский хор. Голоса неведомых мне дальних певцов безмолвно звучали сейчас перед этим всепроникающим взором, среди этих мозаичных ритмов. Точно так же в разделённом на два этажа соборе города Перми, и так и эдак разглядывая фигуры безвестных крестьянских скульпторов, можно услышать эпический голос древнего сказителя, перстами которого пробуждаются струны гуслей.

По одной капители, говорят, можно реконструировать целое античное здание, по одной детали или частице орнамента установить стилевую и национальную принадлежность.

Ах, эти стили! Никто не поможет мне выбраться из-под академических глыб, никто не пособит вылезть из-под вороха чужих, давно устоявшихся мнений, чтобы свободно вздохнуть и своими собственными глазами взглянуть на то, что нас окружает. Как надуманны иногда все эти учёные классификации! Маньеризм, например. Что это такое? Или такие понятия, как восточный и западный ренессанс. Откуда

такая тупоголовая убеждённость в том, что искусство всех народов развивается и живёт по одним и тем же законам?

И всё-таки они существуют, эти самые стили. Достаточно пройти от гостиницы в Палермо двести метров, чтобы убедиться в этом. Даже самый неискушённый зритель отличит арабское зодчество от византийского, заметит чёткую разницу между итальянским барокко и неоготикой. И как, должно быть, грустно было бы в мире, если б японская культура во всём сравнялась с культурой Исландии на том основании, что обе страны находятся на островах! Наконец, что ни говори, а приятно, приезжая в Италию, есть именно макароны, а не блины…

Ещё до посещения Монреальского холма мы познакомились с другой примечательностью Палермо - кафедральным собором. Экскурсовод доложил нам, что строили его разные архитекторы, что в этом великолепном сооружении скрестились и восточные и европейские строительные традиции, сплелись воедино различные художественные стили. Что же получается при смещении национальных стилей? Плодотворно ли их полное слияние? Гармонична ли эта каменная кантата Палермо? На эти весьма щепетильные вопросы я боюсь отвечать. Совершенно несправедливо было бы сказать «нет», говорить определённо «да» тоже что-то мешает…

Конечно, Сицилия поистине выстрадала свой стиль, но это касается, как мне показалось, не столько архитектуры, сколько быта и нравов. Сицилианца ни с кем нельзя спутать, его можно узнать по одежде, по музыке, по манере говорить и держаться. Странное сочетание весёлой живости и грустной задумчивости ещё не полностью характеризует здешнего жителя, и чтобы понять всё остальное, мало этих коротеньких дней.

Наш бег по Сицилии оборвался свистом турбин в аэропорту Катания. Перед этим мы ночевали в тихой гостинице курортного городка Термина. Часов в пять утра я вышел на открытую площадку, служившую крышей первому этажу, и просидел в качалке до первых ударов церковного колокола. Они раздались в тишине так неожиданно, так близко, так ясно и чисто, что я окончательно очнулся от зимнего состояния и всерьёз почувствовал весну, зелень, горную свежесть и солнечное тепло.

Круто внизу серебрилось море, а далеко вверх уходили скалы, облепленные гостиницами и коттеджами. Справа ясно и чётко громоздилась зеленовато-серая Этна, украшенная в распадках и ближе к вершине серебристым снегом. К подножию её лепились посёлки, обрамлённые рощами цитрусовых. Оранжевые мазки этих рощ скрадывались яркой синевой неба, а на фоне этой синевы, словно чёрная весть о самой преисподней, плыли копоть и пар вулкана.

Во время нашей поездки в Сиракузы Этна вставала то слева, то справа, то впереди и всё время плевалась в небо этими чёрными сгустками. Она и впрямь вела себя неспокойно, но я не знал, что сразу после нашего отъезда вулкан проснётся. По телевизору было видно, как

вниз на дома и деревья ползла красная лава, сжигая на своём пути всё живое и мёртвое…

Почему же Этна не проснулась днём раньше, когда я глядел на неё, среди солнца и зелени, когда слушал в одиночестве утренний колокол? Вероятно, она не хотела портить мне вторую, дополнительную весну, весну 81-го года, встреченную мной на Сицилии…

Ровно через два месяца, на родине, я встретил весну первую, в смысле главную.

* * *

В последний день в Риме мне удалось ещё раз встретиться с Рафаэлем и Микеланджело. Экскурсовод, несколько дней назад знакомивший нас с Ватиканским музеем, вёл очередную группу советских туристов. Он узнал меня и сказал, что я счастливый человек и что он желает удачи… Скрепя сердце, я проскочил, не задерживаясь, обширные залы со скульптурными экспонатами, хотя прекрасно знаю, что почувствовать скульптуру по-настоящему можно только тогда, когда научишься отличать греческий подлинник от римской копии.

В этот раз не успеть научиться. Хорошо бы без толкучки постоять и около бессмертных созданий Рафаэля, потом спокойно посидеть на скамье в Сикстинской капелле. Но разноязычные толпы уже наполнили Ватиканский музей, и спокойствия нет… Всё равно - это прекрасно, прекрасно ещё раз полюбоваться «Афинской школой» или почти физически ощутить ярчайший свет за тюремной решёткой, мерцающий на доспехах спящей стражи. Рафаэль изобразил Петра усталым и изнемогающим, но здесь нет ощущения подавленности, наоборот, произведение радует, будит в тебе неизвестные тебе силы.

По рассказам экскурсоводов, в одной из фигур «Афинской школы» Рафаэль изобразил самого Микеланджело. Он сидит, облокотясь на левую руку, собираясь записать что-то, но задумался и словно забыл, где он находится. Зритель тоже забывает, где и зачем он находится, отдавая себя полностью во власть рафаэлевских красок. Но времени нет, и надо снова бежать. Бежать, игнорируя иные живописные и архитектурные шедевры, оставляя их на «потом», которое, вполне возможно, никогда не случится.

В Сикстинской капелле настигает тебя стыд, начинает мучить совесть. Появляется желание немедленно приняться за дело. Неужели сделал всё это один человек, да ещё тот самый, который построил соборы и целые ансамбли, изваял сотни изумительных скульптур, высвобождая их высокую красоту из косной мраморной массы, а когда руки и зрение ослабели, то не хуже, а лучше многих, служил поэзии? Неужели это всё один?

Ведь у него было всё так же, как и у всех: уязвимое здоровье, борьба за кусок хлеба, скитания, непонимание, преследование, невзгоды войны. Всё это мешало ему так же, как и другим. Но один он оказался так близко

к бессмертию. Высота его духовного взлёта ни с чем не соизмерима. Но это был и физический подвиг. Физические и психологические усилия художника не ослабевали в течение многих десятилетий, до последнего часа.

И, глядя на эти фрески, вспоминая всё, что он создал, ощущаешь заниженность своей собственной задачи. Совесть заставляет зрителя снова пересмотреть, и расширить, и усложнить её, эту задачу…

Вместе с тем встреча с таким искусством, и восторг, и весенняя радость, вновь убеждают, что только оно, только искусство способно на бесконечно повторяющееся обновление.

1981

Дорога на Валаам

После первого действия великой трагикомедии с ельцинскими выборами вздумал я сделать себе маленький отпуск…

Но почему я называю эти выборы трагикомедией? Я же явный сторонник жанровой чистоты. Что-нибудь одно: либо трагедия, либо комедия. Иное дело, что и сам не всегда блюду эту чистоту жанра, частенько грешу против неё. Что делать? Значит, не хватает умения (таланта). Вон и московские нынешние драматурги грешат. Не хватает умения, они и давай придумывать своим опусам новые жанровые названия. Оправдываются тем, что, мол, так и в жизни. Но мало ли как происходит в жизни! Искусство-то здесь при чем? У него свои тайны и свои законы.

На выборах тоже свои законы и тайны. Никогда не понять простому человеку, откуда появляются на свет, например, такие газеты, как «Не дай бог». Или почему демократы называют себя демократами, а всех патриотов коммунистами? Лукавство явное, и справедливость тут даже не ночевала. Что, разве Александр Николаевич Яковлев - демократ? Увольте! К слову «демократ» без кавычек не обойтись.

Поэтому я редко слушаю радио, не получаю газет. По «ящику» гляжу только новости. Новости сообщаются главным образом «демократические», а если и бывают чуть правдивые, то очень редко и очень малыми дозами, да ещё и перемешанные с так называемой «музыкой». Послушаешь - и тошно становится. Реклама противна того больше. Напрасно думают, что она безобидна! Реклама, если даже нейтральна в политическом смысле, всегда вредна в смысле моральном. Она ядовита в нравственном и противна в эстетическом. Но «демократу» ничего не докажешь. Сидит он далеко, студию его охраняют люди с оружием в руках. Посему хватай рюкзак и на поезд…

Прежде чем бежать на вокзал, включаю последние известия. Завершаются они «информацией для тех, кто собирается отдыхать». Говорят, что самая доступная путёвка - это на Кипр. Я как-то поинтересовался. Цена её давным-давно обогнала мою двухгодичную

пенсию. Обставила она и гонорар за целую книгу прозы. А самое главное то, что я не хочу отдыхать. Я не молотобоец, не лесоруб. (Им-то действительно нужен физический отдых.) Работа - лучший мой отдых, несмотря на мизерные гонорары. Не желаю я никаких отпусков! Смена занятий - самый хороший отпуск. Телесная усталость проходит за шесть-семь часов крепкого ночного сна, усталость души не проходит ни в каком отпуске. Вот если б взять отпуск от «демократии»! Или, к примеру, от болезней, связанных с возрастом. Но подобный отпуск проводят в больницах.

Не будем вспоминать о вечном отпуске за пределами физической жизни. Скорей на поезд! На пригородный…

При прослушивании демократического радио я всегда ловлю себя на противоречии. Не знаю, как быть. Смирить себя, укротить гордыню и гнев или осудить этих вселенских лжецов? По учению святых отцов надо радоваться, когда оскорбляют лично тебя, когда клевещут и гонят. Но при этом сохраняется обязанность обличенья, обязанность борьбы с ненавистниками Христа. Так христианин ли я?

Не знаю, как смотреть и на здоровых крепких парней, целыми днями торчащих под полосатыми тентами. Продают они парфюмерию и всякую пёструю дрянь - тряпичную и пластмассовую. Неужто этим ребятам не хочется двигаться, создавать что-то, строить, облагораживать среду?

На вокзале покупаю всё же газету, чтобы узнать, что происходит в Москве. И там всё то же. Деньги, рынок, челноки. За окном вагона - челноки. И на улице - челноки. В самолётах, в автобусах - челноки. Челночная жизнь. Растительная. А есть ещё просто бандитская. Рэкет… Что за манера внедрять в печать иностранные термины? Жулика и бандита демократы назвали культурно: рэкетир. Гулящую девку демократические газетчики нежно кличут «жрицей любви». Но при чем любовь, когда речь идёт о пороке, о физиологическом акте, постыдном с точки зрения нормального человека?

Я ненавижу современное телевидение, не терплю и демократическое радио, отучающее русскую молодёжь от родных мелодий, от стыдливости, прививающее нахальство и пошлость. Не зря ведь порядочные москвичи в 1993 году так беззаветно пошли на останкинский… не могу вспомнить, как называется питомник для рептилий. Встреченные кинжальным огнём ельцинских башибузуков, прижатые к асфальту, эти юноши затихли на время. Многие навсегда. Мир праху расстрелянных…

Сегодня 22 июня. Радио доложило, что Отечественная война началась не в 41-м, а в 36-м. И не в Бресте, а в Испании. Может, ещё раньше? Однако мой отец погиб в 1943-м, именно в ту пору, когда гибли миллионы русских, а не испанцев. «Общую газету», редактируемую т. Яковлевым (вторым), я отбросил с тем же чувством, с каким выключаю телевизор и радио.

Разговоры в пригородном поезде почти не касаются выборов. Они вращаются вокруг низкой зарплаты. Вон на станции Семигородняя,

которая за окном, бастуют работники лесной промышленности. Третий месяц сидят без зарплаты. Про пенсию в вагоне говорят: на еду не хватает, только на дрова. Тут и там ругают Ельцина. Те немногие, что побогаче, благоразумно отмалчиваются. Эти, конечно, проголосовали в первом туре «за демократию, против прошлого», как выражается радио. Баш на баш, как говорится. Половина за демократов, другая за патриотов. Россия поделена. Раскол.

Страшная вещь раскол, к примеру, в семье. Раскол в Отечестве ещё страшнее...

По новым районным правилам инвалидов войны раз в неделю везут в автобусе бесплатно. В остальные дни и здоровому ехать накладно. Сколько нелепостей происходит по одной этой причине!

В деревенской лавке в ожидании привозного хлеба старухи и молодые готовы вцепиться в седины друг дружке, кричат, кто во что горазд. Спрашиваю у Марьи, соседки: «За кого будешь голосовать?» - «За Ельцина!» - «Почему?» - «А ведь как, он мне пензию дал». (Говорить, что «пензию» даёт государство, а не Ельцин - бесполезно). - «Ну, а велика ли у тебя пенсия?» - «Пензия-то не велика, дак ведь постоянно прибавка. Вон опеть прибавил». Вот и весь сказ.

Другая старуха, поумнее, эта шумит за Зюганова. Третья, наоборот, зачумлена «свободой» хуже Марьи. Говорит, что голосовала за... Горбачёва. Оказывается, жизнь он (то есть Горбачёв) сделал хорошую, зря его и ругают. Летом она вон до самой Тюмени на самолёте летала... На неё набросились и зюгановки, и ельцинистки:

- Дура лешева! От его, сотоны, и пошла вся беда! Диво дивное, никто его, беса, не может стрылить-то!

Нет, не пожалели бы, не поплакали бы мои старушки о Горбачёве, если бы его «стрылили» где-нибудь в тёмном подъезде. Живут они в домах, срубленных ещё в прошлом веке. Летом ещё ничего, дров надо не так много. А каково им зимой, господин Вяхирев? Дрова берегут, воду экономят даже на умывании. Лекарств нет и в помине. Медиков тоже нет. Пенсии хватает еле-еле на чёрный хлеб. (На белый хватает лишь инвалидам войны.) «Иной и на войне-то не бывал, - говорит Марья, - а пензию весь мильен огребает...»

У Марьи сыновей нет, у неё две дочери. Одна в Вологде, вторая за военным в Мурманской области. У других старух детки кто в Самотлоре, кто где-нибудь в Архангельске.

«Друзья! - хочется мне обратиться с ним. - Сыновья вчерашних крестьян газовики, шахтёры, нефтяники! Одумайтесь, что вы делаете? Вы же грабите родной дом, в котором родились! Вы гоните газ австрийцам и немцам, чуть ли не до Ла-Манша, а ваши родные бабки клянчат в колхозе трактор, чтобы привезти волочугу дров. Последние рубли отдают сперва в контору, потом ещё и пьяницам, чтобы привезли эти дрова из лесу, чтобы не замёрзнуть в старой избе в крещенский холод. Да ведь и замерзают старушки одна за другой. Проголосуют и умрут. Безропотно, как

некрасовская Арина. Что же вы, внуки, куда глядите? Почему даёте себя одурачить вином, телевизором, фальшивой газетой?»

Мои вопрошания и восклицания летят в пустоту. Никто не слышит. И демон отчаяния даже в деревне снова хватает моё сердце в свою когтистую лапу. Когда же он её разжимает, когда вновь появляется желание труда и действия, подскакивают бесы помельче: раздражение, нетерпение, торопливость. То и дело суют они свой нос в мою жизнь, нарушая душевное равновесие. То же радио убеждает меня, что Великая Отечественная началась не в 41-м, а в 36-м. Будто бы не пятьдесят пять лет назад, а шестьдесят. И не на наших границах, а в Испании… Этакие вот любители юбилеев. Я не могу выдержать всего этого, я болен, я убегаю в деревню, на родину. Сколько раз спасали меня от отчаяния мои земляки! Хотя бы и та же Марья Дворцова, дом которой от моего в двадцати шагах. Совсем хромая после неудачного удаления грыжи («Раньше плясала-то и я добро, пока дохтур жилу-то не перерезал»). Когда спит - непонятно. Не одну пятилетку работала дояркой. На пенсии тоже каждую минуту в трудах. Дрова, огород, скотина. Картошку сажает каждый раз самая первая.

Мой друг японский профессор Ясуи-сан предлагает Марье сфотографироваться. Она положила на лужок вицу, которой дирижирует коровами и телёнком. Приобдернула затрапезную юбчонку, улыбчиво приняла торжественную, как ей казалось, позу. Минако-сан, жена профессора, фотографирует Марью, а мне вспоминается японский фильм «Голый остров» режиссёра Кимэто Синдо. Разница только в одном: никто не захотел и уже не захочет, наверное, сделать фильм про Марью Дворцову!

Профессор смеётся, рассказывая, как они с Минако-сан учились топить русскую печь (я поселил их отдельно, в старой отцовской избе). Всё они сделали вроде бы правильно, но одного не учли. Не открыли трубу: задвижку и вьюшку. Когда полная изба набралась дыму, они закрыли печь заслонкой. Дрова сами погасли, но дыму в избе стало ещё больше. Я уже писал где-то, как Ясуи-сан осваивал русскую баню в первый его приезд. В этот раз он осваивает избу. Любит он вместе с женой ходить на речку, сидеть на траве под горой, гулять в безлюдных, тихих полях. Особенно хвалит мою сестру Лидию Ивановну за непритязательную деревенскую кухню.

Сегодня он вместе с Минако-сан уговаривает меня приехать в Японию… Мои гости уже спешили в Москву и затем домой, виза у них заканчивалась. Я тоже вскоре уехал в Вологду. Потом побывал в Москве и ещё где-то… Смятенье в душе началось опять…

В голову приходит иной раз такая мысль: «А не слишком ли много ты, сударь, ездишь? Пожил бы хоть одно лето в своей вымирающей, но древней Тимонихе. Скоро, скоро от неё останется одна твоя баня…»

Действительно, не успел прилететь из Дамаска, покатил в Сербию. Вернулся из Белграда - лермонтовские дни тут как тут. Это не считая

постоянных метаний между Вологдой и Москвой. А в деревне сиротливо лежит недописанная глава новой книги. Труба у тебя там развалилась. Морковь не прорежена, картошка не окучена. Лук не прополот... Вологодские литературные коллеги обижаются: игнорирую, дескать, областные мероприятия. Всё ездишь. Уже девять лет не хватает времени разобрать архив. Не зря у тебя и денег никогда нет...

В ноябре 1993-го прямо с обрызганного кровью асфальта, что около Останкинского телецентра, я поспешно удалился в Тимониху. Анфисы Ивановны в живых не было, печь в доме давно остыла, пришлось разогревать несколько дней. Тогда ли была написана моя стихотворная молитва? Или раньше?

О Боже мой!
В тиши лесов,
В безлюдье дедовских угодий
Убереги от праздных слов
И от назойливых мелодий.
От суеты и злобы дня
Спаси и впредь, спаси меня.

Покуда в душах ералаш
И демократы жаром пышут,
Я обновлю колодец наш
И починю родную крышу.
Не дай устать моим рукам,
Ещё - прости моим врагам.

От всяких премий и наград
Убереги в лесу угрюмом...
Но вечевой Кремля набат
Не заслони еловым шумом!
...Не попусти сгореть дотла,
Пока молчат колокола.

Нынче уговорил жену снова поехать в деревню. Утром завёл «Ниву». Мы приехали в Тимониху в средине дня. На улице было безлюдно и тихо. Только в Марьином доме поминутно трубила корова.

- С утра корова-то ревёт, - сказала мне другая соседка, ковылявшая куда-то в поле. - Мы утром стукались, стукались, а Марья не отворила воротати. Мы и ушли. Надо бы корову-то выпустить... Ужо пойду позвоню сватье Марьиной, зять-то Марьин вроде ещё отпуске.

Не мог и я попасть в свой дом, потому что мы с женой оставили ключи в Вологде. Пришлось ломать замки... Корова то и дело мычала. Марьин зять Гурий, ночевавший у матери в другой деревне, прибежал и каким-то известным ему способом проник в тёщин дом. Когда я ломал свои замки,

он в ужасе выбежал на улицу, потому что Марья лежала под коровой мёртвая. Уже остывшая.

Наши звонки на медпункт и участковому были втуне. Милиционер и медичка отказались приехать… Корова трубила на всю округу. Она трубила весь день и вечер, потому что её некому было подоить. Наконец, вечером подоила, кажется, Серафима - другая соседка. У Марьи не нашлось даже досок на гроб. Доски пришлось «позаимствовать» у пустого соседнего дома (хозяева приезжали в отпуск, но уже уехали).

Какая же, однако, беспечность! Постучали утром, но Марья не открыла. И все ушли. Только одна корова «ревела» на всю деревню. Вот так же под коровой нашли пять дней назад председательшу нашего колхоза «Родина» сорокапятилетнюю Раису Алексеевну Мартьянову. Она умерла от инсульта, когда доила корову. К чему бы ей-то так рано?

А может, оттого, что нечем было платить дояркам и механизаторам? Вместо денег она рассчитывалась с ними водкой. Брала деньги в долг по списку у пенсионеров. Ехала в Вологду прямо на ликеро-водочный. Покупала по дешёвке водку, а дома рассчитывалась с механизаторами бутылками. При этом и сама не брезговала «весёлой» жидкостью. Когда узнал об этом, то вздумал через печать обратиться к демократам Москвы. Письма читателей переменили мои намерения, я обратился с этим воззванием уже не к одним демократам, а ко всем москвичам.

Слово к Москве

«Уважаемый Василий Иванович, почему же не слышно вас и не видно? И В. Г. Распутина нигде не слышно и не видно! Что же, вы думаете, что ваши слова нам не нужны? Нужны, даже очень! Особенно в это смутное время. Ответьте, если будет возможность…» (Из письма).

Не знаю, как В. Г. Распутину, а мне таких писем последнее время приходит всё больше. Это обстоятельство не только обязывает отвечать, но даёт право и спросить кое-что. Особенно москвичей. Уже много раз слыхал от московских друзей и единомышленников упрёки русскому народу, дескать, что с него возьмёшь? Его морят голодом, морозят, обманывают, а он всё равно голосует за своих обманщиков и предателей. Ну, во-первых, не всегда… Во-вторых, давайте разберёмся, кто кого предал: народ ли Москву или Москва предала русский народ? Может быть, это слишком опрометчиво, но я обращаюсь с таким вопросом к целой Москве…

Спрашиваю об этом каждого жителя великого города. Независимо, кто он, этот житель: президент ли громадного государства или чесоточный бомж, ночующий под Москворецким мостом. Премьер ли, имеющий акции «Газпрома», или торговец колготками. Депутат или не депутат. Демократ или коммунист, банкир или уборщица, подземный труженик или надземный, вооружённый или безоружный. Это обращение (воззвание, открытое письмо, вопль отчаяния, назовите, как вам удобнее) я хотел предложить газете «Вечерняя Москва». Друзья лишь рассмеялись.

Да, «Вечерняя Москва» создана не для Москвы и не для России. Не для нас крутятся ротационные машины «МК», «Известий», «Комсомольской правды» и т. д. Не для России, а против неё вещают многие дикторы телевидения и радио, возглавляемые господами типа Сванидзе, Попцова и Сагалаева. Четвёртого октября участвовал в манифестации в память о погибших в 1993 году. Вот что скандировали участники демонстрации: «Банду Ельцина - под суд!», «Янки, гоу хоум!». Ни одна «независимая» и «свободная» радиостанция, ни один так называемый «бесцензурный» телеканал не озвучили эти призывы! Не смейтесь, господа, не кривите улыбки, когда слышите и такие слова: «Идёт война народная, священная война!» Война в Москве и в России действительно идёт… И вам, демократам, не поздоровится на этой войне. Правда, вы пока побеждаете, как побеждали вначале и гитлеровцы, дошедшие до Волоколамска, как побеждал и Наполеон, стоявший уже на Поклонной горе, где сегодня строится синагога.

Какая-нибудь демократическая дамочка вроде Кучкиной или Митковой, читая мои вопросы москвичам, обязательно скажет, что Белов не любит Москву. Самое интересное в том, что многие поверят ей, а не мне, который наизусть с детства и вслух, и про себя (когда уж совсем тяжко) читает лермонтовское «Бородино».

Полковник наш рождён был хватом.
Слуга царю, отец солдатам…
Да жаль его: сражён булатом,
Он спит в земле сырой.
И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! Не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой.
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали.
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Да поверят дамочке, а не мне, такова дьявольская сила демагогии и телевизионного ящика. Недавно в радиопередаче «Начало» такая дамочка прощебетала на всю страну: «Итак, Закон «О продовольственной безопасности», что это? Для кухонного разговора или вопрос государственной важности?»

Как ловко снижается политическая и социальная значимость необходимейшего закона, как незаметна тайная издёвка над законодателями! Попутно глотает слушатель (пусть и малую) дозу правового нигилизма…

Нет, я люблю Москву и её святые соборы не меньше Лужкова, который в поисках золота перерыл Манежную площадь, настроил на каждом шагу банков, нашил мундиров для бутафорских полковников. О, мы знаем, какими на Руси были когда-то настоящие полковники! Каковы

были генералы, тоже знаем. Да что говорить о военных, если подмосковная девочка, вчерашняя десятиклассница, не пожалела ради Москвы и свою юную жизнь! Демократические журналисты оплевали подвиг Зои, как оплёвывают они подвиги маршала Жукова, как пробуют представить бессмысленной и гибель моего отца в 43-м году. В раздражении против таких журналистов, живущих главным образом в столице, я однажды публично сказал, что прежде русские люди всеми силами защищали Москву, нынче они... обороняются от Москвы. Тоже всеми силами. Чудовищно, однако же это факт! Приходится обороняться от Москвы!

Боже милостивый, почему Москва так безжалостна, так жестока к тем людям, которые кормят её и поят, одевают и обувают, защищают от врагов и захватчиков? Почему, дорогие москвичи, в конце XX века вы поставили на грань вымирания русское крестьянство, унизили и оскорбили армию? Вы скажете: это не мы. Это сделали президент и правительство. Тогда я спрошу, почему же вы терпите такое правительство? Вы скажете: вся страна терпит. Терпит и эту власть, и этого президента, и эти средства массовой информации. Терпит ради того, чтобы не случилось гражданской войны. Но, дорогие друзья, русский народ всегда доверял Москве. Да и гражданская-то война уже давно идёт! Холодная и горячая.

Хотите факты? Их более чем достаточно. Такой хотя бы, который вы не хотите даже и замечать. Моя деревня уже третий год не пашет землю, не сеет ни льна, ни хлеба. Стоят или работают вполсилы перерабатывающие заводы. Ликвидированы молочные фермы. Ликвидированы практически и сами крестьяне, потому что ни школы на моей родине нет, ни медпункта, ни добротного магазина, ни черномырдинского газа. Уже много лет не звенят детские голоса. Ежегодно численность русских сокращается на миллион человек! Интересно, кто будет защищать Москву через 15-20 лет, если понадобится? Может, масхадовские бандиты? Или митингующие дамочки вроде г-жи Новодворской? Боюсь, что мадам не защитит Москву.

Допустим, что война Москве больше не грозит (допущение весьма рискованное). Но почему все вы, генералы и бомжи, питаетесь зарубежными продуктами или объедками, пьёте зарубежные напитки, и ваша совесть по отношению к собственному кормильцу-поильцу молчит? Все словно этой зарубежной воды набрали полон рот и довольны. Поддерживаете чужих фермеров, а свои сидят без солярки, без машин и удобрений, иногда и без газа и электричества. Мой сосед в деревне вырастил полдюжины овец, а государство не хочет их брать. Молоко тоже не принимает это государство. Какое же это фермерство? Каллистрат Хватков пасёт за моей баней громадное стадо нетелей. Хотел он стать т. н. фермером, завёл трёх коров, а ветслужба приказала сдать их на мясо как лейкозных за бесценок. Каллистрат Иванович (Каля, как его называют) на эту выручку уже не смог купить и одну здоровую тёлку. Где ему взять деньги на новую тёлку? Пошёл пасти колхозных коров. И вот уже восемь месяцев не получает зарплаты. Но я знаю, с каким аппетитом

едят москвичи ветчину, пусть и от бешеных английских коров. Вы спросите, отчего Каллистрат восемь месяцев не получал денег и чем он сам-то питается? Наивный, чисто интеллигентский вопрос, особенно первая его часть. А питается он, как во время Великой Отечественной, картофелем со своих грядок. Брат его Вениамин живёт в другой, тоже гибнущей деревне Пронихе, держит с женой несколько коров. Зашёл я как-то к ним, а хозяйка чуть не плачет: не знает, куда деть молоко.

Вот и всё фермерство, товарищи и господа москвичи!

Но вам, видимо, всё равно, чью жевать ветчину, какие сорочки носить, льняные или нейлоновые. В нашем колхозе (объединении) по полгода не платят мизерную зарплату, председательша выдаёт вместо денег сгущёнку. Пробовали вы питаться одной сгущёнкой? Пусть и с картофелем с собственного огорода? Сгущёнку вместо денег председательша однажды удачно заменила обычной водкой. Берут. Особенно трактористы… Пьют и гибнут. На днях и сама Раиса Алексеевна умерла от инсульта. (Прямо под коровой нашли эту цветущую сорокапятилетнюю женщину). Вы знаете, от чего бывают инсульты? Долги города русскому крестьянству достигли астрономических цифр! Радио называет сельское хозяйство чёрной дырой.

Платит ли Лужков пенсию москвичам? Каковы лужковские надбавки рабочим? Бывают ли такие случаи, что по восемь месяцев москвичи не получали зарплату и пенсию? Насколько мне известно, в Москве таких случаев мало. Даже нищие стремятся в столицу - тут они живут сытнее, чем где-нибудь. Я уж не говорю про ваших министров, депутатов, банкиров и разных вооружённых и безоружных бизнесменов. Демократы делают Москву чем-то вроде Гонконга, у вас даже своё правительство. Хорошо, пусть у вас будет своё правительство, но тогда каким правительством руководит Черномырдин? И почему бы не учредить правительство, например, для Рязани?

Радио, возглавляемое Москвой, решило и нашего Калю сделать бизнесменом: каждое утро настойчиво учит его, как торговать и как говорить по-английски.

Господа на российском радио! Вы учите английскому языку голодных женщин, ограбленных старух. Раньше вы учили их марксизму-ленинизму, теперь - английскому языку и бизнесу. Бывший фермер Каля Хватков пасёт нетелей - стадо голов сто. Уже восемь месяцев государство не дало ему ни рубля! Если бы вам всем так? Но все вы получаете пенсию либо зарплату. А сколько тысяч или миллионов москвичей живут на банковские проценты? Я своими глазами видел митинги московских «мавродиков». А на моей родине водкою выдают зарплату. Лившиц, конечно, как Пилат, умоет руки и скажет: «Москва тут ни при чем, виновата местная власть». Ещё и улыбнётся по-мефистофельски. Что ж, прикажете и впредь, следуя примеру Москвы, терпеть такое правительство? Или ждать, когда оно от стыда перед Америкой и Европой само уйдёт в отставку? Стыда ни у Европы, ни у Лившица, на мой взгляд, нет, поэтому правительство не уйдёт. Так называемая оппозиция и в ус не дует, бремя власти её

страшит…

Третий год не сеют, не пашут в моей деревне. Заводы и фабрики остужают свои котельные одну за другой. Господин Черномырдин, из газа можно готовить продукты? А то, что вы превратили страну в колонию, тоже местная власть виновата? Да и власти-то в моей деревне никакой нет. Лес, к примеру, рубит кто попало. Уже в райцентре и в областном центре, не говоря про обширное Подмосковье, появились многоэтажные особняки в восточном стиле. Уже… Впрочем, не буду продолжать, слишком всё это горько.

Но вы, москвичи, имею в виду президентов, депутатов, банкиров, министров, челноков и кабатчиков, да и трудовой люд, как будто и не видите ничего этого!

Напрасно. Время расплачиваться за преступления или за равнодушие всё равно придёт. Не сочтите эту фразу за шантаж или запугивание. И недоброжелательства в моём обращении к вам тоже нет. Впрочем, не ко всем. Кое-кого не мешало бы отправить в Лефортово. Но московскую честь, к счастью, ещё спасают многие, не потерявшие совесть и здравый смысл. Есть честные люди и среди писателей, и среди журналистов, и среди академиков. Не все же ненавидят и оплёвывают свою Родину!

Позвольте напомнить, что на русском Северо-Западе тысячи деревень, которые все до одной существовали уже в начале XVII века, стараниями таких академиков, как Заславская, были объявлены «неперспективными». Это произошло ещё при коммунистической власти. Демократы во главе с Ельциным даже не пытались и теперь не пытаются снять с моей родины гнусное звание «неперспективной». Наоборот, усугубляют действия заславских. Они уже всю Россию пробуют объявить неперспективной, отсталой, нецивилизованной. Что это за правительство, что это за власть? А власть в России, скажем прямо, всегда устанавливала Москва…

Мой деревенский сосед Фауст Степанович Цветков не мог сдать государству своих превосходных баранов, а вы, москвичи, едите голландские, немецкие, даже американские и австралийские харчи. Мои пожилые соседки, которые день и ночь трудятся не покладая рук, не знают, куда деть молоко (молоко принималось даже во время войны, когда не было ни машин, ни дорог). А вы, дорогие москвичи, едите новозеландское масло и финский творог. Москвич Ю. Черниченко утверждает, что… Не буду повторять, что утверждают живущие на асфальте «специалисты» по русскому крестьянству. Рынок, вы скажете? Дешевле купить этот творог у финнов? Нет. Никакой это не рынок, а обычный грабёж. Грабёж народа с помощью цен на энергоносители, установленные с подачи чужих советчиков. И лгут асфальтовые спецы о том, что в США один фермер кормит столько-то, а у нас один колхозник столько-то. Везде, в любом государстве, кое уважает само себя, сельское хозяйство стоит на государственных дотациях. На американского фермера трудится весь американский народ: сотни специализированных институтов, мощная промышленность. Ветеринарная, агрономическая,

мелиоративная и десятки других служб работают день и ночь на пользу крестьянина.

А вы, господа черниченки, называете наше сельское хозяйство чёрной дырой... Как же не стыдно вам произносить такие слова? Москвичи! Не верьте таким деятелям, которые ориентируются на чужую картошку!

Нынешняя Москва не может вступиться не только за крестьянство, но и за армию. Вы, вернее, многие из вас, митингуете против традиционной народной армии, и бездарные генералы вытягиваются перед этой западной модой во фрунт. Но где у Москвы гарантии от появлений новых наполеонов и наполеончиков? В Америке, что ли? Эти американские «гаранты» уже и сами безнаказанно летают над нами, ныряют в наших водах, уже маршируют на земле «незалежной» Украины... Москву они покорили пока с помощью денег, эти гаранты. Нынешние завоеватели Москвы никаких ключей от города покамест не требуют, им нужны ключи от банковских сейфов да ещё новые синагоги.

Мой отец погиб на подходе к Смоленску, когда Гитлер, огрызаясь, и отнюдь не поспешно бежал от Москвы. В те дни на Арбат из Ташкента и других хлебных мест уже возвращались осторожные предки нынешних демократов. А вы, «надменные потомки», называете русских фашистами! Как же у вас язык-то поворачивается?

Но мне хочется обратиться не к вам, господа демократы. Ваши ответы известны заранее. Хочется пробудить совесть у коренных москвичей, кои забыли сороковой год и год тысяча девятьсот девяносто третий! Да, вы забыли убийц и снайперов, вы голосовали за свору предателей. Только благодаря Москве страна избрала на высший пост больного человека, пьяницу и лучшего друга врагов России! Ни Клинтон, ни Коль не скрывают своего враждебного отношения к России. Вдумайтесь, откуда пришла на Русь такая, например, зараза, как проституция. Не из деревни Тимонихи, не из Вологды же! Это московские электронные средства, московские дикторы и редакторы назвали трудом проституцию. Это они же финансовым спекулянтам, обычным валютным менялам, за всю жизнь не ударившим палец о палец, присвоили почётное звание предпринимателей. Челнок, снующий между Москвой и Стамбулом, палаточный торгаш, перекупщик, банкир, строитель финансовых пирамид и просто мелкий обманщик - все они стали предпринимателями, героями московских газет и улиц, притонов и роскошных банкетов. Лужков забросил все дела и публично пресмыкается перед Майклом Джексоном. Генерал Коржаков публично дарит ему же саблю с вензелем. Так чего же удивляться визгу миллионов московских девчонок, млеющих при одном виде заморской дивы, если до этого докатилась московская и кремлёвская элита!

Это с их подачи внушили Москве мысль о необходимости инвестиций и иностранных займов, словно мы бедны и беспомощны. (Интересно, а как же государство восстановило послевоенную промышленность без иностранной помощи?) Это с их лёгкой руки внедрение колониальных

порядков назвали реформами. Ничего себе реформочки! Теперь ведро молока дешевле, чем ведро минеральной воды. Грабительская цена! Да и эти жалкие рубли крестьянину не дают. Чем ему жить? Экономят на крестьянине и солдате, даже на офицере. Экономят на студентах, на детях, на учителях, врачах. А т. н. СМИ взахлёб твердят, что это и есть реформы, всё это необходимо России. (Вот и сейчас, когда пишу я это письмо, мадам Миткова с каким-то странным пафосом, словно речь идёт о спортивном рекорде, сообщила, как шахтёр, не получая зарплату, взорвал себя гранатой.) Эти мадамы приравняли спортивные сообщения к сообщениям о смерти и катастрофах.

Да, да, это они, телевизионные и газетные деятели, извратили священное слово «труд», называя трудом спекуляцию и проституцию. Эти т. н. электронные СМИ, кино, столичная сцена, журналы за немногим исключением, видеозараза делают всё, чтобы развратить женщину ещё в молодости, чтобы лишить мужчину здоровья ещё в детстве, чтобы он одряхлел уже в юности. Торжество порока эти СМИ соединили с романтизацией насилия, бессмертную человеческую душу губят деньгами и подлыми зрелищами, тело - болезнями, сексом, алкоголем, наркотиками...

И всё это начиналось у вас, в Москве! Но Россия всегда, много веков смотрела на свою столицу с любовью и надеждой, следовала её примеру, подражала хорошему и, к несчастью, дурному. Но Москву обманули, как в начале XVII века, когда во время Семибоярщины в Кремль вошли оккупанты. Большая Советская энциклопедия говорит, что «одним из первых решений Семибоярщины было постановление не избирать царём представителей русских родов», что, «опасаясь выступлений москвичей и не доверяя русским войскам, правительство Семибоярщины совершило акт национальной измены: в ночь на 21 сентября впустило в Москву польские войска».

Москвичи, неужели и вам нравится быть обманутыми?

Вы почти отменили русскую речь в рекламе и на конторских вывесках, отменили падежные окончания к таким словам, как «Останкино», простили убийцам кровь ваших расстрелянных сыновей. Убийцы известны вам по фамилиям. Одно дело, когда верующий христианин прощает лично своего врага или обидчика, как поступила родная сестра последней русской царицы. Но прощать врагов Отечества своего нельзя! И юристы прощать убийц не имеют права. Они обязаны сказать своё слово, иначе какие они юристы, какие прокуроры и судьи?

В Москве, а значит, и в России, увы, нет пока правосудия. В Кремле московском (даже не в Москве, а в Барвихе) сидит больной ставленник западной «демократии». Он поручал судьбу страны продажному, хотя и остроумному генералу, а тот спал и видел себя в кресле своего шефа. Теперь уже вместо генерала правит бал рыжий регент. Что припасли они нам на завтра? Премьеры, вроде Лившица, дружно считают доллары. Рубли, не говоря уже о копейках, они уже исключили из нашего лексикона...

Москва, Москва, очнись же, голубушка, стряхни с себя свои тяжкие сны, а заодно и ядовитую пыль чужебесия!

Лишь в ноябре, после многих событий, после моей поездки на Валаам обращение с какими-то добавками было напечатано в газете «Завтра». Не знаю, обратил ли кто из москвичей свой взор на мои отчаянные вопросы. Зато с известным указом о «примирении» ко мне обратился с вопросами вологодский корреспондент ИТАР-ТАСС…

Я сказал, что думал. Что ничего, кроме лицемерия, не вижу в очередном президентском жесте. Почему такой указ не появился в октябре 1993-го, когда танкисты Грачёва снимали чехлы с танковых пушек? (Не помешал бы такой указ и чуть пораньше, когда ОМОН ещё не начинал бить москвичей дубинками.) Теперь же, когда народ выходит на улицы уже в другом качестве, президентское окружение изрядно перепугалось. То и дело генерирует оно всевозможные праздничные и будничные затеи. Готовы демократы на всё, лишь бы успокоить ограбленных вкладчиков, работников, по полгода сидящих без зарплаты, голодных не только солдат и студентов, но и самих академиков.

Так с кем же призывают примириться униженных и голодных людей? Может, с банкирами типа Березовского? Или со всякими басаевыми? А может, с украинскими незалежниками, кои приватизировали Севастополь? Или с генералами НАТО?

У меня никогда не было особого восторга от Октябрьской (1917 г.) революции, нет его и при виде нынешних уличных шествий. Но я всей кожей чувствую, что с антинародной властью Россия не примирится ни сегодня, ни завтра.

Нет, не примирится Россия ни с так называемыми «демократами», ни с нынешними, ни с бывшими коммунистами, пока все они не принесут покаяния перед страной и перед Богом за крестьянское раскулачивание, за нынешние реформы и лагерные десятилетия, за ленинские попытки вытравить из нас православное самосознание.

Но покаяние безбожникам, увы, неведомо.

Говорят, что теперь у нас нет цензуры. Но ТАСС не обнародовал четыре моих абзаца. В наших многочисленных и разнообразных печатных органах места для них не нашлось…

Сейчас, перечитывая обращение к Москве, вспоминаю летние страсти с выборами. Как легко и как просто власти манипулировали народным мнением с помощью так называемых «демократических ценностей», признанных во всём так называемым «цивилизованном мире». Парламенты, партии, президенты, выборы… А все ценности западной демократии сводятся к денежной калитке, к нездоровому народному любопытству, к предвыборным схваткам. И не только у нас в России, а повсюду. Не будет конца всевозможным выборам, нет, не будет! Кто не верит, пусть читает Л. А. Тихомирова. Уже дошло до того, что достаточно двадцати процентов пришедших голосовать для объявления выборов легитимными. То есть законными. Но законы нравственные, законы

сердца и совести при такой системе власти - не в счёт! Не в счёт и укоренившиеся национальные традиции, вера, народные пристрастия, освящённые не десятилетиями, а веками… В хаосе бесконечных выборов президентов, парламентов, конституций всё это побоку. Зато деньги, демагогия, бесстыдство, обман и угрозы всегда сопровождают подобную систему верховной власти.

Так (или примерно так) думалось, когда однажды я неожиданно для себя купил билет на питерский поезд с твёрдым решением добраться до Валаама.

Почему Валаам и почему неожиданно? Очень даже «ожиданно»!

Много лет, после однодневной туристической поездки на Соловки, меня тянуло на Валаам. (Приходит сразу пошлое сравнение «как магнитом».) Но я не люблю технических, да ещё таких затасканных, терминов. Хотя разве не таинственно, разве не чудесно такое простое, такое всем известное явление, как магнит? В детстве был у меня «свой» магнит, таскал я его в карманах штанов и демонстрировал сверстникам. Теперь вот один врач посоветовал тоже носить в кармане магнит, но уже с другой целью. А какая цель была в детстве? Да никакая! Просто магнит и магнит. Интересно было размышлять, почему липнут к нему обыкновенные гвозди, почему издалека ползёт за ним обычная материнская приколка либо ученическое пёрышко. Я бескорыстно демонстрировал своим сверстникам таинственные свойства магнита.

Вот и Валаам так же притягивал меня к себе все последние годы. И не только меня. Чем это объяснить? Не всё в жизни поддаётся объяснению.

Профессор Токийского университета Рехи Ясуи после первого пребывания на моей родине писал мне из Японии, что жизнь его разделилась теперь на две части. Та, что до Тимонихи, и та, что после… Я недоумевал: что такое? Вологодская деревня (всего пять домов и пять бань) стала для японского учёного каким-то жизненным рубежом. Вот и я сейчас пользуюсь выражением токийского профессора: жизнь моя разделилась на две части - до Валаама и после Валаама.

1 августа 1996 года я тихонечко уселся в четырёхместном купе ночного санкт-петербургского поезда, втайне от себя мечтая о том, что никто больше в купе не придёт. Ведь сколько раз ездил так из Вологды или в Вологду. То есть почти в пустом вагоне. Простые люди ездят теперь в общем вагоне, а ты в купейном! Да ещё и один хочешь. Нет, братец, это уж слишком.

За пять минут до отхода поезда в купе с какими-то тяжёлыми сумками ввалились двое шумных мужчин. Мечта о тишине и одиночестве мигом улетучилась.

Соседи то и дело ходили курить. Потом начали ужинать. Я терпеливо вдыхал не дым, а табачный запах. Курили они, разумеется, не в купе, а где-то около туалета. Раздражение, вызванное табачной вонью, я погасил, но с трудом. (Пришлось вспомнить собственное курение, которому

посвятил около двадцати самых лучших лет.) Но ведь я же бросил. Что за мужик, если он не в силах бросить курить! Словом, гордыня тут как тут: я вот не курю и уже пятнадцать лет не беру в рот алкогольных капель. Они же через каждые двадцать минут палят. Да ещё и пьют вроде бы… Ну да, водку теперь продают как плодовый сок, в алюминиевых банках…

«Не суди, да не судим будешь», - каждый раз вспоминает моя жена во время наших размолвок. Я согласен с евангельским выражением, но странная нынче пошла мода. Пассажиры в вагонах даже не знакомятся. Не говорят друг другу, как их звать. Не предлагают вместе поужинать. Про себя ничего не рассказывают и у тебя ничего не спрашивают…

Боясь фамильярности, я тоже уткнулся в чтение журнала «Держава». Хотелось поделиться с соседями выступлением Виктора Тростникова на монархическом совещании, а также собственным опытом бросания курить. Но соседи не подавали повода для знакомства. По репликам выяснилось, что они были инженеры, ехали в Питер в частную командировку. Вскоре мне поневоле пришлось слушать их непонятный, специфический разговор.

Читать нельзя, свет был плох, и говорить не с кем. В придачу явилась проводница и заявила: «Мальчики, а что же вы радио не слушаете?» Она врубила на полную мощь два динамика справа в коридоре, затем в нашем купе. Это было ужасно. Я вышел, подождал, пока в коридоре никого не будет, и украдкой выключил оба вагонных громкоговорителя. Но она разнесла чай и врубила снова.

Тайное соревнование по децибелам продолжалось у нас с ней и утром, при подъезде к Санкт-Петербургу.

Всё время дивлюсь, с какой лёгкостью переименовываются названия улиц и городов. Ещё большее удивление вызывает так называемое «российское» радио. Оно с каким-то странным упорством уже несколько лет навязывает слушателям всякую звуковую дрянь, ритмический сор, не имеющую смысла белиберду, посильнее алкоголя одурманивающую нашу юную и не очень юную поросль.

Господи, куда прятаться от этих диких звуков? Казалось, что с уходом на «дипломатическую» работу Попцова отвратительная какофония на радио хоть чуть-чуть ослабнет. Не тут-то было! С приходом в руководство радио товарища Сагалаева ничего не изменилось. Как ничего не изменилось после того, как товарищи стали называться господами. И почему, почему информация, пусть она даже наполовину лживая, обязательно смешивается с этой «музыкой»? Эти музыкальные «прокладки» нелепы. Ведь не солит, наверное, и не сыплет перец жена Сагалаева в клюквенный кисель? Не добавляет клубничное варенье в селёдку с луком! Впрочем, кто её знает, может, и добавляет…

Разъединить сотни наталий (музыкальных редакторш) с многочисленными натальями-информаторшами сейчас, по-видимому, так же трудно, как отделить «мирных» чеченцев от «немирных, от всех этих «одиноких волков», рыскающих по кавказским ущельям, на лету

хватающих турецкие либо какие иные подачки.

Нет, ящик ТВ или динамик на стене для народной души, пожалуй, опаснее, чем автомат «узи». Хотя и считаются признаком цивилизации. Добро бы, не было у России таких голосов, как голоса Владимира Маторина, Нестеренко, Архиповой, Петровой… Но ведь у нас есть! Есть и почти волшебная дирижёрская палочка Владимира Федосеева. Живут и здравствуют на Руси такие талантливые люди, как Свиридов, Хворостовский, Гаврилин и десятки других. И все разные… Но господин Сагалаев тащит к своим микрофонам совсем других. Заправилам демократических СМИ мерещится, что они ведут своих рок-королей и рок-певичек прямиком ко всемирной славе. А слава-то колотильщикам и крикунам никак почему-то не даётся. Вот и сегодня, 17 августа, во время завтрака, перед тем как сесть за рабочий стол, включаю «российское» радио… «Начало», - вещает оно. Прежде чем узнать прогноз погоды, ты, батенька, должен выслушать «Доктора Ватсона» - группу бесов, ворующих любые мелодии у любых народов. Конечно, эти мелодии группа превращает в какофонию, в звуковое издевательство над народной мелодией. Сегодня «Доктор Ватсон» потчует слушателей сперва коктейлем из чего-то азербайджанско-советского, потом эстрадно-советского вроде «Чёрного кота» и «Чёрного дьявола» из музыки кинофильма «Человек-амфибия», с которого и начинались когда-то ростки разврата и пошлости.

… А в тот день, в день моего приближения к Валааму, проводница в вагоне так и не смогла понять, почему для меня так нужна тишина, почему нельзя обычную информацию то и дело перемежать музыкальными, да ещё такими бездарными, звуками.

Между тем поезд неумолимо приближался к Питеру. Зелёные леса за окном, стога на скошенных лугах и эти скромные уютные полустанки с картофелем, цветущим на огородных грядках, уже сменялись иными пейзажами. Чуялась близость промышленного, видимо, не до конца придушенного и разворованного гиганта: маячили кое-где фабричные трубы, проплывали жилые многоэтажки, высоковольтные мачты, какие-то полуразваленные пакгаузы и склады. Всё это перемежалось болотной зеленью, кустами и травами, обширными болячками городских свалок.

И враз повеяло на меня грустью чухонских болот, воспетых русской поэзией…

Но куда же движется наше бедное человечество - то самое, которое так активно стремится к научно-техническому прогрессу, то самое, которое с такой напористой мощью строит заводы и всякие железные и бетонные штуки вроде чернобыльского саркофага, не замечая ужаса и мерзости грандиозных городских свалок?

Последний раз я был в Ленинграде года три назад. В Санкт-Петербург еду вообще впервые. Интересно, что изменилось? Пожалуй, свалки из брошенного железа, осколков бетона и кирпича, облитой мазутом земли, - эти свалки стали вокруг Петербурга ещё страшнее. Зловещие болотные

пустыри, заваленные чем попало, природа стыдливо пытается замаскировать свежей зеленью. Но эти попытки тщетны. Вообще, возможна ли безотходная цивилизация? Тягаться с человеком природе не под силу, но ведь не под силу и человеку тягаться с природой! Так они и конают друг дружку.

Правда, если человеки по отношению к природе совсем безжалостны, то она-то, природа, к нам всё ещё милосердна. Каждый год по весне обрастают свежей травкой ободранные танками и бульдозерами южные холмы. Каждой весной проклёвывается листва, обрамляя незаживающие лесные раны Севера. Очищается, хоть и с трудом, речная вода великих сибирских рек. Продуваются свежим ветром загазованные, запылённые места нашей Родины, дождём обмывается всё, что успеваем загадить и испохабить за долгую и безденежную зиму.

Увы, уже не всё... Чернобыльское похабство и за сто лет не смоют никакие дожди.

Говорят, что на нейтрализацию одного цезия (какой там у него номер?) нужно больше двухсот лет. А «Независимая газета» устами очередной натальи (Ратиани) опять заговорила о воде, будто бы без пользы текущей на север. На юг её, такую-сякую, на юг... Руководство Средней Азии будто бы затаило обиду на отмену проекта. Мол, необходимо хорошее, грамотное ТЭО, только и всего-то. И уже поговаривает эта наталья про «дополнительные источники финансирования» этого дьявольского ТЭО за счёт не только России, но и за счёт Международного валютного фонда или просто ООН. Вот так!

Сгубили Арал дикой мелиорацией, а спасать озеро должны Международный валютный фонд и ООН. (На этом месте я впервые в жизни посочувствовал МВФ.) И ведь дадут, если демократы как следует поклонятся толстосумам! Дадут, потому как на такое подлое дело денег не пожалеют. Знают, что сибирскую Русь погубить этому пресловутому ТЭО ничего не стоит, и тогда уж почти вся Русь окончательно превратиться в колонию. По-видимому, солидарен с Натальей Ратиани и сам Третьяков, редактор «Независимой газеты», иначе не стал бы он печатать этот занудный натальин опус.

Впрочем, указанную наталью-прогрессистку я прочитал позже. Тогда же, то есть в начале августа, я больше думал совсем на другие темы. И, пожалуй, совсем о другой Наталье. Вдруг вспомнилась почему-то игривая пушкинская грусть и не менее грустная жена величайшего поэта. И стихи пушкинские, посвящённые Екатерине Вельяшевой:

Подъезжая под Ижоры,

Я взглянул на небеса

И воспомнил ваши взоры,

Ваши синие глаза.

Александру Сергеевичу пришлось добавить лишний слог, чтобы глагол «вспомнил» плавно вошёл в строчку. Какой-нибудь теперешний поэт сказал бы «припомнил». Но это было бы что-то не то... Припоминают

ведь только то, что плохо запомнилось.

Через несколько лет Пушкин писал жене: «Вельяшева, мною некогда воспетая, живёт здесь в соседстве. Но я к ней не поеду, зная, что тебе было бы это не по сердцу». «Вспомнил» и я всех своих друзей, под Ижорами обретающихся, начал спешно перелистывать записную телефонную книжку. «Интересно, писал ли Пушкин стихи в альбомы красавицам после женитьбы?.. И главное, куда мне сейчас сунуться в таком необъятном городе, если придётся ночевать? И вообще, кто ты такой, чтобы пускать ночевать?» И впрямь, беспокоить ночлегом академика Углова или писателя Глеба Горышина у меня не хватит нахальства. Художника Мельникова или композитора Валерия Гаврилина тоже не хочу трогать, хотя с каждым не мешало бы и увидеться. Ну а гостиница? Честно говоря, она мне нынче просто не по карману…

Многим она не по карману, если судить по количеству людей, идущих навстречу пассажирам поезда. Никогда не видел столько встречающих, кои предлагают ночлег на день, на два, на неделю, на месяц. Комнату, а то и всю квартиру. Деятельность Собчаков и Гайдаров не проходит бесследно.

И вспомнился клетчатый пиджак Собчака. Сей товарищ то и дело маячил у микрофона Верховного Совета СССР. «Лучшему спикеру Европы» А. Лукьянову не больно-то хотелось каждый раз включать микрофон для Собачка, но включал. Куда денешься от собчаков, хоть ты и спикер?

Постеснялся я спрашивать стоимость одной ленинградской ночи, на картонках же ничего не написано. Но чтобы устроиться, надо всё-таки звонить кому-то знакомому. Чтобы позвонить в Питере, необходимы либо электронная карточка, либо специальный жетон. Чтобы купить жетон, надо зайти в метро, чтобы зайти в метро… Впрочем, в метро меня пускают уже бесплатно. Первый признак старости. А может, и самой смерти?

Вчера из Москвы я позвонил одной женщине, просил её выяснить, как уехать на Валаам. Сегодня мне не хочется вновь её беспокоить. Авось и сам выясню. Зря. Жара и «шпоры» в пятках быстрёхонько развеяли мою самонадеянность. Вымотала меня одна покупка жетонов и поиски телефонных автоматов. Плохо, когда ничего не знаешь, когда ты один, когда жара и ноги уже не те, на которых служил я когда-то солдатом в Красном Селе (там же, где служил действительную и мой отец Иван Фёдорович, а меня ещё не было на земле).

В увольнение за три с половиной года отпускали всего несколько раз. Тогда, правда, были другие страхи. Увольняемые солдатики и матросы больше всего боялись попасть на глаза многочисленных патрулей. Провести восемь-десять часов увольнения в комендатуре у Бармалея, как мы прозвали одного комендантского начальника, было вовсе не интересно. В увольнение пустили меня первый раз лишь через полтора года службы и - точно! На Невском проспекте нам с приятелем не повезло. Пока заходили в охотничий магазин, приблизился к этому месту морской патруль. Прямо на панели среди нарядных прохожих нас и сцапали.

Велено было показывать сапожные каблуки, стоя то на одной ноге, то на второй. Всё остальное у нас было безукоризненно. Подковки же на каблуках оказались чуть сношенными, и мы загремели прямиком к Бармалею.

Впрочем, солдатские впечатления здесь неуместны, я поберегу их для отдельной книги... А пока не худо бы разобраться, почему последнее время так невзлюбил я выражение: «Не повезло». Или: «Повезло». Иные добавляют ещё и словечко «дико».

«Мне дико не повезло», - говорит какой-нибудь коммерсант. Что значит «повезло», «не повезло»? Выражения эти годятся только для атеистов либо для полуатеистов. Верующий человек говорит: «Господь послал». Атеисты долдонят одно: «Нам повезло».

Женщина в справочной будке деньги взяла, но адрес Валаамского подворья на бумажке не указала. Написана была одна станция метро. И вот я спустился в питерское метро. Оно показалось мне глубже московского. В Вологде, к примеру, нищих почти нет, хотя вологодская жизнь отнюдь не легче московской и питерской. Впрочем, нищие и бомжи тянутся в Москву, им там легче прожить. Тема столичных и провинциальных нищих весьма интересна, только оставим и её для другого раза. Вспоминается моя тогдашняя растерянность: на Валаамском подворье, которое я, наконец, нашёл, никто ничего не знал. Шла служба в честь обретения мощей преподобного Серафима. Я положил чемоданчик к чьим-то рюкзакам и авоськам и затерялся в толпе молящихся. Служба кончилась. Что дальше? Я подошёл к группе монахов и решил поведать им о своих затруднениях.

«Сейчас отец Панкратий из алтаря выйдет, - сказал один монах, приземистый и ещё не старый, хотя седина уже посеребрила его тёмную окладистую бороду. - Ты подойди к нему...» - «А кто такой отец Панкратий?» - «Наместник монастыря. Он и благословит на поездку...» - «А если не благословит?»

Монах ничего не ответил. Мой вопрос был, вероятно, бестактным. Я стал ждать, но опять не утерпел и просил уже другого монаха, что же мне делать, поскольку я не знаю отца Панкратия. Хотя это и было не очень-то приятно, пришлось сказать, кто я такой, что за птица и чем занимаюсь. Монах вдруг оживился и назвал себя отцом Александром. Он подал мне ленинградскую газету «Вести». Статья Николая Коняева о возвращающейся в Россию иконе Тихвинской Богоматери заставила меня вспомнить свою историю, длящуюся около тридцати лет... Лет сорок тому назад, будучи атеистом, я, наконец, отслужил срочную службу. Четыре без мала года тянул под Ленинградом солдатскую лямку. Что такое солдатская лямка во время Лаврентия Павловича и под его непосредственным командованием? Долго рассказывать... Отравленным, вымотанным, но полным смутных надежд на будущее я приехал в Тимониху к материнскому крову.

Уже тогда, в 50-х годах, во всей нашей округе (это около десяти

деревень) жило всего трое девчонок. Ни одна из них меня не заинтересовала. Ещё три были перестарки (позднее их прибрали к рукам ребята, которые были моложе их едва ли не в два раза).

Летний храм с полуразрушенной колокольней ещё возвышался над озером и над всей нашей волостью. Зимняя церковь была до основания разобрана. При Хрущёве тужились уничтожить и летнюю. Обуянный ложной романтикой, я уехал к брату на Урал, затем меня повлекло обратно в Вологду. По-видимому, Создатель долго, осторожно и, может быть, бережно пробуждал мою совесть, понемногу приближая к себе: сперва болью за крестьянскую участь, жалостью к матери, затем юношеской, с шестого класса не умирающей любовью к одной землячке. Далее моя жизнь украсилась интересом к русской деревянной архитектуре, к сочинительству, к хору Юрлова и к «Чёрным доскам» Вл. Солоухина.

И вот явились на моём пути книги Иоанна Лествичника и св. Игнатия Брянчанинова.

Такими ступеньками и притопал я к первой в моей жизни исповеди. Но как долго пришлось подниматься!

Однажды в семидесятых годах в деревне Крутец я случайно забрёл в сарай, заполненный сеном. Строение никому не принадлежало. Хозяин давно уехал или умер. Сено же было накошено кем-то из местных колхозников. Коняев говорит в своей статье о чудесах, связанных с Тихвинской иконой Богоматери. Можно ли назвать чудом то, что позднее случилось со мной? Около разломанного входа из-под сена торчал угол какой-то доски. Я откинул сенной пласт - и превосходно сохранившаяся икона глянула на меня печальными глазами Тихвинской Богоматери. Изображение было без клейм. Надпись внизу сохранилась весьма чётко, но славянскую вязь с титлами я разобрал с большим усилием:

«Образ пречистыя Богородицы мерою и подобием против самого ея чудотворного образа Одигитрии Тихвинская празд. месяца июня 26-го дня».

Красиво было написано, золотом на светлом охристом поле, непривычным для меня стилем. Я увёз икону сначала в Тимониху, позднее в Вологду и всего лишь как живопись повесил над своим рабочим столом. (Помнится, работал тогда с рукописью романа «Всё впереди».)

Несколько лет висела «живопись» над рабочим столом. Я часто ездил на деревенскую родину, продолжая интересоваться иконами. Однажды меня поразило странное действо моих земляков. Куча каких-то удобрений, какая-то дрянь из железа и проволоки, птичий помёт, озеро синеет в широких зияющих церковных прогалинах. Два мощнейших трактора - то ли С-80, то ли С-100 - тросами пытаются растащить остатки летнего, как я считал, Никольского храма, чтобы обрушить стены и купол. Здесь я учился когда-то в первом и втором классах. Двухэтажный, он давно был без креста, наполовину без крыши. Стоял с разломанными оконными проёмами, как бы «изба на курьих ножках», обречённо, покорно. Тучи

галок поднялись над куполом. Остатки железной крыши скрежетали от ветра. Зимняя одноэтажная церковь, алтарная часть и высокая колокольня, куда мы, ребятишки, не без риска лазали когда-то по ветхим лестницам, давно были отломаны. Теперь трактористы пытались разрушить и летнюю часть. Они прицепили к железной кованой тяге, идущей по периметру кирпичных стен, дружно затарахтели. Стена не поддалась ни на йоту. Железная тяга петлёй вытянулась из церковной кладки.

Даже разрушать они не умели... (Если б трос прицепить к тягам, которые под куполом, и дёрнуть даже колёсным, а не гусеничным, то купол бы тотчас обрушился, а разломать остальное ничего бы и не стоило.)

Глупость трактористов спасла остатки нашей церкви, десятиметровое двухэтажное здание уцелело до следующей атаки. Меня что-то кольнуло в сердце, я не стал ругаться ни с механизаторами, ни с начальством, но вдруг неожиданно для себя решил спасти церковь от разрушения. Вовсе мой кошелёк не был тугим! Вначале даже и не мечталось о дверях и окнах. Заложить хотя бы зияющие проломы, спасти остов бывшей моей школы. В одном только первом классе училось более сорока моих ровесников. (В живых осталась всего одна моя сверстница - Марья из деревни Лобанихи. Об этом я уже говорил то ли в статье, то ли в каком-то очерке.)

Теперь мне кажется действительно чудом то, что с помощью трёх-четырёх моих друзей мы заложили проломы. Отштукатурили, побелили... Крест водрузил я дубовый самодельный, на старых растяжках. Пол тоже стелил в одиночку. Тяжело было вставлять железные кованые решётки, но и с этим почему-то справился без помощников. Кое-какие оставшиеся кровельные недоделки помог устранить москвич Александр Саранцев, приобретённую в Литфонде старую люстру привёз из Москвы старый мой друг Анатолий Заболоцкий. Так постепенно дошли до освящения престола. Для иконостаса я снял с моей деревенской стены икону, сохранённую покойным Василием Анатольевичем Задумкиным из деревни Горка. Икону Спасителя отреставрировал и подарил вологодский художник Валерий Страхов, он же хлопотал о дверях и оконных рамах. Престол, иконостас и жертвенник мастерил я, а два великолепных подсвечника подарили храму братья Михаил и Пётр Хлебниковы, живущие в США (из Москвы их привёз опять же Толя). Сосуды благословил владыко Виктор, в Москве. Тихвинская Богоматерь, найденная мною в сенном сарае, всё это время оставалась в Вологде. Не благодаря ли ей наши дела двигались без всякой задержки? Лишь недавно, уже после освящения престола в честь Николая Мирликийского, после многих служб я узнал, что престол-то в восстановленной нами летней церкви был испокон веку в честь иконы Тихвинской Богоматери... Не знал, не ведал об этом. Забыли про этот факт и все наши старожилы, в том числе и жители деревни Тимонихи. Когда я, будучи депутатом и членом КПСС, закладывал зияющие провалы, сосед Корзинкин в трезвом виде начал доказывать мне: «Никакого Бога нет, всё одна выдумка». Я спросил: «Виталий

Васильевич, а что есть, ежели нет Бога?» - «Ничего нет! Умрём, дак в землю зароют, вот и всё...»

Позднее, правда уже по другому поводу, он начал прямо и за глаза материть меня, и моя дружба с этим соседом закончилась. Другой сосед... Впрочем, чего это я про соседей?

Сам ведь был не лучше соседей. В пятидесятом году, будучи голодным фэзэошником, сделал, помню, такой «научный эксперимент»: перевернул икону в деревенском углу вниз головой. Хотелось узнать, заметит ли этот подвох молящаяся женщина, у которой мы жили. (Строили пилораму буквально на костях местного кладбища.) Но верующие женщины отнюдь не молились в присутствии таких остолопов.

Всё это проносилось в памяти, пока я читал статью Николая Коняева и гадал, где бы мне ночевать сегодня.

Разве не удивительно то, что отец Александр оказался настоятелем Тихвинского монастыря? Он куда-то исчез, и я всерьёз не знал, что делать... Вдруг он появился и со словами: «Идите на трапезу» чуть не силой втолкнул меня в какую-то дверь. Я опешил, подался вспять. «Нет, нет, идите! - повторил монах. - Отец Панкратий благословил вас на трапезу...» И вновь подтолкнул меня в нужном направлении. Что оставалось делать? Вместе с другими монахами я пошёл на трапезу.

Повезло, скажет какой-нибудь коммерсант. Я же не коммерсант и, не стесняясь, скажу, что икона Тихвинской Богоматери помогала мне все эти годы, помогла, видно, и тут. Не могу промолчать о том обстоятельстве, что за одно лето в этом 1996 году судьба несколько раз приводила меня в стены православных монастырей.

Во-первых, в московский Сретенский. (Помнится, отец Тихон вместе с Толей Заболоцким, ещё будучи послушником, приезжал в гости в Тимониху.) Никогда не забуду православный женский монастырь Св. Фёклы в Сирии. Как сейчас вижу узкую каменную щель в неприступной скале. По преданию, скала раздвинулась, пропуская сквозь себя сирийскую девушку, убегающую от язычников. Печь патриаршья в Сербии - монастырь древнейший в живописных горах на границе с мусульманской Албанией. Восстанавливаемая в Пензенской области женская обитель. И, наконец, сегодня, 1 августа, я очутился в преддверии Валаама. Уже сотрапезничаю с валаамскими насельниками. И всё это за какие-то три месяца... Случайно ли? Человек православный никогда не скажет, что всё на свете происходит случайно.

* * *

Только после трапезы отец Александр представил меня отцу Панкратию - немногословному наместнику Валаамского монастыря. Что же мешает подробно рассказывать про внешний облик монаха или говорить про монашеский возраст? Я не знаю что, но что-то мешает. Иное дело возраст духовный. Человеку светскому, прожившему всю жизнь в бездуховной среде, понятие духовный возраст малодоступно. Пытаюсь

постичь, что значит духовный возраст. Увы, чувственное восприятие мира то и дело мешает этому постижению. Вспомнился внешний облик недавно умершего митрополита Иоанна (могилу которого я, будучи в Санкт-Петербурге, так и не сумел посетить). Ничего потрясающего в нём не было. Деревенский старичок, по-домашнему добрый и хрупкий, стесняющийся своих телесных недугов. Но как по-богатырски могуча его духовная суть! Какова смелость и глубина постижения родной земли и родного народа, какое бесстрашие в борьбе со всевозможными бесами! Как безукоризненна, как велика вера, как чиста была его жизнь, отнюдь смертью не прерванная, продолжающаяся за гробом, во что учёные люди никогда не поверят.

Однажды, будучи ещё в этом мире, владыко «в две смены» принимал русских недемократических писателей. Я осмелился рассказать про вологодских горшечников, то есть про молодёжь, попавшую в сети каких-то забугорных проходимцев. Я спросил, как вести себя с иностранными проповедниками. «Гнать в шею!» - воскликнул митрополит Иоанн. Мучил меня и до сих пор мучает вопрос: как совместить христианское смирение с необходимостью активного, иногда вооружённого противостояния бесовщине? Можно ли буквально во всем полагаться на волю Божию? При таком изобилии недугов Православия и Отечества? Но задать митрополиту этот вопрос я не осмелился…

Тем временем вологодские горшечники под сенью местных и зарубежных банков смело вторгаются в души наших детей. Они ведут себя в России как хозяева, а демократические губернаторы не знают разницы между Православием и католицизмом. Тем более начальству неведома разница между православным священником и протестантским пастором, засылаемым в глубину России коварным Западом.

Интересна и очень популярна одна «метода» некоторых демократических публицистов. Они с фальшивой откровенностью называют Запад «коварным». Во всеуслышание, вальяжно-простецким тоном произносят такие термины, как «хитрые масоны», «подлые мондиалисты», «зарубежные агенты». Произносят эти термины подчёркнуто громко, словно речь идёт о мифе, известном всему нормальному человечеству. Мол, одни вы дураки и верите в эти мифы, больше никто…

Но беда-то в том, что никакие это не мифы, а самая жестокая реальность, преподносимая как миф, как выдумка, как нечто придуманное и не достойное даже сатирического упоминания. В том и состоит весь фокус, что Запад действительно коварен, что впрямь существуют хитрые масоны, еврейские агенты.

На этом месте спотыкаются, замолкают даже самые смелые представители журналистской среды. Замолкают «страха ради иудейска». Не буду и я нарушать двухтысячелетнюю традицию… Не потому что боюсь - антисемитский-то ярлык всё равно давно пришлёпнут ко мне, - а потому что скучно до зелени…

Я поднялся на второй этаж подворья вслед за отцом Панкратием. Его останавливали молодые и пожилые женщины, просили благословения. Он переговорил с каждой. Вскоре предложил мне сесть в своей просторной приёмной. Я начал путано объяснять, зачем я еду на Валаам: «Не знаю, отец Панкратий, паломник я или турист. Наверное, и тот и другой сразу...»

Настоятель не обратил на мою рефлексию никакого внимания. Он сразу заговорил просто и ясно: как доехать, что надо сделать. Написал записку к благочинному, поручил меня питерскому семинаристу Виктору, который тоже стремился на Валаам. (У Виктора каникулы, он просил разрешения до следующих занятий потрудиться в монастыре.)

- Ну, чего другого, а работы-то мы тебе найдём! - усмехнулся отец Панкратий.

Теплоход на архипелаг шёл только на следующий день. Мы с Виктором по совету отца Панкратия решили добираться поездом сначала до ст. Сортавала. «Оттуда ходит монастырский катер, - успокоил меня отец Панкратий. - Уже утром будете в монастыре». Он даже наметил Виктору место, где мы должны встретиться на вокзале: «Увидите паровоз в стеклянном павильоне. На нём приехал когда-то Ленин». И о. настоятель опять улыбнулся совсем не по-монашески - просто и добродушно.

Я спросил его, где сейчас библиотека Валаамского монастыря. Оказалось, в Финляндии. Попыток вернуть библиотеку истинному хозяину пока не существует. Почему бы не заняться этим возвращением Министерству культуры, возглавляемому литературным критиком Евг. Сидоровым? Или тому же Степанову, карельскому губернатору, позволяющему соседям уничтожать реликтовые сосняки? Монахам-то валаамским не до библиотеки, финны монахов не очень и слушают.

Спросил я отца Панкратия, кто из писателей и когда посетил Валаам, не бывал ли там Александр Пушкин. «Нет, - говорит настоятель, - Пушкин на Валааме не был. Бывали в монастыре Лесков, Шмелёв, Зайцев». Я, конечно, читал превосходные очерки Шмелёва и Зайцева о поездках на острова, но меня сильно интересовал вопрос о знакомстве с Александром Пушкиным моего земляка святителя Игнатия (Брянчанинова). В прекрасной книге Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» помещены все пушкинские знакомцы. Однако братьев Брянчаниновых там нет. Между тем в жизнеописании святителя сказано: «...Родственные связи ввели его в дом тогдашнего президента Академии художеств Оленина. Там, на литературных вечерах, он сделался любимым чтецом, а поэтические и вообще литературные дарования его приобрели ему внимание тогдашних знаменитостей литературного мира: Гнедича, Батюшкова и Пушкина. Такое общество, - продолжает биограф, - конечно, благодетельно влияло на литературное развитие будущего писателя [7].

Преосвященный Игнатий до конца жизни сочувственно отзывался о советах, какие ему давали тогда некоторые из этих личностей».

---

[7]Имеется в виду св. Игнатий. - Примеч. авт.

Как видим жизнеописание прямо называет св. Игнатия писателем. А разве не о писательском даровании свидетельствуют такие сочинения, как «Душа на берегу моря», «Древо зимою» и «Сад во время зимы»?

Конечно же, св. Игнатий был писателем. В молодости он наверняка близко знал Александра Пушкина. Каковы были их личные отношения? Когда и почему русская литература разделилась на два плохо соприкасающихся потока? Противостоит ли писатель Александр Пушкин писателю Игнатию Брянчанинову? Неправомерным, во многом искусственным представляется мне такое противопоставление!.. Если же русская литература действительно разделена на две части, то опять приходит на ум дьявольская формулировка: «Разделяй и властвуй».

…Отец Панкратий сказал, что дня через два сам будет в монастыре. А пока написал для меня ещё одну рекомендательную записку. В канцелярии нам выписали командировки в пограничную зону. Я подал Виктору деньги на билет до ст. Сортавала, мы договорились, в какое время встретимся на вокзале. Впереди был целый свободный день. Сходить в Эрмитаж, в Русский музей либо на Мойку времени явно не хватает. Не встретиться ли мне с Валерием Гаврилиным? Можно бы увидеться и с академиком Угловым, и с Огурцовым, если он в городе. Нет, в Питер нельзя приезжать на восемь часов. С этой мыслью я позвонил Толе Пантелееву. Про Толю надо говорить отдельно, в другом очерке. Я чувствовал неуловимое сходство между ним и отцом Панкратием. В чем же оно? Один - сотрудник Ленинградского университета, другой - валаамский монах. Сходство было поразительным - не столько в возрасте, сколько во внутренней и духовно-сердечной сути. Оставалось время, и я не без пользы истратил его в университете. Толя вздумал меня провожать. Я давно не был в Питере, предложил пешком идти на вокзал.

Город этот прекрасен! Нева была спокойна, величественна. На фоне сиренево-молочных небес чёткие силуэты шпилей, башен соборов раскинулись по горизонту. Эти силуэты и пантелеевские объяснения делали живой, осязаемой историю Родины. Душа металась то ко князю Меньшикову, то к полковнику Пестелю. То художники мира искусств вспоминаются, то воспрянут собственные впечатления: первое солдатское увольнение, обворовавший меня «Ленфильм», премьеры по моим пьесам… Как много оказалось всего, что связано у меня с этим великим городом! В тот день был он под стать погоде, спокоен и светел. Не надо мне сейчас вспоминать Собчака и его ленинградскую шушеру со всеми её продажными типами, с европейскими бесами, пролезающими в окно, прорубленное на Запад Петром Великим. Бесы решили крестить русский народ, но не будем об этом… Прекрасен этот город в первый день тёплого августа, светла и всё ещё чиста (по крайней мере снаружи) Нева. Снова удивило меня то, что здесь нет небоскрёбов, а двух-трёхэтажная архитектура величественна, прекрасна.

Теперь я хотел сам для себя познать разницу между паломником и туристом… Вспомнился грустный и добрый взгляд поэта Александра Решетова, на встрече с которым я заразился прилипчивым литературным

вирусом. Вспомнились и последние солдатские увольнения. Один раз отпустили на целые сутки. Я потратил время грешно и бездарно. Позднее зато дважды ездил в десятидневные отпуска. Один раз по тому случаю, что нас, осназовцев, Булганин уравнял по срокам службы с военными моряками. Второй раз начальство предоставило отпуск за то, что я обнаружил в эфире новый радиопередатчик. (Говаривал я уже где-то, что, будучи солдатом, сражался в эфире с самим Даллесом.) Мои солдатские воспоминания, может быть, дождутся своей очереди.

Мы пришли к ленинскому паровозу за час-полтора до поезда. Виктор с билетами не появлялся, и правильно делал.

Паровоз безмолвно торчал под стеклянным колпаком, аз же, грешный, опять вспомнил клетчатый пиджак Собчака, поминутно мелькавший когда-то перед лукьяновским микрофоном. Мы с Пантелеевым говорили о многом, в том числе и про Собчака. Наблюдали вокзальную публику. Вот подошёл к ленинскому паровозу юноша с сумкой и начал что-то объяснять. Говорил он по-русски, но ни я, ни Толя так ничего и не поняли. Ушёл юноша к билетным кассам, и опять к нам! И вновь что-то говорит, говорит. Мы не сразу сообразили, с кем свела нас судьба... Ощущалась какая-то смутная связь между «паровозом», клетчатым пиджаком и этим юношей.

Вокзальная обстановка не внушала оптимизма, хотя ленинградские вокзалы и общественные места намного чище московских. Демократы объясняют эту разницу, разумеется, близостью Европы, Скандинавии и т. д. Отчасти это так и есть. Но только отчасти. Основная причина этой разницы в чем-то ином. Впрочем, ежели говорить о нужде, то и разница не велика, просто нищие в Питере не такие грязные, не такие разнообразные, как в Москве.

Близость Европы действительно сказывалась. Девочка лет пяти терпеливо ждала наши бутылки. Толя пил пиво, я - какую-то слащавую воду. Хорошо одетая девочка, никакая не нищая! Но расстроила меня не пятилетняя девочка, собиравшая бутылки, а юноша с сумкой. Я долго не мог понять, что был он просто сумасшедший. Сумасшедшие всегда вызывают во мне какой-то страх, иногда ужас. И раньше я бегал от них куда глаза глядят, хоть считал шутливыми такие стихи Пушкина:

Не дай мне Бог сойти с ума,

Нет, легче посох и сума...

Александр Сергеевич явно не шутил с такими вещами. Паренёк, таская свою поклажу, перебегал с места на место. Какой бес тревожит его изнутри? Врождённой или приобретённой болезнью был этот бес, которого психиатры относят к общему названию шизофрения?

Всего больше удручают пьяные женщины... Почему так много стало пьяных женщин? К мужчинам-то появилась кое-какая привычка.

Крохотная, хорошо одетая девочка вежливо, по-европейски, попросила у Толи бутылку из-под пива. Снесла куда-то и пришла за моей

лимонадной. Как расширились «права человека»: бизнес в пять лет…

Наконец, появился Витя-семинарист. Он сказал, что не смог достать настоящих билетов. Купил места в разных вагонах - мне плацкарт, себе в общем, а самое главное - не до конца. Мы не стали особо тужить, я распрощался с Толей и вскоре влез на грязную верхнюю полку. Подушкой служила кепка на моём «дипломате».

Ах, не это было страшно, езживал я и совсем под лавкой! И на вагонных крышах езживал. Страшно стало при виде молодой, красивой, но совершенно пьяной женщины, разместившейся на нижней полке с родным сыном - мальчиком лет десяти. От неё на весь вагон разило сивушным запахом. Несколько раз она пыталась завязать со мной разговор, мальчик терпеливо её останавливал. Особенно волновала её почему-то моя борода, но я сделал вид, что дремлю. Чуть не до слёз было жаль мальчика. Я видел, как он страдал от стыда…

Ночью пришёл на моё место пассажир, и проводница выселила меня. Я пошёл искать бригадира проводников, который продал мне билет до Сортавалы, как называется нынче город Сердобль. Я перебрался в другой плацкартный вагон. Утром ждала меня стычка с ещё одной дамой. Наверное, женщина средних лет, вероятно челночница, приняла меня за священника. Она сначала вежливо выяснила, куда я еду. И вдруг заявила ни с того ни с сего:

- Никакого Бога нет!

Я имел неосторожность возразить:

- Почему вы так думаете?

- А потому что нет, и всё. Одни сказки… Какой там ещё Бог?

- Если вы в Бога не веруете, то во что же вы веруете?

- А ни во что! Ежели Бог есть, то почему он допускает, что люди страдают? Я вон троих чужих детей вырастила… Чего вижу хорошего? Нет никакого Бога… И говорить про него нечего…

- Человеку дана свобода выбора - верить или не верить. Это ваше личное дело.

Она заговорила опять про троих, якобы чужих, детей, но Сортавала уже приближалась.

Я пошёл искать вагон Виктора. Пришлось пройти по вагону трижды, разглядывая спящих отроков. Виктор сладко спал на боковой полке. Будить не хотелось, я присел на свободное место. Он пробудился сам, без моей помощи, но без его помощи мне нельзя было обойтись, пришлось бы долго искать пристань, чтобы плыть в монастырь. Пока мы завтракали в какой-то кофейне, он рассказал, как приехал в семинарию с Украины.

Сердобль ничем не заинтересовал нас, кроме дома художника Рериха. Я вспомнил про мадам Блаватскую, и на душе опять стало как-то муторно… Дурное состояние усугублялось дурацкой музыкой, звучавшей

на катере. Кому жаловаться на эти дикие звуки? Кого просить, чтобы если не выключили, то хотя бы сбавили громкость? Некого. Надо, видно, терпеть. Жаждущий тишины, наблюдаю, не могу даже подремать. Туристы суетливы и беспокойны, они то и дело с криками бродят то на палубу, то обратно. Места впереди нас заняли две толстущих дамы с детьми. Трещат как сороки. Одеты как-то бесстыдно. Одна по-мужски. Обвинять женщин за то, что носят мужскую одежду? Мне казалось, что это несправедливо. Хотя такая мода никогда и не нравилась (сперва сапоги, шапки, брюки… А там и ухватки мужские, и словечки, жесты). Оказывается, ещё Ветхий Завет говорит об этом очень определённо: «Да не будет утварь мужеска на жене, ни да облачится муж в ризу женску…» Теперь допускается всё подряд. Дети вон то и дело что-то едят, грызут, что-то пьют. Мальчишка лет восьми взял на себя обязанность потешать взрослых. Мамаши хохочут, подкидывают двусмысленные вопросы. Обе играют своими детьми, словно бы куклами, развлекаются. Детки, видя такое дело, ещё больше входят в раж.

Витя рассказывает мне о своей родине. На Украине у него родственники, отец и мать. Я предпочитаю спрашивать о семинарском быте и предыдущей поездке на Валаам. Судно, не торопясь, долго выбирается из ладожских шхер. Острова, обросшие лесом луды. Лудами называют здесь каменные лбы и площадки, уходящие в воду. Бессонные воды Ладоги веками лижут эти скалистые берега, веками плещутся в гранитных расщелинах, переливаются по каменным площадям. На протяжении многих тысячелетий вода разглаживала каменные морщины, упорно шлифовала эти скальные нагромождения. Образовались ровные обширные площадки, как бы округлые каменные лепёшки правильной формы, слоистые выступы и даже лесенки и террасы. Возможна ли такая архитектура без высшего разума? Очень сомнительно!

Небо над Ладогой прояснилось, мы с Виктором вышли на палубу. Острова и сердобльские заливы остались в нашем тылу. Водная ширь мерцала светлыми бликами. Золотисто-синяя небесная даль сливалась на горизонте с ясными водами Ладоги. Какое, оказывается, грандиозное озеро! В Европе нет больше такого… Самый крупный запас пресной воды. Глубина и просторы позволяли нашим предкам называть Ладогу морем, как называли они морем Байкал. Не видно никаких берегов… Ещё сильнее действует на воображение глубина этого моря, о которой мне сказали позднее.

А вот как выглядит озеро во время сильного ветра: «Великолепна буря, когда при ясном небе, при сиянии солнца порывистый ветер передвигает влажные холмы на поверхности глубокого, широкого озера. Эта необъятная поверхность вся усеяна холмами лазуревого цвета с белоснежными, серебристыми гребнями. Смятенное бурею озеро представляется одушевлённым.

…Ветер был очень свежий, быстро неслись под небом белые облака отдельными группами, как стада птиц, совершающих своё переселение осенью и весною. Величественна буря на открытом озере; и у его берегов

она имеет свою краску. Там свирепые волны - в вечном споре с ветрами гневаются, грозно беседуют между собою, а здесь оне - в ярости на землю, с замыслом дерзновенным. «Смотрите, как лезет волна на берег», - говорил сопровождавший меня Коневский старец. Точно, волна «лезет» на берег. Это прямое выражение действия. И лезет она с упорством не только на берег отлогий - на огромную скалу гранитную, стоящую отвесно над бездною, от начала времён мира смотрящую спокойно на свирепые бури, как на детские игры. На сажень, на две сажени подымается волна по скале и в изнеможении падает к ея подножию в мелких брызгах, как разбитый хрусталь; потом снова начинает свою упорную, постоянно безуспешную попытку».

Неискушённый читатель ни за что не догадается, что описание бури принадлежит св. Игнатию. Знал ли и сам Белинский, кому из его современников принадлежали эти строки? Если великий критик и читал их, то, наверное, постарался не заметить, отбросить прочь. А ведь они и по духу, и по языку, и по самой обязанности родственны Пушкину, Тютчеву, Гоголю. И всей русской литературе. А разве сама-то литература не родственна и по языку, и по духу творениям таких людей, как святитель Игнатий? Не один ли народ породил всех этих писателей? Но никто не задумывается над таким интересным фактом. Вот и я зарисовку о буре прочитал всего лишь год назад и не знал, что писал её православный святитель. Как не знал и того, что на Валаам приезжали не одни цари и наследники.

Назовите профессора Литературного института, который рассказал бы в своей лекции, как приезжал на Валаам французский писатель Александр Дюма. И знают, да не расскажут. Неведомо студентам и до сих пор, что бывали в монастыре такие великие люди, как Менделеев, Тютчев, Чайковский, художник Фёдор Васильев. А зачем приезжали сюда Миклухо-Маклай, философ Соловьёв? Художники Куинджи, Шишкин, Коровин? Видать, было зачем…

Но вот украинский юноша, учащийся в ленинградской семинарии, по имени Виктор, показал мне далёкую точку:

- Смотрите, это колокольня Преображенского собора.

Валаам тихо, медленно, однако же неотвратимо приближался ко мне.

* * *

Не мешает вспомнить, в каком состоянии духа, вернее, в каком душевном состоянии был я перед этой поездкой. Впрочем, говорить о духовном состоянии, поскольку это высшее человеческое состояние, имеют право одни подвижники. Даже многие верующие живут всего лишь душевной жизнью, а подавляющее большинство - вообще одной чувственной либо даже животной. Последние знают лишь сон, еду и похоть. Ну, может, ещё физкультуру, телевизор и шаманские ритмы.

Когда-то начал я писать очерк под названием «Жажду мелодий». Речь шла о засорении эфира, о заражении эстрады дешёвой, бездарной,

зато ритмичной продукцией.

Чужеземной и доморощенной. Статью я не доделал, подоспела осень-93. Нынче многие люди жаждут уже не мелодий, а просто тишины. Некуда скрыться от дикого шума. Сколько их, разнообразных динамиков! Негде спрятаться от музыкальной халтуры «российского» радио, от бездарных шлягеров и жалких безголосых певцов, от бренькающих гитарных бардов и менестрелей. Они буквально преследуют. Дома сверху, снизу и с боков - соседи (стены не помогают). В телевизоре, на радио - хочешь ли узнать новости - и тут они. На улице, на базаре. Что ни киоск - то дикие звуки. В поезде, в самолёте, на пароходе - везде долбят, визжат, вскрикивают. Кому не известно, что творится в Москве около Ленинградского и Ярославского вокзалов? Тут не слышны даже милицейские свистки. В какофонии, которую изрыгают десятки заглушающих друг друга торговцев, тонут вокзальные объявления. В лесу и там транзисторы. Повсюду, повсюду! Как тут не уехать в деревню! Там тихо. Там изредка можно услышать даже родную мелодию, русский напев…

Там простой шум ветра, треск поленьев в печи, шорох дождика, плеск озёрной воды, шелест осинок - всё ненавязчиво, сдержанно, не говоря уж о ласточкином чириканье. Там, в тишине можно поставить и пластинку с записью Глинки, Чайковского, Моцарта. Или прекрасного церковного пения. Какая это радость для человека! Только прежде чем очнуться душой, сдери с себя чешую равнодушия к людям. Примирись сам с собою. Разберись, отчего так яростен, так неспокоен становишься, когда слышишь всё это вместе с оскорблениями в адрес твоей родины. Твердят и твердят, например, о рабстве. Русские, дескать, рабы! Но ведь ни один демократ не скажет о разнице между рабом страстей и рабом Божиим. Враги России как бы нарочно не замечают эту разницу. Они сами рабы, рабы дьявола. А может, и сам ты служишь ему же, когда так страстно обличаешь врагов России, или когда негодуешь по поводу клеветы на русских, или когда впадаешь в уныние от непонимания родных и близких, или когда сердишься на то, что твой собеседник до сих пор не прочёл Льва Тихомирова? «Не знаю, не знаю!» - говорю я в отчаянии. Знаю только, что «Независимая газета» сильно зависит от банкира Березовского. Знаю, что бесы телевидения бесстыдно лгут, что «Российское радио» никакое не российское, что в журнале «Россия» России нет.

«Георгий Победоносец за демократию», - вещает обложка журнала, где помещена фотография народной скульптуры. Копьё св. Георгия поражает не змия. Оно устремлено на обрывок колючей проволоки. Не поленились, нашли скульптуру, скрутили пассатижами лагерный символ, а ведь сами же и были авторами, создателями лагерей! Сфотографировали, поместили на глянцевой обложке и пустили в ход по Руси вместе со всякими «мегаполисами».

Ни совести, ни стыда. Цинизм. Ложь. Разврат. Сплошь педерасты и проститутки. Фамильярность со слушателем и снова разврат. Таковы, за

немногими исключениями, атрибуты современного радио, кино, печати и телевидения.

И вдруг вся эта мерзость пошла немножко на убыль: близятся, видимо, какие-то выборы. Не какие-то, а президентские. Кто сделал Россию беспомощной ко всем европейским политико-государственным вирусам? Кто автор всех наших расколов, начиная с Никона и кончая расколом нынешним? Верующие русские знают кто. Поэтому их так и преследуют. Знают они почти всё и про нынешние «реформы», знают, почему власть ввела в России чужую валюту, отменив слово «копейка», почему ЦРУ в Киеве и в Москве чувствует себя как дома. Знают, почему украинские бывшие коммунисты вприпрыжку бегут в сторону НАТО. Подсчитывал ли кто-нибудь, сколько у президентов СНГ одних американских советников? Выборы и то с помощью чужих денег и чужих шпионов. Диву даёшься, с какой нахальной самоуверенностью западные весьма многочисленные экономисты, побросав свои домашние дела, ринулись в Россию учить русских, что хорошо, что плохо. Удивляет восторг доморощенных демократов, с коим вещают они об успехах смертельных «реформ». Еда чужая. В Москве она чужая на две трети, в Вологде, может быть, на четверть. Язык, алфавит на улицах Москвы не русский - чужой! Ведущие на ТВ - чужие. Они говорят о России и о Москве в третьем лице. Прогнозированная и во всём нормированная жизнь: хлеб, вернее, денежки - по норме (иногда человек и совсем без хлеба). История (русская) - тоже по норме, можно доказать с документом в руках. Музыка русская по строгой норме, живопись - всё нормировано! Одним мерзости вроде порнографии да ещё бутылки со своим, а больше зарубежным пойлом - сколько хочешь! Двадцать второго июня, может быть, самый печальный для Родины в двадцатом веке день. А «Российское радио» хвастается какими-то фестивалями и карнавалами. Есть ли предел этому отвратительнейшему нахальству, наглости, наконец, очевидной глупости поведения? Они же не думают и о собственном будущем...

* * *

Судно движется довольно споро, но Валаам приближается к нам сдержанно, с неспешным достоинством. Колокольня Преображенского собора уже господствует на островной горизонтали в золотистой озёрной дымке. Вскоре я перестану обзывать Ладогу озером, а Валаам островом. А пока моё географическое невежество не позволяет говорить о Ладоге как о море, о Валааме - как о гранитном содружестве множества островов...

Почему бы не возвратить слову «архипелаг» его первоначальное значение? Оно похищено у нашего языка прихотливой судьбой родины, вернее, литературными изысками на тему об этой судьбе. Валаамский архипелаг не избежал новейшего, суженного значения слова «архипелаг». Моей душе ближе первоначальное значение.

Итак, не озеро, а море, не остров, а целый архипелаг, созданный Творцом как бы нарочно для России. Судьба Валаама - судьба России. Около пятидесяти островов, бесчисленные заливы, протоки, бухточки, живописные леса, суровые скалы. Преображённые человеком заводи и

протоки, дороги в дебрях. Множество скитов, прекрасных православных церквей, убогих монашеских келий среди скал и лесов. То разрушаемых бесовскими силами, то снова чудесным образом являемых миру. И так длится много-много веков…

Говорят, что сюда ступал ногой апостол Андрей. С тех пор не стихала здесь борьба духа с «лукавством мира сего», не прерывалась тяжба пламенной веры с аферизмом, как называл Александр Пушкин холодную рациональную мысль. Даже каменные лбы Ладоги отнюдь не безмолвствуют, напоминая об этой вековечной борьбе, а что сказать о православных скитах?

Но вот золотая главка неподражаемого горностаевского творения сверкнула совсем близко. Никольский скит торжественно проплывает рядом. Теплоход, приглушив свои дизели, входит в монастырскую бухту и тихо причаливает. Паломники, туристы, местные жители сходят на берег и как-то сразу рассасываются, исчезают. Мы с Витей подымаемся по довольно крутому спуску вверх, к монастырским воротам. Терпеливо ждём, когда появится кто-либо из тех монахов, которые занимаются приезжими: беседуют, сортируют, устраивают в гостиницу. Я представился отцу Гурию, подал записку от настоятеля; он, не рассуждая, поспешно повёл нас прямиком в трапезную. Затем монастырский «комендант» Григорий так же поспешно устраивает нас в гостиницу. Небольшая келья с дровами и печкой, опрятная кровать, чайник, стол и ведро с водой. Прекрасно, мне больше ничего и не надо! (Витю, моего спутника, поместили в общежитие.)

Что может быть лучше одиночества на Валааме, в тёплую, почти осеннюю пору, в тишине и при солнышке, когда у тебя есть время одуматься, что-то прочесть, что-то записать, благоговейно припомнить что-то самое главное и давно позабытое?

Первым моим желанием было затопить печь, что я и сделал. Когда она протопилась, я закрыл трубу и отправился в лес. Ориентируясь на синюю бухту, чтобы не заплутаться, пошёл по дороге, свернул на тропу. Вода, лес и скалы. Тихо, тепло. Коровы пасутся. Под ногами в траве черника, даже поздняя августовская земляника. Суета и сердечное смятение не тотчас от меня отступились, не сразу исчезли тревоги, и не в тот же миг посетили меня благие мысли. Нет, душевная ржавчина отпадала на Валааме по малым частям, не за один день. Я углубился в лес, долго искал, где присесть. Сменил три места, мне не сиделось. Какие запахи, какие звуки и какие пейзажи обступали меня! Воздух, насыщенный озоном, пахнущий сосновой иглой, совсем сморил. Но, улёгшись в траву, я не сумел подремать. Черничная полянка и придорожная земляника напоминали далёкую, запредельную пору детства. Высокие сосны, замшелые камни и пни, прихотливые дорожки и тропы. И ягоды. И синие спокойные воды в заливе. Я очнулся от густого звука - от удара монастырского колокола.

Боясь заблудиться, повернул к дому уже другой дорогой. Первый скребок по сердцу устроила мне консервная банка, затем начали

попадаться пластиковые раздавленные бутылки. А вот и целая куча какой-то дряни валяется прямо на заповедной дорожке. Кто загадил, кто набросал? Туристы? Местные жители? Не монахи же…

В первые же часы пребывания на Валааме душу пронизывает по очереди то скорбь, то радость, а то приходит и просто отчаяние. (Я уже видел сегодня, как монах вежливо, но настойчиво выпроваживал за ворота монастыря пьяную, да ещё и с собакой, женщину.) Женщина сквернословила и махала руками. Монахам некуда спрятаться от мирских влияний. Пёстрые жители Валаама плотно окружают обитель, они приехали сюда из разных мест и живут постоянно. Кто в бывших кельях, кто построил дома. Живут, прямо скажем, по-разному.

Вот прямо на деревянных мостках, ведущих на островок Никольского скита, спит здоровенный парень. С похмелья, что ли? На плоском, видимо, тёплом камне храпит второй человек. Среди белого дня. Может, им нечего делать? Я погасил в себе позыв разбудить мужиков и поспешно ретировался. А вот под горой, где печалится древняя уже опавшая лиственница, старый, явно из прежних времён, забор с кирпичными столбами. Вместо того чтобы залатать заборную дыру, кто-то полуметровыми буквами салатной краской намалевал: «Долой правительство Янаева!» Что ж, этот маляр добился своего, но теперь эту краску он, наверное, не стал бы тратить. Сэкономил бы…

Невдалеке заброшенный монастырский сад. Лучше не перечислять, что и как выращивали когда-то монахи в этом саду. Дальше я вижу жилой домик, около него тарахтит колёсник. Ещё чуть подальше маячат развалины - старый скотный двор. Совсем всё развалилось. Балки и стропила сгнили - кои упали, кои опасно висят, крыши нет, ворота сломаны. Особенно опасны нависшие брёвна, они еле держатся. Мне хочется найти топор и обрушить эти нависшие брёвна, чтобы они не задавили кого-нибудь. Хлев пустой. Зачем держать опасные развалины в таком виде? Я уже подумывал прийти сюда с ломом, с топором и опустить на землю нависшие брёвна. Зашёл в хлев, слышу, кто-то шевелится. Мальчишка лет пяти сидит на потолке под развалинами. Сено свежее. Старуха какая-то появилась. Ругает мальчишку. Старуха в штанах, наверное, нездешняя. Второй мальчик, ещё меньше, вылез из-под опасной кровли. Показываю на висячие, готовые упасть брёвна:

- Куда это ваши мужики глядят?

- А никуда! Мужикам только пить.

- Но ведь задавит мальчиков…

- Не задавит.

- Чего они думают, мужики-то? - не отступаюсь я.

- А ничего не думают.

- Как же так? Ведь задавит.

- Доживём как-нибудь и так.

- Вы-то, может, и доживёте, а они? - Я киваю на мальчишек, вылезающих из-под сена.

- А пусть они сами и думают.

- Да ведь они же маленькие!

Ухожу, чтобы не разругаться. Старуха не настроена говорить по душам. Ребятишки с любопытством слушают наш диалог. Их отец или брат у дома заводит колёсник. Может, это не их отец? После разговора с бабкой я плохо воспринимаю красоты архипелага. И позже всё валаамское время я ощущаю тесное контрастное пограничное состояние между делами человека и безгрешной природой. Да, да, как тесна здесь связь между мерзостью запустения и добротными творениями монашеских рук! Так близко они друг от друга. Так отрадно и облегчающе звучат молитвы и песнопения посреди безбожных слов и дел непотребных! Ангельское и бесовское - рядом. Бесы, вероятно, чуют своё скорое отступление, но по-прежнему хозяйничают в душах островитян. И приезжих, конечно. Молитвы и физические подвиги монастырской братии, послушников, верующих мирян то заслоняются мерзопакостными явлениями, то снова проявляются во всей своей силе и полноте. А может, я ошибаюсь, и эти контрасты обозначены лишь в моей душе? «Силён бес, горами качает, а во мне и пяти пудов нет», - думаю себе в оправдание. И с трудом преодолеваю сонливость, голод, отвращение от зарубежных туристов, наконец, желание сходить поудить. Говорят, что как раз идёт хариус, но без благословения о. благочинного, говорят, нельзя рыбачить.

Комендант Григорий всё-таки дал мне припасы, чтобы устроить рыболовную снасть. Отец Борис - благочинный - благословил сходить на рыбалку. Послушник Сергей Севастьянов вызвался научить ловить хариуса. Анатолий Фёдорович Захаров рассказал мне кое-что по истории Валаама. Хор приезжих певцов в Никольском храме, издалека услышанный мною, был прекрасен и чист, но на душе было всё ещё не очень чисто. И не очень спокойно.

То звучали голоса финских туристов, то вспоминался голос барда: «Года, как чемоданы, оставим на вокзале». Тьфу ты... Какие пошлые словеса. Как бездарна песенка. Представятся вдруг то чмокающий Гайдар, то облик Явлинского - этих политических нарциссов, командующих моей родиной. Вот пришёл теплоход с финнами. Местные жители униженно добывают марки, продают какую-то рыбу. Нет, не позавидуешь нынешнему православному монаху или отшельнику! Многие ездят по монастырям просто из любопытства... Народ проникает в самые дальние лесные скиты. Люди, жаждущие духовного обновления, ищут помощи со стороны, вместо того чтобы каждому навести порядок в собственной душе. Ездят и путешествуют. Обращаются к монахам совершенно бесцеремонно. Стремление к вере - это ещё не вера. Впрочем, всё начинается с малого. И к чаше приходит каждый своим путём, и не счесть числа этих путей... Давно ли и сам ты был таковым? Да и далеко ли ты ушёл от просто любопытствующих? О других судишь, а сам... с трудом преодолеваешь тщеславное чувство. И всегда ли преодолеваешь? Вот

думал раньше: если человек способен подать милостыню и тут же забыть о своём поступке - это и есть подлинный христианин. Оказывается, одного этого маловато...

Мы говорим на эту тему с послушником Сергеем Севастьяновым, направляясь к месту рыбалки. Он рассказал, как ездил недавно в Палестину, сопровождая отца Рафаила. Он присутствовал на богослужении в Кувуклии. Я спрашиваю: «Сергей, а ты сам видел, как из ничего возник и зажёг свечи святой огонь? Расскажи об этом подробнее...»

Очевидцев этого чудесного явления и раньше на Руси было немало, а что знает народ об этом великом чуде? Однажды в энциклопедии Брокгауза и Ефрона я случайно наткнулся на такую заметку:

«Гагара (Василий Яковлев) - паломник XVII века, казанский купец, в 1634 году отправился по обету в Святую Землю, захватив слугу своего Гараньку. Чтобы добраться до Иерусалима, он употребил более года». Далее говорится в заметке, что Гагара пробыл в Иерусалиме три дня, затем съездил в Египет к александрийскому патриарху, от коего получил грамоту к царю Михаилу Романову. «Посетив Синай, Гагара возвратился в Иерусалим, где уверовал в сошествие в Иерусалимском храме, в день Пасхи, небесного огня, так как прикладывал тот огонь к своей бороде, и она не загоралась».

В БСЭ Гагару, конечно же, не допустили и близко. Вот и я узнал о казанском купце лишь под конец жизни, и то случайно. Теперь ездят в Палестину отнюдь не по году в одну сторону. А всё равно много ли народу знает про небесный огонь, сходящий каждую Пасху?

Сергей Севастьянов - очевидец. Он же рассказал мне о страшных приметах современности: о засохшей ветви Маврикийского дуба, о некоторых палестинских явлениях и видениях, не предвещающих человечеству ничего хорошего.

Сергей сопровождал меня в наших путешествиях по некоторым скитам, когда из Питера возвратился отец Панкратий. Что такое скит времён, например, игумена Дамаскина? Это прежде всего храм с кельями, домами, иногда службами, то есть целый монастырь в отдалении от главного. Иногда одинокая келья. Отцы-пустынники, удаляясь от грешного мира, уходили в леса, в безлюдные и суровые места, вырывали себе пещеры или рубили убогие избушки. В поэтичной и доброй книге Михаила Янсона «Валаамские старцы» говорится о быте и жизни монахов и схимников. Михаил Янсон так описывает возникновение скитов:

«Фруктовый сад, большой огород. Землю зимами на себе возил, с соседних островов. Ломом откалывал, мёрзлыми комьями сваливал. Двадцать лет назад. А теперь вот как всё поднялось, питается, плодоносит. Воды тоже по полтораста вёдер нашивать приходилось. Видали мы потом уж, как, в высоких сапогах, в белой рубахе русской, а поверх - большой крест на груди и параман на спине, с непокрытой, белой, сияющей головой, весь в радостном солнце, работает, трудится

старец над землёю. И поняли: вот она, мечта воплощённая. Мечта не одиночного человека, а взлелеянная миллионами простого русского народа, взращённая веками. Ещё тогда, давным-давно, когда в чаянии иной жизни уходил в дремучие, нетронутые леса подвижник и там в дебрях ставил свою пустынную келию, тянулись за ним и мирские, жались ближе к иноку, и предносилась им жизнь благословенная, смолённая, от Христа неотрывная.

И вот - осуществилась здесь. Вся жизнь - во Христе. Целиком, без остатка, деннонощная жизнь, со всеми хозяйственными мелочными заботами: и гряды, и сенокос, и варенье, и хлебы».

А скитов-то на валаамских островах было сколько? Один отец Дамаскин, сын тверского крестьянина, основал Никольский, Святоостровский, Предтеченский, Ильинский… Не зря святитель Игнатий Брянчанинов советовал Николаю I сделать отца Дамаскина игуменом Валаама. В тексте к валаамскому альбому говорится: «Отец Дамаскин обладал даром не только мудрого духовного наставника, но и талантами строителя, архитектора и агронома, метеоролога и ботаника (Дамаскин первый начал изучать климат и природу Валаама), писателя и библиографа, историка и экономиста…»

А сколько сделано было, сколько создано иными игуменами и подвижниками. И всё это не раз погибало во время набегов и революций. Русские верующие строили, разрушали язычники-иноземцы. Сжигали, паскудили и свои бесы во плоти, взращённые в недрах Отечества. Отец Рафаил показал мне храм, восстановленный на Всесвятском скиту. Все стены и апсиды испещрены надписями типа: был здесь такой-то, тогда-то, фамилия и его «собутыльники». Подпись: «Вожак». Под многими такими сочинениями стоят адреса. Кто они? Туристы? Высланные?

Не стал я допытываться, кто разрушал и похабил храм, не стал спрашивать и о том, почему не хватает извести, чтобы замазать эту похабщину. К тому же Сергей принёс целую шляпу крупной, спелой клубники. В ожидании наместника мы устроились в келье и начали поглощать земные дары. В ожидании отца Панкратия пошли мы с отцом Рафаилом через лес вниз, к воде. На тропе попадались тут и там съедобные грибки. Ядрёные. Черника, крупная, спелая. Какой чудный вид открывался с лесистой скалы над заливом! Вдруг я весь содрогнулся от омерзения: чёрная, довольно большая змея, гревшаяся на тропке, не торопясь уползла в заросли. Как же много лет прожил в скальной пещере в соседстве со змеями иеросхимонах Никон? Царь Александр I посетил в 1819 году эту пещеру. Митрополит Михаил всего лишь похвалил жизнь пещерника, Никон же после этого, пугаясь мирской славы, удалился в иное место…

Хотелось мне о многом спросить отца Рафаила, но времени оставалось совсем немного. Он дал мне всё же несколько духовных советов, высказал несколько пожеланий. Кротко и ненавязчиво. Он осторожно развеял мои горькие раздумья по поводу греховности литературных трудов. На пользу ли такие труды? Церковь не очень-то

жалует, например, театральную, лицедейскую деятельность. Может, та же участь постигнет и нашу литературу? Вспомним на миг пословицу «Глупый погрешает один, умный соблазняет многих». Быть может, и мне на закате жизни станет стыдно за свои писания, кто знает…

Поговорили мы с отцом Рафаилом и об экуменической ереси, так сильно и так незаметно проникшей в современное Православие. Старец назвал эту ересь главной бедой России…

Но вот настоятель приехал в скит на «уазике». Далее мы должны были ехать на лодке. Отец Панкратий не благословил отца Рафаила ехать с нами в лодке на Предтеченский скит. Это было опасно. И я, может быть, навсегда расстался со схимником.

«Какой я старец, я просто старый», - шутливо говаривал отец Рафаил. Отец Панкратий также не лишён юмора, хотя строг по отношению к себе и к братии.

Прекрасную монастырскую ферму, построенную более ста лет назад, я не успел разглядеть, как следовало бы это сделать. Мы спешили в Предтеченский скит. По-моему, таких ферм нет и в самых лучших хозяйствах. Она построена из красного кирпича при игумене Ионафане и напоминает скорее дворец или жилой дом, чем скотный двор. «Труд инока, кажущийся непосильным светскому человеку, радостен и лёгок, как бремя Христово, поскольку совершается с молитвой во славу Божию», - пишет Ал. Берташев.

Что бы мы ни говорили, о чем бы ни спорили, в конечном итоге всё сводится к одному: к вере или безверию. Для меня в этом нет никакого сомнения. Русские люди явно делятся на активно верующих и активно неверующих. Вторых в России покамест несравненно больше… Но самые многочисленные - это, как говорится, ни то ни сё, ни рыба, ни мясо. Или: «Ни Богу свечка, ни чёрту кочерга». Как раз на три таких группы и разделился в XX веке весь русский народ.

Быть может, я говорю банальности, которые необходимо знать каждому мало-мальски просвещённому или даже просто грамотному. Тогда почему же большинство людей не знает простых этих истин? Ведь большинство как раз достаточно грамотно. Есть, конечно, и просвещённые, но просвещённые, увы, не светом Христовым. Слово «просвещение» давно утратило свой первоначальный, гоголевский смысл. Безбожная интеллигенция много сил положила, чтобы лишить это слово первоначального смысла!

Градация между истинным просвещением и просвещением в нынешнем понимании так многообразна, так многочисленна, что мне её лучше не трогать. Просвещённое общество, во-первых, поставило в один ряд с православной, истинной восточной верой буддийскую, магометанскую и иудейскую. Словно это нечто равносильное в истине. И непонятно для него, отчего православные патриархи критикуют Папу Римского. Для большинства обывателей (вплоть до имеющих институтские дипломы депутатов) что православная вера, что

католическая или иудейская и мусульманская. Никакой, мол, разницы. Во-вторых, не ведают депутаты и просвещённые разницы между католиками и отколовшимися от католиков протестантами. Поэтому и непонятна для них кровавая борьба, например, в Ольстере.

Да что вспоминать примитивность представлений об одинаковости всех (вплоть до сатанинской) религий, если «просвещённые» не знают разницы между такими понятиями, как чувственное (эмпирическое), душевное и, наконец, духовное восприятие мира! Такое «просвещение» всё свалило в одну кучу. Что греха таить, и сам-то я совсем недавно был в числе таких «просвещённых»… Не больно-то легко, словно барону Мюнхгаузену, вытаскивать самого себя из атеистической трясины. Сначала надо было хотя бы остановить погружение, чтобы не задохнуться…

На этом месте как раз и просится к объяснению такой религиозный термин, как «благодать», но я для этого не имею ни места, ни времени, ни способностей. Найдутся и другие для этого, не такие косноязычные… Одно знаю твёрдо: что далеко не каждый термин можно и нужно расшифровывать, что человек может безнаказанно покушаться далеко не на каждую тайну. Есть вещи в нас и вокруг нас необъяснимые, сопротивляющиеся любым объяснениям, как бы нахально и смело мы к ним ни приступали.

Именно такое ощущение не покидало меня все четыре дня валаамского пребывания. Особенно проявилось оно при посещении Предтеченского скита. Мы ехали туда на моторной лодке по каким-то заливам, по каким-то протокам, устроенным задолго до нас. Берега были выложены громадными валунами. Следы какого гигантского, какого бескорыстного труда! Не верится, что всё это было сделано руками: и протоки в каменных ложах, и величественные поминальные кресты, и дороги среди лесных скал, и причалы, и одряхлевшие ныне лестницы, и кельи-избушки, и прекрасные, почти разрушенные ограды скитов, и церкви, и многочисленные часовни… Словно кто-то физически помогал монахам, нашим предкам, строить всё это!

А кто разрушал? Мы молчим, размышляем. Отец Панкратий завладел у Сергея фотоаппаратом. Сам снимает пейзажи с водой и лесом. Как прекрасны они, эти пейзажи, даже в соседстве с руинами, этими униженными, но полными достоинства свидетелями былого.

На Валааме есть всё. Древность русской истории, камни и скалы, чистейшая, необозримая вода, хвойный и лиственный лес. И вновь теплится на этих островах вера Христова! Пока она скорбно и мощно звучит в песнопениях, в молитвах не очень многочисленной братии, в молитвах ещё менее многочисленных паломников. Есть надежда. Сам Патриарх Алексий II, ещё девятилетним мальчиком приезжавший сюда, следит за возрождением древней русской святыни. Но монастырь, его главный, Спасо-Преображенский собор до сих пор оплетены строительными лесами. Мощные бревенчатые постаменты, многоэтажные настилы уже чернеют от многолетних ветров и дождей. Возможностей

для продолжения реставрации нет. Порядка на островах, не считая монашеского, тоже пока нет. А тут ещё постигла Россию эпидемия суверенитетов. Ничего себе словечко! Натощак не выговоришь. А что, если по примеру чеченцев потребуют независимости все сорок национальностей, живущих в одном Моздоке?

Демократы не отвечают вслух, что тогда будет. Но они знают, чего хотят. Они хотят уничтожить Россию. Разговоров об этом с валаамскими насельниками я не то чтобы избегал, просто сама здешняя природа и монастырская атмосфера не способствовали этому. А может, и на здешних безбожников это обстоятельство действует? Судя по валаамской свалке и по заборному лозунгу, пока не очень действует.

Предтеченский скит возвышается на суровом трёхкилометровом острове Ладоги. Ветер шумит над ним, вокруг день и ночь плещутся волны. Скудные силы трёх-четырёх здешних монахов поддерживает братия главного монастыря, однако восстановление Предтеченской церкви идёт медленно. Пока строят дом для жилья.

Мы поднимаемся по замшелым ступеням высоко вверх. Мощные, тревожные ели с густым подсадом, мшистые скалы… Поклонный крест, несколько келий, в том числе и настоятельская. Отец Панкратий любезно предлагает мне здесь ночевать, но я должен покинуть остров сегодня. Во время скромного чаепития в закопчённой избушке отец Панкратий добродушно подшучивает над Сергеем, якобы неудачно снимающим ладожские пейзажи. Подшучивает и над ещё не старым монахом, который постоянно живёт в скиту, отчего совсем забыл некоторые необходимые слова. К сожалению, я не запомнил его имя. Другой монах, отец Василий, прячется за плечи своего товарища, когда Сергей пробует фотографировать всех нас.

Поклонный крест, стоящий над Ладогой на отвесной скале, величественен. Вершины могучих еловых и сосновых дебрей под нами. Далеко внизу синеют озёрные воды. Видно, как бесчисленные волны с белыми барашками на гребнях бегут и бегут к здешним скалам. Ещё шире открываются перед нами ветреные просторы Ладоги, когда мы ярус за ярусом поднимаемся по строительным лесам. Я уже хотел остановиться на третьем ярусе. Но неужели я и впрямь устарел? Вон отец настоятель легко поднимается на четвёртый и даже на пятый ярус. Здесь ладожский ветер пробует сдирать мою кепчонку, леса скрипят. Чуть-чуть качаются, подрагивают, словно палуба старинного парусника, но стоят прочно. Отец Панкратий по отвесной, весьма ненадёжной лесенке смело следует дальше вверх, на последнюю площадку, построенную вокруг креста.

Отсюда мы с минуту любуемся сине-стальной Ладогой. Я долго держался за медное литое основание креста, сохранившееся ещё со времён Годунова. Как трагична история одного этого храма! Наёмники Делагарди не смогли навек уничтожить Предтеченский скит. Вернее, русские столько же раз его восстанавливали, сколько раз шведы его разрушали.

Спустившись, мы ещё раз навещаем скитский колодец. Как поднимается озёрная вода на такую высоту по скальным породам? Удивительно!

Не менее удивительно и трудолюбие русских монахов, в своё время корзинами таскавших на эти скалы землю, а воду - деревянными вёдрами. Сейчас скитские монахи с некоторой гордостью показывают свои нынешние ягодные насаждения. Мы прощаемся. Радуга неожиданно встала над озером и скитом. Сергей говорит, что она встала нарочно для нас, он торопит отца Панкратия сфотографировать этот великолепный вид. Радуга действительно быстро исчезла. Сумерки затаились в лесу, но ладожская вода роскошно и сурово переливается медью. Мерцает она и серебром, и вечерним сусальным золотом. Шумит озеро. По довольно крутой и опасной волне возвращаемся в монастырь, причаливаем на Никольском острове. Прощаюсь со своими новыми знакомцами. Отец Василий, видимо, на лодке возвратится на Предтеченский. Пробую подарить ему свой зонтик, но он не берёт. Взял всё же, чтобы не обидеть меня, и то лишь после разрешающей реплики отца Панкратия.

Вскоре я покинул архипелаг…

Отец Панкратий ещё успеет рассказать мне несколько удивительных историй, происшедших с нынешними насельниками монастыря. Истории эти порой трагичны. Неповторимы они, и я не осмеливаюсь смущать читателя теми порой вполне детективными происшествиями. Даже разговор об удивительной валаамской природе несколько пугает меня. Я как бы рекламирую Валаам, приглашая туда безобразные толпы туристов. Монастырь не боится паломников. Но туристы…

О, я узнал, что такое нынешние туристы. На роскошном теплоходе, в роскошных ресторанах и барах, в двухместных и четырёхместных каютах… О туристах лучше помалкивать. Двое совсем юных монахов, Сергий и Михаил, плыли со мной в Питер в одной каюте. Они подарили мне на прощание книжку «Валаамский летописец». С добродушными улыбками рассказывают, как пристают к ним некоторые люди. Особенно возмущает звание монаха некоторых экзальтированных дамочек. «Привет? Папик!» - фамильярно возгласил какой-то интеллигентного вида молодой оболтус при встрече с Сергием на теплоходной палубе.

Не знаю уж, что ответил ему Сергий. Скорее всего, промолчал.

А ты, спрашиваю сам себя, смог бы ты промолчать? Простить бестактность, хамскую реплику? Увы, увы… Пожалуй, пока не смог бы.

На вокзале, уезжая из Санкт-Петербурга, обнаружил в кармане не использованные жетоны для междугородного телефона. Чтобы они не пропали, предложил их первому встречному. Тот, кажется, испугался и подальше, подальше от меня. Второй тоже: «Куда мне их?» Третья - девушка - тоже не хочет брать. Нищих полно в Питере, а жетоны не берут. Но я же от чистого сердца, чтобы не пропали! Не может быть, чтобы вон хотя бы тот мужчина никогда никуда не звонит по междугородному. Ему бы пригодились.

После четвёртого обращения я бросил в урну горсть жетонов и побежал к отходящему поезду. Вскочил в вагон чуть ли не на ходу…

Нет, если и сформируются в России когда-нибудь подлинные сословия (так необходимые для всероссийского собора), то пусть начинается это формирование с монашеского сословия. Глядишь, дойдём и до офицерского, и до крестьянского. Чем больше их будет, сословий-то, тем лучше.

Конечно, бомжи с банкирами - это никакие не сословия…

1997

Часть четвёртая. Духовные скрепы. Из очерков о народной эстетике «Лад»

О народной скульптуре

Покойная каргополка Ульяна Бабкина про свои глиняные игрушки говаривала: «Бери, бери, я, даст господь, ещё напеку». «Выпекая» свои удивительные создания, она и не подозревала, что делает что-то особенное. (Так же не подозревала за собой особых заслуг перед Отечеством бабушка Кривополенова.)

Красота, будучи повсеместной и неотъемлемой частью быта, не ставилась в ранг исключительности. Ульяна Бабкина считала, что игрушку может слепить и раскрасить любой, было бы, мол, желание да хорошая глина. В известной мере так оно и есть.

Но бабушка в своей традиционно-народной скромности как бы игнорирует степень талантливости, не замечая того, что один сделает хорошо, второй лучше, а третий перешибёт и того и другого.

Крестьянская бытовая среда позволяла ещё в детстве выявлять художественные наклонности, хотя в последующие периоды жизни она далеко не всегда развивала и закрепляла их. Первым скульптурным опытом могла стать обычная снежная баба. Прирождённый лепщик тайком от взрослых лепил «тютек» из хлебного мякиша, а после жевал их, так как бросать или использовать хлеб не по назначению считалось величайшим грехом.

Весною, едва проглянут на припеках золотисто-жёлтые глазки мать-и-мачехи, дети сами добывали из ям глину, оставшуюся от взрослых добытчиков. Лепили птичек, человеческие фигуры, домики и т. д. [8]

Никто не знает, как выглядела деревянная скульптура языческого Перуна, которого, по свидетельству летописцев, древние киевляне во время крещения сбросили в Днепр, били железными прутьями и отталкивали от берега. Облик новгородских языческих статуй также закрыт плотной завесой времён. Художественные скульптурные традиции, уходящие корнями в толщу язычества, по-видимому, были прерваны. В лоне православной религии скульптура была почти полностью вытеснена живописью. Но потребность в пластическом художестве жила и удовлетворялась многими способами: в деревянной и глиняной детской игрушке, в бытовой и церковной деревянной скульптуре, в мелкой пластике из металла, «рыбьего зуба» (то есть моржового клыка).

Дерево и здесь стало наилучшим материалом, роднящим заурядного

[8]Известный теперь далеко за пределами костромских мест художник Ефим Честняков, на практике осуществлявший принцип естественного художественного воспитания, лепил вместе с детьми целые сказочные города, писал для детей сказки, устроил в овине детский театр. К сожалению, лепные «города» Честнякова не сохранились.

мастера с художником. Оно соединяло виды народного искусства, осуществляло плавные, нерезкие переходы от одного вида к другому. Например, от пряничных и набойных досок доброму мастеру, обладающему художественной способностью, ничего не стоит перейти к пластике на религиозные темы. Графика деревянной резьбы, растительный и геометрический орнамент деревянных архитектурных украшений сами по себе были в некоторой мере объёмными. От широко распространённой резьбы до горельефа всего один шаг. Обычная «курица», держащая на крыше поток, выполняющая чисто конструктивную функцию, была одновременно и архитектурной деталью. Но она же таила в себе хотя и сильно обобщённый, но всё же скульптурный образ. Птицы по бокам кровель заставляют вспомнить о полёте, о стремлении в небо, также и скульптурный конь охлупного бревна, венчавшего князёк, был олицетворением движения. И весь дом ассоциируется теперь уже с крылатым конём Пегасом…

В Тарногском, Кич-Городецком, Никольском районах Вологодской области до сих пор можно увидеть этих великолепных коней. Некоторые из них имеют две конских головы на одном корне. Вырубленные изящно и с достаточной мерой условности, все они разные, что зависит от вкуса строителя и особенностей древесного корня. Посуда, выделанная из берёзовых капов в образе птиц, также имеет скульптурные художественные элементы, заметные даже под неопытным взглядом.

Плоскостная резьба по дереву и по кости в хороших руках переходила в пространственную, объёмную, что очень заметно на примере многочисленных резных царских врат, окладов, так называемых «тощих свечей» и т. д.

Однако мастера резьбы почему-то не спешили становиться скульпторами, царские врата с объёмными фигурами встречаются значительно реже. В необъятном мире детской игрушки скульптурный образ вполне достойно соперничал с красочным. Эти неразлучные друзья-соперники не могли обойтись друг без друга, особенно в глиняной игрушке. Вылепленный и обожжённый Полкан ещё не Полкан, Полканом он становится лишь в раскрашенном виде. Условность, обобщённость и лаконизм в народной глиняной игрушке одинаково свойственны и скульптурной и живописной стороне художественного образа. Живопись и скульптура сплавлены здесь воедино и немыслимы по отдельности. Это присуще всей русской глиняной игрушке. Стилевые же художественные особенности складывались в разных местах по-разному. Было бы ошибочно думать, что, кроме вятской Дымковской слободы (которая нынче, кстати, вполне заслуженно стала всемирно известной), глиняные игрушки нигде не производились. Их делали всюду, где имелось горшечное гончарное дело.

Деревянная игрушка была традиционным элементом народного быта. Попутно с посудным, лубочным, ложечным и веретённым производством мастера по дереву развивали игрушечное. Помимо этого, в каждом доме, где имелся хотя бы один ребёнок, обязательно заводились то деревянный

конь с кудельным хвостом, то упряжка. Игрушечные сани на колёсах, изображённые на картинах Ефима Честнякова, не фантазия художника. Любили вырубать (вырезать) птиц и медведей, причём медведи очень часто участвовали в комбинированной игрушке. Медведь-пильщик, медведь-кузнец и теперь не редкость в сувенирных отделах универмагов.

Скульптурные изображения, не связанные с религиозной либо игрушечной тематикой, очень редки, но иногда какой-нибудь озорной плотник вырезал деревянного болвана и давал ему имя. Иной пчеловод устраивал дупли в образе старичка и старухи. Когда изо рта мужичка или из уха выразительной деревянной тётки вылетали пчёлы - это было довольно забавным.

Любимыми образами скульпторов религиозной тематики, помимо Христа, были Параскева-Пятница, Никола и, конечно, святой Георгий, поражающий змия. Христос чаще изображался не на кресте, а в темнице.

Изуграфы

С чьей-то лёгкой руки природу русского Севера журналисты называют «неброской», «неяркой и скромной». Между тем нигде по стране нет таких ярких, таких выразительных, очень контрастных и многозвучных красок, как на Северо-Западе России, называемом последнее время Нечерноземьем.

Красота этих мест обусловлена не одним лишь разнообразием ландшафтов, сочетающих невысокие горы, холмы, долины, распадки, озёра и реки, обрамлённые лесами, лугами, кустарниками. Она обусловлена и разнообразными, то и дело сменяющими друг друга пейзажными настроениями. Эта смена происходит порою буквально в считанные секунды, не говоря уже о переменах, связанных с четырьмя временами года. Лесное озеро из густосинего моментально может преобразиться в серебристо-сиреневое, стоит подуть из леса лёгкому шуточному ветерку. Ржаное поле и берёзовый лес, речное лоно и луговая трава меняют свои цвета в зависимости от силы и направления ветра. Но, кроме ветра, есть ещё солнце и небо, время дня и ночи, новолуние и полнолуние, тепло и холод. Бесчисленная смена состояний и сочетаний всего этого тотчас отражается на пейзаже, сопровождая его ещё и своеобразием запахов, звуков, а то абсолютной тишиной, какая бывает в предутреннюю пору белой безветренной ночи, либо в зимнюю, тоже совершенно безветренную нехолодную ночь.

Надо быть глухим и слепым или же болезненно увлечённым чем-то отрешённо-своим, чтобы не замечать этих бесконечно меняющихся картин мира.

Вспомним короткие, почти чёрно-белые зимние дни, сопровождаемые, казалось бы, одной графикой: белые поля, тёмные леса и изгороди, серые дома и постройки. Даже в такое время снега имеют свои оттенки, а что говорить о солнечном утре и о морозной вечерней

заре [9]! У человека пока нет таких красок, нет и названий многих цветовых состояний закатного или утреннего неба. Сказать, что заря алая (или багровая, или лиловая), значит почти ничего не сказать: заря ежеминутно меняет свои цвета и оттенки, на линии горизонта краски одни, чуть выше совсем другие, и самой границы между зарёй и небом не существует. А каким цветом назовёшь слепящий солнечным блеском зимний наст, в тени голубовато-просвеченный в глубину и серебристый, как бы плавящийся под прямыми лучами? Морозное солнце рождает такое же богатство цветовых тонов, как и тёплое весенне-летнее или осеннее. Но даже при плотных тучах, особенно перед началом весны, зимний пейзаж неоднороден, снега то синеватые, то с едва заметной желтизной, лесные дали то дымчато-сиреневые, то чуть голубоватые с коричневым цветом более ближнего лозняка, с сизоватой ольхой, с ясной сосновой зеленью и едва уловимой салатной окраской осинок. Такое предвесеннее состояние ассоциируется с умиротворённою тишиной, с запахами снега, древесной плоти, сена, печного дыма.

А кто из гениальных художников написал хотя бы несколько состояний ночного густофиолетового неба с объёмными гроздьями звёзд, уходящими в перспективу и бесконечность? Весеннее и летнее небо меняет свои цвета так же безжалостно быстро, не скупится на свои оттенки и колориты, щедрость его на краски поистине безгранична. А как разнообразна зелень Северо-Запада! Зелень льна, например, меняется с его ростом, цветением и созреванием, зелень трав также меняется бесконечно. Луга, цветущие с весны белым, розовым, синим, побледнеют после косьбы, потом вдруг снова становятся по-весеннему ярко-зелёными. Озимь зеленеет до глубокой осени, даже до зимы. Постоянно меняются и зелёные краски леса, и цвет водной глади в озёрах и реках. Вода то светлая, стальная, то голубая, то синяя до чернильной густоты, то вдруг, особенно в тишине первых осенних холодов, становится зеленоватой.

Об осенних пейзажах и говорить не приходится, красота их и множественность общеизвестны…

Могло ли всё это в совокупности не отозваться в душе народа, не запечатлеться в его делах и творениях? Природа была, разумеется, первой и самой главной наставницей человека в его вечном стремлении к прекрасному.

Искусство зародилось в глубине повседневного народного быта. Оно незаметно, незаметно иногда и для самого художника, росло и полнело (матерело, как говорят на Севере). Без мощного почвенно-бытового слоя даже у талантливого сеятеля и поливальщика цветы вырастают чахлые, цветущие коротко и неярко. Этот бытовой слой формировался в течение долгих веков, удобренный тысячами разнообразных, взаимосвязанных и взаимозаменяемых обычаев и трудовых навыков.

Жизнь нормального человека в нормальных условиях не может не быть творческой.

---

[9]Кажется, К. Юон на вопрос, какого цвета бывает снег, ответил: «Только не белый».

Труд обычного пахаря или плотника сам по себе является творческим, ведь чисто механические, однообразные, заученные раз и навсегда движения делали одни дураки, люди общественно и физически неполноценные.

Напрасно многие думают, что творческим трудом не может быть труд физический, что вдохновение, мол, посещает только тех, у кого в руках перо, смычок или логарифмическая линейка. Более того, творческий труд, лишённый определённых физических усилий, то есть чисто интеллектуальный (даже если человек ежедневно ходит на теннисный корт либо в бассейн), тоже нельзя назвать в достаточной мере творческим [10]. Тонкое, гармоничное сочетание интеллектуальных и физических усилий в труде, разумеется, нередко нарушалось и в прежнем, например, крестьянском быту, причём чаще сдвиг происходил в сторону физической тяжести. Но подобное нарушение в другую сторону ничуть не лучше, если не хуже...

Дровосек, прежде чем начать рубить дерево, прикинет, куда оно наклонилось, на которой стороне гуще хвоя, какие у ёлки или берёзы соседки. Первый же удар топора знакомит его с твёрдостью или мягкостью, с сухостью или влажностью древесины. Ощущение корневища или болотной зыбкости под ногой, слепящее солнце, сила ветра и даже расстояние до деревни, тысячи других таких же мелочей делают дровосека творческим человеком...

Как известно, русская печь строилась прежде не из кирпича, а из сырой глины. Её сбивали, обмазывали. Печуры, выступы, углубления, карнизы лепились вручную и поэтому имели овальную форму. Труд печника сочетал в себе некоторые, хотя и отдалённые, признаки творчества скульптора и архитектора. (Лепка, композиция, соразмерность, план и общение с материалом.) Знакомство с псковской архитектурой наводит на мысль об удивительном сходстве печного, иначе повседневно-бытового, мастерства с мастерством строительства псковских храмов. Овальные, мягкие, какие-то уютно-домашние формы этих небольших церквей и впрямь сродни в чем-то русской печи, её теплу и уюту, её повседневной необходимости [11]. Где, почему, каким образом труд печника или дровосека становился трудом скульптора или зодчего? На этот вопрос не может быть короткого, однозначного ответа. Великая тайна творчества, созидания, вдохновения не даётся рациональному мышлению. Художник возможен в любом человеке, но где и когда он пробудится (и пробудится ли вообще) - никому не известно. Толчком для этого пробуждения может стать любая мелочь, например, весеннее яичко, покрашенное наваром луковой кожуры. То ли коричнево-охристый, то ли красновато-бурый цвет придают паре таких яичек декоративную яркость. А если они лежат в белоснежной тарелке да ещё вместе с другими, например кремовыми, то, вспомнив об этом, ребёнок тотчас бежит домой с праздничной улицы. Конечно, к этому примешано множество и других

[10]По глубокому убеждению автора, спорт и физкультура не могут компенсировать недостатки, связанные с односторонностью чисто интеллектуальной деятельности.
[11]Особенно заметно своеобразие псковской архитектуры в сравнении с готикой.

ощущений. Холщовая белая рубаха чудесно преображалась, если её опустить в настой из ольховой коры. Не в такие ль мгновения и просыпалась от сна душа изуграфа?

Природа и быт в своей многообразной определённости плотно окружают каждого, даже не имеющего художественных задатков человека. И он, не имея вкуса, одевается со вкусом (подчиняясь традиции), не имея музыкального слуха, участвует в пении (как и все), не владея даром живописца, любуется осенней околицей. Но что тогда говорить о тех, кто рождён либо для песни, либо быть строителем или живописцем?

Уроки цветной и чёрно-белой графики ребёнок берёт с младенчества, наблюдая, как отец или дед выпиливают «полотенца» и наличники, как сестра или бабушка плетёт кружево, выбирает строчи, ткёт радужные продольницы. При этом совсем не обязательно становится впоследствии иконописцем либо строителем. Талантливый или просто художественно восприимчивый человек нередко совмещал несколько способностей, как гоголевский кузнец Вакула, сумевший создать живописного чёрта. Мастерство ещё позволяло человеку быть то кузнецом, то строителем. А вот художество уже требовало от человека верности чему-то одному, хотя Андрей Рублёв мог бы, наверное, и сам не хуже других строить палаты и церкви.

Народные художники в большинстве своём часто владели несколькими ремёслами, рассуждая так: «Ремесло за плечами не виснет». Те же пресловутые «красили», которых в своё время часто высмеивали сатирики и фельетонисты, могли при случае и колодец выкопать, и печь переложить. Столяр, смастерив для себя шкафчик-посудник, испытывал детский позыв к раскрашиванию. Имея в достатке опыт и краски, он не звал к себе бродячего настоящего художника, а сам брался за кисть. И вот дверцы посудника превращались в ворота диковинного боярского терема, появлялись на них вазоны с цветами и волнистыми разводами. Особенно красивы были такие посуднички с розовым и зелёным растительным орнаментом по белому фону.

Хозяева строили и сами расписывали рундуки (гобцы), превратившиеся позднее в лежанки для осенне-зимних сумерничаний. Так, на лежанке Афанасьи Озерковой (деревня Лобаниха) нарисован был великолепный стилизованный лев с круглым, совсем не звериным лицом, с тонкой поднятой лапой и тонким хвостом. Кисточка хвоста загибалась как-то уж очень изящно и по-домашнему несерьёзно. Да и сам лев улыбался… В той же избе потолок был расписан правильными, расходящимися вширь цветными кругами. Они расходились из потолочного центра, с которого свешивалась набранная из деревянных пластинок птица. На подвальных воротах одного из домов (Грязовецкий район) во весь рост намалёван бравый солдат с усами. Каждый ус только чуть меньше солдатской сабли. В вологодских и архангельских деревнях в середине прошлого века начали расписывать обшитые тёсом фронтоны домов. Изображения часов, птиц и фантастических цветов над

балкончиками вышек и теперь во многих местах не смыты дождями, не выветрены вековыми ветрами. Живописные столы, ларцы, заборки, шестки, сундуки, прялки, ложки и т. д. довольно хорошо гармонировали с некрашеными полами, чисто вытесанными стенами и белыми лавками. Всё это создавалось не профессионалами, а самими жителями, многочисленными плотниками, кузнецами, столярами, печниками, главным делом которых было хлебопашество.

Красочная декоративность тканей, одежды, домашнего интерьера, присущая всему быту, вкупе с красотою природы действовала на человека с рождения. Такая обстановка сама по себе в какой-то мере художественна, и в такой обстановке нельзя не проснуться душе художника. Среди множества средних талантов рождалось немало хороших, а среди них выкристаллизовывались выдающиеся и, наконец, гениальные...

Переход к высокому искусству от красочной бытовой повседневности незаметен. Он плавный, не резкий, и о нём не стоило бы вспоминать, если бы в какую-то пору в спутники искусству не навязалось человеческое тщеславие.

Нетрудно представить разницу между любовью к себе в искусстве и любовью к искусству в себе. Вспомним, что даже самые прекрасные произведения русских иконописцев не подписаны, что имена создателей архитектурных шедевров известны лишь из легенд. Художник не ставил свою подпись на своём художественном создании не потому, что не знал литеры, как это представляется ныне иному горе-исследователю. Цель художника была отнюдь не в самоутверждении. Он не себя утверждал в мире, а через себя утверждал окружающий мир.

Художественный гений русского народа выразился более всего в слове, архитектуре и живописи. Знатоки делят эту живопись на бытовую и культовую. Но к какому разряду отнести изумительные книжные миниатюры, украшающие рукописные церковные книги? Или того же чёрта, намалёванного гоголевским кузнецом?

Иконопись, которой предшествовала фресковая живопись, оставила самые многочисленные материальные свидетельства художественного национального гения [12]. На сравнительно небольшое число сюжетов созданы миллионы полноценных художественных произведений. Икона, а то две или три, имелась в каждой русской избе, а в каждом соборе и церкви, в каждой часовне сооружался иконостас - группа размещённых в определённом порядке икон. Добавив сюда монастырские кельи, корабли и походные солдатские церкви, можно представить, какое количество икон писалось в России.

Русская икона - явление вполне своеобразное, она известна всему миру, распространена тем или другим путём также по всему миру.

[12]Русский философ-идеалист П. Флоренский в незавершённой статье «Иконостас» говорит об иконной доске как о церковной стене. Многослойная и тщательная обработка этой «стены», по мысли П. Флоренского, входит в общий процесс создания художественного образа.

Многообразие художественных школ и стилей внутри самого иконописного искусства не мешает, а помогает его художественной цельности, его полной самостоятельности среди других видов не только национальной, но и мировой живописи. Что же объединяет все школы и стили русского иконописного искусства, что делает его цельным, определённым? Отвечать на этот вопрос, вернее, ставить его, опять же как-то не очень уместно… Любой разговор о великих явлениях творчества и художества всё равно будет ограниченным по сравнению с этими явлениями, всё равно никогда не исчерпает всей их сути.

Иначе великое явление не было бы великим.

Тайна художественного творчества останется тайной, сколько бы мы ни раскрывали её. Раскрытая же, разгаданная тайна будет принадлежать науке, а не художественному творчеству.

Много лет целая армия любознательных учёных-искусствоведов, пытаясь раскрыть тайну творчества, открывает одну за другой её маленькие частные тайны. И уже, казалось бы, вот-вот, близко, совсем рядом и неминуемо замечательное открытие. Но нет, творчество снова и снова отодвигается от нескромных ощупываний рационалистического ума.

На Севере были три наиболее любимых народом иконописных сюжета. Рождённые крестьянской стихией, иконописцы писали, разумеется, и образ Спаса, но, следуя народному вкусу, более всего создавали образы Богоматери, Егория и Николы. Здесь нет никакой случайности. Крепость и глубина материнской любви не подвергаются в народе никакому сомнению. Культом материнства одухотворён весь северный быт. Материнская тема звучит во всех видах народного творчества. Христианство и язычество не стали соперничать, когда дело коснулось матери. Образ Богородицы имелся почти в каждом доме. Её не зря называли заступницей. Ещё в древности последним шансом перед казнью было обращение к матери того человека, от кого зависела судьба осуждённого. Самой действенной молитвой считалась в народе материнская, но мать, в свою очередь, обращалась в молитве тоже к матери.

Егорий на белом коне олицетворял воинскую силу, способную защитить от ползучего зла. Икона с его изображением также считалась обязательной в доме. Но особенно любимым из всех святых был на Севере Николай-чудотворец. Его называли и попросту Никола, и почтительно - святой Николай. В редком доме не имелось иконы с его изображением: по народным поверьям, Никола оберегал старых и малых, в лесу и на воде, в бою и в труде. Живописные изображения св. Николая очень разнообразны, он то добр и ласков, то суров и неистов, то задумчиво нежен, то осуждающе строг. Замечателен его образ из новгородского храма Св. Софии! Но, пожалуй, самым прекрасным изображением Николы была и останется фреска Дионисия в Ферапонтовом монастыре - в этой русской жемчужине из ожерелья мировой культуры.

Из деревни Тимонихи, а также из соседних деревень в Ферапонтово иные старушки ходили пешком, и это продолжалось до начала 20-х годов. Просёлками и болотными тропами, всего с одним ночлегом в пути. Редкий ходок мог пройти без ночлега 80-90 километров. В трёхстах метрах от Тимонихи начиналась Лобаниха, упомянутая в писцовых книгах со вторым, не очень приличным названием. Никольский погост, стоящий над озером, открывал путь к Алферовской и Помазихе, ныне исчезнувшей. За Помазихой особняком и до сих пор стоит Дружинине, а там, за леском, Дор, Кулешиха, Большая деревня. Ещё за леском Плосково с Езовом - громадные и древнейшие поселения, ополовиненные за последние 30-40 лет. За рекой Уфтюгой, по болотам, можно выйти к другим деревням, которых было не счесть и которые исчезают одна за другой. Морошковые болота вдруг пропадут, лес однажды расступится, и белые стены Ферапонтова приветливо блеснут на солнышке.

Недолго, наверное, думал Ферапонт, где срубить келью, при виде лесистых весёлых холмов и двух светлых плёсов озёр, расположенных одно выше другого, соединённых шумящей рекой.

Под стать этим местам был выстроен белокаменный монастырь - не громоздкий, словно игрушечный, с двумя весёлыми башнями над вратами, с низкой уютной оградой. Невысокий собор с закомарами и стройный кирпичный шатёр колокольни привлёк Дионисия, может быть, как раз уютом, небольшими размерами, и здесь великий русский художник велел своим сыновьям снимать с плеч котомки…

Дионисий свершил свой подвиг за одно лето, расписав собор с помощью сыновей [13]. Где была в это время мать его сыновей? Неизвестно. Скорее всего, её уже не было в живых… В образ Богоматери художники вложили столько своей грустной любви, столько сыновней и супружеской нежности, верности и почтительности, что фреска, несмотря на значительные повреждения, и сейчас потрясает, если душа человека разбужена и совесть его жаждет прекрасного.

По расположению и размещению фресок под сводами, на стенах, на сферических и выгнутых поверхностях можно учиться у Дионисия композиционному мастерству. Учиться всем, кто связан с искусством: архитектору и прозаику, музыканту и скульптору, драматургу и искусствоведу. Графическая и цветовая ритмичность росписей также безукоризненна: она опять заставляет припомнить такие слова и понятия, как лад, соразмерность, гармония. Но ведь ко всему этому надо добавить ещё и настроение, тональность, особое звучание красок и линий.

Образ Николы, написанный в полусфере правого нефа, был для Дионисия, видимо, подлинным взлётом, вдохновенным порывом, полным исчезновением и растворением своего «я» в искусстве…

Как и все великие художественные произведения, Никола Дионисия воспринимается в разное время по-разному даже одним человеком. Как и

---

[13]Вологодский реставратор и искусствовед Н.И. Федышин научно доказал, что собор был расписан не в два лета, как считалось, а в одно.

у всех других шедевров искусства, у этой фрески есть ничему не подвластная сила, благотворная и периодически необходимая каждому человеку. Всё здесь есть, в этом образе. И величайшая мудрость, и могучий необоримый дух, и земная человеческая красота, обобщённая в облике северянина-мужика, новгородца и пинежца, воина и кормильца…

Никола смотрит на нас глазами самого Дионисия вот уже пять веков. Смотрит, то взывая к совести, со скорбным укором, то с воодушевляющим одобрением, проникая своим взглядом в самую глубину нашей души и вселяя в неё мужество.

И память о гениальном изуграфе Дионисии живёт не в одних наших сердцах. Она живёт и в красках лесов, полей, вод, камней и небес нашего родимого Севера.

Рождённый неповторимым. О художественном образе

Болящий дух врачует песнопенье,

Гармонии таинственная власть

Тяжёлое искупит заблужденье

И укротит бунтующую страсть.

Е. Баратынский

- Какова жизнь? - спрашивают при встрече.

- Всё ладно.

Ответ один, если действительно всё ладно. Хорошую жизнь пронизывает лад, настрой, ритм, последовательность в разнообразии. Такой жизни присущи органичная взаимосвязь всех явлений, естественное вытекание одного из другого. И наоборот, плохая жизнь - это разлад, хаос, кавардак, сбой, несуразица, неосновательность, «пошехонство». Про такую жизнь говорят, что она идёт через пень колоду, шиворот-навыворот. Ей во всём сопутствуют спешка и непоследовательность, следствием чего является дурное качество, то есть страдают при этом в первую очередь красота, эстетика.

Отсюда сразу напрашивается довольно опасный для рационализма и ширпотреба вывод: много и одинаково - это значит дурно, неэстетично. Мало, но с душой и по-разному, значит - хорошо, красиво, неповторимо. И речь здесь идёт не об одном лишь труде, но и о быте, о стиле жизни вообще. Искусство проявляется всюду, где существует жизнь, а не только в круге, ограниченном художественным творчеством. Стройность и красота не в одном только труде противоречат непосильности, тяжести. Тяжело и непосильно тогда, когда не умеешь красиво трудиться, когда неумён и недогадлив, когда не хватает фантазии и терпения. Но разве не так же бывает, например, в быту или в общественной жизни?

Всё точь-в-точь. Красота в мире - это разнообразие, непохожесть. Мысль о том, что человечество якобы составляет толпа серых и одинаковых людей, руководимых отдельными исключительными и яркими

личностями, - такая мысль исключает красоту и противоречит эстетике. Да нет, не бывает абсолютно одинаковых, другими словами, совсем бездарных людей! Каждый рождается в мир с печатью какого-либо таланта. Потребность творчества так же естественна, как потребность пить или есть, - она теплится в каждом из нас даже в самых невероятно тяжких условиях. Каждая личность по-своему талантлива, иными словами, своеобразна. Людей, абсолютно плохих внутренне и внешне, к счастью, не существует.

То, что потребность творчества свойственна каждому, видно хотя бы из того, что в детстве, даже в младенчестве, у ребёнка есть потребность в игре. Каждый ребёнок хочет играть, то есть жить творчески. Почему же с годами творчество понемногу исчезает из нашей жизни, почему творческое начало сохраняется и развивается не в каждом из нас? Грубо говоря, потому, что мы либо занялись не своим делом (не нашли себя, своего лица, своего таланта), либо не научились жить и трудиться (не развили таланта). Второе нередко зависит от первого, но и первое от второго не всегда бывает свободно. Не научившись трудиться, нельзя узнать, чем наградила тебя природа. Если духовный потенциал слаб, личность стирается, нивелируется, теряет индивидуальные, присущие ей одной черты. Стройному восхождению, творческому раскрепощению личности может помешать любой душевный, семейный, общественный или мировой разлад, любая неурядица, которые, кстати сказать, бывают разные.

Например, одно дело, когда нет обуви для ходьбы в школу (а то и самой школы), и совсем другое, когда тебя силой заставляют постигать сольфеджио [14]. Конечно, второй случай предпочтительнее, но разлад есть разлад. И вот мы видим, что общественная ориентация отнюдь не всегда безошибочна и что мода вообще вредна в таком деле, как дело нахождения себя. Почему, собственно, считается творческой только жизнь артиста или художника? Ведь артистом можно быть в любом деле, художником тоже. Добавим, что не только можно, но и должно. Ореол исключительности той или иной профессии, иерархическое деление труда и быта по таким принципам, как «почётно - непочетно», «интересно - неинтересно», как раз и закрепляет социальное равнодушие личности, поощряя мысль о недоступности творчества для всех и для каждого. Но такое поведение личности вполне устраивает как сторонника индивидуалистической философии личности и толпы, так и бюрократа-догматика, который во имя общего блага готов сегодня же расставить людей по ранжиру.

Качественное разнообразие частей лучше, чем что-либо другое, служит единству целого. Конечно, антагонизм частей, вообще разрушающий целое, тоже можно назвать разнообразием, на что и ссылаются сторонники нивелирования. Но разнообразие и антагонизм - разные вещи. Вне спора «антагонистов» с «нивелировщиками», так сказать, совсем наособицу, стоит художественный образ.

---

[14]Весьма возможно, что музыкальный дар передаётся по наследству, но передаётся ли писательский? Сомнительно, хотя общественная практика и пытается это доказать.

Наверное, ни у кого из нас не вызывает сомнения единство целого в московской Покровской церкви (известной больше как храм Василия Блаженного). Но как непохожи одна на другую части, его составляющие! Каждая часть, каждая деталь живёт сама по себе, не повторяется и непохожа на другую часть или деталь.

Ритм, стройность, соразмерность и ещё что-то неуловимое объединяют в художественном образе самые разные, в обычных условиях враждующие и даже взаимоисключающие вещи.

Каких только терминов мы не придумали, чтобы проникнуть в тайну художественного образа, чтобы понять и объяснить его! Он же по-прежнему не хочет быть объяснимым… Он не даётся в руки. Он, как радуга, отодвигается от нас ровно настолько, насколько мы к нему приблизимся. Он как стриж, который не может взлететь с земли и которому всегда необходимо пространство, обрывающееся вниз. Как детская игрушка, теряющая весь свой прелестный смысл, когда ребёнок, движимый любопытством, разбирает её на части, чтобы взглянуть, что у неё внутри. Можно и ещё продолжать такие сравнения. Не лучше ли попробовать совсем оставить его в покое? Не мучить его исследованиями, лишая себя величайшего блага наслаждаться общением с ним? Что бы мы ни решили, он останется независимым от наших решений. Он останется самим собою где бы то ни было: в слове, в музыке, в живописи, в архитектуре, в хореографии, в скульптуре и в лицедействе - во всех этих классических видах искусства, а также в способе жизни, в её стиле и смысле. Художественный образ - это родное дитя традиции, оплодотворённой вдохновением художника. Как бы ни был талантлив художник, но, если он полагается только на одно вдохновение, игнорируя художественную традицию, он всё равно будет бесплоден. Но что значит и традиция без вдохновения художника? Не озарённая этим высоким вдохновением, она тоже бесплодна, как бы ни было велико художественное богатство прошлого.

Художественный образ неуловим, хотя живёт рядом с нами всегда и повсюду. Он тотчас исчезает, как только начинаешь его изучать и раскладывать на части, он же никогда не повторяет самого себя.

Рождённый неповторимым…

Сравнивая друг с другом классические виды искусства, можно всё-таки выделить некоторые постоянные признаки художественного образа. Например, ритм.

Как уже говорилось, волшебная сила ритма позволяет петь прекрасно и легко людям-заикам, не способным сказать слова без усилия и напряжения. Ругаясь с соседкой, то есть греша, многие женщины не в силах освободиться от ритма, от образности, что ещё больше усиливает душевные диссонансы, поскольку образ всегда охотнее служит добру, а не злу.

Известны примеры младенческого рёва с зачатками художественности: в крик плачущего ребёнка вдруг начинает вплетаться

ритм и даже подобие мелодии…

Ритмичность одинаково нужна музыке и литературе, живописи и скульптуре, хореографии и архитектуре. Ритмичность, как мы видим, необходимая принадлежность жизни вообще…

Другим признаком художественного образа можно смело назвать композицию (по-русски - соразмерность), присутствующую во всех видах творчества [15]. Соразмерность. Разве не ощущается и в этом слове ближайшее родство с ритмом? Может быть, стоит в этом ряду поставить ещё интонацию, но это понятие в нашем случае уже теряет определённость, становясь приблизительным. Далее начинается терминологическая пестрота: сюжет, стиль, мелодия, колорит и т. д. На ритме и соразмерности, пожалуй, и завершается определённость, если говорить о художественном образе в духе исследовательства. Возможен ли разговор в другом духе? Конечно. Но угроза скатиться к «исследовательству» существует при этом постоянно. Например, очень интересно отбросить от нашего словосочетания определение «художественный», а потом подумать над тем, что останется. Лингвистический способ общения с понятием образ ничуть не лучше любого другого способа. И всё же, и всё же…

Однокоренных слов к «образу» множество, вспомним некоторые из них. Образец. («Где, укажите нам, отечества отцы, которых мы должны принять за образцы?») Нечто самое лучшее, выверенное. В современной промышленности близкое к штампу. Образоваться - значит появиться, родиться, выявиться. Образование - это учение, приобретение знаний, но первоначально слово обозначало становление, образоваться - значит, стать кем-то, получить своё лицо. Вспомним и вечное «всё образуется» Стивы Облонского, равносильное тому, что всё вокруг рано или поздно обязательно придёт в нормальное состояние. Выражение «таким образом» подразумевает некий итог, обобщение, иногда его употребляют и в смысле «таким способом». Своеобразный - значит особенный, неповторимый, непохожий. Безобразное, то есть безобразное, не имеющее своего лица, нечто абстрактное, отвратительное. А как много смыслов и смысловых оттенков в таких словах, как «изображение», «преображение», «воображение»! Что бы, однако, ни имелось в виду, когда используются эти и производимые от них понятия, первопричиной всего является всё-таки образ, неповторимое воплощение сущего, художественное обобщение.

Вот мы и вернулись вновь к определению «художественный», а тайна художественного образа как была, так и осталась… После всего сказанного можно ли сделать вывод, что академическое познание,

---

[15]Музыкальная терминология, по-видимому, самая богатая, с успехом может быть использована для разговора о любом другом виде искусства. Своеобразие национальной культуры вполне можно сравнить со своеобразием звучания того или иного музыкального инструмента. Даже у родственных, например, духовых инструментов (труба, гобой, флейта, рожок) одна и та же мелодия звучит, как известно, по-разному. Продолжая аналогию, мировую культуру можно сравнить с грандиозным, прекрасно звучащим оркестром.

изучение творческого созидания никогда не встанет вровень с художественным восприятием этого созидания? Великое искусство потому и зовут великим, что оно понятно для всех, по крайней мере, для большинства. Вовсе не обязательно быть докой-специалистом, чтобы читать «Войну и мир» или смотреть и слушать «Лебединое озеро». Сложностью и недоступностью формы не так уж и редко маскирует посредственный художник недостаток таланта. Это не означает, что произведения великих, гениальных художников никогда не бывают сложными и непонятными. Разница между сложностью малоталантливого и сложностью гениального художника скорей всего в том, что в первом случае сложность топчется на одном месте, она статична, во втором - она движется, самораскрывается, обнаруживая все новые возможности произведения.

Восприятие художественного образа по сути и качественно то же, что и его создание.

Разница здесь, вероятно, лишь в масштабности... Несомненно, во всяком случае, то, что восприятие образа процесс также творческий. Именно это-то обстоятельство и таит в себе великую опасность культурного иждивенчества [16].

Под маской скромности (где уж нам, дескать?) таится обычная трусость либо обычная лень, и человек лишь пользуется созданными до него художественными ценностями, даже не пытаясь создать что-то своё. Пусть не гениальное, но своё! Пресловутый максимализм (либо стать Микеланджело, либо совсем не заниматься творчеством) никогда не содействовал благу общенародной культуры. Игнорировать собственный талант (какой бы он ни был по величине) на том основании, что есть люди способней тебя, глушить в себе творческие позывы так же безнравственно, как безнравственно заниматься саморекламой, шумно преувеличивая собственные, нередко весьма средние возможности.

«Уничижение паче гордости», - говорится в пословице. Найти своё лицо - нравственная обязанность каждого. Но к лицу ли человеку подобострастие? Растерянность перед более талантливым унижает и того и другого. Настоящий художник ждёт от других не подобострастия, а обычного уважения. Ему совсем незнакомо чувство собственного превосходства. Чем больше талант, тем меньше высокомерия и гордости у его обладателя. Между величиной таланта, силой художественного образа и уровнем нравственности существует самая прямая зависимость.

---

[16]По глубокому убеждению автора, в наше время сформировался «полупроводниковый» характер культуры, когда радио, телевидение, кино, концерты вырабатывают потребительское отношение к культуре, а сама культура напоминает улицу с односторонним движением. Люди разделены на две части: одни на сцене поют и пляшут (создатели), другие внизу смотрят и слушают (потребители). Художественная самодеятельность, в которой бы участвовали все без исключения, в клубных условиях невозможна. Хотя бы по той причине, что любая эстрада, любая сцена подразумевает наличие зрителя, так сказать, потребителя. В этом принципиальная разница между художественной самодеятельностью и такими явлениями, как старинная свадьба или нынешняя горка на Усть-Цильме, в которых участвуют все и где нет разделения на артистов и зрителей.

Стыд, совесть, целомудрие, духовная и физическая чистота, любовь к людям, превосходное знание разницы между добром и злом - все эти нравственные свойства художника отображает питаемый им художественный образ. Художественный образ не может быть создан бесстыжим, бессовестным художником, человеком с грязными руками и помыслами, с ненавистью к людям, человеком, не знающим разницы между добром и злом. Да и вообще, возможно ли подлинное творчество в неспокойном или злом состоянии? Вряд ли… Злой человек склонен более к разрушению, чем к творчеству, и нельзя путать вдохновение созидателя с геростратовским…

Подлинный художественный образ всегда нов, то есть стыдлив, словно невеста, целомудрен и чист. Свежесть его ничем не запятнана. Настоящий художник, как нам кажется, тоже стыдлив, ведь и само творчество требует уединения, тайны. Вынашивание и рождение образа не может совершаться публично, у всех на виду. Публичным, известным всем или множеству должно стать впоследствии творение художника, но отнюдь не он сам. Не потому ли гениальные творения древних русских живописцев не подписаны? Древние художники и архитекторы предпочитали остаться безвестными. Ведь значит же что-то это известное и совсем не случайное обстоятельство…

Голос, рождённый под Вологдой. Из повести о композиторе Валерии Гаврилине

Из чего складывается национальная культура? Она складывается из деятельности простых смертных людей, действующих либо в науке (логика), либо в искусстве (художественный образ). А верующие смертные люди делятся на обычных и на святых подвижников. И в науке, и в искусстве такие люди присутствуют. Национальную культуру создают гении и таланты. Градация талантов неисчислима, иное дело гениальные люди, их можно сосчитать, загибая пальчики.

Одним из последних русских славянских гениев можно считать певца Фёдора Шаляпина. Певец, то есть музыкант, - главная ипостась этой личности. Значит, можно сказать, что были у него и неглавные ипостаси? Именно так и есть. Шаляпин был не только певец, но, например, и писатель.

Превосходным графиком и живописцем был М. Ю. Лермонтов. А Константина Коровина, Илью Репина разве нельзя назвать писателями? Вообще, у талантливых живописцев сие обстоятельство встречается довольно часто: например, живописец Аркадий Рылов был и прекрасным прозаиком.

Музыку вполне уместно сопоставить с поэзией и живописью. Даже термины у них одинаковые. Создатели национальной поэзии и музыки подобны творцам живописи, и тех, и других, и третьих не напрасно кличут художниками.

Художник-поэт, художник-живописец, художник-композитор. Все

трое художники, все трое творцы, создатели новых образов! Великая национальная культура как раз и складывается из таких образов, будь то поэзия (литература), живопись вкупе с графикой, музыка с её жанровым многообразием.

Да, разумеется, народная, вернее, государственная, то есть национальная, культура и цементируется художественными образами! Для того, чтобы представить цельность национальной культуры того или иного народа, достаточно вспомнить творцов хотя бы недавнего прошлого, хотя бы такой страны, как Франция, в музыке, в литературе, в живописи. Если говорить о России, то возникают немедленно такие имена, как Александр Пушкин, Модест Мусоргский, Фёдор Шаляпин, Алексей Саврасов, Михаил Лермонтов, Иван Гончаров, Георгий Свиридов, Сергей Прокофьев, Сергей Рахманинов…

Увы, время не останавливается и не возвращается вспять. Вернуть человека из небытия может только художественный образ, например, слово и музыка.

Музыка возвращает людям ощущение прошлого, способна даже создать образ человека живого, его личности, состояние его души, ума, почти реального, почти ощутимого физически. Кинематографу, на наш взгляд, не под силу такая способность, не под силу и живописи, несмотря на все их способности воплощать образы отдельных людей, отдельных личностей. Испокон существует в человечестве и нехудожественная, то есть научная, логика.

Может, в осознании всего этого и состоят национальные свойства всех русских талантов. И литературных, и живописных, и религиозных, и научных…

Народы и племена мира родили великое множество творцов. Разобрать, кто есть кто по рангу, дано не каждому. Перепутать художников и творцов можно и не по умыслу, то есть случайно. Но особенно вредят национальной и общемировой культуре те, кто делает это намеренно…

Судьбу музыканта Гаврилина можно сравнить с судьбой поэта Рубцова. Валерий Гаврилин и Николай Рубцов - оба плоть от плоти русской национальной культуры. Оба они соразмерны по таланту, сходство их личных судеб очевидно, и оно просто потрясает. Трагична была их жизнь и смерть. Эта трагичность их жизни и смерти начиналась с несчастий их родителей. Отцы, породившие замечательного поэта и замечательного музыканта, безвременно умерли. С отцом Гаврилина это случилось в самом начале жестокой схватки с врагом… Социальные потрясения, последовавшие за этой схваткой, общеизвестны. А матери? Судьба матерей обусловлена тоже как раз войнами - Гражданской и Отечественной. Но и не только… Гаврилинская родительница ещё в 20-х годах в полной мере испытала последствия Гражданской войны.

Почему так много бед навалилось на Россию? Тут и Первая мировая, Гражданская, тут и всевозможные революции, тут сплошь война за

войной. И за всё это расплачиваются обычно женщины… А дети вырастают с талантами. Становятся музыкантами и поэтами. Но проходят годы, умирают и дети, увы, раньше времени…

* * *

Россия, Русь, куда я ни взгляну…
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы.
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шёпот ив у омутной воды…
Николай Рубцов

Исчезает ли русский великий народ? Даже ставить этот вопрос боязно! Господь не разрешает задаваться такими вопросами нам, слабым и грешным, оставим эти рассуждения православным святым. Впрочем, без личного опыта никак не обойтись. Однажды на литургии в Андреевском соборе Вологды попробовал и я петь «Верую» - символ веры. И хотя отец дьякон дирижировал довольно сносно и большинство присутствующих пели молитву, лично у меня почему-то ничего не получилось. Почему? Меня поразило это происшествие. В чём дело? Неужели я такой бездарный и лишён музыкального слуха? Душа моя смутилась, я начал вспоминать, как обстояло с музыкой в моей жизни. Припомнил время далёкого детства.

Мать с трудом, но приобрела старенькую гармонь в деревне Дружинине. Я быстро освоил её. Бывало, Анфиса Ивановна ещё обряжается, топит утреннюю печь, а я уже играю и сам пою «Буря мглою небо кроет». Научился играть и под деревенскую пляску, что обернулось для пятнадцатилетнего школьника многими неприятностями.

Приходилось часами играть на комарах, причём одно и то же. Дома-то я мог подбирать и «Катюшу», и «По военной дороге», и другие песни, услышанные в детском садике с патефона. Помню, как прекрасно пели женщины на пивных праздниках старые песни. Дух захватывало. Я их, этих женщин, давно умерших, и сейчас вижу, как живых, могу назвать их имена и фамилии. Они имелись в каждой деревне, а деревень-то было семь в одном нашем колхозе. Но ведь в пивные праздники люди ходили в гости за десять-пятнадцать вёрст. Ходили и пели, несмотря на войну, голод и гибель родных людей на фронтах…

Хорошо помню: любил играть и на гармошке, и на балалайке. Когда уехал в ФЗО и попал на станцию Вохтога, сразу же начал учить ноты, играя в самодеятельном оркестре на домре. Научился играть «Во поле берёзонька», «Эй, ухнем!» и ещё что-то. Не доучился, ноты не освоил как следует. Уехал в Ярославль, так как в Вохтоге не было вечерней школы, где можно было получить наконец аттестат зрелости, чтобы поступить в институт…

Ещё помнится, как брат Юрий, служивший срочную танкистом, прислал нам в Тимониху ламповый батарейный приёмник. Мы всей семьёй и с соседями слушали настоящее радио. (Не то что моё, детекторное.) Слушали и Русланову, и Лемешева, и Шаляпина.

В 1948 году поступал я в Вологодское музучилище. Дежурный преподаватель на стук проверил мой слух, заставил голосом включаться в звучание рояля. Он сказал, что слух у меня есть. Я, счастливый, уехал на станцию Пундугу, чтобы дома, в деревне, нетерпеливо ждать приёмных экзаменов. Увы, на приёмных экзаменах я провалился. (Или меня провалили?) Перед целым синклитом в 20-25 человек меня попросили спеть. Но что мог спеть пятнадцатилетний мальчишка, да ещё перед такой аудиторией?

Они решили, что я не гожусь для училища. Не помню, как я приехал на станцию Пундугу, как пешком ещё раз протопал 45 километров. Я разрыдался, когда мать открыла мне ворота отцовского дома. (Самого отца в живых уже не было, он лежал в Смоленской земле.)

Теперь, спустя много лет, я уже не рыдаю, как тогда. Лишь недавно я понял, почему не мог петь молитву в Андреевском храме. Понял после чтения книги В. И. Мартынова «Пение, игра и молитва». Автор, полемизируя с Иакимом Кореневым, пишет: «В процессе молитвы сознание должно превратиться в чистый белый лист, на котором Бог смог бы начертать знаки своего присутствия, преображающие обыденное сознание в сознание обожжённое. Для того чтобы воспринять эти божественные знаки, сознание должно освободиться от всех образов и представлений, от всего умодосягаемого...» Автор книги определённо и жёстко отделяет песню, считая её игрой, от молитвы, приводящей к совсем иному общению. «Кто любит мир, в том нет любви Отчей», - цитирует он Иоанна Богослова. Одно дело игра (песня), иное дело молитва. Лишь с этих позиций надо подходить к пению и русскому мелосу, безжалостно разрушаемому всеми, кому не лень. Разницу эту я интуитивно почуял очень давно, но осмыслил её совсем недавно.

Надеюсь, читателю теперь понятно, отчего я не смог петь в храме символ веры. Я был, увы, атеистом… Православная церковь, несмотря на жестокие гонения, всё-таки сохранила свои молитвы. Но сберегла ли свои древние традиции русская песня? Нам представляется, что нет, не сберегла. Ни по количеству, ни по качеству. Впрочем, количество-то в песенной культуре народа нынче отнюдь не страдает, хотя братья Киреевские собрали народных песен значительно больше, чем нынешние собиратели. Но особенно пострадало качество нынешней песенной народной культуры. И по словам, и по мелодиям. Причин этого не одна, не две, а несть числа. Мы различаем среди этих причин злонамеренные и незлонамеренные.

Порядочно разложению народной песни посодействовало кино. Народ брал из него всё подряд: и дурное, и хорошее. Подражали и гениальным певцам, вроде Лемешева, и средним, вроде Бунчикова, и совсем дурным. И словам, и мелодиям.

Народные песни по радио звучали чаще, чем в кино, однако со временем и их стало меньше. С каждым годом репертуар намеренно сокращался. Интернационализм есть интернационализм. Власть, правда, допускала некоторые послабления: народные песни, родственные русскому мелосу, например, песни украинские и белорусские, звучали чуть почаще.

Поощрялись, далее и слишком, народные песни других союзных республик, но активная пропаганда древних русских мелодий активно же и преследовалась.

Некоторый всплеск интереса к русским песням произошёл у новых композиторов во время Великой Отечественной войны, но было уже поздно. Песни, упоминаемые братьями Киреевскими, канули в Лету. И хотя ни слова, ни мелодии уже невозможно было восстановить, кое-какое оживление во время войны всё же произошло. Песни на слова Исаковского и Фатьянова служили в Великую Отечественную войну нашей общей победе.

* * *

Миг выткал пелену, видение темня,

Но некая свирель томит с тех пор меня.

Я видел звука лик и музыку постиг,

Даря уста цветку, без ваших ржавых книг.

Николай Клюев

Говоря о композиторе Гаврилине, мы, к сожалению, не можем утверждать, что он стал классиком ещё при жизни, как это произошло со Свиридовым.

Сравнивать двух композиторов, причём знавших друг друга при жизни, мы имеем право. Корректно ли сравнивать их по таланту? (Опять корреляция, как теперь выражаются.) Да, по нашим понятиям, сравнивать можно. Хотя бы: кто из них работал больше и плодотворней? Ведь буквально всё в мире взаимосвязано: и виды искусств коррелятивны, и всё друг на друга влияет - или подсобляет друг дружке, или вредит. Прошлое и будущее, религиозное и безбожное, любовь и ненависть, война и мир. Всё неразрывно.

И только Бог соединяет воедино всё и вся. Вера же даёт человеку свободу и способность распутывать сложнейшие клубки противоречивых понятий. Я познал это на себе, хотя и с ужасным опозданием. Вся моя семидесятилетняя жизнь, все мои ошибки и счастливые события подтверждают справедливость мысли о вере. Провидение допустило меня к знакомству и даже к дружбе с такими людьми, которые остались для меня живыми, будучи и покойниками. Яшин, Фёдор Абрамов, Владимир Солоухин, Евгений Носов, Николай Рубцов, Василий Шукшин, Анатолий Передреев. Из музыкантов называю Георгия Свиридова и Валерия Гаврилина, из среды художников - Николая Третьякова.

Эти люди были моими друзьями. Судьба подарила радость и счастье

общаться с ними, встречаться, иногда и бражничать. Не может быть, чтобы это было напрасно, без вмешательства высших небесных сил. Вот почему говорю в этой главке про знакомство с Георгием Васильевичем Свиридовым - гениальным композитором. Божественные звуки свиридовских произведений ассоциируются для меня с русскими народными песнями, слышанными в раннем детстве. Более того, моя личная судьба связана с песней «Услышь меня, хорошая» из свиридовского так называемого «слободского цикла». То есть Свиридов проникал в мою душу задолго и до Гаврилина, задолго до личного знакомства с Георгием Васильевичем. Помнится, слушал свиридовскую музыку на слова моего земляка Сергея Орлова. Пелось широко и проникновенно про двух танкистов-однополчан, как они запели при встрече в Кич-Городке, в сельской чайной... Песня эта, свиридовская, и сейчас звучит в моём сердце, хотя было это очень давно. Затем услышал я потрясшую меня свиридовскую музыку к кинофильму по пушкинской повести «Метель».

Конечно, после знакомства с вологжанином Гаврилиным интерес к Свиридову удвоился, появился у меня и телефон, и адрес Георгия Васильевича, но я стеснялся звонить ему, приезжая в столицу. Только после того, как в зале Московской консерватории сам пожал его сухую жилистую руку, осмелился звонить. И только после того, как работник издательства «Молодая гвардия» Юрий Селезнев свозил меня однажды на дачу к Свиридову, я совсем осмелел и даже написал композитору письмо.

* * *

Вспомни, читатель, какое звучит отчаяние в гаврилинских звуках, в таких песенных заклинаниях: «Простите, простите, простите меня!» Мороз по коже.

Человек с миром прощается, прощается со всеми, со всеми дорогими ему людьми, прощается, да ещё и просит: «Забудьте, забудьте, забудьте меня...»

О, сколько боли, сколько тоски в этих словах и звуках, слившихся с такими словами! Невыразимо прочное слияние слов и музыки, доказательство полнейшей искренности и поэта, и музыканта, объединённых в одном лице. Это и есть Валерий Александрович Гаврилин!

И хочется плакать, потому что жаль, потому что нет его, потому что все мы живы, а Валерия-то нет... Но ведь нет ни Глинки, ни Мусоргского, нет ни Тютчева, ни Пушкина, ни Шаляпина нет, ни Саврасова... А почему всё-таки все они есть? Все присутствуют в нашей жизни, присутствуют они, присутствует и Коля Рубцов, и Валера Гаврилин. Чем ещё убедить в этом неверующего человека, кроме их достоверного духовного присутствия?

В своё время, предваряя публикацию о первой посмертной гаврилинской книге, я писал так: «Глубоко трагична судьба Валерия Александровича Гаврилина. Его сердце остановилось в январе 1999 года,

а родился он в августе 1939-го, не прожил и шестидесяти лет... Мы не осознали ещё, кого потеряла вологодская земля, да и вся Россия в ту зиму.

Петербургское издательство «Дума» неожиданно порадовало книгой Валерия Александровича. Сборник называется «О музыке и не только». Один из составителей с полным на то правом называет нашего земляка «блистательным писателем, глубочайшим в европейской культуре мыслителем». Трудно не согласиться с подобной характеристикой Гаврилина, данной его приятелем В. Максимовым. Да, к известным всему миру композиторским талантам посмертная книга добавила ещё и талант мыслящего писателя, весьма чуткого к русскому слову. В этой книге Валерий Гаврилин предстоит то парадоксально и глубоко мыслящим философом, то критиком, то лирическим поэтом, иногда даже сатириком. Последнее свойство проявлялось в тех случаях, когда Валерий Александрович сталкивался с пошлыми явлениями, кои его чистая душа не могла выдерживать. В этих случаях его острый парадоксальный ум делал сильнейшую эмоциональную разрядку, что выражалось в довольно «крутых», по-гаврилински резких словах. Национальное, то есть истинно русское, отношение к языку, к народному быту и творчеству, ко всей российской истории могло бы сделать Валерия превосходным поэтом или прозаиком. Он же стал музыкантом, сочинителем новой музыки. Так прихотлива, непредсказуема жизненная дорога каждого детдомовца, ребёнка, лишённого родителей. В своё время я сравнивал Гаврилина с Рубцовым. Думаю, что имена эти соразмерны, по крайней мере, по таланту. И это подтверждает вышедшая книга записей композитора. Конечно, Гаврилин при жизни и не предполагал, что каждое его слово будет востребовано. Если б предполагал, то, может, записи эти были бы сделаны не на клочках бумаги. Но даже из таких отрывочных записей выявляется полнокровный и сложный облик человека, целиком посвятившего себя искусству.

То, что Гаврилин был плоть от плоти народной, доказывает его отношение к отвратительным проявлениям нынешней нашей национальной жизни (например, массовому пьянству). Боль за судьбу народа, за судьбу России сквозит буквально в каждой случайной записи, в каждом слове. Вообще-то у Гаврилина не было ничего случайного ни в поведении, ни в творчестве. Стихи, высказывания о народной музыке и фольклоре, критические экспромты, касающиеся политической и общественной жизни, - всё это есть в его книге. Не терпел он грязи и пошлости ни в быту, ни в профессиональных своих занятиях. Эта грязь и пошлость больно ранили его отзывчивую сиротскую душу, начиная с детдомовских лет и до самой смерти. Контраст между могучим творческим потенциалом и приземлённым бытом, поистине трагическим на протяжении всей его короткой жизни, ощущается чуть ли не в каждой строке книги «О музыке и не только». Записи, отобранные вдовой Н.Е. Гаврилиной и В.Г. Максимовым, подчас отрывочны, слишком лаконичны, а иногда и не очень понятны или понятны только тем, кто был духовно близок автору. Людям, не ведавшим, как он жил, в каких условиях

создавал музыку, не всё будет понятно. Но у тех, кто более-менее был близок Гаврилину, останется ощущение неполноты, ограниченности публикуемой части текста... Это - как океанский айсберг, кочующий в безбрежных и неспокойных водах: видно одну небольшую верхушку, а главная масса, основной объём скрыты под водой. Мы можем лишь вообразить, представить то, что не видим. Несмотря на ощущение неполноты, надо поблагодарить составителей за отобранный материал, непосредственный, живой и так необходимый всем, а не только узкому кругу музыкантов...

Народ русский Гаврилин великолепно знал и любил, и этот народ питал его разносторонний, в основном музыкальный талант...»

...Сейчас я с полным правом могу заявить, что всё выше сказанное подтвердилось с лихвой, кроме одного: никаких правдивых книг о Гаврилине, увы, не появилось. И напрасно надеяться нам, что они появятся в ближайшем будущем.

* * *

Что мы сможем без гениев, без конкретных живых примеров? Вот хотя бы без того же Шаляпина, страстно мечтавшего иметь свой театр. «Мечту мою я оставил в России разбитой!» - так говорил он и так закончил он книгу «Повести о жизни». Думаю, что В. А. Гаврилин мечтал о своём театре не меньше Фёдора Ивановича, однако он лишь слегка приблизился к этой мечте... Ладно, хоть заметил эту мечту ещё до первого гаврилинского инфаркта Владислав Александрович Чернушенко - главный дирижёр Петербургской хоровой капеллы. Ах, много бы я дал, чтоб узнать, слышал ли В. А. Гаврилин чудесный хор валаамских монахов! Если слышал, то ему, может, и не стоило мечтать о своём театре... Я включаю песню о «Стерегущем» в исполнении хора Петербургского подворья Валаамского монастыря... Включаю я её в память о Гаврилине и Рубцове. И Коля, и Валерий, думаю, были бы не против послушать эту музыку. Но ведь они же слышат! Если я человек истинно верующий, я не должен в этом сомневаться!

Одного корня, народного, - с такими произведениями - и музыка В. А. Гаврилина. И снова хочется включить проигрыватель или же ежедневно ходить на любые концерты с гаврилинской музыкой!

«Вот что ты наделал, Валерка!» - сказал бы отец Александр Павлович, если б мог встать из братской могилы. Но людям вставать из могил ещё не время, не пришли времена и сроки, хоть, может, они близки. Вот и Валерий Александрович улёгся в могилу, вырытую в той же, что и у отца, земле. Он умер 28 января 1999 года. Только ведь не он умер. Бессмертна душа человеческая, бессмертна совесть, бессмертна и музыка Гаврилина, прожившего свою жизнь, совести и души не теряя, прошедшего свой путь след в след за Георгием Свиридовым.